М.В. Горбаневский

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

Малоизвестные страницы
истории советской лингвистики

Москва
Издательство Университета дружбы народов
1991

ББК 81г
Г 67

Утверждено
Редакционно-издательским советом Университета

Научный редактор—
доктор филологических наук *В. М. Алпатов*

Рецензенты:
доктор филологических наук *В. П. Нерознак*,
доктор филологических наук *Е. Н. Ширяев*

Горбаневский М. В.

Г 67 В начале было слово...: Малоизвестные страницы истории советской лингвистики.— М.: Изд-во УДН, 1991.—256 с.

ISBN 5-209-00238-1

Многие сложные и противоречивые страницы в истории советской науки связаны с годами культа личности, со сталинщиной. Непросто складывалась и судьба отечественного языкознания, в котором долгие годы господствовал марризм. Пользуясь многочисленными источниками, автор рассказывает об эпизодах борьбы идей в советской лингвистике в 20—50-е годы, о «вкладе» Сталина в теорию этой науки.

Книга написана в публицистическом ключе и адресована широкому кругу читателей, а также лингвистам — студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам.

Издательство считает отдельные суждения автора книги небесспорными; они свидетельствуют о реально существующем плюрализме мнений в советской науке в отношении ее прошлого.

Г $\frac{4602000000-011}{093(02)-91}$ 32—91

ББК 81г

ISBN 5-209-00238-1

© М. В. Горбаневский, 1991 г.

Посвящаю эту книгу самому дорогому мне человеку — моей маме, Галине Даниловне Горбаневской, в жизни которой были горькие слезы в день похорон Сталина, кружащий голову воздух правды 1956-го, инфаркт по милости брежневско-сусловских временщиков, осторожная надежда на победу нашего апреля и новые сомнения...

Автор

Предисловие

Слова, представляющие эту книгу читателю, должен был написать человек, имевший самое непосредственное отношение к «сталинской дискуссии по языкознанию» 1950 года,— академик Борис Александрович Серебренников. Однако судьба распорядилась по-иному: в 1989 году этот замечательный лингвист, оригинальный мыслитель, блестящий полемист ушел из жизни. В некрологе, который опубликовала «Литературная газета», в частности, отмечалось: «Одним из первых он вступил в лингвистическую дискуссию 1950 года, опубликовав в „Правде" резко критическую статью против безраздельно господствовавшего в те годы „нового учения о языке" Н. Я. Марра и его последователей» [1].

Да, все было именно так,— и упоминание об этом мужественном поступке Б. А. Серебренникова вы также найдете в книге, которую сейчас открыли.

Чему же она посвящена?

В первую очередь — подробному рассказу о возможных причинах и реальных обстоятельствах появления «теоретических» статей И. В. Сталина по ряду проблем лингвистики, объединенных затем в широко известную брошюру «Марксизм и вопросы языкознания», а также некоторым чертам и фактам истории советского языкознания в связи со сталинщиной. Однако написать о лингвистической дискуссии в «Правде», организованной «великим вождем» в 1950 году, и о причинах его августейшего интереса к лингвистической теории было бы невозможно без довольно значительного экскурса в иные этапы, вехи, события в «биографии» отечественного языкознания, многие страницы которой не просто драматичны, но и трагичны.

М. В. Горбаневский показывает, как и в каких условиях появилась и пришла на вершину научно-политического Олимпа так называемая «яфетическая теория» академика Н. Я. Марра (позже ее стали именовать «новым учением о языке»), несомненно питавшаяся,— как своеобразное движение в науке и чуть ли не лингвистический «орден меченосцев»,— соками сталинского культа и деформированных нравственных ценностей казарменного социализма. Непосредственно само это учение интересует автора книги в основном в связи с разгромной критикой марризма Сталиным во время дискуссии и как некий фундамент, вокруг которого на долгие годы сложилась обстановка в советской филологической науке (хотя, прочтя книгу, вы сможете познакомиться и с основными постулатами «нового учения о языке»).

Думаю, что не ошибусь, если скажу — работа М. В. Горбаневского является собой первое достаточно подробное и основанное на реальных фактах, документах, свидетельствах «открытие» многих малоизвестных или попросту забытых страниц советской языковедческой науки. Заметьте при этом, что перед вами — не сухое академическое исследование, а увлекательное повествование, написанное рукой опытного и эмоционального журналиста и публициста. Важно и то, что судьбы нашей науки автор рассматривает в широком историко-политическом контексте той непростой эпохи.

В книге — две взаимно связанные части. Первая — рассказ автора. Вторая — своеобразная «хрестоматия», состоящая из документов, отрывков статей и выступлений советских ученых разных направлений, свидетельств и воспоминаний участников или современников описываемых в первой части книги событий. К этим материалам М. В. Горбаневский делает краткие вступления-комментарии.

Книга эта очень своевременна и очень современна, пусть речь в ней и идет о «делах минувших». Уже, кажется, общепризнан факт, что историческое знание — не самоцель и не предмет роскоши, а оружие в борьбе за ближние и дальние цели. Такую мысль напомнила нам «Правда», опублико-

вав в марте 1989 года обширные публицистические заметки критика Николая Потапова под заголовком «Идолы и жупелы». Есть в этой публикации, занявшей целую полосу в газете, и строки, имеющие самое непосредственное отношение к решению задачи, которую поставил перед собой М. В. Горбаневский в работе над книгой. Позволю себе процитировать их:

«...Иным из наших сограждан, даже вовсе и не твердокаменным сталинистам, кажется, что ворошить прошлое, воскрешать его язвы, ужасы репрессий — все равно что сыпать песок в буксы паровоза перестройки. Отвлекает-де от цели, деморализует! Но дело-то обстоит по-другому. Нельзя уверенно шагать в завтра, будучи стреноженными иллюзиями и предрассудками прошлого, не избыв оставленную им боль и социальную близорукость... В набирающем силу диалоге с прошлым — гормоны нашего духовного роста, нравственного оздоровления. Не будь этого — не наступило бы столь решительное пробуждение общества от сна разума, который десятилетиями навевала гипнотическая мощь сталинщины. Давно нет ее грозного прародителя, но тризну по ней самой справлять еще рано. Реанимированная эпохой застоя, она силится сохранить свои позиции» [2].

Последняя мысль тоже может служить как бы иллюстрацией к общей оценке книги «В начале было слово...», ибо, прочитав ее, вы убедитесь, что в эпоху застоя и в нашей лингвистике во многом также произошла реанимация сталинских тенденций,— особенно в деле «управления» наукой. И хотя М. В. Горбаневский говорит о тех временах кратко, но, пожалуй, в советской публицистике это делается впервые, так что здесь я вижу еще один плюс его книги.

Все же вернемся к главному объекту интереса М. В. Горбаневского (а вместе с ним, естественно, и нас, читателей) — к истории создания сталинских «трудов» по языкознанию, венценосный автор которых обрушился с уничтожающей критикой на учение академика Н. Я. Марра. Читая книгу, обратите, пожалуйста, внимание на то, что,— автор здесь абсолютно прав! — эпоха Н. Я. Марра и его последователей в языкознании была в сущности аналогом печально известной лысенковщины. Однако конец теорий Марра, конец единовластия в науке и его самого, и учеников был иным, чем у Лысенко, счастливо и в достатке пережившего «великого отца и учителя» и даже сумевшего впоследствии втереться в доверие к впечатлительному Н. С. Хрущеву. Марризм, возникший при Сталине, был уничтожен в итоге самим «корифеем всех наук». Это нам важно знать детально, с фактами в руках, ибо, как вы убедитесь, отнюдь не все, на что обрушивался Сталин, было ценным, правдивым, рациональным.

Тем полезнее, как мне думается, будет для массового читателя книга «В начале было слово...», которая к тому же показывает, что разгром марризма для дряхлевшего и начинавшего впадать в маразм вождя был эпизодом в какой-то мере даже случайным. И хотя последнее мое суждение можно считать достаточно спорным (М. В. Горбаневский увлекательно анализирует несколько вполне реальных причин, по которым Сталин решил «заняться» лингвистикой), другой вывод, надеюсь, не вызовет возражений. А именно к нему нас вполне убедительно подводит автор книги: Иосиф Сталин не внес в языкознание абсолютно ничего нового, его лингвистические «откровения» были элементарны и примитивны.

Мне кажется, что книга «В начале было слово...» будет особенно полезна для молодежи, причем не только для студентов, аспирантов филологического, исторического или философского профиля, а практически для всех молодых людей, интересующихся недавним прошлым своей страны.

Я бы не хотел перегружать свое предисловие и ваше внимание излишним материалом, однако не могу не процитировать абсолютно верную мысль из малоизвестной статьи академика А. Д. Сахарова:

«Сейчас нравственное состояние нашего общества сильно изменяется. Оно испытывает встряску. На людей обрушилось море информации о том, что у нас в действительности было в прошлом, что происходит в настоящем. Я считаю, что это очищающая сила, которая должна помочь, в о в с я к о м с л у ч а е м о л о д е ж и (разрядка моя.— *Л. Н.*), обрести более демократическое сознание. А демократическое сознание включает уважение к людям

с другим мнением и желанием самому разобраться во всем, без слепой веры авторитетам» [3].

Мне же хочется продолжить вслед за Андреем Дмитриевичем, дополнив его: «...и на основе реальных фактов, информированности, знания событий». Книга М. В. Горбаневского вооружает читателя именно таким знанием.

В заключение скажу, что автор книги — Михаил Горбаневский — сам человек достаточно молодой, ибо принадлежит к поколению, родившемуся уже после Сталина и вошедшему в науку после погромов конца 60-х — начала 70-х годов. Хотя это вовсе не означает, что судьба автора была безоблачной. Наоборот, как и у любого одаренного человека, путь его чаще был усыпан не розами, а шипами. Между прочим, работая над своим предисловием, я обнаружил удивительное совпадение: Б. А. Серебренников выступил со статьей против марризма в 1950 году — когда ему было 35 лет, а М. В. Горбаневский опубликовал в «Литературной газете» статью «Конспект по корифею» (вызвавшую приступ озлобления у многих неомарристов или же людей, печально «прославившихся» в былые времена) в 1988 году, когда ему было... тоже 35 лет. (Кстати, после этой статьи он и решил написать книгу «В начале было слово...»)

Может быть, это — возраст подлинного возмужания ученого, когда он уже полностью готов сражаться за свою жизненную позицию?

Вполне очевидно, что у этой книги будут и строгие оппоненты и даже «обиженные» критики, ибо она не только впервые рассказывает о многих малоизвестных и противоречивых страницах истории советской лингвистики (иного осмысления которых кое-кто явно желал бы), но и задевает интересы людей, еще недавно рвавшихся к безраздельному владычеству в науке. Но их время, думаю, все же проходит, хотя и не так быстро, как этого бы хотелось.

Л. А. Новиков,
доктор филологических наук, профессор

Иль, наконец, ты не видишь, что век побеждает и камни,
Рушатся башни и в прах рассыпаются твердые скалы,
Храмы ветшают богов и кумиры приходят в упадок?..

Лукреций
«О природе вещей»

Вместо введения

Летом теперь уже далекого 1950 года практически все население нашей страны, перелистывая страницы «Правды» (и срочно опубликованных брошюр), с карандашом в руке изучало труды Иосифа Виссарионовича Сталина по языкознанию. Миллионы людей — от пионера до пенсионера, от шахтера до врача, от продавца до партработника, от чекиста до хлебороба — искренне пытались постичь мудрые разъяснения Великого Корифея о природе и сущности языка, об ошибках теоретиков и руководителей советской лингвистической науки, о порочности «аракчеевского режима» в языкознании. Приходилось срочно вооружаться новыми установками вождя и ученым других специальностей, — и где-нибудь на биофаке МГУ вполне можно было увидеть объявление о научной лекции типа «Уральская популяция ворон в свете трудов тов. Сталина по языкознанию». Откликнулись на лингвистические изыскания Сталина и колымские дали: возможно, где-то в глубине ГУЛАГа возникла тогда (или немного позже) песня, в которой были такие строки: «Товарищ Сталин, вы — большой ученый, в языкознании познавший толк, а я — простой советский заключенный, и мой товарищ — серый брянский волк...» [1]

Да, сотни тысяч людей, вероятно, до сих пор действительно помнят, как в начале 50-х годов они конспектировали и изучали труды по вопросам языкознания и марксизма, вышедшие из-под пера Сталина. Но лишь немногие отдают себе отчет в том, что в течение долгих лет в советской лингвистике существовала своя собственная лысенковщина, имя которой — марризм. Так называют и особую псевдомарксистскую теорию, и саму обстановку в языкознании периода конца 20-х — начала 50-х годов, связанную с именем академика Н. Я. Марра, его «новым учением о языке», с деятельностью его последователей и учеников. Марризм не только на какое-то время затормозил и осложнил развитие отечественной науки о языке, не только исковеркал судьбы многих одаренных ученых. Он готовил разгром советского языкознания (в значительной мере удавшийся). Марризм во многом был порожден эпохой сталинского культа, но в итоге

был уничтожен самим Сталиным, однако уничтожен тоже чисто по-сталински...

Долгое время нам приходилось довольствоваться очень краткими, порой противоречивыми ответами на вопросы: почему Сталин решил обратиться к вопросам языкознания? как он писал свои статьи? готовился ли марристами разгром советского языкознания? что собой представлял Н. Я. Марр как личность, как ученый? кто был его основным научным противником? как складывались судьбы талантливых лингвистов у нас в стране в условиях тоталитаризма? Во многих работах по истории языкознания эти темы или не затрагивались совсем, или освещались крайне скудно, порой — неубедительно.

Надо сказать, что интерес к этой проблематике значительно возрос после апреля 1985 года, когда вся наша страна, вставая на путь демократизации, как бы заново начала узнавать собственную историю.

По-новому стали открываться нам судьбы отдельных людей, в частности ученых. В этой связи позволю себе воспроизвести одну достаточно обширную цитату, но не из статьи какого-нибудь уважаемого академика, а из монолога народного артиста СССР Георгия Жженова (побывавшего в сталинских лагерях и написавшего об этом несколько автобиографических рассказов):

«Много трудного и мрачного в нашем прошлом. Куда проще было бы это трудное и мрачное не вспоминать вовсе. Но ведь наликовались уже всласть!.. Уж как старались, организовывая триумфальные шествия на площадях и стадионах, уж как гремели оркестры и громко пелось о победах, уж как кричали, что жить стало веселее. Пришло время собирать камни. И без выяснения отношений с прошлым тут не обойтись. Нельзя до бесконечности уклоняться от ответа. Но, обращаясь к прошлому, мы на сей раз не имеем права не быть до конца бесстрашными, откровенными и мужественными. ...Все, что было с нашей страной, — наша история. А от истории невозможно шарахнуться в сторону, испугаться, отпрянуть, отшатнуться. Да, пришло время социального покаяния и нравственного очищения, но не отречения. Тяжелая штука память. Но беспамятство — позорнее. И сколько бы ни было трудного и мрачного в нашем прошлом, надо помнить, что всегда были люди, которые своей жизнью и своей смертью продлевали — ж и з н ь! Селекция, проводимая Сталиным по уничтожению всего лучшего, всего чистого в народе, не удалась. Возрадуемся этому. Но и ощутим ответственность за историческое время, в котором живем, за судьбу народа и судьбу отдельного человека» [2].

Разделяя боль Г. Жженова за прошлое, разделяю и его тревогу за настоящее. И основания для такой тревоги есть — об этом нам заявила хотя бы своим выступлением «Не могу поступиться принципами» 13 марта 1988 года в газете «Советская Россия» ленинградская преподавательница Нина Андреева. Об этом же достойно, сурово и объективно написала в своей ре-

дакционной статье «Принципы перестройки: революционность мышления и действий» газета «Правда» 5 апреля 1988 года — в ответ на выступление Н. Андреевой, отметив, в частности: «...Кое-кто не может избавиться от ностальгии по прошлому, когда одни вещали, а другие должны были внимать и безропотно выполнять». Да, такая ностальгия существует — в разных социальных слоях, профессиональных группах населения, в том числе — в среде деятелей науки и народного образования. И ничего удивительного в этом нет...

Сталинские «генералы от науки» выпестовали немало способных учеников и оставили им в наследство свои трубы... Мастерски владея приемами словесного камуфляжа, эти ученики, эти новые трубачи пока таят свои истинные помыслы и намерения, прикрываясь лживыми признаниями перестройки и демократизации. Но трубы свои они держат наготове. Держат, памятуя о славных годах величия и единовластия в науке своих учителей и о легендарном предании об иерихонских трубах и стенах... Тем внимательнее нужно нам быть при возведении новых стен здания, имя которому — демократическое общество...

В номере «Правды» от 8 марта 1953 года в письме «Корифей науки» всенародно известный академик Т. Лысенко писал:

«Тяжело, невыразимо тяжело! Ушел от нас тот, кто дал счастливую жизнь сотням миллионов людей, — вождь, учитель, друг трудящихся, великий корифей науки родной Иосиф Виссарионович Сталин. Все разделы наук — общественных и естественных — одухотворялись и будут одухотворяться учением, трудами товарища Сталина. ...Мне, как биологу, особенно хорошо известно, что товарищ Сталин находил время и для детального рассмотрения важнейших вопросов биологии. Он непосредственно редактировал проект доклада «О положении в биологической науке», подробно объяснил мне свои исправления, дал указания, как изложить отдельные места доклада. Ленин открыл Мичурина, товарищ Сталин выпестовал кадры мичуринцев, лично вскрыл ряд важнейших биологических закономерностей».

Так или примерно так мог бы написать о Сталине кто-нибудь из тех академиков-языковедов, для которых Сталин тоже был кумиром. Разумеется, я отнюдь не склонен ставить на одну ступеньку проходимца от науки и погромщика Т. Лысенко и тех крупных ученых-языковедов, которые боролись как раз с лысенковщиной в лингвистике. Но в 1953 году Сталин еще считался не только «лучшим другом советских биологов», но и «великим корифеем языкознания». И этой интронизации его на лингвистический Олимп в определенной мере способствовали вполне конкретные ученые-языковеды...

В начале осени 1987 года сотрудники отдела науки «Литературной газеты» предложили мне написать большой очерк, посвященный «вкладу» И. В. Сталина в теорию языкознания, истории написания им статей по лингвистике и в связи с этим одновременно представляющий собой рассказ о некоторых полуза-

бытых страницах истории отечественного языкознания.

25 мая 1988 года в № 21 (5191) «Литературная газета» опубликовала этот очерк, озаглавив его «Конспект по корифею. Какой вклад внесли в науку сталинские статьи о языкознании».

Публикация, как говорят журналисты, «имела большую почту». Авторы одних писем благодарили за очерк, авторы других — просили продолжить рассказ о влиянии сталинизма на развитие гуманитарных наук. Некоторые читатели дополняли мой очерк новыми деталями (часть из которых была мне известна лишь в общих чертах) или уточняли акценты, сделанные в публикации. Авторами части писем стали заочные оппоненты — они заинтересованно спорили с газетой, сохраняя, по крайней мере внешнюю, доброжелательность. Пришли отклики и от таких читателей, которые обвиняли меня в самых неожиданных смертных грехах, в частности в глумлении над памятью «великого вождя» и его присных, и требовали чуть ли не сатисфакции... В общем, все было так, как это обычно происходит при публикации «Литературкой» подобных очерков о нашей недавней истории, и особенно о сталинщине... Тут, кстати говоря, я лишний раз убедился в истинности суждения писателя Григория Бакланова о том, что ныне в стране нашей происходит не столько испытание гласности, сколько испытание гласностью, а это — умение не только убеждать, но и убеждаться... [3]

Позже собранный материал превратился в книгу, которую вы сейчас держите в руках, и, честно говоря, я очень рад, что она наконец выходит в свет. Ведь именно о подобной книге мечтал незадолго до кончины мой первый научный руководитель профессор Д. Е. Михальчи. Правда, Дмитрий Евгеньевич в 1973 г. был уверен, что тема сталинщины и языкознания останется «полузакрытой» лет на тридцать. Впрочем, мой учитель ошибся ненамного...

Еще несколько слов о названии книги. Допускаю, что дотошный читатель, опираясь на продолжение первой главы Иоаннова Евангелия, будет искать в нем скрытый подтекст: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть и без Него ничто не начало быть»... [4] Но...

Дело в ином. И никакого особого подтекста во фразе, вынесенной на титульный лист книжки, нет и не существовало. Зачем?

Прежние и современные языковеды, литературоведы, переводчики, философы неоднократно подчеркивали объемность многозначного греческого слова LOGOS (ср., например, рассуждения покойного Б. В. Якушина в его интересной книге о происхождении языка) [5].

В этом многозначном термине действительно могла отразиться *смежность* представлений древнего человека о *слове, мысли* и *действии*. И СЛОВО в Евангелии от Иоанна специалисты, в том числе и ряд богословов, теологов, считают н е у д а ч-

ным переводом LOGOS с греческого оригинала. Впрочем, в теории религии это — совершенно особая, сложная и философская тема. Чтобы вы смогли хотя бы в общих чертах осознать глубину и многомерность проблемы трактовки евангельского термина LOGOS богословами, отсылаю вас к книге выдающегося отечественного философа, публициста, экономиста, критика протоиерея Сергия Булгакова «Лествица Иаковля», отрывок из которой помещен мною в раздел «Примечания» [6].

Вспоминают в связи с LOGOSом и о драматической поэме И.-В. Гете «Фауст», которую А. С. Пушкин назвал в своей статье «О Байроне» «величайшим созданием поэтического духа». Почему?

Потому что гениальный Гете заставил своего героя колебаться, испытывать творческие, нравственные, философские муки при переводе именно того самого стиха Евангелия от Иоанна... Это происходит в третьей сцене 1-й части поэмы «Фауст»:

Я по-немецки все Писанье
Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись, взаперти,
Как следует перевести.

(Открывает книгу, чтобы приступить к работе.)

«В начале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале Мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в созданье жизнь вдохнуть?
«Была в начале Сила». Вот в чем суть,
Но после небольшого колебанья
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было Дело» — стих гласит [7].

Так что же все-таки было в начале: СЛОВО? МЫСЛЬ? СИЛА? ДЕЛО?

Ответ на сей вопрос, — если трактовать его метафорически, — имеет прямое отношение и к судьбам российской науки о языке, к тем ее забытым и противоречивым страницам, которые побудили нас с вами, уважаемые читатели, встретиться в этой книге.

И каждый волен истолковывать ее название по-своему...

При этом должно не забывать заключительных строк мудрого Евангелия от Иоанна: «Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь» [8].

Часть I

СТАЛИНСКИЙ КОНСПЕКТ

Корифей — в древнегреческой трагедии — предводитель хора, вступающий в непосредственный контакт с актерами.

СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Глава 1
ВСТРЕЧА НА ДАЧЕ СТАЛИНА

Совесть — это, в основном, память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

...Подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его предкам и близким, к его родным и друзьям — старым друзьям, т. е. наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания,— так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ. Может быть, следует подумать, не основывать ли нравственность на чем-либо другом: игнорировать прошлое с его порой ошибками и тяжелыми воспоминаниями и быть устремленным целиком в будущее, строить это будущее на разумных основаниях самих по себе, забыть о прошлом с его и темными и светлыми сторонами?

Это не только ненужно, но и невозможно.

Д. ЛИХАЧЕВ
«Память»

Газета «Заря Востока», орган ЦК компартии Грузии, сообщила своим читателям 19 января 1988 года, что Институту языкознания АН ГССР присвоено имя Арнольда Степановича Чикобавы. Казалось бы, этот факт — местного или «производственного» значения: А. С. Чикобаве в Советском энциклопедическом словаре посвящено всего несколько строк. Цитирую: «Чикобава Арнольд Степ. (1898—1985), сов. языковед, акад. АН Груз. ССР (1941). Работы в области картвельских яз. и общего языкознания» [1]. Но памятливый читатель старшего возраста скажет: «Чикобава... Это не он ли громил „новое учение о языке“ в пятидесятом году? Кажется, в „Правде“... Ну да, его же тогда поддержал Сталин. Так?»

Так, да не совсем. Все было сложнее, трагичнее, загадочнее.

Память народа во многом бывает избирательной и неполной, поскольку по разным обстоятельствам что-то остается ему в собственной же его истории неведомым или непонятным.

Отнюдь не случайно появились у Федора Абрамова в его романе «Пути-перепутья» два очень точно выписанных эпизода, связанных с ...марксизмом и языкознанием. Напомню для начала первый отрывок. Ф. Абрамов живописует, как «на вольном воздухе, возле костерка» выпивают и разговаривают грузчики. В беседу, прерванную появлением начальства, один из них подбрасывает «актуальную» тему.

«Веревочку-выручалочку бросил Филя-петух, щупленький, услужливый мужичонка со светлым начесом над бельмастым глазом, но очень цепкий и тягловый, как говорят на Пинеге, и страшный бабник. Филя, явно тяготясь молчанием, сказал:

— Иван Дмитриевич, а чего это, говорят, у нас опять вредители завелись?

— Какие вредители?

— Академики какие-то. Русский язык, говорят, вроде хотели изничтожить...

— Язык? — страшно удивился Аркадий Яковлев. — Это как язык?

— Да, да, — живо подтвердил Игнатий Баев, — я тоже слышал. Сам Иосиф Виссарионович, говорят, им мозги вправлял. В газете „Правда“ ...

— Ну вот,— вздохнул старый караульщик,— заживем. В прошлом году какие-то космолиты заграничным капиталистам продали, а в этому году — академики... Я не знаю, куда у нас и смотрят-то. Как их, сволочей, извести-то не могут...» [2]

Не ведали пекашинские мужики, притворно или искренне негодуя на ученых-вредителей, что «великий вождь» отнюдь не сразу решил «вправить мозги» академикам... Раньше то ли руки не доходили, то ли политическая конъюнктура не приспела, то ли уже лишь к самой старости появилась страсть стать теоретиком еще и в лингвистике... Не ведали мужики, разумеется, и о том, что Сталин, как и многие крупные руководители разных времен, не мог в работе над своими «теоретическими» статьями обойтись без чужих слов, идей, рук, голов. Конечно, головы проще сносить... Но порой и они оказывались ему, ох, как нужны! Не ведали абрамовские пекашинцы и о третьем: Иосиф Виссарионович сделал один из первых значительных шагов к получению титула Корифея Языкознания 10 апреля 1950 года. Ознакомившись ранее с докладом академика Чикобавы о стадиях развития языка (и хотя доклад назывался именно так, тематика его была гораздо шире), Сталин призвал в этот день ученого из Тбилиси под свои очи, обсудил накопившиеся проблемы и принял решение провести публичную, открытую дискуссию по ним на страницах «Правды».

Незадолго до смерти А. С. Чикобавы в Грузии были опубликованы его краткие воспоминания о тех далеких годах в

двенадцатом томе «Ежегодника иберийско-кавказского языкознания», 1985 г. К этим мемуарам А. С. Чикобавы (допуская, впрочем, некоторую вполне возможную субъективность оценок их автора) я в своей книжке буду обращаться не раз...

А. С. Чикобава:

«Краткий наш доклад (О стадиях развития языка Н. Марра) написан давно, в 1949 г. (в разгар господства в советском языкознании „Нового учения о языке" акад. Н. Я. Марра).

Доклад был написан по предложению тогдашнего руководителя Республики — Чарквиани Кандида Несторовича, куратора 8-томного „Толкового словаря грузинского языка" (I т.— 1950 г., VIII т. — 1964 г.).

...В начале апреля 1950 г. меня предупредили из директивного органа нашей Республики, что на днях мне предстоит поездка в Москву: „Вопросы языкознания будут там обсуждаться с секретарями (разрядка А. С. Чикобавы. — *М. Г.*) ЦК и Вам следует подготовиться".

И вот 10 апреля вечером мы (первый секретарь К. Чарквиани, Председатель Совета Министров Республики, два министра и я) оказались в Москве на даче И. Сталина.

Обсудили лишь вопросы языка: замечания Сталина о „Толковом словаре грузинского языка" (первый том которого перед тем вышел) и вопрос о „Новом учении" Н. Марра...

Было решено провести дискуссию; дискуссионную статью поручили написать мне: „Напишите, посмотрим. Если подойдет, напечатаем. А это ваш доклад, возвращаю", и Сталин положил на стол папку (с докладом о стадиях языка), но тут же добавил: „Впрочем, пока оставлю у себя: посмотрим, как об этих вопросах Вы теперь напишете, а потом доклад верну"» [3].

Что испытывал академик Чикобава, услышав эту реплику Сталина? Остается лишь гадать, ибо Арнольд Степанович не пишет в воспоминаниях ни о своих мыслях, ни о своих чувствах. Конечно, я мог бы здесь, в этой части своего повествования написать фразу, подобную следующей: «...Ведь ему уже не первый год приходилось воевать за истину в науке — в условиях, как мы иногда говорим, „максимально приближенных к боевым", в обстановке травли марристами научных оппонентов,— и отблеск стекол пенсне Лаврентия Берия не мог не холодить сердце академику Чикобаве...» Однако эта красивость будет относиться уже к художественной, а не к документальной прозе... И подтверждений такому предположению нет. Как нет документальных доказательств и того, что А. С. Чикобава сам (а не по просьбе Чарквиани) подготовил свой доклад и настоял, чтобы он был передан Сталину, а затем в течение длительного времени, будучи уже в столице, не выходил из гостиницы «Москва», ожидая известий о возможности приема Сталиным... Не подтверждается по документам и версия о том, что определенную помощь академику Чикобаве оказал Л. П. Берия (который также был мегрельцем); она без серьезных аргументов и с факти-

ческими ошибками приведена в одном из номеров солидного журнала «Вопросы истории» за 1988 год [4]. В своей книге я стремлюсь использовать реальные факты и документы, свидетельства и воспоминания, опубликованные или документированные.

В этой связи хочу заметить, что своя, вольная, но оригинальная трактовка истории работ А. С. Чикобавы и знакомства с ними Сталина содержится в книге А. И. Солженицына «В круге первом». В ней есть глава «Язык — орудие производства». Вот как Александр Исаевич пишет о Сталине и Чикобаве:

«...Сталину мнилось, что современники, хоть и называют его Мудрейшим из Мудрейших,— все-таки не по заслугам мало восхищаются им, что в своих восторгах они поверхностны и не вскрывают всей глубины его гениальности.

И последнее время (описывается конец декабря 1949 г.— *М. Г.*) язвила его мысль: совершить еще один научный подвиг, внести свой непомеркающий вклад в какую-нибудь еще из наук, кроме философских и исторических. Конечно, такой вклад он легко мог внести в биологию — но там он доверил работу Лысенко, этому честному энергичному человеку из народа. Да и больше была заманчива для Сталина математика или хотя бы физика. Сталин не мог без зависти читать в „Диалектике природы" рассуждения о ноле или минус единице, возведенной в квадрат.

Но сам он, сколько ни перелистывал учебник „Алгебры" Киселева и „Физику" Соколова для старших классов,— никак не мог набрести ни на какой счастливый толчок.

Такую счастливую мысль — правда, совсем в другой области, в языкознании, ему подал недавний случай с тбилисским профессором Чикобавой. Чикобава умудрился написать, по видимости, антимарксистскую ересь о том, что язык — никакая не надстройка (разрядка Солженицына.— *М. Г.*), а просто язык, и что будто бы существует язык не буржуазный и не пролетарский, а просто национальный язык — и открыто осмелился посягнуть на имя самого Марра.

Так как и тот и другой были грузины, то отклик последовал в грузинском же университетском вестнике, серенький непереплетенный номер которого с характерной грузинской вязью лежал сейчас перед Сталиным. Несколько лингвистов-марристов обрушились на наглеца с обвинениями, после которых тому оставалось только ожидать ночного стука МГБ. Уже намекнуто было, что Чикобава — агент американского империализма.

И ничто не спасло бы Чикобаву, если бы Сталин не снял трубку и не оставил его жить. Его он оставил жить, а простеньким провинциальным мыслям Чикобавы он решил дать бессмертное изложение и гениальное развитие» [5].

Для всего романа «В круге первом» — это лишь любопытный и увлекательно выписанный эпизод, позволяющий А. И. Солженицыну показать Сталина еще с одной стороны — и

как «теоретика». Однако не будем все же забывать, что перед нами — не документальная проза, а живое художественное повествование с многочисленными элементами творческого вымысла... Хотя очень многое в рассуждениях и оценках Солженицына полностью соответствует и выводам историков отечественной науки (но не фактическая сторона дела).

Между прочим, история доклада, полученного Сталиным от Чикобавы, как и история борьбы последнего с марризмом, исчисляется отнюдь не одним годом. Как отмечал в своих мемуарах Чикобава, еще в 1940 году он сделал на заседании Отделения литературы и языка АН СССР доклад «о сущности языка в понимании Пауля, Соссюра, Фосслера.., Марра... (с принципиальных установок советского языкознания)» [6]. В ходе обсуждения этого доклада руководитель Отделения академик И. И. Мещанинов отметил, что ряд идей Марра активно уже не используется лингвистами Института языка и мышления в работе, а доклад А. С. Чикобавы будет опубликован в «Известиях Отделения литературы и языка АН СССР». Однако был напечатан не доклад академика Чикобавы, а редакционная статья самого академика Мещанинова, в которой учение Марра и ее «элементная палеонтология» (об этом см. далее в главе 4-й) снова всячески одобрялись. Текст же, который представил Чикобава, был напечатан полностью в «Известиях ИЯИМК» в Тбилиси в 1942 году (под названием «Проблема языка, как предмета языкознания...». Т. X. С. 355—409).

И все же во время встречи со Сталиным 10 апреля, как бы то ни было, Арнольд Степанович не мог не испытывать сомнений и беспокойства за свою судьбу. Ведь поступки и решения Сталина, зачастую самые страшные, бывали непредсказуемы. А обстановка в языкознании к началу 1950 года сложилась очень и очень тяжелая: в воздухе попахивало серой, продолжалась «охота за ведьмами». Впрочем, вот что пишет о той поре сам академик, избегая лишних эмоций.

А. С. Чикобава:

«В 1947 г. (на самом деле, в 1948 г. — *М. Г.*), когда требовалось преодолеть тяжелые последствия военных лет, в Академии наук СССР была проведена дискуссия по вопросам биологии. (Здесь и дальше разрядка А. С. Чикобавы. — *М. Г.*) Судьбы биологической науки оказались в руках акад. Т. Лысенко, автора стадиальной теории развития растений.

Теория эта якобы могла обеспечить „двойной урожай картофеля", „ветвистую пшеницу" и т. п. блага. Началась тяжелая эра монополии акад. Т. Лысенко и его стадиальной теории.

В 1948 г. в Ленинграде Институт Языка и Мышления имени Н. Я. Марра провел специальную сессию, посвященную результатам дискуссии по вопросам биологии (о ней вы подробно узнаете из седьмой главы моей книги.— *М. Г.*): если теория стадиального развития растений получила официальную санк-

цию, того же заслуживает теория стадиального развития языков Марра.

В 1949 г. Президиум Академии Наук СССР на специальном заседании обсудил „положение на лингвистическом фронте“ и постановил: считать „Новое учение“ акад. Н. Марра единственной материалистической марксистской теорией языка; а все, несогласное с нею, решительно устранить.

Правда, это не было постановлением директивного органа, но постановление исходило от самого авторитетного научного учреждения Страны; монополия в советском языкознании была признана за „Новым учением“ Н. Марра.

Инакомыслящих обвиняли во всех смертных грехах — идеологических, политических.

Ждали оргвыводов. Они уже принимались по местной инициативе (так, в Армении из Ереванского гос. университета были отстранены акад. Грачья Ачарян, известный лингвист, и академик-секретарь ОЛЯ акад. Гр. Капанцян).

1949 г. был не из легких в советском языкознании» [7].

Да, этот год был трудным. Развитие ситуации шло практически к разгрому советского языкознания — точно к такому же шабашу, который произвел Лысенко и его присные в биологии. Но именно в 1949 году Чикобава решился отправить свой доклад Сталину.

Статья А. С. Чикобавы «О некоторых вопросах советского языкознания», положившая начало дискуссии, была опубликована в «Правде» 9 мая 1950 года. В конце июня и начале июля «Правда» напечатала основные труды вождя по языкознанию (была еще одна небольшая публикация в начале августа). В конце своей второй, июльской статьи И. В. Сталин писал:

«Причиной застоя в советском языкознании является... аракчеевский режим и теоретические прорехи в языкознании. Аракчеевский режим создали „ученики“ Н. Я. Марра. Теоретическую неразбериху внесли в языкознание Н. Я. Марр и его ближайшие соратники. Чтобы не было застоя, надо ликвидировать и то и другое. Ликвидация этих язв оздоровит советское языкознание, выведет его на широкую дорогу и даст возможность советскому языкознанию занять первое место в мировом языкознании» [8].

Не будем обращать внимания на повторение терминов — то был, как хорошо известно, любимый стилистический, риторический прием данного автора.

Все эти слова «мудрого вождя и учителя» — лишь полуправда.

«Аракчеевский режим» марристов не мог появиться на пустом месте. Он питался духом сложной и противоречивой эпохи, соками другого, более страшного режима — сталинского... Хотя — почему другого? Ведь по сути он был частью самой сталинщины!

Что же касается «широкой дороги» и «первого места в ми-

ровом языкознании», то в этом сталинском тезисе не хватает слова СНОВА (хотя и нельзя, разумеется, утверждать, что русская, советская лингвистика была абсолютным лидером всей мировой лингвистической науки). Именно СНОВА, ибо и теоретические достижения, и практические успехи и свершения (да, именно в таком, высоком стиле!) советских языковедов, во многом, кстати, основанные и на творческом осмыслении опыта дореволюционной науки о языке, уже были велики и значительны. Темпы развития советской лингвистики, достигнутый ею уровень были весьма высоки. До тех пор, пока на нее не пала зловещая тень. До тех пор, пока многие языковеды не были вздернуты на идеологическую дыбу.

И не только идеологическую...

Глава 2

НОВЫЕ КИРИЛЛЫ И МЕФОДИИ

> Преддверие учености есть познание языков; но представляется яко поле, тернием насажденное, и яко гора, строгим камнем усеянная. Глаз не находит здесь приятности расположения, стопы путешественника — покойныя гладости на отдохновение, ни зеленеющегося убежища утомленному тут нет.
>
> А. РАДИЩЕВ
>
> *«Путешествие из Петербурга в Москву»*

Велик подвиг солунских братьев—просветителей IX в. Кирилла (Константина) и Мефодия, создателей славянской письменности! Потомки их современников, дети южных и восточных славян, мы с глубоким признанием склоняем голову перед памятью отцов славянской азбуки. Особые чувства мы должны испытывать в День славянской письменности — 24 мая, который издавна установлен православной церковью как день памяти Кирилла и Мефодия. И не зря в Болгарии день этот превращен в национальный праздник образования и культуры (напомню, что одна из государственных наград страны носит имя выдающихся славянских просветителей — это орден «Кирилл и Мефодий»)... Пользуясь ценнейшим даром, переданным нам через века солунскими братьями, — алфавитом, мы, к сожалению, знаем чрезвычайно мало о самой лингвистической работе Кирилла и Мефодия. Практически единственным документальным источником этих знаний являются жизнеописания брать-

ев — «Житие Константина (Кирилла)» и «Житие Мефодия». Вот один отрывок из первого жизнеописания:

«...Ростислав, князь моравский, по божьему наущению держал совет с князьями своими и мораванами, а потом послал к цесарю Михаилу, говоря: „Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру, чтобы и другие земли, глядя на это, уподобились нам. Та пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. От вас ведь исходит во все земли добрый закон".

И цесарь, собрав собор, призвал Константина Философа, дал знать ему об этом деле и сказал: „Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе туда идти, ибо дела этого никто совершить не может, только ты". Отвечал Философ: „Тело мое утомлено, и я болен, но пойду туда с радостью, если есть у них буквы для их языка". И сказал цесарь ему: „Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу их обрести?" Философ же сказал: „Кто может записать на воде беседу и кто захочет прослыть еретиком?" Отвечал же ему снова цесарь...: „Если захочешь, то может тебе дать их бог, что дает всем, кто просит без сомнения, и открывает стучащим".

Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему их бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил письмена, и начал писать слова евангелия: „В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" и прочее. Возрадовался же цесарь, и прославил бога со своими советниками, и послал его с многими дарами, написав Ростиславу такое послание: „Бог, который хочет, чтобы каждый пришел к познанию истины и достиг большего достоинства, увидев веру твою и старание, сотворил и ныне в наши годы — объявив буквы для языка вашего — то, чего не было дано никому после первых времен, чтобы и вы были причислены к великим народам, что славят бога на своем языке..."» [1]

Конечно, «Житие» повествует о создании славянской азбуки только как о своеобразной благодати, снизошедшей от Бога на Кирилла (Константина), на то оно и является одним из жанров религиозной литературы. Однако мы-то с вами знаем, понимаем, какая и огромная, кропотливая работа — практическая, и, если хотите, даже научно-теоретическая (анализ звуков славянской речи сопоставление других известных им азбук...) — привела Константина Философа и его брата к возможности *записывать* речь славян с помощью их собственного алфавита, к возможности перевести наиболее важные религиозные тексты и подготовить для этого учеников, к возможности вести богослужение на языке, понятном народу...

В истории советского языкознания есть период, который по характеру его, по задачам, решавшимся учеными и исследователями, по значению и практическим результатам сравнивают

с просветительной миссией Кирилла и Мефодия. Он не имел, разумеется, никакого отношения к просвещению религиозному. Но был связан со значительными задачами просвещения революционного — культурного строительства в нашей стране после Октября, потребовавшего от советских лингвистов подчас титанических усилий... История большого, самоотверженного труда советских ученых-языковедов, подготовивших языковые реформы и осуществивших языковое строительство в послереволюционный период, известна достаточно подробно. На эту тему написаны десятки книг и сотни статей [2]. Поэтому, не вдаваясь в детали, я ограничусь напоминанием о наиболее характерных, интересных фактах. Это важно, поскольку острейшие практические задачи явились предпосылкой, а часто и прямой причиной, поводом проведения серьезных и глубоких теоретических исследований (например, в области фонетики и фонологии, без чего невозможна разработка алфавитов). Другими словами, нужды революционного строительства стимулировали и активный научный поиск в языковедении...

О чем же нужно помнить?

Например, о том, что среди лингвистов, внесших большой вклад в дело культурного строительства, было немало ученых старой школы, многие из которых приняли революцию и умом, и сердцем. Однако новое время дало начало творческой биографии и многих новых специалистов, это — естественно...

Задачи, которые ставились перед ними, были новыми, обширными, революционными.

Необходимо было приобщить *миллионы* людей к грамоте, к родной речи, к литературному языку. Необходимо было добиться демократизации русского литературного языка, в первую очередь — реформы его устаревшей орфографии, чего не удалось осуществить ученым до революции, хотя многое уже было сделано.

Необходимо было и создать алфавиты, азбуки для десятков народов, населявших страну и пользовавшихся либо чужими алфавитами, либо вообще их не имевших (бесписьменные народы). Это было важнейшим революционным делом в многонациональной стране. Если внимательно оглянуться в прошлое, то можно сказать: если бы в достаточно короткие сроки не были бы созданы научно разработанные алфавиты для многих народов нашей страны, невозможным бы стал такой прорыв для них в культуру и литературу, такой огромный скачок в развитии их национальной культуры, который в итоге был совершен (хотя мы знаем, что у этого процесса была и другая сторона...).

Необходимо было решать массу других — лингвистических, социолингвистических, прикладных и методических задач — от написания учебников, букварей, справочников до подготовки учительских кадров, от разработки вопросов культуры речи (в частности, и в средствах массовой информации, в органах пе-

чати) до создания фундаментальных словарей. Вспомните хотя бы известное письмо В. И. Ленина А. В. Луначарскому от 18 января 1920 года, в котором говорится о важности создания «словаря *настоящего* русского языка», «словаря слов, употребляемых *теперь* и классиками, от Пушкина до Горького» [3].

Можно назвать десятки имен языковедов, имевших прямое или косвенное отношение к реализации, к воплощению в жизнь (кто раньше, кто позже) этих задач: Р. И. Аванесов, Д. В. Бубрих, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Н. Н. Дурново, Л. И. Жирмунский, В. М. Жирнов, Б. А. Ларин, Б. М. Ляпунов, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, С. П. Обнорский, С. И. Ожегов, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, Е. Д. Поливанов, А. А. Реформатский, А. М. Селищев, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин, Д. Н. Ушаков, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, Н. Ф. Яковлев и многие другие.

Видимо, следует специально упомянуть о роли, о становлении и развитии Московской фонологической школы (Н. Ф. Яковлев, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов и др.). Эта школа, развивавшая лучшие традиции русского языкознания (И. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Фортунатов) действительно сыграла большую роль в деле социалистического строительства: именно на основе ее разработок преимущественно создавались алфавиты бесписьменных до революции языков народов России.

Академик Виктор Владимирович Виноградов в статье «В. И. Ленин и развитие советской филологии», опубликованной в 1960 году в сборнике «В. И. Ленин и наука», обратил особое внимание на ту часть программы и реализации культурной революции, которая была связана с идеей распространения грамотности, идеей развития словесности в многонациональной стране:

«Создание замечательных произведений национальной литературы и искусства, музыки, театра, кино, изобразительного искусства есть результат осуществления ленинских принципов развития культуры наших народов. Ленинская национальная политика легла в основу осуществленной у нас культурной революции: создания письменности для бесписьменных народов СССР, принятия большинством народов СССР письменности на русской графике, которая способствовала развитию литературных национальных языков. Только в советскую эпоху развилось изучение грамматики национальных языков; развернута грандиозная работа по описанию диалектов, по созданию двуязычных национальных словарей и пр.» [4]. Кстати, обратите внимание на вторую часть этого высказывания, в частности на мысль о том, что лишь после Октября получило развитие изучение грамматики национальных языков. Думается, подчеркнуть это важно, поскольку иной раз случается читать о том, что просветительская миссия лингвистов сводилась лишь к разработке новых алфавитов. Хотя и создание азбук конечно же было делом архиважным: около 50 бесписьменных языков (аба-

зинский, аварский, ингушский, мансийский и многие другие) впервые получили свою письменность. Другие языки получили новые алфавиты. Вот что отметил в своем интервью «Советской культуре» член-корр. АН СССР, директор Института языкознания АН СССР В. М. Солнцев в связи с темой языкового строительства:

«Советская власть провозгласила равенство всех народов, населявших страну. А значит — и равноправие языков. В. И. Ленин вообще резко возражал против самого понятия „государственный язык" применительно к условиям многонационального Советского государства. Он писал: „За государственный язык стоять позорно. Это полицейщина". В научном и общественном обиходе утвердилось определение русского языка как языка межнационального общения. В то же время десятки ранее бесписьменных языков (их было около 50) получили письменность. На них стали издаваться газеты, журналы. Начали складываться новые литературные традиции. Период 20-х и 30-х годов, период языкового строительства был очень важным в языковой жизни нашего государства. Дальнейшее развитие и расширение социальных, экономических и культурных связей дало мощный толчок развитию национально-русского двуязычия» [5].

История языкового строительства в СССР не может быть написана лишь розовой краской — это бы не соответствовало истине. И здесь было совершено немало ошибок, принято таких противоречивых решений, с последствиями которых нам приходится сталкиваться и по сей день. Так, например, писатели Белоруссии и Украины с трибуны первых «перестроечных» партийных форумов высказали озабоченность отношением к родному языку, вытесняемому русским, т. е. нарушением истинного свободного двуязычия. Завоевал (именно так!) право на латинский алфавит народ Молдавии — для молдавского языка. А многие народы, перешедшие на русскую графику (через латинскую) с арабского алфавита, испытывают ныне трудности в овладении в полной мере собственным историко-культурным и литературно-художественным наследием, поскольку прочесть текст, написанный арабскими буквами, сейчас может даже не всякий татарский или узбекский филолог... Я отнюдь не преувеличиваю этот факт и в подтверждение своих слов отсылаю вас к эмоциональному выступлению академика АН Таджикской ССР Мухаммаджана Шукурова в «Литературной газете» в декабре 1988 года.

«Родной язык — основа духовности, истинной внутренней культуры, нравственного развития личности. Между тем еще с 30-х годов действовали серьезные социально-политические факторы, которые привели к крупным просчетам в культурном строительстве. Взять хотя бы такой факт. За короткий срок, с 1929 по 1940 год, таджики дважды меняли свою письменность: перешли от арабского алфавита к латинскому, а потом к ки-

риллице. Но перешли без всякой подготовки, в результате чего в одночасье оказались полностью отрезанными от тысячелетней художественной и научной литературы, литературного языка. Народ, который веками воспитывался на книге, фактически остался без книги. Более того, в течение почти 15 лет они собственноручно уничтожали древние рукописи и дореволюционные литографированные издания, объявив их религиозными и потому вредными» [6].

Все это говорится отнюдь не для того, чтобы читатель усомнился в истинности научного подвига советских лингвистов (которые, кстати, к таким жестоким перегибам — на уровне принятия решений — отношения, как правило, не имели). Нет, заслуги «потомков» Кирилла и Мефодия действительно значительны: это были энергичные, творческие личности, многие из которых буквально жизнь свою положили на то, чтобы был воплощен в жизнь как можно быстрее декрет «О ликвидации безграмотности среди населения в Советской республике», подписанный Лениным 26 декабря 1919 года (по этому декрету все граждане от 8 до 50 лет были обязаны обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию). В июне 1920 года при Наркомпросе РСФСР была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Чрезвычайная! И филологи, которые были связаны с ее деятельностью или которые разрабатывали учебные пособия, словари, считали свою работу тоже чрезвычайной, понимая всю ее важность. Эти же или такие же преданные науке, делу революции лингвисты работали и в научных центрах, созданных для практического руководства языковым строительством, — во Всесоюзном центральном комитете нового алфавита при ЦИК Союза ССР, в Комитете нового алфавита народов Севера и других организациях. (Замечу, что инициатором перехода на латинизированный алфавит выступил Азербайджан, где еще в 1922 году был образован специальный комитет во главе с Н. Нариманoвым.) В этих научных центрах шла напряженная работа, которая привела к важным результатам и теоретического характера, ко многим успехам, которыми совершенно заслуженно могли гордиться советские лингвисты.

А тот факт, что после победы Советской власти была осуществлена и реформа русского алфавита и правописания? К числу ученых-лингвистов, которые еще до революции разработали основы этой реформы, нужно отнести прежде всего выдающегося русского филолога Алексея Александровича Шахматова, ставшего академиком в 1899 году, а с 1906 по 1920 год (до самой смерти) возглавлявшего Отделение русского языка и словесности в Академии наук, и академика Филиппа Федоровича Фортунатова (умер в 1914 году). Реформа русской письменности была законодательно утверждена декретами Народного комиссариата просвещения от 23 декабря 1917 года и Совета Народных Комиссаров от 10 октября 1918 года. По этой реформе

из русского алфавита выводились буквы ЯТЬ, ФИТА, И (десятеричное), ИЖИЦА, с соответствующей их заменой, отменялось написание буквы Ъ в конце слов и частей сложных слов, изменялись правила написания некоторых падежных форм прилагательных, местоимений, уточнялись правила переноса слов и т. д.

Какое практическое значение имела реформа? Известный исследователь истории языкового строительства в СССР профессор М. И. Исаев высказывается на этот счет однозначно: «Целью ее была демократизация графики и орфографии русского письма, упорядочение и упрощение русского правописания, что имело огромное значение в период развертывания борьбы за ликвидацию неграмотности в стране. Следует также отметить прогрессивное влияние этой реформы на последующий пересмотр вопросов письменности других народов» [7]. В. И. Ленин уделял реформе большое внимание и в ходе ее принятия даже нашел время, — в те тяжелые, напряженные времена, — несколько раз и по различным поводам встретиться с академиком А. А. Шахматовым (несмотря на то, что Шахматов имел отношение к руководству партии кадетов, входя в ее ЦК, — об этом ученикам и последователям Шахматова визгливо напомнят с трибуны в 1949 году во время одной из кампаний сталинской «охоты за ведьмами»...).

Между прочим, уже в 1925 году советские лингвисты, понимая важность изучения языка В. И. Ленина, начали проводить теоретические исследования по этой теме [8].

Иногда приходится слышать мнение о том, что 20-е годы в советской лингвистике были периодом в основном «практических результатов» языковедческой работы — когда создавались алфавиты, словари, учебные пособия. Такое суждение нельзя признать верным. И чтобы это доказать, сошлюсь на мнение известного специалиста по общему языкознанию и по истории лингвистики В. А. Звегинцева, подготовившего для печати свою дискуссионную статью «Что происходит в советской науке о языке», которая пока еще в полном объеме не увидела света. Я несколько раз в своей книге обращусь к ее тексту (хотя некоторых оценок автора не могу разделить) и сделаю это благодаря любезности ее публикатора — зам. академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР В. П. Нерознака, которого В. А. Звегинцев просил опубликовать рукопись. Так вот, говоря о первых послереволюционных десятилетиях, профессор Звегинцев отмечает (разумеется, без полного и широкого перечисления) успехи и достижения советской лингвистики именно в области теории:

«...Пожалуй, никогда в истории советского языкознания не наблюдалось такого оживления и такого разнообразия в творческих позициях, в формулировании задач и целей науки о языке, в ее проблематике. Густав Шпет (о нем самые добрые слова в своих воспоминаниях писал А. А. Реформатский. — *М. Г.*)...

опубликовал в 1922—1923 годы три выпуска „Эстетических фрагментов", в которых последовательно (и совершенно независимо от зарубежных работ) излагалась теория знаковой природы языка. Позднее, в 1927 году, он издал книгу „Внутренняя форма слова" (под маркой Государственной академии художественных наук), в которой рассматривались основные положения учения В. Гумбольдта и которая не потеряла интереса и для современного читателя. С. Карцевский, ставший позднее одним из основателей Женевской школы лингвистики, опубликовал в 1928 году „Повторительный курс русского языка". Социологическое направление было представлено книгой Р. Шор „Язык и общество" (1926 г.). А. М. Пешковский, синтезировавший в своем научном творчестве традиции, восходящие к Ф. Фортунатову и А. Потебне, выпустил в свет в 1928 году третье, и значительно переработанное, издание своего „Русского синтаксиса в научном освещении" — одного из самых замечательных трудов русской науки о языке. В 1929 году вышла из печати книга „Марксизм и философия языка" В. Н. Волошинова (за фамилией своего ученика скрывался ее действительный автор — М. Бахтин), которая позднее, в 60-х и 70-х годах, была переведена на многие иностранные языки (правда, вопрос об авторстве следует все же считать спорным. — *М. Г.*). Государственный институт истории искусств издавал сборники „Русская речь", в которых печатались Л. В. Щерба, В. И. Чернышев, тот же А. М. Пешковский и др. Продолжали свою деятельность и такие заслуженные ученые, как В. Богородицкий, А. Соболевский, М. Покровский, Д. Ушаков, И. Толстой и др., печатавшиеся в „Известиях Академии наук СССР". В расцвете творческих сил находилась блестящая плеяда советских востоковедов» [9].

Конечно, у В. А. Звегинцева могли быть и свои пристрастия, и свои нюансы во взглядах на историю науки, и другой исследователь наверняка мог бы добавить что-то к той характеристике теоретических изысканий в советской языковедческой науке. Но можно вспомнить, например, о трудах академика А. А. Шахматова: в 1919 году была опубликована его известная книга «Древнейшие судьбы русского племени», в 1925—1927 гг. — 1—2 выпуски фундаментального исследования «Синтаксис русского языка», в 1925 году — «Очерк современного русского литературного языка». А член-корр. АН СССР Н. Н. Дурново в 1927 году выпустил в свет книгу «Введение в историю русского языка», в которой описаны 280 рукописей восточнославянского происхождения! Весьма важной была проблема унификации и дальнейшей разработки лингвистических терминов, и Н. Н. Дурново стал автором первого в СССР специального лингвистического словаря: в 1924 году была издана его книга «Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины)» (издательство Л. Д. Френкель, Москва — Ленинград). Он был высоко оценен и современниками, и научными потомками этого языковеда. Недавно, перелистывая ста-

рые журналы в своей библиотеке, я совершенно случайно наткнулся на интересную рецензию известного лингвиста М. Н. Петерсона на словарь Н. Н. Дурново, опубликованную в журнале «Печать и революция» в 1924 году (книга пятая, сентябрь — октябрь).

Повторяю, что размышления профессора Звегинцева можно было бы дополнить и другими примерами работ, и другими именами. Но в одном согласимся с ним полностью — в характеристике школы востоковедов. Ибо именно из нее вышел выдающийся, осмелюсь даже в первый раз в жизни употребить в чей-то адрес такой эпитет — гениальный советский русский лингвист Евгений Дмитриевич Поливанов.

Его жизнь — не просто необычна, а фантастична. Вклад его в советское и мировое языкознание — огромен. Очень весомы его заслуги и в деле языкового строительства. Однако, если славянский просветитель Мефодий уже в сане архиепископа преследовался немецким духовенством и был ввергнут на некоторое время в тюремное узилище, то просветитель нового, революционного времени Евгений Дмитриевич Поливанов подвергся политическому шельмованию научными оппонентами, изгнанию из ведущих научных центров, а в итоге был просто уничтожен своими же соотечественниками в годы сталинских репрессий. История во многом любит повторения, только в более жестком варианте.

Глава 3

«САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ГЕНИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Таланты рождаются плеядами. Астрофизики школы Чижевского объясняют их общность воздействием солнечной активности на биомассу, социологи — общественными сдвигами, философы — духовным ритмом.

Казалось бы, поэзию двадцатых годов можно представить в виде фантастического организма, который, как языческое божество, обладал бы глоткой Маяковского, сердцем Есенина, интеллектом Пастернака, зрачком Заболоцкого, подсознанием Хлебникова.

К счастью, это возможно лишь на коллажах Родченко. Главная общность поэтов — в их отличии друг от друга. Поэзия — моноискусство, где судьба, индивидуальность доведены порой до крайности.

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

«Я встретил революцию как революцию труда. Я приветствовал именно свободный любимый труд, который для меня стал

рисоваться полезным именно в революционной обстановке»,— под этими словами талантливого советского лингвиста профессора Евгения Дмитриевича Поливанова, человека яркой и трагической судьбы, могли бы поставить свою подпись десятки отечественных ученых, умом и сердцем принявших революцию [1]. Да, Е. Д. Поливанов был представителем блестящей и своеобычной плеяды советских языковедов 20—30-х годов.

Один из основных биографов ученого, профессор В. Г. Ларцев из Самарканда, совершенно справедливо отмечал, что Е. Д. Поливанов, будучи прежде всего языковедом, занимался, кроме того, педагогикой, текстологией, этнографией, фольклором, литературоведением, логикой, психологией, социологией, историей, статистикой и другими науками (и познания в этих областях, как и владение десятками языков и диалектов, конечно же, непосредственно отразились на многочисленных открытиях Е. Д. Поливанова в языкознании, часть из которых имеет мировое значение...).

Уникальность его заключалась и в степени вовлеченности в общественную жизнь страны, что шло параллельно с научными изысканиями ученого: выполнение ответственнейшего задания В. И. Ленина, работа под руководством первого наркоминдела Л. Д. Троцкого и многое другое, чего мы не найдем у других лингвистов той поры.

Уникальность его заключалась и в той самоотверженности и почти безрассудности исключительно честного и талантливого человека, с которой он открыто и почти в одиночестве выступил против псевдомарксистского учения академика Н. Я. Марра и складывавшегося культа личности Марра в науке.

Уникальность профессора Е. Д. Поливанова заключалась и во многом другом, например в его собственной литературной деятельности поэта и переводчика, или особенностях его быта, крайне аскетического, или в степени владения языками (всего один пример: когда ученый приехал в Нукус, то ему понадобился всего лишь месяц для того, чтобы овладеть каракалпакским языком и прочитать на нем совершенно безупречно доклад перед каракалпакской аудиторией...). Однако,— как ни страшно об этом говорить,— судьба такого одаренного человека не была уникальной для эпохи сталинщины, ибо он разделил горькую участь многих других выдающихся деятелей отечественной науки: историков и литературоведов, математиков и физиков, биологов и экономистов, тысяч и тысяч незаурядных исследователей.

Поливанов родился 28 февраля (12 марта) 1891 года. 25 января 1938 года он был расстрелян. Посмертная реабилитация пришла к нему лишь в 1963 году.

Это о нем написал такие строки Виктор Борисович Шкловский: «Поливанов был обычным гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком» [2].

Это о нем написал такие строки Вениамин Александрович

Каверин: «И сам Е. Д. Поливанов, и то, что он сделал, и его судьба — необыкновенны и должны войти в историю русской науки» [3].

Забегая вперед, хочу сказать, что, несмотря ни на какие преграды, истина торжествует, и легендарный профессор Поливанов занимает одно из почетных мест в истории филологии (вклад его в науку огромен, хотя не до конца еще оценен и даже не полностью известен). И мы просто обязаны самым добрым словом вспомнить и назвать тех советских ученых, которые способствовали торжеству справедливости в отношении Евгения Дмитриевича: это — В. М. Алпатов, Ф. Д. Ашнин, В. П. Григорьев, В. К. Журавлев, Вяч. Вс. Иванов, Л. Р. Концевич, В. Г. Ларцев, А. А. Леонтьев, А. А. Реформатский, Л. И. Ройзензон, А. Д. Хаютин и другие. Конечно, особая роль в исследовании научного наследия Е. Д. Поливанова принадлежит нашему современнику доктору филологических наук, лауреату Ленинской премии (а с 1989 г.— и народному депутату СССР) Вячеславу Всеволодовичу Иванову: еще до официальной реабилитации Евгения Дмитриевича непосредственно в ходе очищения, принесенного XX съездом КПСС, Вяч. Вс. Иванов опубликовал в журнале «Вопросы языкознания» (№ 3 за 1957 год) статью «Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова» (заметим также — с первой библиографией трудов Е. Д. Поливанова). Большим событием стал выход в свет книги Е. Д. Поливанова «Статьи по общему языкознанию» (М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968), составителем которой выступил профессор А. А. Леонтьев. А в начале лета 1988 года (буквально одновременно с публикацией моей статьи в «Литературке») читатели получили прекрасную книгу профессора В. Г. Ларцева «Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности» (М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988), в которой вы найдете и своеобразный творческий портрет ученого, и рассказ о многих этапах его жизни, и интереснейшие воспоминания людей, знавших Евгения Дмитриевича. И не случайно, что в других воспоминаниях — «Мой путь в науке»,— принадлежащих перу ныне покойного члена-корр. АН СССР Ф. П. Филина, одного из наиболее энергичных адептов «нового учения» о языке Н. Я. Марра и последовательных продолжателей линии своего учителя как организатора филологической науки (а эти воспоминания, опубликованные в журнале «Русская речь», в № 2 за 1988 год, нам пытаются навязать чуть ли не как «наиболее объективный взгляд» на историю советской лингвистики), имя Евгения Дмитриевича Поливанова вообще не приводится среди трех десятков фамилий крупных советских филологов... Как вы сможете убедиться дальше, эта фигура умолчания имеет свои причины.

Теперь, когда по многим научным исследованиям названных мною ученых и воспоминаниям довелось столкнуться с жизнью

и творчеством Евгения Дмитриевича Поливанова, мне иногда кажется, что некоторые строки Пастернака были посвящены именно ему:

Как он велик! Какой бессмертный жребий!
Как входит в цепь легенд его звено!
Все, что возможно на земле и небе,
Им вынесено и совершено [4].

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним [5].

Жизнь и творчество Е. Д. Поливанова настолько были необычны и насыщены, что даже автор книги о нем В. Г. Ларцев, как мне показалось, был в некоторой растерянности от этой биографической стихии и не смог в заданный объем издания поместить все, что хотел бы. Мне это тем более не удастся. Правда, две первые главы из второй части книги — «Трагедия Поливанова» и «Тайна остается тайной» — посвящены именно Евгению Дмитриевичу (первая практически целиком состоит из очерка, написанного Вениамином Кавериным). Но все же попробую сейчас хотя бы коротко объяснить, что судьбе вовсе не случайно было угодно избрать именно Евгения Дмитриевича Поливанова главным научным оппонентом Николая Яковлевича Марра и насаждавшейся им «яфетической теории» (позже получившей название «нового учения о языке»)... Марр тоже во многом был,— и это объективный факт! — личностью незаурядной...

Е. Д. Поливанов окончил Петербургский университет, где он был учеником И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, в 1912 году. Талантливого молодого ученого оставили работать на кафедре сравнительного языковедения (а обучался он в университете на славяно-русском отделении историко-филологического факультета и факультете восточных языков, где, кстати, Поливанов слушал у Марра курс грузинского языка). И до революции, и после нее Е. Д. Поливанов занимался педагогической и научно-исследовательской работой самым активным образом.

Трудно перечислить все его места работы и должности. Назовем вот лишь некоторые: приват-доцент факультета восточных языков Петроградского университета (по японскому языку), профессор факультета общественных наук Петроградского университета (это уже с 1919 г.), профессор японского языка Института живых восточных языков в Петрограде, заместитель председателя Научного совета Наркомпроса Туркестанской АССР, профессор Туркестанского восточного института в Ташкенте и Среднеазиатского государственного университета, член

Научного совета Всесоюзного центрального комитета Нового тюркского алфавита, председатель лингвистической секции Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), профессор кафедры языка и литературы Узбекской государственной педагогической академии, Узбекского государственного научно-исследовательского института культурного строительства в Ташкенте, профессор Киргизского института культурного строительства и педагогического института в г. Фрунзе и др. Да разве дело в этих должностях.

Е. Д. Поливанов был основоположником многих направлений, по которым развивается ныне советская и мировая лингвистика. Известный ученый Вяч. Вс. Иванов отмечал: «Создание Е. Д. Поливановым... оригинальной лингвистической концепции и ее обоснование фактами очень большого числа самостоятельно изученных им языков различных семей было возможно благодаря объединению в его лице исключительно одаренного полиглота, талантливого япониста, китаеведа, тюрколога и лингвиста-теоретика, хорошо знакомого не только с русской и западно-европейской, но также дальневосточной и арабской лингвистикой» [6]. Кстати, о знании языков: думаю, что и сам Е. Д. Поливанов точно не знал количества языков, которыми владел, хотя считал, что знает французский, немецкий, английский, латинский, греческий, испанский, сербский, польский, китайский, японский, татарский, узбекский, туркменский, казахский, киргизский, таджикский, т. е.— 16 языков (учтите, что он владел тонкостями многих диалектов восточных языков; в 1964 г. знавший Поливанова старый колхозник Махмуд Хаджимурадов на вопрос о том, как говорил на его диалекте узбекского языка Евгений Дмитриевич, ответил коротко и исчерпывающе: «Лучше меня...»). Биографы Поливанова считают, что помимо названных он владел еще (по крайней мере, лингвистически) абхазским, азербайджанским, албанским, ассирийским, арабским, грузинским, дунганским, калмыцким, каракалпакским, корейским, мордовским (эрзя), тагальским, тибетским, турецким, уйгурским, чеченским, чувашским, эстонским и некоторыми другими языками...

Весьма значителен вклад Евгения Дмитриевича Поливанова в изучение конкретных языковых систем: для многих из них он создал научные грамматики, описания диалектов, провел анализ звукового строя, создал словари, учебные пособия. Между прочим, у него есть интереснейшие работы, посвященные преподаванию русского языка как неродного и ряда языков народов СССР русским людям, в том числе — взрослым (что оказалось чрезвычайно актуальным делом в наши, 80-е и 90-е годы XX столетия!). Можете представить себе мое волнение, когда уже после публикации статьи в «Литературке» и, собственно говоря, в ходе редактирования этой книги я совершенно неожиданно для себя в одном из забытых книжных

шкафов библиотеки моего деда нашел небольшую книжку в матерчатом, выцветшем зеленом переплете, на титульном листе которой было написано: «Профессор Востфака САГУ, Д. член Росс. Асс. Научно-Исслед. Ин-тов (по Восточной секции) Е. Д. ПОЛИВАНОВ. Краткий РУССКО-УЗБЕКСКИЙ СЛОВАРЬ. Акц. О-во „Туркпечать", 1926»... С волнением читал предисловие, написанное Евгением Дмитриевичем к этому именно *учебному* словарю! Он вышел тогда тиражом в 10 тысяч...

Часа через два ждала меня еще одна встреча с Поливановым: перелистывая журнал «Печать и революция» — вторую ее книгу (март—апрель) за 1924 год,— наткнулся на небольшой отзыв М. Петерсона о редкой книге Е. Д. Поливанова «Лекции по введению в языкознание и общей фонетике» (Госиздат. Берлин. 1923 г., 95 стр.). Автор рецензии особенно высоко оценивает «рассмотрение фонетического состава новых языков» и пишет, что ее «можно горячо рекомендовать читателю»... Это звучали живые голоса 1924 года!

Да, Поливанов сделал очень много именно для развития теории языкознания. Приведу опять-таки лишь некоторые примеры.

...Первым в мировой науке он распространил принцип системности на историю языка... Поливанов разработал теорию фонологических изменений во всем многообразии их взаимосвязей и взаимообусловленности (именно эту теорию разовьет позже Р. О. Якобсон, и она получит мировое признание). ...Многое сделал Евгений Дмитриевич для вскрытия причин языковых изменений (его концепцию, правда, не совсем в духе Е. Д. Поливанова, позже разовьет француз А. Мартине, например в книге «Принцип экономии в лингвистике»). ...Е. Д. Поливанов, по сути дела, явился основоположником советской социолингвистики. ... Немало нового внесено ученым в теоретическое осмысление языковых контактов, в частности их механизмов. Да разве перечислишь все области, в которых ощутимы результаты его исследований: ведь это еще и изучение типологии ударения и фонологической роли слога, описание «звуковых» жестов и многое, многое другое; разумеется, волновали его и пути создания марксистской лингвистики. Причем Поливанов не только в ряде статей и особенно в ходе дискуссии 1929 г. (о ней я расскажу чуть позже) выступил против идей Марра, но сумел даже в 1931 г., находясь уже практически в научном изгнании, выпустить в издательстве «Федерация» сборник научно-популярных статей под названием «За марксистское языкознание» (книга эта на общем фоне складывавшегося триумфа «яфетической теории» академика Марра и его учеников была сильнейшим ударом по их позициям — контрнаступлением, как мне кажется, практически последним.., хотя был еще и «Языкфронт», особенно брошюра П. С. Кузнецова).

Научное наследие Поливанова огромно. По данным

Л. Р. Концевича, одна только библиография его работ, изданных при его жизни и после смерти, охватывает свыше 200 названий. Около 60 рукописей хранится в разных архивах — они известны. Но при этом собрано около 220 (!) названий тех работ, которые еще не обнаружены (и, возможно, большая часть из них уже безвозвратно утрачена — таков удел конфискованных архивов практически всех репрессированных ученых...). Причем среди известных нам материалов — не только теоретические или практические работы по языкознанию; среди них стихотворные переводы (Поливанов, например, был одним из переводчиков киргизского эпоса «Манас») и его собственные литературные работы, сборники стихов и прозы (среди них была поэма «Ленин»), интереснейшие работы по поэтике (Поливанов вместе с В. Шкловским, Л. Якубинским, Р. Якобсоном, Ю. Тыняновым, Н. Яковлевым, Б. Эйхенбаумом был членом знаменитого Общества изучения поэтического языка — ОПОЯЗ, практически даже одним из его основателей...) и многое другое.

Революцию он принял всем сердцем и ее делу активно служил с первых лет Октября. Биографы пишут, что еще до 1917 г. его первым политическим выступлением был протест против империалистической войны: Поливанов написал на испанском языке антивоенную пьесу, за что был арестован и отсидел неделю в тюрьме. Сам Евгений Дмитриевич писал, что от пацифизма он пришел к интернационализму. До Октябрьской революции Е. Д. Поливанов несколько месяцев работал в отделе печати МИД Временного правительства (он был тогда левым меньшевиком, мартовцем).

В 1919 году петроградский профессор вступил в РКП(б).

Но еще до этого он стал широко известен и друзьям революции, и ее врагам. Советской власти было нужно его знание языков: талант полиглота и дарование исследователя получили необычное применение — Поливанову было поручено заниматься в Народном комиссариате иностранных дел всеми связями со странами Востока (это был уровень одного из руководителей наркомата), а параллельно с этим — поиском и публикацией тайных договоров царского правительства. Такова была воля народа, выраженная в Декрете о мире: «...Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 7 ноября (25 октября) 1917 г.» [7]. Следует заметить, нисколько не умаляя заслуг известного революционера, балтийского матроса Николая Маркина, чье имя традиционно связывается с публикацией договоров, что очень большая роль в этом деле принадлежит именно Е. Д. Поливанову. Не случайно в ноябре 1917 года буржуазная газета «Наша речь» злобно шипела: «В министер-

стве (иностранных дел.— *М. Г.*) все время хозяйничает лишь г. Поливанов, приглашенный на амплуа специалиста по расшифровке тайных договоров, и секретарь народного комиссара г. Залкинд» [8].

В 1918 году Е. Д. Поливанову было доверено еще одно необычное, но важное дело. Он ведет политическую работу среди петроградских китайцев (их с начала XX в. в городе на Неве было очень много). Молодой востоковед стал одним из организаторов «Союза китайских рабочих», редактировал первую китайскую коммунистическую газету, был связан с китайским Советом рабочих депутатов и с теми китайскими добровольцами, которые сражались на фронтах гражданской войны...

С 1921 года Поливанов работал в Коминтерне: переехав в Москву, он становится помощником заведующего Дальневосточной секцией Коминтерна (именно Коминтерн в том же году командирует его в Ташкент...). А сколько сделал «красный профессор», большевик и интернационалист Поливанов для решения национально-языкового вопроса в молодом Советском государстве! И все это — лишь отдельные этапы той другой стороны жизни, которую в наше время привыкли определять казенным словосочетанием «общественная работа»...

Согласитесь — то был человек необыкновенной судьбы, энергии, дарования и работоспособности. Вениамин Каверин сделал Евгения Дмитриевича одним из своих литературных героев — вспомним роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», образ профессора Драгоманова и рассказ «Большая игра». И тот же Вениамин Александрович так писал в своих мемуарах: «Это нужно было быть человеком огромной воли и огромной чести и огромной веры в советскую науку для того, чтобы действовать так, как действовал Поливанов» [9].

Одаренный, образованнейший исследователь, большевик и интернационалист, Евгений Дмитриевич Поливанов понял, какую опасность для языкознания, для философии, для политики, для самого дела большевиков представляет собой вульгарно-материалистическая и псевдомарксистская теория академика Н. Я. Марра. Открыто выступив против марризма в 1928—1929 годах, он продолжал неравную схватку с ним буквально до самого ареста *.

В подборке читательских откликов на роман В. Дудинцева «Белые одежды» есть следующая мысль: «Так трудно и так опасно ходить в чистых, белых одеждах — все норовят кинуть в тебя ком грязи. А в сером балахоне притворства — ужели ты так же чист? Нет! Вот и получается, что истинным, хотя и

---

* Ранее предполагалось, что существует связь ареста Поливанова с делом известного партийного работника А. И. Икрамова. Однако буквально в конце 1989 года исследователям удалось найти новые документы, касающиеся ареста Евгения Дмитриевича. Его «взяли» 1 августа 1937 года; Икрамов же был арестован в сентябре того же года. В следственном деле Поливанова имя Икрамова не упомянуто.

безрассудным, мужеством обладают лишь те, кто идет по жизни в белых одеждах правды, презирая серые балахоны полуправды и лжи...» [10].

Да, белые одежды были в тяжелые годы нашей истории и у языкознания.

Когда же сталинщина только начиналась, обстановка террора и избиения лучших кадров (от дипломатии до армии, от науки до комсомола) еще не стала обыденной и злой навет еще не сразу мог привести человека в застенок, научные противники не могли быстро устранить Поливанова, а заодно сломать или уничтожить других ученых. Но пули постепенно отливались. Правда, поначалу они были не из свинца. Но кто сказал, что в те времена *слово* всегда было намного слабее *пули?* Или все-таки еще было слабее?!

Ограничимся пока одним примером. В октябре 1931 года (т. е. уже после дискуссии) был сдан в печать седьмой том «Яфетического сборника», готовившегося Н. Я. Марром и его последователями. В нем была опубликована рецензия на книгу Е. Д. Поливанова «За марксистское языкознание», во многом примечательная. И даже не тем, что автор имя свое скрыл за инициалами — известно: она вышла из-под пера одного из ближайших подручных (тут уж, простите, другое слово трудно подобрать) академика Н. Я. Марра — С. Н. Быковского. Заметка эта составлена в классических выражениях политического доноса (чем марристы очень любили пользоваться, в том числе и позже — в конце 40-х годов...): «Основная цель сборника (книга Поливанова была сборником статей.— *М. Г.*), так сказать, его социальный заказ,— это реабилитация современной буржуазной лингвистики. Но так как чрезмерно открытое выступление в Советском Союзе в защиту буржуазной науки, хотя бы в такой до сих пор мало разработанной области, как языкознание,— дело рискованное,— то отсюда и название сборника «За марксистское языкознание», в то время как все содержание сборника направлено п р о т и в (разрядка Быковского.— *М. Г.*) марксизма» [11]. Завершалась эта рецензия тоже «достойно»: «Только полной неосведомленностью руководителей наших издательств в элементарных вопросах марксистского языкознания можно объяснить появление антимарксистской книги в 1931 г. на советском рынке» [12]. Конечно же это был не единственный отклик на книгу Е. Д. Поливанова. В том же духе была выдержана и рецензия Сухотина, опубликованная журналом «Культура и письменность Востока». Вот как она заканчивалась (хотя А. М. Сухотин был серьезным ученым, в целом — антимарристом):

«Рабочий класс будет продолжать строить не только новое общество, но и с в о ю науку, невзирая ни на смех своих врагов, ни на жалкие потуги своих мнимых попутчиков, силящихся под вывеской „марксизма“ протащить старый хлам близкой к окончательному банкротству б у р ж у а з н о й методологии» [13].

Кстати, рецензия Быковского показательна еще и тем, что автор «освятил» ее, избрав в качестве эпиграфа цитату из Иосифа Виссарионовича Сталина: «Клевету и мошеннические маневры нужно заклеймить, а не превращать в предмет дискуссии» [14]. Ох, как уже чесались у марристов руки! Как быстро они поняли, какие неограниченные возможности дает им сталинщина в борьбе с научными оппонентами!

Но против чего самоотверженно выступал профессор Поливанов? В чем он увидел ошибочность и опасность теорий Марра?

Глава 4

САЛ! БЕР! ЙОН! РОШ!

Дощечки были оклеены кусочками бумаги, и на этих бумажках были написаны все слова языка Бальнибарби в различных наклонениях, временах и падежах, но без всякого порядка. Профессор попросил внимания, так как собирался пустить в ход свою машину. По его команде ученики взялись за железные рукоятки, вставленные по краям рамы, и быстро повернули их. Все дощечки перевернулись, и расположение слов совершенно изменилось. Тогда профессор приказал тридцати шести ученикам медленно читать образовавшиеся строки в том порядке, в каком они разместились в раме. Если случалось, что три или четыре слова составляли часть осмысленной фразы, ее диктовали остальным четырем ученикам, исполнявшим роль писцов. Это упражнение было повторено три или четыре раза. Машина была устроена таким образом, что после каждого оборота дощечки поворачивались и передвигались, и слова размещались по-новому... На основании этого богатейшего материала профессор рассчитывал составить полный обзор всех наук и искусств...

Дж. СВИФТ
«Путешествие в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей»

Это — не шаманское заклинание, а один из символов яфетической теории Марра...

Николай Яковлевич Марр родился в 1865 году в Грузии. Отец его был выходцем из Шотландии, мать — грузинкой (гурийкой). У меня нет возможности подробно останавливаться на ранних этапах биографии Н. Я. Марра, поэтому отсылаю заинтересованных читателей к специальным изданиям, в первую очередь к книге В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности» (3-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949; следует учесть, что книга эта — весьма панегирическая).

Марр был чрезвычайно работоспособным и одаренным человеком, причем в разных областях знания. Археолог и этнограф, историк и филолог, специалист по истории религии и кавказовед, он был, несомненно, яркой личностью (его творческое наследие в отдельных, конкретных областях, далеких от абстрактного теоретизирования с ярко выраженным политическим привкусом, еще не до конца оценено и освоено...). В самом деле, у академика Марра (академиком, правда — не по языковедческому профилю, он стал еще в Петербургской академии наук в 1912 году) есть основательные работы по отдельным кавказским языкам, по истории, археологии и этнографии народов Кавказа. Иначе говоря, он сделал немалый вклад в лингвистическую науку, в первую очередь — в кавказоведение, в изучение конкретных языков. Такой же точки зрения (несмотря ни на что!) придерживался Е. Д. Поливанов, хорошо изучивший все работы Марра и довольно близко знавший его лично. Об этом же писал в 1950 году и Сталин.

Кстати, нужно сделать небольшое отступление — коли речь зашла об изучении Марром отдельных языков. Дело в том, что именно Николай Яковлевич ввел в научный оборот термин «яфетические языки» (а потом появились и «яфетическая теория», «яфетическое языкознание»). Что это такое? Термин несколько парадоксален, хотя создан по аналогии с названиями семитских и хамитских языков: у библейского Ноя было три сына — Сим (отсюда — семитские языки), Хам (хамитские языки) и Яфет (или в другом варианте Иафет), поселившиеся в разных уголках земли после библейского потопа. Яфет, согласно писанию, «имел отношение» к Кавказу,— вот Марр и изобрел словосочетание «яфетические языки», первоначально — для обозначения родства грузинского, мегрельского, сванского, чанского языков с семитскими и хамитскими. Потом термин был распространен Марром,— уже в процессе поиска так называемых «яфетических элементов»,— на все древние мертвые языки Средиземноморского бассейна и Передней Азии и на сохранившиеся до наших дней живые, так называемые кавказские (их иногда называют иберийско-кавказскими), баскский (на юго-западе Европы, в Пиренеях), вершикский, по современной классификации — бурушиский, языки (на Памире). Когда Марр разработал гипотезу о единстве глоттогонического процесса (об этом я расскажу чуть позже), то, в развитие этой

теории, в соответствии с ней, ученый использовал термин «яфетический» и для обозначения особой яфетической стадии, которая была, есть или обязательно будет в ходе исторического развития в судьбе всех языков мира.

А теперь вернемся к некоторым этапам научной биографии Николая Яковлевича.

Было бы неверно считать, что «яфетическая теория», которую последователи и ученики Марра назовут «новым учением о языке», была чистым порождением сталинского культа. Нет, ее элементы можно встретить еще в ряде дореволюционных работ Марра. Окончательно же она сложилась к середине 20-х годов, примерно в 1923—1924 годах. Современные биографы Н. Я. Марра, в первую очередь доктор филологических наук В. М. Алпатов, отмечают, что Николая Яковлевича с давних пор (а может быть, и всегда) жгло желание, стремление видеть лингвистическую науку практически реализатором лишь его собственных идей. В частности, в 1920—1921 гг. академик, по замечанию В. М. Алпатова, высказанному на одном из открытых диспутов в 1988 г., сделал попытку завоевать всю мировую науку о языке, открыть международный институт по разработке своих идей (есть об этом письменные свидетельства, например, Ю. В. Зыцаря). Когда эти попытки не удались, Марр возненавидел все зарубежное языкознание и решил ограничиться экспансией в советской науке, причем не только в языкознании, но и в археологии, в истории первобытного общества,— и весьма в этом преуспел. Целый ряд собственно научных воззрений и идей Марра относится не столько к сталинскому времени, сколько к первой половине 20-х годов, когда казались такими близкими и мировая революция, и построение коммунизма. У Марра все явления в языках, в истории, в культуре рассматривались в мировых, чуть ли не в космических масштабах без национальных границ и рамок (между прочим, ставилась — в виде практической — задача создания основ будущего всемирного языка человечества, и сотрудники Марра уже начали ее «осуществлять»...).

Итак, академик Императорской Академии наук стал и академиком АН СССР, возглавив, в частности, созданный в 1921 году Институт яфетидологических исследований (более известный под названием Яфетического института; позже, в 30-е годы, он будет преобразован в Институт языка и мышления). Но, забегая вперед, подчеркнем, что многое, очень многое в деятельности Марра, в том числе и его теоретические ошибки, шли от того, что лингвистом он, собственно говоря, не был.

«Ошибочность всех положений учения Н. Я. Марра была обусловлена прежде всего тем, что он очень плохо знал главный объект своего исследования — язык. Конечно, развитие языка во многом зависит от особенностей развития общества, от смены общественно-экономических формаций. Но язык имеет свою специфику. Язык как средство общения не может быть

классовым, он не может развиваться путем взрывов, язык имеет также свои специфические законы изменения и развития. Отрицать все эти специфические особенности языка — значит впадать в вульгарный социологизм, что и случилось с Марром» [1]. Так написал в 1983 году в своей нашумевшей книге «О материалистическом подходе к явлением языка» академик Борис Александрович Серебренников, давний и последовательный борец с марризмом...

На слабость чисто лингвистической теоретической подготовки академика Н. Я. Марра вынуждены были указывать и его ученики. Так, в одной из своих статей в журнале «Вопросы языкознания» доктор филологических наук В. И. Абаев (ровесник века, продолжающий здравствовать и активно откликнувшийся с помощью более молодых филологов на мою статью в «Литературке»...) отмечал, говоря о Марре, что «он не был, строго говоря, ни филологом, ни лингвистом, ни археологом, а был прежде всего историком культуры в самом полном и широком значении этого слова» [2]. Приведу и еще один пример из статьи Василия Ивановича, наполненной, по образному выражению Ф. Д. Ашнина, душевной болью ученика за развенчанного кумира:

«...Провозглашенное Марром „яфетическое языкознание“ не стало подлинно научной дисциплиной, которую можно было бы поставить рядом с индоевропейским языкознанием, семитским или урало-алтайским языкознанием; ... методы сравнительно-лингвистического анализа у Марра никогда не были удовлетворительными и изобличали отсутствие настоящей школы в этой отрасли его интересов. Это сказывалось прежде всего в слишком свободном оперировании звуковыми переходами... привлекаемый им (из самых разных языков мира: таково уточнение Ф. Д. Ашнина.— *М. Г.*) скудный и случайный языковой материал подвергался произвольным манипуляциям, свободным от какого-либо научного лингвистического метода... факты произвольно подгонялись под облюбованную теорию» [3].

Теперь сделаем небольшой обзор справочников научных учреждений Ленинграда.

Вот справочник за 1926 год, преимущественно посвященный Академии наук (напомню, что Академия, основанная в 1724—1725 годах, называлась и Российской, и короткое время Петербургской, и Императорской, а с 1917 года — снова Российской; с 27 июля 1925 года это — Академия наук СССР). Тогда, в 1926 году, в АН СССР было всего три отделения: физико-математических наук, русского языка и словесности (ОРЯС) и отделение исторических наук и филологии. Второе было учреждено в 1841 г. Так вот, действительными членами академии по второму отделению в 1926 году были: А. И. Соболевский, В. М. Истрин, В. Н. Перетц, Е. Ф. Карский, Н. К. Никольский, М. Н. Розанов, М. Н. Сперанский, П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов, Н. П. Лихачев. Отделение исторических наук и филологии

было представлено в 1926 году: по истории и древностям русским — Ф. И. Успенским, С. Ф. Платоновым, М. М. Богословским, по литературе и истории азиатских народов — С. Ф. Ольденбургом, П. К. Коковцевым, Н. Я. Марром, В. В. Бартольдом, Ф. И. Щербатоким, И. Ю. Крачковским, по всеобщей истории — В. П. Бузескулом [4].

А вот краткая информация этого же издания о Яфетическом институте: Основан в 1921 г. под названием Институт яфетидологических исследований.— Изучение яфетических языков первоначального населения Европы в реликтовых чистых видах и изучение новообразований в скрещенных типах речи и разработка общей теории скрещенных языков. Дир. ак. Н. Я. Марр, зам. дир. Ф. А. Розенберг, чл. сов. В. Ф. Шишмарев; уч. сотр.: А. А. Миллер, Л. В. Щерба; н. сотр.: В. А. Брим, М. Г. Долобко, К. Д. Дондуа, И. И. Мещанинов, Б. А. Латынин, Т. С. Пассек, В. В. Струве, И. Г. Франк-Каменецкий, Л. П. Якубинский [5].

Марр был не просто работоспособным исследователем, он был организатором, прекрасно понимавшим, что многое в науке тогда зависело от влияния, связанного с должностями, даже — с широтой их спектра. В справочнике АН СССР за 1926 год, посвященном 200-летию основания Российской Академии Наук, указывалось, что Н. Я. Марр занимал следующие многочисленные должности: директор Яфетического института, руководитель Кавказского отдела Постоянной комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), член Русско-византийской историко-словарной комиссии, председатель Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), одновременно — заведующий разрядом археологии Кавказа и яфетического мира этнологического отделения ГАИМК и председатель комиссии по раскопкам ГАИМК, председатель комиссии по регистрации памятников архитектуры ГАИМК, член коллегии и председатель 1-го отделения (языка) и секции общего языкознания Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока, член совета Государственного Эрмитажа, директор (и одновременно зав. восточным отделением) Государственной публичной библиотеки, профессор живых яфетических языков факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета, член правления и профессор грузинского языка Ленинградского института живых восточных языков имени А. С. Енукидзе, заместитель председателя Центрального бюро краеведения РСФСР, член бюро Секции научных работников... [6].

Да, этот человек достиг многого. Он и стремился к этому. Особенно результативным был для Николая Яковлевича год 1930-й — тот, когда, по свидетельству одного из его биографов-«канонизаторов» В. Стеллецкого, Н. Я. Марр, «будучи уже шестидесятипятилетним стариком, энергично принимается за

изучение трудов классиков марксизма и за перестройку своей теории.., включаясь в строительство марксистско-ленинского учения о языке» [7]. В том же году он получает право произнести приветственное слово XVI съезду ВКП(б) от имени ВАРНИТСО — Всесоюзной ассоциации работников науки и техники активных участников социалистического строительства: его внимательно слушает Сталин... Причем Марр произносит приветствие, будучи еще беспартийным:

«...С первых же Октябрьских дней я встал по мере своих сил плечом к плечу с товарищами-коммунистами и вместе с беспартийными созвучного закала помогал делу беспримерного по размаху революционного научно-культурного строительства. Сложнейшее дело использования научных достижений человечества на хозяйственное строительство советской страны, на усиление средств культурной революции национальностей СССР и на обеспечение победоносной борьбы пролетариата с врагами нашей социалистической стройки,— все это требует преодоления формального индивидуалистического метода, извращающего теоретические знания, осознания людьми науки актуальных общественных потребностей и бережной, но решительной переливки огромных научных накоплений в новые организационные формы коллективной массовой учебы и коллективного научного исследования.

Октябрьская революция раскрепостила всех трудящихся, в числе их и ученых, томившихся в плену беспросветного идеализма.

В условиях полной свободы, которую дает науке советская власть, помогающая самым смелым, самым дерзким научным исканиям в области подлинного материалистического мировоззрения, я старался развивать и продолжаю, уже с новыми кадрами научных работников — коммунистов и стойких беспартийных соратников, развивать теоретическое учение о языке, в области которого я веду свою научную работу. Осознав фикцию аполитичности и, естественно, отбросив ее, в переживаемый момент обострившейся классовой борьбы я твердо стою на своем посту бойца научно-культурного фронта — за четкую генеральную линию пролетарской научной теории и за генеральную линию коммунистической партии. Такой беспартийный, я думаю, имеет право быть уполномоченным для высокой чести огласить перед вами, товарищи, ответственный документ от имени ВАРНИТСО» [8].

Каков слог! И как точно рассчитаны все акценты!

Итак, это выступление Марра прозвучало на XVI съезде, т. е. летом 1930 года. А еще весной того же года его избрали вице-президентом АН СССР, «в обновлении и перестройке которой он сыграл видную роль» [9],— как пишут биографы. Практически сразу же после съезда Николай Яковлевич был принят в члены ВКП(б), причем без прохождения кандидатского стажа. Получение партийного билета весьма развязало

ему руки... [10]. Кстати, замечу попутно: рассказы о том, что Марр был принят в партию непосредственно на съезде — это легенда; в члены ВКП(б) его принял Василеостровский райком Ленинградской городской парторганизации.

Да, год XVI съезда, несомненно, был для Марра особым. Он, добившийся отстранения от активной научной деятельности в ведущих центрах своего главного и практически единственно опасного научного оппонента профессора Поливанова еще в 1929 году, строит обширные планы, уже открыто ориентируясь на сталинские установки. Не случайно в своей панегирической книге о Марре В. А. Миханкова пишет: «Тезис товарища Сталина в докладе на XVI съезде ВКП(б) о расцвете национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, вдохнул новую бодрость и силы в Н. Я., ставшего неуклонным и пламенным пропагандистом сталинских мыслей, „изумительную яркость и глубину“ которых Н. Я. не раз отмечает в своих работах» [11].

Усердие всегда вознаграждалось Иосифом Виссарионовичем. Конечно же «избрание» Н. Я. Марра на пост вице-президента АН СССР произошло не без ведома и не без одобрения вождя. Вряд ли без ведома Сталина спустя год, в 1931-м, академик Н. Я. Марр был избран членом ВЦИК. А чуть позже, в 1933 году, когда планировалось широкое празднование (перенесенное из-за болезни Н. Я. Марра) 45-летия его научной и общественной работы с согласия и при поддержке Сталина Н. Я. Марр был награжден Советским правительством орденом Ленина (его в те годы имели немногие!), а Президиум ВЦИК присвоил ему звание заслуженного деятеля науки.

Все «новые» заслуги Марра перевесили возможные раздражения, которые могли бы родиться «в верхах», например, при воспоминании о таких высказываниях академика, которые от его эмоциональной речи на XVI съезде отделены всего двумя десятилетиями... Ведь в 1910 году Марр, тогда еще не полноправный академик, но страстно желавший им стать, называл членов Академии наук, цитируя Петра I, «первенствующим в Империи сословием», а Кавказ — «жемчужиной короны» (разумеется,— короны все той же империи Романовых...) [12]. Не будем «ловить блох» в дореволюционных деяниях Николая Яковлевича — тем более что и сам академик, и особенно его ученики весьма грешили таким занятием по отношению к своим научным оппонентам. Задумаемся лишь об одном: в 1910 году Марру было уже не двадцать, и не тридцать лет, а сорок пять. Согласитесь: возраст — не для юношеской восторженности. В тридцатом году ему было шестьдесят пять... И, может быть, в это время, в самом начале 30-х годов, умудренный сво-

им богатым жизненным опытом Марр уже учуял именно имперский дух складывавшейся сталинской автократии?!

В то время они были нужны друг другу, Сталин и Марр — пусть уровень их социального и политического статуса несопоставим. Правда, у нас нет уверенности, что и в послевоенное время Сталин придерживался того же высокого мнения о Марре (существует версия, что вождь в беседе с албанским лидером Э. Ходжей после войны назвал Марра «великим ученым»). Однако не стоит канонизацию или, скорее, интронизацию Марра в советской лингвистике сводить лишь к благожелательному взгляду Иосифа Виссарионовича. Многие исследователи истории советской лингвистики, например В. М. Алпатов, В. А. Звегинцев, Ф. Д. Ашнин, А. А. Леонтьев и другие, обращают внимание на то, какую роль в утверждении марризма сыграли крупные ученые и политические деятели. Так, еще в 1926 или в 1927 году печально памятный нам сталинский палач и «оберпрокурор» Андрей Януарьевич Вышинский, являвшийся в ту пору ректором 1-го МГУ, требовал внедрения научных химер — той самой «яфетической теории» — Н. Я. Марра в учебный процесс. Это было сделано Вышинским по настоятельной рекомендации и требованию небезызвестного историка академика Михаила Николаевича Покровского [13]. Покровскому учение Марра было бальзамом для души, и академик-историк сделал немало (возможности же у него были серьезные — в силу его позиций и постов в партии, Академии наук, Коммунистической академии, ЦИК, ВЦИК и т. д.) для установления господства марризма в общественных науках, в языкознании и неоднократно пропагандировал учение Марра в печати. Вот один из таких примеров — отлитая в «чугунной» газетной строке «Известий» оценка Покровским теории Марра: «Если бы Энгельс еще жил между нами, теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузовец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания истории человеческой культуры» [14].

Пропагандировали идеи Марра и всячески поддерживали его «непременный секретарь» (т. е. по-нынешнему — главный ученый секретарь) АН СССР академик Сергей Федорович Ольденбург, руководитель Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и главный редактор Литературной энциклопедии, известный литературовед и искусствовед Владимир Максимович Фриче, многие другие, среди которых, к сожалению, был и Анатолий Васильевич Луначарский...

Николай Яковлевич Марр умер в ночь с 19 на 20 декабря 1934 года от упадка сердечной деятельности в результате общего склероза сосудов.

А теперь попробуем хотя бы кратко ответить на вопрос: в чем же состояло существо научной «пролетарской» теории, которую академик Н. Я. Марр развивал на «посту бойца научно-культурного фронта» и которая получила вполне благосклон-

ную поддержку сталинских «верхов» и новоявленных маршалов от науки? [15].

Во второй части книги вы найдете главу «Тот самый Чикобава», в которой приведен текст антимарровского доклада, посланного Чикобавой Сталину: в нем достаточно подробно рассматриваются некоторые из основных черт учения Марра. Но сейчас, отвечая на поставленный вопрос, хотелось воспользоваться материалом уже упомянутой статьи профессора В. А. Звегинцева «Что происходит в советской науке о языке», написанной им незадолго до смерти. Опытный исследователь истории лингвистики, острый и нестандартный публицист, страстный полемист, В. А. Звегинцев имел много друзей, но и немало недругов. Приведем отрывок из его статьи, имеющей пока еще трудную судьбу, как знак нашего общего уважения его памяти:

«...Все, что опиралось на дореволюционную научную традицию, что продолжало и развивало эту традицию (или традиции), объявлялось „буржуазным", неприемлемым для социалистического общества и требующим замены новым, воплощающим в себе положения марксистского учения и философии диалектического материализма. И борьба шла не со всякого рода разновидностями „буржуазных" лингвистических учений и школ, к которым относились более или менее терпимо, как к пережиткам прошлого, обреченным на неизбежное умирание. Борьба,— и притом жестокая и бескомпромиссная борьба,— проходила на другом, главном фронте.

...Защищая принцип преемственности в науке и отвечая на обвинения в буржуазности сравнительно-исторического языкознания, Е. Д. Поливанов писал: „Но ведь никакой другой науки, кроме буржуазной, ранее вообще не существовало, а на Западе не существует и до настоящего времени". И если следовать логике огульного отрицания буржуазной науки, то придется перечеркнуть и таблицу умножения.

...Здесь мы сталкиваемся с явлением, общим для многих общественных наук, поспешивших откликнуться на потребности становления нового общества. Для примера можно привести школу М. Н. Покровского в исторической науке или „платформу" РАПП...— Российской ассоциации пролетарских писателей, возникновение которой, как объясняет Литературная энциклопедия (издание 1935 года, т. 9, с. 519.— *М. Г.*), „было исторически обусловлено необходимостью для пролетариата завоевать руководящую роль на фронте культурного и литературного строительства".

Эта установка, при которой в расчет принималась главным образом „правильность" взглядов или даже просто анкетные данные, способствовала не объединению культурных сил страны, а их разъединению, расчленению, которое в разных культурных областях принимало различные формы, но при котором неизменно в качестве орудия борьбы не столько с неприемлемы-

ми мировоззренческими категориями, сколько с неугодными личностями использовалось апеллирование к марксистским положениям. Эксплуатация и в своей сущности профанация положений диалектического материализма и марксистского учения послужили основой и для возникновения таких феноменов, как марризм или лысенковщина, в которых наука и идеология выступали как единое целое.

Что касается завоевания руководящего положения в науке о языке, то здесь борьба, как уже было сказано, шла не столько против собственно „буржуазного" языкознания, сколько против потенциальных конкурентов на это положение, которым, собственно, не по существу, а по простой неграмотности присваивалось обобщающее имя индоевропеистов...

Изложить достаточно полно содержание марризма сложно уже по той причине, что оно никогда не выступало как законченное образование и находилось в постоянном движении. Но о его самых фундаментальных положениях, в которых, по мысли Н. Я. Марра и его последователей, наиболее отчетливо проявлялось „следование по пути марксизма-ленинизма" (как тогда выражались) и которые и должны были обеспечить ему господствующее положение в науке о языке, нельзя не упомянуть в самой общей форме. Следует предупредить, что здесь придется столкнуться с не совсем обычной терминологией.

Собственно в „новом учении о языке" речь шла не о языке как таковом, а если он и упоминался, то помещался в так называемую палеонтологию речи. А „палеонтология речи — это учение о коренных идеологических сдвигах и сменах не только содержания, но и оформления языковых явлений" (Н. Я. Марр). Но „оформление языковых явлений" играло второстепенную роль и относилось к языковой технике, с которой можно было обращаться весьма вольно. Как писал один из последователей Н. Я. Марра, „новое учение перенесло центр тяжести в исследовательском деле с формального момента языка на его содержание, идеологию" (М. П. Чхаидзе). В получившей большое распространение статье В. И. Абаева „Язык как идеология и язык как техника" (опубликована в 1934 г.— *М. Г.*) язык представляется как совокупность технических средств для выражения идеологии; недостаток индоевропеистики усматривается в том, что она всего лишь „наука о технизированных формах речи".

Все и начиналось с исследования стадиальных смен мышления. Они определялись на разных этапах развития идей Н. Я. Марра по-разному, но в качестве базовых выделялись две: более ранняя — космическая и более поздняя — технологическая. Стадиальным сменам мышления следовали стадиальные смены языков, которые укладывались в единый глоттогонический (языкотворческий) процесс. В своем развитии языки располагаются на различных стадиях этого процесса (отсюда стадиальная классификация языков), в частности яфетические

языки представляют собой не замкнутое семейство или группу языков, а такого рода стадию, прохождение которой обязательно для всех языков. Переход языков из одной стадии в другую происходит скачкообразно, отражая смену социально-экономических формаций и являясь следствием скрещения языков. Этот процесс приобретения „нового качества“ (и соответственно возникновения новых языков) при стадиальных переходах оказывается возможным проследить не по формальным признакам, а на основе анализа содержательной стороны языка, вскрывающего смену идеологий, обусловленную, в свою очередь, изменением социальных формаций.

Особое место в учении Н. Я. Марра занимает проблема происхождения языка, в толковании которой с наибольшей ясностью проявляется его следование „путями марксизма-ленинизма“. Н. Я. Марр всячески подчеркивал, что первоначально возник линейный, или кинетический, язык (т. е. язык жестов), а звуковой язык значительно более позднего происхождения, требовавшего соответствующей производственной, идеологической и социальной базы. При этом первоначально обе эти формы языка удовлетворяли трудмагические потребности (поскольку труд и магия, по мнению Марра, существовали в неразрывном единстве). Как писал Н. Я. Марр, „Язык — магическое средство, орудие производства на первых этапах создания человеком коллективного производства, язык — орудие производства. Потребность и возможность использовать язык как средство общения — дело позднейшее и это относится одинаково как к ручной или линейной (и кинетической) речи, так и к язычной или звуковой речи (также кинетической)“.

Когда же возник звуковой язык, он состоял всего из четырех элементов: A — САЛ, B — БЕР, C — ЙОН и D — РОШ. По этому поводу Н. Я. Марр писал: „Звуковая речь возникает тогда, когда человечество имело за собой не только материальную, но и надстроечную культуру, как, между прочим, определенное мировоззрение за время исключительного господства кинетической речи, т. е. почти за весь палеолит. Следовательно, когда четыре звуковых комплекса (A, B, C, D), возникшие в трудмагическом процессе, став лингвистическими элементами, легли в основу вновь складывавшегося звукового языка, то среда была уже социально-дифференцированная и звуковая речь существовала классовая, являясь орудием классовой борьбы и в руках господствующего слоя, как впоследствии письменность“. В другой своей работе Н. Я. Марр уточнял, что поскольку при возникновении звукового языка господствующим классом было жречество, постольку звуковой язык служил жрецам средством порабощения остальных членов первобытных обществ.

Но откуда взялись эти четыре элемента? Н. Я. Марр объясняет, что он извлек их из племенных наименований (Чикобава рассказывает, что даже само число этих элементов Марр объяснял фантастическими аргументами: раз есть четыре стороны

света, то и первоэлементов языка должно быть четыре!.. — см. главу «Тот самый Чикобава».— *М. Г.*) и их можно (иногда в несколько измененном виде, но это неважно, так как не следует особо считаться с формой) обнаружить и ныне [16]. Так: А или САЛ в „сармат", В или БЕР в „и-бер", С или ИОН в „ионяне" и D или РОШ в „эт-руск". Четырехэлементным анализом современной лексики и занимались впоследствии с большим усердием протагонисты „нового учения о языке". (Здесь необходимо уточнение: реально занимались мало, а после смерти Марра — почти никто к этому методу не обращался.— *М. Г.*) К сказанному об этих четырех элементах следует только добавить, что на первых порах они были полизначными, т. е. обозначали все что угодно, но затем в их содержательной структуре начался процесс дифференциации, основанной на принципе противоположности.

Подобным же образом, ориентируясь не на конкретные факты, а на соответствующим образом интерпретируемые «материалистические», сугубо умозрительные установки, изображается и возникновение грамматических категорий — единообразно для всех языков. Вот как, например, якобы происходит разграничение между единственным и множественным числом и возникновение местоимений: „При отсутствии частной собственности нет необходимости в сигнализации отдельного сочлена коллектива. Сигнал, очевидно, прикреплялся ко всему коллективу, а не к входящим в него сочленам. Лишь позднее, с выделением частной собственности, выделяется и член соответствующего коллектива, последствием осознания чего в области языка является противопоставление лица всему коллективу. Благодаря этому прежнее наименование коллектива воспринимается уже как множественное отношение к единице. Таким образом, множественное число по внешнему оформлению слова предшествует единственному, хотя по существу оба понятия возникают одновременно по закону единства противоположностей. Выделение личности в коллективе ведет и к осознанию противопоставления одного лица другому как собственника продуктов производства. Осложняемая тем самым сигнализация ведет к выделению местоимений, первоначально означающих говорящего и постороннего (1-е и 2-е лицо). Позднее постороннее лицо различается и пространственно: близко находящееся (2-е лицо) и находящееся на „расстоянии" (Большая советская энциклопедия, 1931 год).

Таковы в общих чертах основы „нового учения о языке"» [17].

Надеюсь, что многие из вас, уважаемые читатели, заметили явные противоречия в основных научных идеях Н. Я. Марра. Возможно, вы даже посчитали некоторые из них просто анекдотичными. И это — не случайно... Один из самых известных лингвистов мира первой половины нашего столетия француз Антуан Мейе (кстати, еще с 1906 года — член-корреспондент Петер-

бургской Академии наук, а позднее — Академии наук СССР) именно в связи с несуразностями в теории академика Н. Я. Марра так высказался о ней: «Если буржуазная наука состоит в том, чтобы видеть факты такими, как они есть, то я принимаю на себя обвинение в буржуазности»... [18].

Надеюсь, что теперь вам стало ясно, откуда они идут, эти шаманские заклинания, которые вынесены в название главы,— *Сал! Бер! Йон! Рош!* — хотя в этом тезисе до конца не смог разобраться ни сам Марр, его выдвинувший, ни его последователи... Между прочим, в одной из своих публикаций Марр, комментируя критику в адрес четырехэлементного метода, договорился до того, что «некоторые вещи доказывать нет необходимости, их можно показывать» [19].

Оговоримся: отнюдь не все идеи академика Н. Я. Марра можно признать абсурдными. Так, его научный опыт в области исследования материальной и духовной культуры, изучения отдельных языков народов Кавказа должен быть изучен более глубоко. Между прочим, на это же обращал внимание и Сталин в одной из своих правдинских статей 1950 года — после резкой и в целом объективной критики (вслед за некоторыми учеными) идей классовости языка, его надстроечного характера, идеи стадиальности в развитии языков мира, учения о языковом скрещивании, четырехэлементного «палеонтологического» метода и прочих псевдомарксистских постулатов Марра:

«...Произведения Н. Я. Марра состоят не только из ошибок. Н. Я. Марр допускал грубейшие ошибки, когда он вносил в языкознание элементы марксизма в искаженном виде, когда он пытался создать самостоятельную теорию языка. Но у Н. Я. Марра есть отдельные, хорошие, талантливо написанные произведения, где он, забыв о своих теоретических претензиях, добросовестно и, нужно сказать, умело исследует отдельные языки. В таких произведениях можно найти не мало ценного и поучительного. Понятно, что это ценное и поучительное должно быть взято у Н. Я. Марра и использовано» [20].

Да, если бы все научные споры и дискуссии завершались только в стенах академических залов, завершались бы достойно высокого слова НАУКА, если бы разногласия в теории лингвистики представляли собой кратковременную ступень, своеобразную «болезнь роста», которую директор Института русского языка АН СССР Ю. Н. Караулов в своей известной книге о русском языке и языковой личности назвал «чистилищем вульгарного социологизма»... [21] Увы, чистилищем здесь дело не ограничилось...

Однако яфетическая теория, «новое учение о языке», марризм — не только научная теория. Это — *движение* в науке, во многом спровоцированное общей обстановкой в стране, обстановкой складывавшегося сталинского культа, а позже — и «охотой за ведьмами», уже после смерти Н. Я. Марра. Теорий и мнений в науке может быть много, *должно* быть много — без

этого нельзя приблизиться к истине. Но как только одна теория провозглашает свою *исключительность,* заявляет о том, что лишь она, *лишь одна она* и есть подлинно *марксистская* теория, а на противников своих лепит политические ярлыки и прибегает к различным формам доносов, то *наука* практически останавливается в своем развитии, происходит ее сильнейшее торможение...

Если бы Марр в своих полумистических поисках пытался обнаружить, так сказать, только «персональный» философский камень... Если бы его научные штудии, во многом похожие на опыты средневекового алхимика, его опыт и ошибки могли бы объективно и спокойно анализироваться и исправляться...

Нет, будучи поначалу лишь оригинальным, новым, весьма созвучным эпохе и в чем-то даже привлекательным (особенно — для молодежи) предположением, гипотезой, яфетическая теория («новое учение о языке») стала яростно рваться к лингвистическому Олимпу. А с другого, своего Олимпа на нее одобрительно взирал «мудрейший вождь». Иные суждения, противоречившие марризму, начали рассматриваться как «немарксистские», «идеалистические», «буржуазные», «вредные»,— и это было по душе Сталину (особенно в связи с его высказываниями о языке и национальной культуре, сделанными на XVI съезде ВКП(б)...). Не случайно в 1935 году один из крупнейших советских философов академик А. М. Деборин написал: «Задача преодоления буржуазных *пережитков в сознании,* в результате их преодоления в экономике, теоретически теснейшим образом связана с научной *критикой языка и мышления,* возможной только с точки зрения исторического материализма. Поэтому достижения Н. Я. Марра в области языкознания имеют огромное непосредственное значение для социалистического строительства» [22].

Да, громкая «революционная», лозунгообразная фраза Марра, полностью отрицавшая традиции дореволюционной и зарубежной лингвистики как неприемлемые для нового социалистического общества, конечно же должна была нравиться Сталину, уже мнившему себя единоличным творцом новой эпохи. Правда, в ту пору, в 30-е годы, в суть марровской научной теории вождь не вникал — ему пока до этого дела не было: Сталина ждали другие *дела*...

Марр постепенно начал становиться не просто алхимиком, отваривающим в своей колбе все языки мира, пробующим их на четыре зуба — Сал, Бер, Йон, Рош и помещающим эти языки в прокрустово ложе стадиальности, первым и единственным. Или этого одновременно очень хотело окружение академика?

...Ядовитое варево готовилось в колбе марризма. Снадобья должно было хватить на всех противников. Но нужны были и толковые «разливальщики». Тем более, что талантливые ученые, как профессор Е. Д. Поливанов, из возможных союзников стали опасными противниками.

Глава 5

МАСТЕРА И ПОДМАСТЕРЬЯ

> Как они одинаковы, все эти революции! Во время французской революции тоже сразу была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров — непременно почему-то комиссаров — и вообще всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли как грибы и все „пожирали друг друга", образовался совсем новый, особый язык, „сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании...". Все это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций — бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна.
>
> И. БУНИН
> *«Окаянные дни»*

Да, Марру нужны были и авторитетные единомышленники из числа известных и талантливых лингвистов, нужны были ему и толковые помощники — для распространения «нового учения» возможно шире, для борьбы с оппонентами в науке. И им был нужен Марр...

Поливанов, хорошо знавший Николая Яковлевича, поначалу даже проявлял интерес к яфетической теории в период ее «кристаллизации». Об этом свидетельствует ряд документированных фактов, в частности одно из опубликованных писем Е. Д. Поливанова Н. Я. Марру — от 18 октября 1924 года [1]. Однако позже, видимо, с 1926 года с момента опубликования Марром известной книги «Чуваши-яфетиды на Волге», Евгений Дмитриевич осознает полностью всю ошибочность, порочность и опасность идей и учения Николая Яковлевича Марра и прикладывает немало усилий к тому, чтобы развенчать это учение в глазах научной общественности. Он отказывается от сотрудничества, которое предлагают ему марристы, а затем и совершенно открыто выступает с резкой, непримиримой критикой марризма. Для Н. Я. Марра и его учеников он становится опасен.

Причем, надо сказать, что умудренный опытом академик, по-видимому, недооценил Е. Д. Поливанова,— той опасности, которая могла от него происходить: считается, что назначение

Евгения Дмитриевича действительным членом лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН в 1926 году и председателем этой секции в 1927 году прошло по рекомендации Н. Я. Марра. О выступлении Поливанова против марризма будет рассказано чуть позже. А сейчас попробуем взглянуть, кто же взошел на палубу, сел за весла или начал поднимать паруса того корабля, капитаном и рулевым которого был академик Н. Я. Марр?

Ученики и последователи Марра представляли собой неоднородную среду — и в социальном, и в общекультурном, и в национальном отношении, как, впрочем, отличались они друг от друга и с точки зрения элементарных способностей исследователя, научного работника.

Были среди них люди (особенно молодые), искренне «зараженные» энтузиазмом Николая Яковлевича и завороженные масштабностью, необычностью и перспективностью его идей. Были и такие, кого привлекало в теориях Николая Яковлевича чисто общественно-политическое «звучание»: росли уже новые кадры, четко откликавшиеся на «запросы» эпохи. В дискуссиях они умело убирали чисто научные аргументы на второй план. Поначалу лишь приправляя атаку на научных оппонентов идеологическим, политическим соусом, такие «ученые» затем превратили этот соус в свое первое блюдо, а потом — и в каждую строчку своего «меню» (причем, как при жизни Марра, так и после его смерти, сделав из него свое, сверхкрасное знамя...).

Это не значит, что абсолютно все ученики и последователи Марра были погромщиками и малютами скуратовыми (хотя водились и такие...). Нет. Повторяю, что в той среде было немало именно увлеченных исследователей, искренне преданных идеям своего научного кумира. Надо сказать, что мне даже импонирует та последовательность, с которой на протяжении своей жизни защищал своего учителя доктор филологических наук, лауреат Государственной премии Василий Иванович Абаев (в честности которого сомневаться нельзя), даже в 88-летнем возрасте подписывавший письма в редакции газет в защиту учения Н. Я. Марра (впрочем, в его статье к 25-летию со дня смерти Марра много и верных оценок) [2]. Но это — особый случай, ибо даже любимые ученики (по крайней мере, подавляющее их большинство) во время сталинской дискуссии 1950 года публично отреклись от памяти своего учителя еще до того, как в третий раз прокричал петух...

И это — тоже сталинщина, мрачное лицо деспотизма! Многие из отрекшихся поступили так от страха, другие — с новой верой в то, что Сталин всегда прав, третьи (правда, таких были единицы) — в виде своеобразной маскировки, в душе кляня новоявленного «корифея языкознания». (Очень справедливо высказался на одном из диспутов о марризме В. М. Алпатов: многие, даже Филин, по сути отреклись от Марра задолго до

1950 года, но прикрывались его именем, поэтому отречься им было нетрудно.)

Конечно, нельзя не вспомнить об Иване Ивановиче Мещанинове, который являлся как бы прямым наследником Николая Яковлевича Марра. Академиком И. И. Мещанинов стал при жизни своего учителя, в 1932 году. Он же первым из советских лингвистов был удостоен звания Героя Социалистического Труда, это произошло в 1945 году. Хотя многие (в том числе — и я) в чем-то соотносят марризм и лысенковщину, не стоит сопоставлять двух ближайших учеников Марра и Лысенко — Ивана Мещанинова и Исая Израиловича Презента, ставя их на одну доску. Последний был именно погромщиком от науки, его духовных братьев вы легко найдете в «Белых одеждах» В. Дудинцева (хотя его и учеником-то Лысенко трудно считать: они были почти одного возраста). С Мещаниновым все обстояло сложнее...

Не буду останавливаться на том, что Мещанинов, впрочем, также не был «чистым» лингвистом (и даже в современных советских энциклопедиях упоминается как «языковед и археолог») и с Марром сошелся именно как историк, как специалист в области материальной культуры (своей докторской степенью он тоже полностью обязан Николаю Яковлевичу). Нет особой нужды говорить и о том, что даже в 1932 году, когда Марр был уже вице-президентом академии, а единодушие на «мероприятиях» становилось уже нормой сталинского образа жизни страны, возникли осложнения с избранием Мещанинова в академики. Об этом вынуждена была упомянуть даже биограф Марра В. А. Миханкова, явно идеализировавшая своего кумира, правда — как о примере заботы Николая Яковлевича о продолжении своего дела:

«Зима 1932 г. была нелегкой для Н. Я. Выборы его ученика И. И. Мещанинова в Академию наук проходили с некоторыми осложнениями, а Н. Я. видел в избрании И. И. Мещанинова в состав Академии залог того, что после его смерти не прервется та работа по развитию нового учения о языке, которой Н. Я. посвятил свою жизнь, что борьбу за новое учение о языке будет кому возглавить, когда со сцены сойдет его „стареющий и слабеющий“, по словам Н. Я., представитель» [3]. Академические связи, политический вес Марра сыграли свою роль — академиком Мещанинов стал именно в ходе тех выборов...

Надо отдать должное Ивану Ивановичу: он явно осознавал противоречивость многих постулатов теории Марра и даже самого «палеонтологического метода». И в меру своих сил и возможностей пытался как-то стереть наиболее явные пятна на этом внешне безупречном (для непосвященных в дела лингвистические) и вполне марксистском ее одеянии (но все же под маской благопристойности скрывался коварный соперник Е. Д. Поливанова и не только его одного!..).

Резкий на суждения профессор В. А. Звегинцев в своей предсмертной статье, которая уже цитировалась в книге, заметил:

«...Несомненно, что с годами его (т. е. Н. Я. Марра.— *М. Г.*) научная деятельность приобретала все более очевидный патологический характер, чего, следуя утвердившейся инерции, старались не замечать или как-то обходить. Именно этой последней тактики придерживался И. И. Мещанинов, которому после кончины Н. Я. Марра было препоручено пестовать научное наследие своего учителя. В своей книге „Новое учение о языке" (1936 г.) он, наскоро и очень поверхностно пересказав самые общие положения учения Марра, погружается в анализ многообразного языкового материала. В другой своей книге — „Общее языкознание" он главным образом полемизирует с зарубежными и дореволюционными русскими учеными. Два его капитальных исследования „Члены предложения и части речи" (1945 г.) и „Глагол" (1948 г.), если воспользоваться его собственными словами из „Предисловия" к ним, служат не столько цели „развития идей академика Н. Я. Марра", сколько изложению „значительной доли своих собственных соображений"» [4].

И все же следует помнить, что именно Мещанинов был главой советской лингвистики в течение длительного периода — с 1934 по 1950 год, сменив на этом посту умершего Н. Я. Марра. Еще в 1926 году И. И. Мещанинов упоминается в справочнике научных работников Ленинграда очень скромно — всего лишь как научный сотрудник Яфетического института [5]; через шесть лет он станет академиком, еще через два возглавит наше языкознание.

Фигура И. И. Мещанинова в советском языкознании во многом противоречива, и ему неоднократно была свойственна нечеткость позиции. Анализ его научных работ и выступлений, встречи с многочисленными людьми, которые знали Ивана Ивановича, работали с ним или вели исследования под его руководством, убеждают в том, что он, с одной стороны, был образованным и способным человеком, с другой же — недостаточно самостоятельным и в чем-то даже запуганным. Последнее — тоже характерное явление для ученых, живших и работавших в условиях тоталитарного строя. Почему это проявилось и у Мещанинова? Нам кажется, ближе к истине — историк советского языкознания и востоковед В. М. Алпатов, который отмечает, что отец И. И. Мещанинова был сенатором и умер в 1918 году в ЧК, где находился в качестве заложника (в те же годы погиб и брат Мещанинова). В отклике на публикацию «Литературной газеты» В. М. Алпатов поделился рядом идей и сведений в отношении академика И. И. Мещанинова, которые, думается, будут интересны и читателям этой книги:

«Долго Мещанинов был тенью Марра и популяризатором его идей; за верность Марр его наградил, проведя в академики

и сделав своим преемником (думаем, что он не ошибся в выборе.— *М. Г.)*. После смерти Марра Мещанинов во многом отказался от бредовых идей своего патрона... Мещанинов долгое время старался спасти в науке то, что можно было спасти, и давал ученым возможность работать (но в рамках „нового учения".— *М. Г.*). Есть свидетельства того, что он спас некоторых людей от ссылки, помогал репрессированным. Однако он не решился уничтожить культ Марра и использовал его имя и некоторые наиболее общие его идеи в качестве прикрытия для более или менее серьезных научных исследований. Но после сессии ВАСХНИЛ Мещанинов не мог сопротивляться напористым Филину и Сердюченко, которых активно поддерживали зав. отделом науки ЦК Ю. А. Жданов и ученый секретарь Академии наук А. В. Топчиев... Позднее Мещанинов уже не контролировал положение дел в языкознании и пасовал перед Филиным и Сердюченко, которые постепенно перешли к критике тех марристов, которые отошли от идей Марра, в том числе и самого Мещанинова» [6].

После сталинской дискуссии о языкознании в 1950 г. Мещанинов был освобожден и от поста директора Института языка и мышления (тут же преобразованного), и от поста академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР. Вот вам и «свободная дискуссия»!.. (Впрочем, об этом подробнее мы поговорим позже; замечу, что И. И. Мещанинов скончался в 1967 году и в том, что он не смог до конца внести свой вклад в лингвистическую науку, также виноваты гримасы и парадоксы сталинщины и ее последствий...)

Были среди учеников и последователей Николая Яковлевича Марра и те, кого марровская научная монодиета переставала полностью удовлетворять с теоретической точки зрения, а становиться лишь крикунами или погромщиками им не позволяла интеллигентность. Можно привести в пример (правда, с серьезными оговорками) первого в СССР доктора филологических наук — женщину Ольгу Михайловну Фрейденберг (кстати, кузину и ровесницу поэта Б. Пастернака; ее переписка с ним недавно опубликована). Свою докторскую диссертацию по литературоведению Ольга Михайловна защитила в 1935 году; позже ее исследование было опубликовано в виде книги «Поэтика сюжета и жанра».

Ольга Михайловна изучала мифологию, мифологическую семантику, архаическую систему осмысления мира. Ее в первую очередь интересовал фольклор, точнее говоря — античный фольклор. О. М. Фрейденберг была увлечена идеями появления первой литературы, идеями мифа как способа мысли и познания (а не только как рассказа о богах и героях...). Определенным образом это согласовалось и с воззрениями Н. Я. Марра.

Не случайно в начале творческого пути ее увлекли и идеи Марра, и его «одержимость и простота». Вот что сама

О. М. Фрейденберг писала о «динамике» своих взаимоотношений с марризмом:

«Конечно, это было огромное счастье, что я получила среду, полное понимание, друзей (речь идет о „мифической секции" Яфетического института в 20-х годах: такое примечание делает один из публикаторов записок О. М. Фрейденберг.— *М. Г.),* горячее биение научной жизни, атмосферу большой науки. Но трагедия, которая вытекала для меня отсюда же, еще не была мне видна... Мне легко показать,— исходя из хронологии работ Марра,— свою полную самостоятельность. Но я ни одного года не прожила в свободной научной обстановке. Авторитет Марра и ортодоксальность его фанатичных учеников частью сбивали меня, а частью давили и терроризировали. Но внутренне я очень скоро сбросила с себя всякое принуждение. Именно потому, что я встретилась с Марром с самостоятельной параллельной работой, я ценила, уважала и понимала Марра и органически не была в состоянии изменить ему... Между тем, весь мой труд тонул в Марре, а сама я причислялась к его ученикам. Впрочем, и тогда и потом мои достижения считались принадлежащими не мне, а марризму; напротив, все мои недостатки всегда приписывались мне одной» [7].

Дальнейшая судьба О. М. Фрейденберг свидетельствует, что торможение, которое было вызвано как марризмом и его «разгромом», так в первую очередь самой сталинщиной, ее влиянием на науку, на творчество одаренных ученых, а также неосталинщиной в разных ее проявлениях,— это не миф, а реальность. Правда, следует учитывать не только эти мемуары, но и другие публикации О. М. Фрейденберг — например ее панегирик Марру в сборнике «Восток—Запад» (М.: Наука, 1988), где она предстает чуть ли не как влюбленная фанатичка. Без этого, думаю, предисловие к воспоминаниям и письмам О. М. Фрейденберг исследователя ее творческого наследия и публикатора ее рукописей Н. В. Брагинской будет выглядеть несколько субъективным:

«В начале тридцатых, когда марровцы начинают обращаться в касту, Фрейденберг прекращает сотрудничество с Яфетическим институтом и переносит свою работу в рамки многократно переименовывавшихся филологических научных учреждений. Однако то, что именно Фрейденберг в 1932 году поручают создать в ЛИФЛИ (Ленинградский институт истории, философии и литературы.— *М. Г.*) кафедру классической филологии, связано, по-видимому, с репутацией марристки, то есть ученого „новой формации". На кафедре, созданной в 1932 году, весь цвет отечественной науки об античности... В 1935 году Фрейденберг защищает докторскую диссертацию... Во время войны и блокады Фрейденберг ни на день не покинула город; в голоде и холоде были созданы книги о Гомере, Плавте, античном фольклоре... Кафедрой Фрейденберг руководила (с перерывом на эвакуацию университета) до 1950 года,

когда марризм был уничтожен, а с ним и завкафедрой с репутацией марристки. Когда вопросы языкознания вдруг заинтересовали кремлевского горца и марризму был вынесен величайший приговор, а корыстные марропоклонники и громилы от науки расталкивали друг друга, спеша покаяться, тогда Фрейденберг, давно отошедшая от марровской лингвистики, а тем более от примитивной материалистической мистики, некритичности и вульгарщины его эпигонов, публично заявила о своем глубоком уважении к покойному ученому. С этого времени она исчезает из официальной науки вплоть до начала 70-х...» [8]

Между прочим, печальная и показательная история много раньше произошла с книгой О. М. Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра», над которой она работала 10 лет. Книга была опубликована в мае 1936 года и получила признание, однако уже через три недели ее конфисковали. 28 сентября газета «Известия» в статье «Вредная галиматья» буквально камня на камне не оставила от этой работы, практически предъявив «иск» ее автору и поставив под сомнение докторскую степень О. М. Фрейденберг. Не будем подробно описывать все злоключения ученого, для этого нужно внимательно и подробно прочитать ее воспоминания. Ограничимся одним абзацем:

«Этой страшной атмосферы не понять тому, кто не жил при Сталине. Человека издали, исподтишка начинали затравливать как средневековых колдунов и ведьм... Со мной старались не сталкиваться, чтобы не раскланиваться. Товарищи перестали мне звонить по телефону... Я продолжала читать лекции и ходить на заседанья, где студенты презирали меня, а товарищи оставляли вокруг меня все стулья пустыми; председатели не давали мне, под разными предлогами, слова. В эти дни я узнала, что значит трусость, какой цвет лица у низости, как выглядит обезличенность, лакейство, отсутствие чести» [9].

После письма О. М. Фрейденберг в самые высокие инстанции все вроде бы обошлось, и она была «реабилитирована»...

И только много лет спустя Ольге Михайловне стало известно, что травля ее книги была инспирирована И. И. Мещаниновым... [10]

И, кто знает, может быть, вовсе не случайно, а по трудно объяснимому для строгих материалистов предвидению, задолго до этих событий восемнадцатилетняя Ольга Фрейденберг (она родилась 15 марта 1890 года) на вопрос своей юношеской анкеты: «Предмет отвращения?» — ответила: «Бессознательный цинизм мысли и слова»...

Учение Марра привлекало к себе прежде всего и больше всего исследователей нелингвистов. Это, естественно, связано со спецификой научных интересов самого Николая Яковлевича. Довольно характерное заявление сделал в самом начале своего доклада «Яфетическая теория и марксизм», сопровождавшегося дискуссией (больше, правда, похожей на свод восхвалений Марра), 25 января 1928 года ученик и активный

последователь Марра историк Сергей Иванович Ковалев. Доклад и его обсуждение проходили в стенах Ленинградского научно-исследовательского института марксизма, на заседании его подсекции древней и средней истории и материальной культуры (сам институт был основан в январе 1927 года при Ленинградском коммунистическом университете). С. И. Ковалев высказался, судя по стенограмме, однозначно: «...Моей задачей является показать, что дает историку, особенно историку-марксисту, яфетическая теория... Я подхожу к яфетической теории не как лингвист, а как историк. Поэтому чисто языковая сторона теории неизбежно будет у меня (как и у очень многих других.— *М. Г.)* на втором плане» [11].

И не только у Ковалева, и не только на втором, а то и на третьем, четвертом плане бывала «чисто языковая сторона теории»... Таких примеров можно было бы привести немало! Кстати, сам С. И. Ковалев в справочнике 1926 года упоминается как доцент истории Западной Европы и Востока Ленинградского госуниверситета, профессор истории Запада Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена (между прочим, там одновременно работал старшим ассистентом истории материализма И. И. Призент: я вспомнил об этом отнюдь не ради параллели, а просто в связи с тем, что справочник указывает иную (опечатка?), чем позже, при Лысенко, орфографию его фамилии — Призент, а не Презент) [12]. Упоминается Ковалев и как преподаватель всеобщей истории в Военно-морской академии РККФ, и как председатель предметной комиссии по истории Запада Военно-политической академии РККА им. Толмачева, и как лектор Коммунистического университета им. тов. Зиновьева. Это был уже умудренный жизненным опытом человек: С. И. Ковалев родился 13 ноября 1886 года по старому стилю в Стерлитамаке. Более поздний справочник — 1934 года — показывает, что Ковалев еще сильнее, устойчивее укрепился в научных и преподавательских должностях, также в области истории... (не буду их перечислять, можете сами сверить ся со справочником) [13].

Между прочим, доклад Ковалева и прения показательны еще одним: демонстрацией того, как уже тогда, в 1928 году, при внешне благопристойном течении самого выступления и его обсуждения марристы проявляли нетерпимость и агрессивность по отношению к самой скромной и сдержанной критике дорогой сердцу теории. Стоило участнику дискуссии историку и социологу Н. Н. Андрееву вместе с убеждением в том, что «с точки зрения лингвистики Марр сделал необычайно много» и что «лингвистика в трудах Марра получила необычайно мощное орудие для дальнейшего исследования происхождения и развития языка», высказать вопрос-сомнение («Я ставлю себе, как историк-марксист, как историк культуры, вопрос, что, собственно говоря, нового дала нам теория Марра, почему именно она призвана или претендует быть призванной дать нечто осо-

бенное марксистскому пониманию истории») и сопроводить свои сомнения конкретными аргументами и фактами, как в его адрес последовал довольно жесткий «окрик» со стороны сотрудника Яфетического института и «убежденного сторонника теории Марра» (он так себя сам рекомендовал) Израиля Григорьевича Франк-Каменецкого. Н. Н. Андреев вынужден был заявить, что его неправильно поняли, что он «высказал некоторые лишь сомнения относительно тех достижений социологического характера, которые имеет эта школа», но при этом «вовсе не протестовал против нарождающегося общения марксистов с яфетистами», причем торопливость его оговорки очевидна: «...наоборот всеми силами приветствую его» (разрядка составителей сборника.— *М. Г.*). Одернула там же Андреева и историк, палеонтолог О. Г. Лифшиц... [14]

Однако в 1928 году это были все же лишь пристрелочные залпы марристских батарей... Залпы мощные, спланированные, «очищающие» и в значительной мере беспощадные последуют немного позже. В 1928—1931 годах началась шумная кампания борьбы марристов с «буржуазным индоевропеизмом»,— причем при поддержке видных ученых-нелингвистов. Одним из ярких примеров стала так называемая «поливановская» дискуссия в Москве, прошедшая в январе—феврале 1929 года...

Обратите внимание: по материалам тех лет отчетливо просматривается, что массовая пропаганда все более и более настойчиво внедряла в сознание людей мысль о непререкаемости авторитета одного человека — И. В. Сталина — уже именно с конца 20-х годов [15]. Авторы интересной коллективной монографии «Советская культура в реконструктивный период. 1928—1941», которая к моменту ее выхода в 1988 году, на мой взгляд, являлась одним из первых подлинно научных описаний обстановки начала складывания и произрастания сталинщины (и анализа причин этого процесса), отмечают, что существовал целый комплекс причин развития системы «единоличного, авторитарного политического руководства» [16]. А культ личности создавал особую форму духовного самоотчуждения человека: «Объективно существующее и весьма распространенное в мелкокрестьянской стране стремление к догматизации истины, „простым ответам“, замене убеждения верой, иллюзорные попытки „быстрого движения“ к вершинам марксизма, против которых резко выступал В. И. Ленин на III съезде комсомола, превращаются в идеологической системе культа личности из „неизбежного зла“ в идеал „нерассуждающего исполнителя“» [17].

Да, конечно, не сразу возникал у людей (а также и из самих людей и их мнений, поступков) особый идейно-психологический комплекс и не все наши сограждане в 30-е годы были носителями «отчужденного сознания», как подчеркивается в цитируемой книге, но все же этот комплекс складывался и укреплялся... Научные дискуссии делали ему особую прививку

на развитие и усиление особенно у молодых людей, в чем мы с вами убедимся дальше на нескольких примерах. Как это было опасно! И как далеко, к сожалению, зашли последствия развития такого идейно-психологического комплекса...— вплоть, думаю, до 60—70-х годов и даже, в какой-то мере, и до нашего нынешнего времени.

Можно не видеть в хронологических совпадениях особого смысла, но согласитесь, что цифра 1929 представляет собой некий символ.

Год, когда «первым заметным всплеском» культа личности стало празднование 50-летия со дня рождения Сталина, «превращенное в важное политическое событие» [18].

Год, когда марристы, используя именно политические ярлыки и лобовую агрессивную атаку, практически устранили со своего пути в советской науке основного теоретического оппонента — профессора Поливанова. Немалую роль в этом сыграли не только сподвижники Марра, но и его молодые ученики...

Еще один пример. Вряд ли можно признать случайным, тот факт, что в таком издании (сейчас это — библиографическая редкость!), как «Русский язык. Материалы для заочной подготовки в Ленинградский коммунистический университет» в разделе «Работа над книгой» (где даются упражнения по расстановке знаков препинания в текстах, упражнения по составлению планов к статьям и их конспектированию) есть немало отрывков из работ Ленина (например, из статей «Объяснение закона о штрафах», «Учение о классовой борьбе»), и одновременно достаточно много отрывков из статей Сталина — «Внешняя и внутренняя обстановка Октябрьской революции», «Стиль в работе» и др. Это учебное пособие вышло в свет в том же 1929 году! [19] Правда, вслед за статьями Сталина составители сборника С. Г. Бархударов и В. Н. Птицын поместили тогда и статью Бухарина «Класс, партии, вожди»! Гримасы истории: учебное пособие по русскому языку для заочников ЛКУ было потом изъято из учебного процесса, библиотек и т. д.!

Доклад, с которым Е. Д. Поливанов выступил 4 февраля 1929 года на заседании подсекции материалистической лингвистики (за год до того организованной Марром) секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии (то было в Москве, на Волхонке, 14, причем дискуссия продолжалась целых три дня — 4, 18 и 25 февраля), назывался «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория»; надо учитывать, что Евгений Дмитриевич сам вызвался его сделать. В нем Поливанов подробно, с фактами в руках, аргументированно и достойно (известна стенограмма заседания) разобрал все плюсы и минусы яфетической теории. Замечу, что Евгений Дмитриевич отнюдь не пытался унизить Марра или объявить его вообще несостоятельным в науке. Нет, мысль его была иной: считая Марра талантливым ученым, одаренным археологом, филологом, даже подчеркивая определенные успехи яфе-

тической теории в сравнительно-грамматическом исследовании южнокавказских языков (т. е. сделанные до выхода теории за кавказский ареал), Поливанов подчеркнул, что «за вычетом яфетической теории остается очень много материала, который делает Марра великим ученым» [20]. Однако затем Поливанов сделал очень четкий разбор самой теории, показав, в чем она не нова, а в чем ошибочна. О ходе этой дискуссии и доводах Поливанова подробно рассказывается в той интересной работе профессора В. Г. Ларцева, о которой я уже упоминал [21].

Дискуссия была разыграна марристами как по нотам; из 30 выступавших почти все (бывшие или нелингвистами, или «верными стражами материалистической лингвистики») обрушились на Поливанова с резкой критикой, дошедшей в ряде выступлений до политических обвинений: называли его и «идеологическим агентом международной буржуазии», и «кулацким волком в шкуре советского профессора» и т. п. Ситуация была сложнее, чем ее сейчас иногда мы себе представляем: выступали также Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков, Р. О. Шор, бывшие серьезными лингвистами и не во всем поддерживавшие Марра. Но все-таки было на общем фоне и исключение — выступление известного слависта-компаративиста профессора Г. А. Ильинского в защиту и поддержку Поливанова.

А затем — началась кампания клеветы и травли Поливанова, в которой особенно усердствовали молодые ученики Марра. Любопытно, что материалы этой дискуссии со злобными выпадами против Поливанова и кучей восхвалений Марра были опубликованы 1 марта 1929 года в газете «Вечерняя Москва» в рубрике с примечательным названием — «Классовая борьба в науке» (а сам материал был озаглавлен так: «Кто травит академика Марра?» — гонители изображали из себя гонимых...). В начале публикации некий «общий» политический соус был вполне созвучен эпохе: «...Проф. Е. Д. Поливанов был выдвинут реакционной частью московской и ленинградской профессуры как некий таран против попыток внести в науку о языке принципы диалектического материализма»; в конце статьи следовал переход уже к голым обвинениям и доносам, никакого отношения к науке не имевшим (запомните этот факт, ибо через двадцать лет, в конце 40-х годов, заметно подросшая марровская поросль будет использовать точно такие же методы...): «Разоблачая постоянные стремления проф. Поливанова прикрыть свою реакционную теорию марксистской фразеологией.., тов. Охитович огласил документ, из которого стало ясным, что неистовый критик яфетической теории, поучающий Коммунистическую академию, чтобы она была „прежде всего марксистской“, в своем прошлом является... членом монархического „Союза русского народа“. Общественная подоплека кампании против акад. Н. Я. Марра стала для всех очевидной» [22].

Да, возраст человека и энергия при травле им противника бывают обычно взаимосвязанными. Скажем, Владимиру Макси-

мовичу Фриче (он, между прочим, как раз в 1929 году стал академиком...), литературоведу и искусствоведу, методологу вульгарного социологизма, марристу, было в год «поливановской» дискуссии 59 лет; кстати, он в тот же год и скончался. А вот Валериану Борисовичу Аптекарю — тридцать.

Это была личность весьма примечательная!

Не тем, что он, именно он вместе с пожилыми Марром и Фриче был руководителем подсекции материалистической лингвистики Комакадемии (Фриче руководил и всей секцией литературы, искусства и языка). Дело даже не в должностях: Аптекарь, врач по образованию, в те и последующие годы был действительным членом Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), сверхштатным профессором Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ), доцентом педфака 2-го МГУ, научным сотрудником НИИ этнических и национальных культур Востока. Нет, дело в ином: это был человек именно новой формации, новой интеллигенции (точнее — худшей ее части), с успехом заменявшей отсутствие знаний революционной фразой, часто — очень агрессивной и опасной. Чтобы не показалось, что я в чем-то преувеличиваю, предоставлю слово О. М. Фрейденберг, которая хорошо знала Аптекаря и упомянула о нем в своих мемуарах:

«Я готовилась к отъезду в Москву. В Коммунистической Академии орудовал почитатель Марра, фамилия которого была Аптекарь (кстати, действительно подходящая фамилия для подмастерья алхимика.— *М. Г.),* а имя — Валериан. Марр договорился с ним о Прокриде (Фрейденберг говорит о своей книге, которая потом была опубликована под названием „Поэтика сюжета и жанра“ и первоначально называлась по имени героини древнегреческого мифа: Аптекарь имел отношение к руководству книгоиздательскими делами.— *М. Г.).*

В Москве я познакомилась с Аптекарем. Это был разухабистый, развязный и дородный парень в кожаном пальто, какое носили одни „ответственные работники“. Ходил он раскачиваясь, словно не желая признавать препятствий. Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень или местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний („методологии“) не нужны самые знания...» [23]

Уже после того, как были опубликованы воспоминания О. М. Фрейденберг, все в той же своей домашней библиотеке, перебирая старую периодику, я случайно обнаружил подтверждение оценкам автора цитируемых записок. Вот передо мной номер 1-й журнала «Октябрь мысли» (да, был и такой) за 1924 год — органа Общества культурной смычки «О.К.С.» и

Общества по изучению культуры современности (оно именовалось, так же как и журнал, «Октябрь мысли»). Редакция его помещалась в Москве, на Никитском бульваре. Свою программу журнал заявил в трех словах: культура, марксизм, современность. А открывается номер статьей того самого... В. Аптекаря «Борьба за культуру», основной смысл которой заключается в том, что пролетариат должен иметь свою культуру: «Чтобы построить свое государство, которое, отмирая, превратится в коммунистическое общество, пролетариат должен иметь свой план, свою культуру. Пользование чужой может привести к тому, что новый дом будет, как две капли воды, схож со старым, другими словами, работа может оказаться бесполезной. А этому не должно быть места [24]. ...Основное лежит не в проблемах театра, поэзии, искусства вообще, но и коренится в организации общества и общественных отношениях людей в первую очередь. ...Диктатура пролетариата и плановое хозяйство — база пролетарской культуры. ...Почему же, переходя к области „духовной" культуры, не продолжать идти тем же шагом? (Аптекарь имеет в виду восстановление и развитие народного хозяйства страны, связанное с электрификацией.— *М. Г.)* Почему и здесь не ввести „электрификации"? Почему до самого пришествия коммунизма отсиживаться на объедках буржуазии, терпеливо выслушивая от нее учительские поучения?» [25]

Это было опубликовано в 1924 году. А в 1929 году Аптекарь стал одним из самых активных гонителей Е. Д. Поливанова, марая его клеветой и грязью, борясь таким способом за чистоту «марксистского языкознания». Это видно, в частности, и по его выступлению непосредственно на самой дискуссии, и по соответствующей статье в журнале «Русский язык в трудовой школе» (№ 4 за 1930 г.), и по книге, которую Аптекарь написал с другим верным приспешником Марра — С. Н. Быковским, почти своим сверстником (Быковский родился в 1896 году, до встречи с Марром преподавал историю в Вятском педтехникуме), «Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов» (издана в Москве в 1931 году), и по «персональной» книге Аптекаря «Н. Я. Марр и новое учение о языке» (выпущена в свет в Москве в 1934 году). Выступления Поливанова с критикой учения Марра Аптекарь в своей последней книге назвал не иначе, как «истошными воплями эпигона субъективно-идеалистической бодуэновской школы», а самого Поливанова — «разоблаченным в свое время черносотенным лингвистом-идеалистом» [26]. Кстати, обвинения Поливанова в членстве в „Союзе русского народа" были сфабрикованы одним из выступавших в дискуссии, а «улики» — подтасованы... Между прочим, С. Н. Быковский пошел в карьере дальше Аптекаря, став заместителем Марра — зам. председателя ГАИМК и обладателем ряда других важных «портфелей».

Что же касается Е. Д. Поливанова, то уже к концу 1929 года он был снят со всех своих должностей, отстранен от научной и педагогической деятельности в Москве (даже изымались из рабочих планов издательств его книги, а уже имевшиеся наборы в типографиях рассыпались...) и вынужден был уехать в Среднюю Азию, сначала — в Самарканд. От жизни ведущих научных центров страны он был отстранен и имя его старались не упоминать... (или только с руганью).

Конечно, говоря о складывавшемся в сознании людей идейно-психологическом комплексе, характерном для той эпохи конца 20-х — начала 30-х годов, можно было бы в качестве оправдания и покаяния привести довольно образные строки поэта Юрия Левитанского:

...Сомнений дух над нами не витал,
и в двадцать лет, доверчивый не в меру,
уже скопил я круглый капитал
готовых истин, принятых на веру.

Старательно заученные мной,
записанные твердо на скрижали,
они меня, как каменной стеной,
удобно и надежно окружали [27].

К сожалению, в руках и устах таких, как Аптекарь, Быковский и иных погромщиков от марризма (кстати, им все-таки было уже не по двадцать лет), «готовые истины» были жестоким и действенным оружием, а не просто «удобной и надежной стеной»,— вот в чем дело... Вот в чем опасность!

Именно такой «публике» было просто в сталинскую эпоху. В унисон с нашими рассуждениями звучат, например, слова из воспоминаний писателя А. Тарханова — отрывок о коменданте поселка переселенцев в Сибири некоем Захарове, человеке малообразованном и жестоком:

«Ставка Сталина как раз и была на таких захаровых, невежественных и жестоких лакеев. Захаровы упивались полученной властью. Они не служили, они выслуживались в государственных и репрессивных аппаратах. Не идейность и интеллектуальность человека служили гарантией продвижения по служебной лестнице, а его услужливость и хамовитость, своекорыстие и беспринципность. В этой ненормальной обстановке и появились у власти, что вполне закономерно, берии, ежовы, вышинские и прочие.

Здесь, по аналогии, мне вспоминается самый злой и упрямый сорняк — чертополох. Сколько угодно срывай, топчи, губи стебель — все бесполезно, коли жив корень. Так вот, разоблачив культ Сталина, мы, образно говоря, убрали с житейского поля только стебли зла. Корни же остались жить и расти. И дали потом пышные всходы при Брежневе» [28].

Запомните последнее суждение писателя, мы к нему так или иначе вернемся, когда речь в конце книги зайдет о годах правления многозвездного генсека! Большую опасность со стороны доктринеров мировой революции видел в последние годы жизни и Ленин. В ходе развития социальных процессов в обществе, развития процессов внутри партии многое должно его было не только насторожить или разочаровать, но, думается, и ужаснуть. Вот мнение доктора исторических наук, профессора Дипломатической академии МИД СССР В. Сироткина, известного своими «нестандартными» публикациями по новейшей истории нашей страны:

«Владимир Ильич видел, что к правящей партии примазываются „мазурики", мещане, тот самый, по словам Д. Мережковского, „великий хам", который был готов за пайки и другие социальные блага служить любому режиму...

Поистине все в истории человечества повторяется. Французские революционеры конца XVIII века также провозгласили глобальную цель — „мир хижинам, война дворцам" и также погибли в междоусобной борьбе, а власть досталась „новому дворянству" во главе с „маленьким капралом" Бонапартом...» [29].

Кстати, именно в ту же пору известный шведский лингвист Ханнес Шёльд издал свою брошюру, где достаточно подробно проанализировал научные воззрения академика Н. Я. Марра. Не имея возможности пересказать подробно этот комментарий, приведем лишь одно весьма показательное суждение: «Если отслоить общие формулируемые положения марксизма, образующие внешний научный каркас фантазий Марра, в итоге останется только марризм. Мне кажется, что его лучше называть маразмом» [30]. Заметьте: Х. Шёльд был не просто опытным исследователем-языковедом, он был и коммунистом!

В советской лингвистике все уже перестало ограничиваться лишь резкими упреками научным оппонентам в том, что они не хотят понять или принять теорию марризма. Нет, ученики Марра знали, ЧТО говорить и КОГДА говорить: в стране запахло серой... [31] И когда летом 1931 года увидела свет брошюра В. Б. Аптекаря и С. Н. Быковского, о которой уже упоминалось выше, то в ней совершенно не случайно, а наоборот — в соответствии с первым ледяным дыханием сталинщины и «современного положения» давалась конкретная рекомендация, вносилось предложение — «...провести чистку всего научного и научно-технического состава лингвистической научно-исследовательской сети, ведя линию на удаление индоевропеистов и маскирующихся марксистской фразой двурушников, обеспечивая руководство за лингвистами-марксистами»; привели Аптекарь и Быковский и конкретный список «буржуазных индоевропеистов»: Богородицкий, Бубрих, Булаховский, Дурново, Карский, Петерсон, Пешковский, Ушаков, Щерба [32].

В такую атмосферу втягивалось и более молодое поколение

советских языковедов, которые избрали в своей работе направление и ориентиры, предложенные Марром. Об этом пишет в своих воспоминаниях воспитанник Н. Я. Марра по семинарам во 2-м МГУ и его аспирант Федот Петрович Филин:

«...Я... воспользовался рекомендацией академика Н. Я. Марра и поехал в Ленинград, где ... встретился со своими молодыми товарищами и друзьями, из которых уже многих нет в живых (но есть и ныне живущие). Это была первая аспирантура вообще в Академии наук, которая началась в 1929 году. С. Г. Бархударов, аспирант поступления 1929 года (я немного позже поступил в аспирантуру), В. Н. Ярцева, С. Д. Кацнельсон, М. М. Гухман, Р. А. Будагов, В. И. Абаев... Тогдашние молодые, юное поколение лингвистов. В Ленинграде были сконцентрированы очень большие лингвистические силы. Прежде всего, сам директор Института — Николай Яковлевич Марр. ...Дело не в его полиглотизме. Знаний у нас тогда было очень немного. Нас привлекал гигантский масштаб его идей. ...У меня было два научных руководителя. По общему языкознанию — Н. Я. Марр, по русскому языку — С. П. Обнорский. Ученые не очень соединимые, но, как говорится, из песни слово не выкинешь. Так было. Занятия также проводил И. И. Мещанинов...» [33] К большому сожалению, многие из этого «юного поколения лингвистов» не только оказались на время вовлеченными в атмосферу непарламентских научных дискуссий марристов с их оппонентами, но и на долгие годы сохранили к этому вкус, впоследствии значительно развив его...

Возьмем пример из борьбы марристов с «Языкфронтом» — коллективным их соперником в борьбе за руководящие позиции в языкознании. Его называют иногда «буферной» группой — представители «Языкфронта», с одной стороны, отошли от индоевропейской компаративистики как «старой» науки и даже отмежевались от нее, с другой стороны, критиковали последователей Марра и самого академика за вульгаризацию марксизма в вопросах теории языка; впрочем, долго сопротивляться атакам марристов «Языкфронт» не мог и в 1932 году самораспустился...

В сентябре и октябре 1930 года все в той же Коммунистической академии была организована шумная дискуссия — стычка марристов и языкфронтовцев, не обошедшаяся без мощных контратак последних; дискуссия кончилась «вничью». Но в 1932 году, по итогам прошедших событий, был опубликован сборник статей с весьма показательным — аппетиты росли, время шло! — названием: «Против буржуазной контрабанды в языкознании», где к позорному столбу были поставлены все сколько-нибудь заметные ученые той эпохи (не случайно в ходе дискуссии марристы придумали новый термин: «возрожденная поливановщина» и даже — «неополивановщина»). Ф. П. Филин, аспирант Н. Я. Марра, опубликовал в этом сборнике три статьи и предисловие (в 1978 году вышла в свет биобиблиография

Ф. П. Филина под редакцией верного единомышленника и последователя Федота Петровича члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева, — в этом издании было уточнено авторство Филина и в отношении того, что в указанном сборнике «Против буржуазной контрабанды» им подписано не было...). Так вот, например, в своей статье «Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа „Языкфронт“» совсем еще начинающий исследователь, 24-летний Федот Петрович, весьма «грамотно» и «в духе времени», в духе своих наставников громил такого же молодого коллегу — Тимофея Петровича Ломтева (тому было тогда 26 лет):

«Через Гумбольдта Ломтев протаскивает кантианство в его самой реакционной части. Лозунг: „Назад, к Гумбольдту!“, которого придерживается Ломтев, равнозначен социал-фашистскому лозунгу: „Назад, к Канту!“ Под флагом марксистской фразеологии Ломтев протаскивает социал-фашистскую контрабанду, совершенно не считаясь с тем, что доклад он делает в стенах Коммунистической академии» [34].

Конечно, мы не станем прямо сравнивать по событиям 1932 года далекого от науки погромщика Аптекаря, отличившегося в травле Е. Д. Поливанова, и более молодого, увлеченного идеями Марра Ф. П. Филина.

Для характеристики феномена «аптекарей» у нас есть прекрасная иллюстрация из русской классической поэзии — стихотворение Владимира Сергеевича Соловьева, нашего отечественного философа и литератора, сына известного историка С. М. Соловьева,— «Своевременное воспоминание»:

Израиля ведя стезей чудесной,
Господь зараз два дива сотворил:
Отверз уста ослице бессловесной
И говорить пророку запретил.
Далекое грядущее таилось
В сих чудесах первоначальных дней,
И ныне казнь Моаба совершилась,
Увы! над бедной родиной моей.
Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Хотя за грех иной, чем Билеам,
Заграждены уста твоим пророкам
И слово вольное дано твоим ослам [35].

Конечно, стихотворение это создано на основе конкретного библейского сюжета о божьей каре, посланной на землю Моаб, о просьбе царя Моаба к пророку Валааму (Билеаму) проклясть врагов его земли, когда бог «затворил ему уста», а пророк благословил их и т. д., и написано оно в защиту конкретного русского писателя. Однако, согласитесь, оно кажется точной иллюстрацией к образу марриста Аптекаря, травившего Поливанова и его единомышленников.

С Федотом Петровичем Филиным — немного сложнее. Конечно, многим хотелось бы, как, например, одной ученице Филина по ЛГПИ им. А. И. Герцена (приславшей после публикации статьи в «Литературке» целый ворох «обличающих» меня писем — вплоть до ЦК КПСС, хотя, точнее, именно с письма в ЦК она и начала...), видеть в приведенном примере из статьи Филина лишь «полемический стиль, присущий дискуссиям 30-х годов»... Точно такая же мысль содержится и в другом письме уже ближайших сподвижников Филина по ИРЯ АН СССР — «язык полемики тех лет был, действительно, зачастую прямолинеен, политически ортодоксален...». Хотя обвинения в социал-фашизме, высказанные в адрес советского ученого в 1932 году, увы, признать «полемическим» приемом никак нельзя: это точно рассчитанный удар, весьма похожий на политический донос. И, говоря об этом, можно было бы привести иные примеры, показывающие, как «чутко» и «внимательно» усваивал уроки своих старших единомышленников молодой Федот Петрович, а потом последовательно эти уроки реализовывал. Ограничусь лишь еще одним: сопоставьте предложение Аптекаря и Быковского о чистке «индоевропеистов» и удалении «двурушников-марксистов» в их брошюре с теми предложениями, которые высказывал уже не мальчик, а вполне сформировавшийся ученый муж Ф. П. Филин, профессор и фактически директор института, в 1948 году. Их вы найдете в работе Ф. П. Филина «О двух направлениях в языковедении», цитируемой во второй части моей книги, а также в главе «Новые зерна ветвистой пшеницы». Да, к сожалению, подчеркиваю — к большому сожалению! — молодой ученый слишком хорошо усвоил данный ему урок... И в этом я тоже вижу вину эпохи!

Однако хочется сказать еще об одном: нельзя кивать только на обстоятельства... Нельзя! Кое-кто, например, и осуждение Бориса Пастернака, напичканное политическими обвинениями в ходе общемосковского собрания писателей 31 октября 1958 года, и лишение Бориса Леонидовича звания советского литератора считает вполне соответствующим «духу времени» и готов спрятаться за этим аргументом. Но я бы привел мнение по этому поводу нашего известного ученого и публициста доктора философских наук Валентина Толстых:

«...Ссылка на обстоятельства (любые!) никогда в глазах настоящего интеллигента не может быть оправданием дурного поступка. Развитое чувство собственного достоинства не позволит интеллигентному человеку свалить вину за участие в неблаговидном действии на кого-либо другого, в том числе и на „такие были времена“. Увы, среди всех прочих деформаций и девальваций (отлучение крестьян от земли, „огосударствление“, бюрократизация общественной жизни и т. п.) то, что произошло с интеллигенцией и интеллигентами, с „солью земли русской“, производит особенно гнетущее впечатление и зрелище».

Рассуждая о том, что в разные времена были, разумеется, и

те, кто не ломался, несмотря ни на что, не сгибался и при этом не считал себя ни героем, ни мучеником, В. Толстых пишет: «Для них противостояние „таким временам" было отнюдь не донкихотством, а естественным выражением их духа, той самой *особенности* их человеческого и художнического призвания, которое является неотъемлемым признаком подлинной интеллигентности». И, кстати говоря, он совершенно справедливо подчеркивает то, что нам, нынешним, оправдаться за прошлое трудно, поскольку происшедшего не изменить, однако стыдиться всего этого и каяться и в собственном равнодушии, и пассивности в «застойные» времена — нужно. Для чего? Для того, чтобы «вернуть себе ту самую особенность образа жизни и поведения, которой всегда отличалась передовая русская интеллигенция» [36].

Поразмышляйте, пожалуйста, над этим на досуге, уважаемые читатели. Ибо, вероятно, каждому из нас есть чего стыдиться. И каждому еще необходимо время и силы, чтобы прийти к той самой особенности образа жизни и поведения, которая действительно была у русской интеллигенции.

Вернемся в начало тридцатых годов. Чему учит нас горький опыт и тех, и других, и третьих учеников, последователей академика Н. Я. Марра?

Приведу высказывание покойного академика И. А. Орбели, известного советского филолога, директора Государственного Эрмитажа в 1934—1951 годах, близко знавшего и почитавшего Николая Яковлевича Марра:

«Знаете ли вы, что все эти нелепые построения, которые потом были возведены в предмет культа, шли не от Марра, а из условий, которые создали вокруг него ... угождатели?.. Если человек создал, придумал рабочую гипотезу, можно ли было хором, на страницах печати, с домыслами, со ссылками на то, что это чисто марксистские суждения, разъяснять это как величайшую истину, как тезисы, на основе которых должно строиться подлинное языкознание?» [37].

Конечно, мнение И. А. Орбели нельзя до конца признать справедливым, поскольку он сам был учеником и соратником Марра еще с дореволюционных времен и в немалой степени способствовал распространению его учения, особенно после смерти Николая Яковлевича. Да к тому же весьма настойчив в утверждении «яфетической теории» — «нового учения о языке», которую он отнюдь не считал «рабочей», был и сам Николай Яковлевич (примеров этой настойчивости, зачастую переходящей в жесткость, мы немало найдем даже в книжке В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности»). Но все же Орбели, используя его же собственный термин, конечно, никак нельзя причислить к «угождателям» Н. Я. Марра [38]. А таковые были, и после смерти Марра они действительно сделали из него свое знамя,

используя в целях, порой весьма далеких от чисто научных интересов...

В чем урок этого? Конечно, в том, какое отрицательное влияние оказал весь дух того времени, а не только сталинщина, и на обстановку в науке, и на формирование научных кадров, их духовного облика, системы нравственных ценностей. А еще в чем? Я позволю себе еще раз вспомнить о «деле Пастернака», и пусть простит мне пристрастный читатель такую достаточно вольную и пространную историческую параллель (хотя параллель состоит именно в общности нравственного камертона!)... В связи с опубликованием в советской печати в 1988 году стенограммы памятного заседания московских писателей (через тридцать лет!) кандидат исторических наук Н. Прошунин высказал во вдумчивой и серьезной статье, лишенной, думаю, налета временной конъюнктуры, ряд идей, так сказать, аналитического характера:

«...Когда в каком-нибудь коллективе (а лингвистическую науку тоже можно считать коллективом, не говоря уже о конкретных научных организациях. — *М. Г.*) создается обстановка, исключающая свободу мнений и критики, не требующая ничего ни доказывать, ни опровергать, а только громить и обличать, тогда верх берут не лучшие силы. Тогда правят бал завистливая и мстительная посредственность (а посредственность, иногда рядящаяся даже сейчас, в начале 90-х годов, в профессорскую или академическую мантию, всегда агрессивна... — *М. Г.*), ханжество и лизоблюдство, тщеславие и карьеризм. Их голосом перекрывается и подавляется все и вся. Такое бывало и в искусстве, и в науке, и в политике. Что в обстановке несвободы и гонений на поверхность всплывают всякие пролазы, отмечал еще Карл Маркс. Преобладание таких субъектов было подавляющим, например, при бисмарковском законе против социалистов. Правда, Маркс видел в этом и полезную сторону. „Какое благо,— писал он,— сотворил Бисмарк, *не для себя, а для нас,* тем, что благодаря вынужденному безмолвию в Германии стало возможным отчетливо услышать этих молодцов!" Столь же отчетливо были слышны в России ликвидаторы, которые с молчаливого одобрения цензуры вели забронированную от ответов полемику против нелегальной партии. Недаром рабочие называли их гробокопателями. О тех, кто в более поздние времена и совсем недавно были слышны у нас особенно отчетливо, не стоит и говорить, чтобы не впасть в банальность. Но извлекать уроки и делать выводы необходимо» [39].

О более поздних и сравнительно недавних временах в языкознании, в частности в русистике, нам еще придется в этой книге вспоминать. Но я должен, соглашаясь в принципе с Н. Прошуниным, при использовании его суждений в применении к лингвистике 30-х годов, дополнить его мнение одной чрезвычайно существенной, на мой взгляд, мыслью. «Не лучшие силы» начали постепенно брать верх в лингвистической науке

еще и потому, что *лучшие силы* в той или иной мере ослаблялись, отстранялись или же просто уничтожались в ходе развития и утверждения антидемократической социально-политической структуры, сталинского культа, в ходе печально известных массовых сталинских репрессий, распространившихся на сотни тысяч лучших людей нашей страны, на миллионы ее честных граждан...

Вслед за Фазилем Искандером, написавшим прекрасное философское предисловие-эссе к журнальной публикации романа Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей», могу только повторить: «Там, где нарушено право, все превращается в факультет ненужных вещей: совесть, жалость, любовь, честный труд, традиции народа. Там, где право заменено зыбкой категорией классовой целесообразности, никто не чувствует себя в безопасности. Вчерашний всесильный палач сегодня может стать жертвой» [40].

У нас нет права назвать В. Б. Аптекаря палачом (какие термины подобрать, чтобы емко определить его травлю Е. Д. Поливанова?). Но хочется сказать, что судьбы людей в эпоху тоталитаризма вряд ли принадлежали им самим: Валериан Борисович Аптекарь, как и многие другие политработники от науки, сам был репрессирован и уничтожен. Его судьбу разделил и Быковский. Недавно установлено: оба они были расстреляны.

Когда шла работа над верстkой моей книги, стали известны некоторые подробности гибели Е. Д. Поливанова. Подвергаясь жестоким приемам допросов на Лубянке, Евгений Дмитриевич 15 октября 1937 года подписал протокол о том, что его якобы еще в 1916 году завербовала японская разведка, на которую он работал до самого 1937 года, имея связником корейца Н. Кима, и поставлял шпионские сведения (например, о введении глиссеров на Амударье). Обвиняясь по страшным статьям 58-1а, 58-8 и 58-11 УК РСФСР Евгений Дмитриевич Поливанов остался верен ПРАВДЕ и ЧЕСТИ — он сделал во время суда следующее заявление: «Виновным себя не признаю. От своих показаний на предварительном следствии отказываюсь, так как они ложные. Работал всегда честно и шпионом никогда не был» (документ найден в архивах КГБ...).

Нет памятника на могиле Поливанова, ибо не знаем, где Евгений Дмитриевич похоронен. Но 30 октября 1990 года на площади Дзержинского в момент открытия памятника миллионам жертв тоталитарного режима (знаком этим стал камень с территории Соловецкого лагеря особого назначения) священник Глеб Якунин отслужил панихиду и по Поливанову, ибо вечная память была провозглашена всем убиенным циничной системой нашим согражданам...

Глава 6
МИНУС ТРИДЦАТЬ

...Русская земля держится божьим милосердием, и милостью пречистой богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями... Не предавали мы своих воевод различным смертям, а с божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить...

Кровью же никакой мы церковных порогов не обагряли; мучеников за веру у нас нет; когда мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо... то мы награждаем их великим жалованьем; тот же, который, как я сказал, противится, заслуживает казни за свою вину. А как же в других странах сам увидишь, как там карают злодеев — не по-здешнему!.. А в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою. А мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали; если же ты говоришь о изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят...

Иван ГРОЗНЫЙ
«Первое послание Ивана Грозного Курбскому». 1564 год

Еще в 1928 году академик Н. Я. Марр написал: «Теперь некуда уходить: от разлагающих старое учение семян яфетической теории нельзя спастись ни в какой стране, ни в какой научной эмиграции, ни внешней, ни внутренней» [1]. Основоположник «нового учения» о языке разумел в этом тезисе, как ему виделось, судьбу своего научного детища. Однако по горькой иронии жизни слова Марра можно считать пророческими для судеб людей, судеб ученых, по которым прошел чугунный каток вновь рожденной репрессивной системы (жестокая ирония заключалась и в том, что репрессированными могли оказаться и оказывались и сами марристы...).

Постепенно, по мере того как на башне советского языкознания поднимался один единственный флаг—штандарт марризма, а сама обстановка в стране становилась все более и более тревожной, с лучшими лингвистическими, филологическими кадра-

ми нашей науки происходили разнообразные «метаморфозы».

Речь не о тех языковедах, которые еще при жизни Марра уяснили для себя преимущества монизма в науке, столь характерного именно для эпохи сталинщины (и оставившего после себя длинные, мощные корни...), или же встали под этот флаг после смерти академика. Речь и не о тех, кто оказался слаб душой и за ту или иную цену выкупил у марристов или научных политработников для себя индульгенцию.

Многие умные, порядочные, одаренные и преданные научной истине лингвисты не сдавались. И очень часто исчезали из научной сферы или просто из самой жизни. Исчезали по-разному.

Необходимо одно принципиальное уточнение. Высылка за рубеж или подталкивание к эмиграции, заключение в концлагерь или ссылка в «места не столь отдаленные», пытки в тюремных застенках, физическое уничтожение после наспех сфабрикованного обвинения и судебного разбирательства (а то и просто тайное уничтожение...) многих из советских филологов, лингвистов, как правило, не имеют причиной «оппозиционность» этих ученых по отношению к марризму, к «новому учению о языке» или к отдельным его представителям и сталинским генералам и офицерам от науки... Это нужно понимать и учитывать!

Невольно приходит на ум мысль о целом ряде параллелей, общих черт у марристов и рапповцев. Хотя бы общности в том, что в конце 20-х годов рапповцы произвели опустошительный разгром всего лучшего, что было в нашей литературе, и нет никакого резона отводить от них обвинения в этом [2]. Философия многих деятелей РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей. — *М. Г.*) и его руководителей была практически той же, что исповедовал и сам Марр, и его ближайшие ученики и последователи. Да и приемы в борьбе с оппонентами были у рапповцев и марристов практически идентичными. А некоторые из марристов, в частности «процветавшие» уже после сталинской дискуссии, являлись членами РАПП и в прямом смысле... Кстати, Сталин в одной из своих «языковедческих» статей 1950 года сопоставил Марра с пролеткультовцами и рапповцами. Однако еще раз подчеркну: глубинные противоречия сталинщины и тоталитаризма культа, геноцида, развязанного вождем, в целом всей системы сказались и на тех, и на других.

В самом конце 1988 года известный наш театровед доктор искусствоведения Анатолий Миронович Смелянский опубликовал в «Библиотеке „Огонек“» примечательное эссе «Уход (Булгаков, Сталин, „Батум“)». Размышляя о творческой судьбе Михаила Афанасьевича Булгакова как драматурга, об ужасах, страхах, гримасах и болях сталинской эпохи, А. Смелянский пишет: «Руками рапповцев был осуществлен разгром „попутнической“ литературы, на следующем этапе они стали не нужны и были столь же безжалостно перемолоты отлаженной машиной, которой они были одновременно и создателями, и жерт-

вами. Ко многим из них вполне применимы пастернаковские строки, написанные в конце 20-х годов: „Я знаю, вы не дрогнете, сметая человека. Что ж! мученики догмата, вы тоже жертвы века“» [3].

Конечно, параллель эта не полна. К тому же марристы не успели все же разгромить «попутчиков» в языкознании — «буржуазных индоевропеистов» — ни в конце 20-х, ни в 30-х или 40-х годах, а ведь все шло именно к этому. Да и сами «рапповцы от языкознания» в целом были устранены Сталиным из активной жизни много позже — лишь в 1950 году (хотя кого-то устранили уже в 30-х годах). На их долю не выпали серьезные страдания после осуждения вождем — кого-то на время отстранили от исследовательской, кого-то от преподавательской работы, кого-то сняли с должности (да снятому еще и покаяться публично пришлось), но избиения кадров и их уничтожения в 1950 году, в отличие от горькой доли других лингвистов, не последовало...

Еще задолго до «канонизации» псевдомарксистского учения Марра, еще до начала периода массового террора в стране некоторые языковеды были вынуждены покинуть пределы нашей страны. Прискорбно, но именно там, за рубежом, а не у себя на родине они получали и получили настоящее признание, обогатив мировую лингвистику. Достаточно назвать лишь три фамилии — С. О. Карцевский, Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон. Конечно, у каждого из них была своя судьба: Карцевского вообще нельзя в полном смысле считать эмигрантом, поскольку он жил и работал за границей и до революции, Трубецкой во время гражданской войны оказался на территории, занятой белыми, эмигрировав в итоге вместе с ними, а Якобсон уехал из Советской России в 1921 году. Но это — действительно признанные светила мирового языкознания, о которых ныне не стесняется упомянуть даже Советский энциклопедический словарь.

С. О. Карцевский (1884—1955) — один из основоположников всемирно известной женевской школы языкознания (жаль, что Советский энциклопедический словарь лишь деликатно замечает, что он «большую часть жизни работал в Швейцарии», — можно подумать, что он там находился в служебной командировке по линии какой-то советской организации...).

Н. С. Трубецкой (1890—1938), один из основателей и теоретиков Пражского лингвистического кружка, теоретик-фонолог, славист, компаративист, специалист по поэтике. Он был истинным генератором лингвистических идей XX века. Этот давний потомок декабристов публиковал не только научные труды, его перу принадлежат и антифашистские статьи. В последние годы жизни он заведовал кафедрой в Венском университете, там же был арестован в марте 1938 года гестаповцами (которые, кстати, после обыска изъяли и уничтожили вторую часть его большого теоретического труда), освобожден больным и в мае того же года умер в оккупированной Вене...

Р. О. Якобсон (1896—1982), языковед и литературовед, один из основателей Московского, Пражского, Нью-Йоркского лингвистических кружков, один из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении.

Да, наша страна в первые послереволюционные годы растеряла немало деятелей науки, опытных и умелых исследователей, талантливых представителей творческой интеллигенции. Этот феномен историками еще не полностью изучен, а в нашей отечественной литературе описан лишь некоторыми мазками.

Впрочем, есть определенные противоречия и в публикациях последних «перестроечных» лет. Скажем, нашумевший роман Даниила Гранина «Зубр» основан в целом на добротном документальном материале. Но тема эмиграции тех представителей русской интеллигенции, которые относились к гуманитариям, освещена Даниилом Александровичем исторически не совсем точно... В 22-й главе книги «Зубр» о том этапе в истории русских гуманитарных наук вспоминает, согласно воле писателя, сам Зубр — Н. В. Тимофеев-Ресовский:

«...Он знал и про Сергея Трубецкого, выборного ректора Московского университета, которого выбрали в 1905 году и он вскорости помер, и о Евгении Трубецком, интересном философе, с которым Зубр встречался еще в Москве. Был этот Трубецкой последователем Владимира Соловьева, другом его. А племянник — Николай Трубецкой, один из создателей русской фонологии, с разрешения Ленина уехал (?? — *М. Г.*). И тут следовал новый рассказ о том, как уезжали гуманитарии, которые считали, что не могут быть полезными Советской власти. Им было разрешено в течение полугода связаться с какой-нибудь страной, которая их примет. Они получали выездные советские паспорта, долгое время жили по ним, а потом получали так называемые нансеновские паспорта, становились подопечными Фритьофа Нансена... Все это были истории и личности прославленные, но нам неизвестные, и никто не прерывал Зубра в его отступлениях» [4].

Несколько по-иному, расставляя другие оценки, рассуждает на ту же тему, уже без посредника — литературного героя, публицист Вячеслав Костиков в своей огоньковской статье «О „феномене Лоханкина“ и русской интеллигенции». Мне понадобится привести значительный отрывок из его публикации, но он, право, того заслуживает:

«Отсчет наступления на интеллигенцию следует, вероятно, вести с 1922 года, со времени, когда Ленин по болезни уже не мог активно противодействовать бюрократизации государственной и интеллектуальной жизни. Появление в „Правде“ статьи „Диктатура, где твой хлыст?“, подписанной инициалом „О“ (существует предположение, что статья написана Троцким), открывает гонения на ту часть интеллигенции, которая продолжает отстаивать право на независимость мнений от господствующей идеологии. Вслед за статьей последовали и практи-

ческие меры по „очищению“ страны от несогласных. В августе 1922 года из страны без суда, административным решением ГПУ были высланы 160 человек, открывших первый список советских „диссидентов“. Больше всего „непримиримых“ оказалось в высшей школе, в публицистике, философии, медицине, сельскохозяйственной науке, кооперации. Чтобы снизить негативный эффект, населению разъясняют, что высылаются лишь „идеологические врангелевцы и колчаковцы“, что среди них почти нет крупных имен.

Однако среди высылаемых в Германию находились ректор Московского университета профессор зоологии Новиков, ректор Петроградского университета профессор Карсавин, группа математиков во главе с деканом математического факультета Московского университета профессором Стратоновым, экономисты — профессора Зворыкин, Бруцкус, Лодыженский, Прокопович, известные в стране кооператоры Изюмов, Кудрявцев, Булатов, историки Кизеветтер, Флоровский, Мякотин, Богоелепов, социолог Питирим Сорокин. В числе высланных известные русские философы-идеалисты: Бердяев, Франк, Лосский, Вышеславцев, Ильин, Трубецкой, Булгаков.

Массовая высылка несогласных интеллектуалов страшна была, однако, не тем, что страна лишилась крупных умов и организаторов науки. Умами Россия оставалась богата. Смысл высылки состоял не столько в том, чтобы наказать, сколько в том, чтобы "предостеречь“, напугать интеллигенцию. Посвященная высылке статья в „Правде“ так, собственно, и называлась — „Первое предостережение“» [5].

Не во всем могу согласиться с Вячеславом Костиковым. Хотя бы в том, что «умами Россия оставалась богата» и поэтому высылка якобы особых потерь нам не нанесла. Нет, например, для советской лингвистики эмиграция Трубецкого и Якобсона (последний некоторое время еще продолжал за рубежом работать в одной из советских дипломатических миссий) и невозможность пригласить на родину Карцевского и предоставить ему условия для жизни и труда были явной потерей, и весьма ощутимой. Не могу признать справедливость статьи в «Огоньке» и в другом аспекте. Высылка была связана с борьбой с «внутренней эмиграцией», чему большое значение придавал именно Владимир Ильич Ленин. Это началось с чистки высшей школы, откуда были устранены «реакционные» профессора. Затем в качестве меры пресечения контрреволюционной деятельности (и эта деятельность — не фикция!) «внутренних эмигрантов» была избрана бессрочная высылка за рубеж некоторых из них. В. И. Ленин высказывался на этот счет однозначно: «Пусть едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредилки, в беспартийные конференции, отправляйтесь туда, к Мартову, милости просим, испытайте прелесть „демократии“, расспросите врангелевских солдат про эту прелесть, сделайте одолжение» [6].

Советский писатель и историк, автор специальной книги о русской эмиграции «Полынь в чужих краях» Анатолий Леонидович Афанасьев особо подчеркивает, что «мысль о необходимости „вежливенько" препроводить в „демократические" страны „образованных крепостников"» Ленин высказывает в статье «О значении воинствующего материализма»; «он вновь возвращается к этой мысли в письме к Дзержинскому от 19 мая 1922 года, ... просит собрать *„систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей" и рассмотреть вопрос о высылке за границу „помогающих контрреволюции", хотя одновременно он требовал строго дифференцированно и осмотрительно подходить к каждому из кандидатов на высылку» [7; 8].

Решение о высылке «внутренних политэмигрантов» было принято после XII конференции ВКП(б), которая обсуждала среди прочих и задачи партии в связи с возрождением буржуазной идеологии в стране (перечитайте ее резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях»): в августе—сентябре 1922 года за границу был выслан 161 человек. Есть еще один любопытный документ — записка Л. А. Фотиевой, секретаря В. И. Ленина, адресованная А. М. Назаретяну, зав. бюро Секретариата ЦК РКП(б), члену ЦКК РКП(б). Записка написана 7 декабря 1922 года по поручению В. И. Ленина. В ней сказано, что «Владимир Ильич предлагает принять все ... предложения Уншлихта по вопросу о выдаче учреждениями мандатов высылаемым за границу» [9]. В чем тут дело?

И. С. Уншлихт — известный советский деятель партии и государства (арестован в 1937 году, в 1938-м — расстрелян), с апреля 1921 года занимавший пост заместителя председателя ВЧК—ОГПУ. За несколько дней до появления этой записки Л. А. Фотиевой, 4 декабря 1922 года, И. С. Уншлихт обратился со специальным письмом в ЦК РКП(б). В нем, ставя вопрос о недопустимости выдачи советскими учреждениями мандатов лицам, высылаемым за границу, зам. председателя ВЧК—ОГПУ предложил: «Для предупреждения подобных явлений в будущем ГПУ просит Вас сделать соответствующее распоряжение: 1) о воспрещении принятия на службу в советских учреждениях административно высланных за границу; 2) воспретить непосредственные сношения советских учреждений с иностранными миссиями в России и 3) привлечь партийных товарищей, допустивших указанные выше явления, к партийной ответственности» [10].

Итак, высылка была осуществлена, и к такой мере Советское государство время от времени прибегало в своей истории. И, как правило, это встречало столь же положительную реакцию в советской печати, как и решение о первой высылке. В отчете ЦК РКП(б) за август — сентябрь 1922 года отмечалось: «Мероприятия Советской власти, направленные к устранению из пределов Советской Республики антисоветских

элементов из мира политиканствующих адвокатов, литераторов, студенчества и т. п., встречали полную поддержку в трудящихся массах» [11].

Не могу с абсолютной уверенностью принять за правоту суждение А. Афанасьева о том, что «ожесточенное классовое противоборство тех лет диктовало необходимость осуществления подобной акции» [12]. Однако сомнений нет: приведенные документы наглядно убеждают нас: В. И. Ленин имел самое непосредственное отношение к идее и реализации высылки за рубеж части русской интеллигенции.

Историю мы изменить не в силах. Поэтому, хорошо зная, как развивалась обстановка в стране и науке с начала двадцатых по конец тридцатых годов, вполне можем предположить, что судьба Карцевского, Трубецкого и Якобсона была бы в Советской России отнюдь не безоблачной. И, вероятнее всего, она могла оборваться насильственным путем... Конечно, хлеб чужбины, даже если он и не был черствой горбушкой, всегда хотя бы немного отдает горечью... Однако если бы Карцевский приехал в революционную Россию, а Трубецкой и Якобсон не стали бы эмигрантами, то их могли ждать не только сложности с работой, но и, например, угроза голодной смерти (ведь именно сильнейшее недоедание, как считается, стало практически основной причиной смерти академика А. А. Шахматова, последовавшей 16 августа 1920 года). А позже — в тридцатые годы — их головы могли бы лечь на сталинскую плаху...

Трубецкой умер в 1938 году в оккупированной Вене, но все же успел многое в науке осуществить, Карцевский дожил до 1955 года, а Якобсон — до 1982 года. В МГУ Роману Осиповичу незадолго до смерти был вручен диплом почетного профессора университета... Эти ученые возвращаются к нам сейчас своими монографиями, статьями, другими трудами, но жаль, что лишь после длительных злоключений наконец выпущены в свет сборники избранных работ великих «эмигрантов» Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона...

Да, все могло для них обернуться трагедией в собственной стране. И дело, конечно, не только, и не столько в марризме, а в целом — в той обстановке в отечественной науке, практически во всех других областях человеческой деятельности, бытия, когда наиболее талантливые люди жили «под собою не чуя страны»... Вам знакомы эти гневные и трагические строки опального поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, которые-то, вероятно, и стали одним из конкретных поводов для расправы с ним?

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,—

А где хватит на полразговорца,—
Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,

Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,

Кто свистит, кто мяучет, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,

Как подковы, кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него,— то малина
И широкая грудь осетина [13].

Годы сталинщины оставили в советской науке, к несчастью, очень глубокий отпечаток, ибо пострадали, — в той или иной мере, по-разному, — очень многие ученые. И Федор Раскольников, большевик ленинской формации, об открытом письме Сталину которого подавляющая часть населения нашей страны узнала лишь совсем недавно, имел право бросить в лицо «великому вождю» свое обвинение, свой протест: «Вы лишили советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа становится невозможной.

Самоуверенные невежды интригами, склоками и травлей не дают работать ученым в университетах, лабораториях и институтах.

Выдающихся русских ученых с мировым именем, академика Ипатьева и Чичибабина вы на весь мир провозгласили „невозвращенцами“, наивно думая их обесславить, но опозорили только себя, доводя до сведения всей страны и мирового общественного мнения постыдный для вашего режима факт, что лучшие ученые бегут из нашего рая, оставляя вам ваши благодеяния: квартиру, автомобиль, карточку на обеды в совнаркомовской столовой.

Вы истребляете талантливых русских ученых» [14].

Раскольников ни на йоту не преувеличивал истинную ситуацию в науке. И первые два абзаца из приведенного мною отрывка его письма написаны как бы именно о том положении в языкознании, которое возникло во многом благодаря маррис-

там, воспользовавшимся, в свою очередь, общей «благоприятной ситуацией» в стране.

Предоставим еще раз слово Ольге Михайловне Фрейденберг. В своих записках она, в частности, говорит о событиях начала 1935 г., когда был репрессирован директор ЛИФЛИ В. Горловский:

«Для нас первый гром раздался в тот момент, когда сослали Горловского. Он находился в Москве, приехал, узнал об увольнении, снова поехал хлопотать. Тогда его сослали. Позже все его следы исчезли.

Горловского любили, уважали, жалели. Все были чрезвычайно подавлены. В Институте пошла карательная работа. В нашей газете появилась 14.1.1935 г. передовица, написанная жирным шрифтом: „Знать, чем дышит каждый". «...Дело Горловского и иже с ним наглядно показало, что с чистотой партийных рядов в нашем Институте не все благополучно...»

Конечно, я была очень наивна, когда изумлялась открытому призыву к сыску и доносам. Междуцарствие, разгул политической полиции вызывали разброд в среде студентов. Пошла полоса демагогии, студенческого главенства, партийных диктатов. Партсекретарь Ида Снитковская заявила мне, что партия мне доверяет, а потому просит снижать отметки детям служащих в пользу повышения — детям рабочих. Я наотрез отказалась.

„Густота" атмосферы становилась невыносимой. Часть студентов склочничала, доносила, создавала обстановку закулисных демагогий, жалоб, недовольства, нареканий... Демагогическая разруха шла все глубже. Факультет разваливался, сгнивал на корню» [15].

Да, так считала не только О. М. Фрейденберг. В подобный разгул наушничества и доносительства было трудно поверить. Однако система осведомительства, «сексотства» всячески поощрялась с самых верхов и, попадая на «благодатную» почву научных споров, ссор, неприязни, ученых одной школы к другой, разумеется, расцветала пышным цветом. Сталин устами средств массовой информации внушал народу и партии, что доносительство — долг трудящихся. Прочитайте, например, передовицу «Правды» от 18 июля 1937 года, озаглавленную «У большевика слово не расходится с делом!». Она посвящена награждению Ежова орденом Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий». В конце передовицы главной газеты страны говорилось: «Массы трудящихся знают, что Наркомвнудел, возглавляемый тов. Ежовым, — это неусыпный страж революции, обнаженный меч рабочего класса. Весь народ держит в своих руках этот меч. **Потому у НКВД уже есть и будет еще больше миллионов глаз, миллионов ушей, миллионов рук трудящихся,** руководимых партией большевиков и ее Сталинским Центральным Комитетом...» [16]

Примеров склок, доносительства — сотни тысяч, и многие знакомы читателю, вероятно, не только по публикациям в печати, но и по биографиям близких, друзей, товарищей, коллег, а может быть, и по своему собственному опыту.

Наиболее «безобидный», как нам кажется, пример «посадки» человека именно в некоторой связи с языковедением и стилистикой привел советский писатель Олег Васильевич Волков, сам вырванный из реальной жизни лагерями и ссылками на 27(!) лет; первые два срока, начиная с 1928 года, О. В. Волков отсидел на печально известных Соловках. Он рассказывает:

«Сейчас я много выступаю — на писательских собраниях, в различных комиссиях. И не опасаюсь, что с кем-то может произойти история, подобная услышанной мной в архангельской пересыльной тюрьме. Там мне встретился инженер, приговоренный к трехлетнему лагерному сроку за то, что на своих именинах, в кругу гостей, обмолвился, что язык Горького ему не нравится. Кто-то побежал — донес. В результате — осуждение с формулировкой: „за дискредитацию великого пролетарского писателя“...» [17]

Все это вершилось в обстановке оглупления тех самых миллионов, которые должны были доносить друг на друга, оглупления ради величия новоявленного святого или миропомазанника — Иосифа Виссарионовича Сталина. Считают, что уже к осени 1935 года культ вождя практически достиг небывалого пика (причем историки в качестве кульминационного момента вспоминают первый всесоюзный съезд стахановцев), когда начали публиковаться посвященные ему песни ашугов и акынов, материалы о матери Сталина, рассказы о его детских и юношеских годах. Об этом напомнил нам Анатолий Смелянский, подчеркнув, что даже Михаил Афанасьевич Булгаков уже в феврале 1936 года задумал написать пьесу, посвященную Сталину... [18] О силе этого массового (но хорошо спланированного!) гипноза свидетельствует и такой факт. От имени тяжело больного, умирающего Константина Эдуардовича Циолковского за несколько дней до его смерти, 13 сентября 1935 года (ученый скончался 19 сентября) на имя Сталина поступило письмо, которое начиналось так: «ЦК ВКП(б) вождю народа товарищу СТАЛИНУ. Мудрейший вождь и друг всех трудящихся Тов. Сталин. Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед...» [19]

А о чем публично вещал с трибун сам вождь в период развертывания массового террора против своего же народа? О многом... Однако при этом не забывал подчеркнуть свою заботу о человеке, о людях и «кадрах». Говоря о своем понимании нового лозунга «кадры решают все» и критикуя факт того, что «...у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры», в речи в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года, Сталин

фарисейски привел в пример байку из своего «героического ссыльного времени»:

«Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый „остался там". На мой вопрос: „как же так, остался?" — они с тем же равнодушием ответили: „чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть". И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что „надо бы пойти кобылу напоить". На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: „Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу". Вот вам штрих, может быть, малозначительный, но очень характерный. Мне кажется, что равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком того странного отношения людей к людям, которое сказалось в только что рассказанном эпизоде в далекой Сибири» [20].

Так фарисействовал Иосиф Виссарионович Сталин весной 1935 года, когда его «война с народом» уже давно началась...

Крестьяне и рабочие, дипломаты и военные, писатели и поэты, журналисты и актеры, преподаватели и священники, чекисты и управленцы... Как долго можно было бы продолжать скорбный список даже только названий социальных и профессиональных групп населения (а по возрасту это были люди от стара до млада...), которое прошло ужасы сталинских лагерей или же сгинуло где-то в недрах ГУЛАГа... Теперь мы знаем, что было среди этих жертв немало и ученых — физиков и биологов, географов и математиков, экономистов и юристов, историков и философов... Не избежали горькой участи зеков и филологи, лингвисты, литературоведы... Судьбы репрессированных складывались по-разному. Но даже если их сонную артерию «чистая рука» следователя с Лубянки придавливала лишь слегка, если даже они иногда и возвращались домой из сибирских, колымских, архангельских или вологодских лагерей, то печать арестованного, репрессированного, ссыльного оставалась на них практически до конца жизни, — если только Бог не дал им прожить дольше 1956 года и познать свет очищения от преступлений, скверны и напраслины сталинских сатрапов и стукачей.

Да, теперь, — особенно после кислородной подушки публицистики конца 80-х годов, — мы знаем о тех страшных временах в тысячи раз больше, чем раньше. Однако мартиролог советских лингвистов (и уничтоженных, и подвергшихся репрессиям, но сохранивших жизнь) еще только начал создаваться...

Прежде чем назвать некоторых из репрессированных совет-

ских лингвистов, есть смысл хотя бы коротко напомнить основные этапы развертывания и реализации чудовищных сталинских битв в войне его аппарата с народом... Воспользуюсь для этого небольшими отрывками из статьи Роя Александровича Медведева «Наш иск Сталину».

Если охарактеризовать хотя бы в нескольких словах динамику и масштабы репрессий, то получается следующее: конец 20-х годов — сотни тысяч человек, из которых лишь несколько тысяч остались в живых; пора сплошной коллективизации и раскулачивания (1929—1932 гг.) — около 10 миллионов человек уничтоженных и сосланных; смерть от голода 1933 года, также спровоцированная Сталиным, — около 6 миллионов жизней; репрессии после убийства Кирова — около 1 миллиона человек; эпоха «великого террора» 1937—1938 годов — было репрессировано от 5 до 7 миллионов человек; предвоенные репрессии, преимущественно на вновь присоединенных территориях, — около 2 миллионов уничтоженных и сосланных; общее число жертв сталинизма в 1941—1946 годах, включая тех, кто умер от голода в НАШИХ лагерях, кто из немецких лагерей после освобождения и «фильтрации» прямо отправлялся на Колыму, в Норильск, в Казахстан, в Инту, — не менее 10 миллионов человек; число репрессированных в ходе новых кампаний 1946—1953 годов — около 1 миллиона человек... [21]

Да, русскому народу свойственна спокойная жертвенность. Действительно ли она связана с его уверенностью в торжестве Добра — не знаем... По крайней мере, известному русскому философу Николаю Александровичу Бердяеву (да-да! — тому самому Бердяеву, который был выслан Советским правительством за рубеж, но сейчас возвращается своим творчеством на Родину, — публикуемым даже в виде однотомного приложения к журналу «Вопросы философии», тому самому Бердяеву, что дважды сидел в тюрьме при самодержавии и в Петербург приехал лишь после трехлетней ссылки и до самой Февральской революции находился под следствием, что дважды сидел в тюрьме уже при советском строе, одним словом, — тому самому Бердяеву...) принадлежит следующее высказывание:

«...Апокалиптическое настроение, ожидание грядущих катастроф у русских всегда связано и с великой надеждой. Русский народ, подобно народу еврейскому, — народ мессианский. В лучшей своей части он ищет Царства Божьего, ищет правды и уповает, что не только день Божьего суда, но и день торжествующей Божьей правды наступит после катастроф, испытаний и страданий...» [22]

В 1937 году в письме к семье, в рассуждениях на близкую тему, но раскрывая и определяя ее совершенно по-иному, по-своему, размышлял еще один выдающийся русский философ. Письмо было написано на Соловках 13 февраля 1937 года. Автор его — отец Павел Александрович Флоренский, священник и ученый-энциклопедист, философ и математик, физик и

богослов, электротехник и искусствовед. Он был репрессирован в 1933 году и после получения вторичного срока там же, на Соловках, погиб. Это произошло, по-видимому, в 1937 году (реабилитация пришла к нему лишь в 1958-м, настоящее возвращение его наследия началось даже не в 1960-м, — тогда были сделаны лишь первые шаги,— а только в 1988 году). П. А. Флоренский писал:

«...На Пушкине проявляется лишь мировой закон о побивании камнями пророков и постройке им гробниц, когда пророки уже побиты. Пушкин не первый и не последний: удел величия — страдание, — страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так — вполне ясно; это — отставание по фазе: общества от величия, и от себя самого от собственного величия, неравный, несоответственный рост, а величие и есть отличие от средних характеристики общества и собственно организации, поскольку она принадлежит обществу. Но мы не удовлетворяемся ответом на вопрос „почему?“ и хотим ответ на вопрос „зачем?“, „ради чего?“. Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее. Внутренне сознаешь его непреложность и всеобщность, но при столкновении с действительностью, в каждом частном случае, бываешь поражен как чем-то неожиданным и новым. И при этом знаешь, что не прав своим желанием отвергнуть этот закон и поставить на его место безмятежное чаяние человека, несущего дар человечеству, дар, который не оплатить ни памятником, ни хвалебными речами после смерти или деньгами при жизни...» [23]

Прочитав эти строки Флоренского, невольно думаешь, что они могли бы быть посвящены и Евгению Дмитриевичу Поливанову... Флоренский погиб, очевидно, на Соловках в 1937 году. А Поливанов, как принято считать, — в Средней Азии, чуть позже, в начале 1938 года; по самым последним данным — в Москве... Но между этими абсолютно разными людьми, думается, была какая-то особая внеземная связь, помимо их огромного дарования и знаний, — «чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и суровее страдания...».

Мудрецу Флоренскому в год написания цитируемого письма было 55 лет, а за плечами — обширный и богатый жизненный путь. И такие мысли, оставленные во времени его пером, мы имеем право и должны принять... Не знаю, — по крайней мере на основании той информации, какой сейчас располагаем,— размышлял ли о чем-то близком на тех же Соловках, под тем же вечным и тяжелым небом Севера еще один узник — БУДУЩИЙ ученый, будущий академик-филолог Дмитрий Сергеевич Лихачев, которого мы в 80-е годы по праву назвали «образцом российского интеллигента» и избрали председате-

лем правления Советского фонда культуры...

Лихачеву в год заключения на Соловки было 22 года и взяли его практически со студенческой скамьи... Он угодил в первый виток сталинских репрессий. История эта не всем известна, но недавно сам Дмитрий Сергеевич поведал ее в документальном телефильме Ленинградского телевидения «Дм. Лихачев. „Я вспоминаю...“», премьера которого состоялась 4 ноября 1988 года.

Арестовали Д. С. Лихачева 8 февраля 1928 года. Причина? Участие в студенческом кружке самообразования, в работе шуточной «Космической академии наук», основанной его друзьями и однокашниками по Ленинградскому университету. На ее заседании Дмитрий Сергеевич сделал полусерьезный доклад о некоторых преимуществах старой системы орфографии, выступив, в частности, в защиту букв ЯТЬ, ЕР, ФИТА, ИЖИЦА. В день юбилея «Космической академии» он получил от одного из «академиков» телеграмму с «поздравлениями от папы римского»... Шутка обернулась трагедией, ибо чувство юмора работникам карательных органов было несвойственно: за последовавшим сразу же арестом Д. С. Лихачева и его товарищей пошли многочасовые допросы, на которых, в частности, задавались вопросы и о связях с ... папой римским! Будущий академик АН СССР получил за «Космическую академию наук» четыре года лагерей, частично проведя их на Соловках, в печально известном СЛОНе, частично — на строительстве Беломорско-Балтийского канала имени Сталина. Да, того самого канала, который соединяет Белое море с Онежским озером и который был построен 500 тысячами заключенных практически без механизмов, с помощью кирки и тачки за 20 месяцев [24]. Все 227 километров его длины (канал сделал путь из Ленинграда в Белое море короче на 4000 километров) покрыты могилами, в которых гниют кости заключенных.

Канал вступил в эксплуатацию в 1933 году. На год раньше — в августе 1932 года — получил свободу Д. С. Лихачев, бывший даже ударником строительства. Соловки стали не просто тем местом, где Лихачев,— опять удивительные причуды судеб сталинских зеков!— опубликовал в журнале «Соловецкие острова» свою первую научную работу — «Картежные игры уголовников» (о чем кое-кто сейчас говорит чуть ли не с умилением). Нет, Соловки стали местом, где Дмитрий Сергеевич воистину чудом, волей провидения, избежал казни, когда за одну ночь 1929 года сталинские палачи для острастки расстреляли триста заключенных СЛОНа. Но — велик русский человек, талантливый, мудрый, интеллигентный! Сейчас, в возрасте 83-х лет Дмитрий Сергеевич рассуждает о реальнейшей возможности расстрела философски и без единой нотки жажды отмщения... На это обратил внимание и один из кинокритиков:

«...Нет ненависти в воспоминаниях о Соловках. Поражает сострадание — да, именно сострадание! — Лихачева к безумию

тюремщиков и мучителей. СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) превращался в остров сумасшедших.

— 8 августа 1932 года (автор цитирует Дмитрия Сергеевича) — я был освобожден. Должность корректора в издательстве Академии наук — вот на что мог претендовать выпускник двух факультетов Ленинградского университета, ударник Беломорканала. „Город, знакомый до слез", ощущался бывшим узником лагерем большего масштаба...

— Мне удалось (именно удалось) быть в самом низу и на относительной высоте. Мне всегда везло... но в последний момент» [25].

Да, Дмитрий Сергеевич, возможно, Вам действительно повезло. А избрание Вас членом-корреспондентом АН СССР как раз в 1953 году, когда Сталин умер, может кому-то показаться и символичным... Но зато не пришло такое везение ко многим другим ученым.

В начале 1934 года произошла уже массовая «посадка» лингвистов по одному «делу». Сейчас пока еще не совсем ясно, кто именно «склепал» его, но очень надеюсь, что правда станет известна... [26] Условно его именуют пока «делом славистов»: были арестованы, долго находились под следствием, сосланы, заключены в тюрьму или уничтожены такие выдающиеся и известные ученые, как Г. А. Ильинский, Н. Н. Дурново, А. М. Селищев, М. Н. Сперанский, В. Н. Сидоров, И. В. Волк-Леонович, П. А. Бузук, В. В. Виноградов, А. Д. Сидельников, П. А. Расторгуев, Ю. М. Устинов, Н. М. Гайденнов, И. Г. Голанов, Н. И. Кравцов и др.

Через тридцать лет, в 1964 году, все оставшиеся в живых от «дела славистов» и не принявшего большого размаха «дела профессоров» получили справки от Мосгорсуда о том, что их «дела прекращены за отсутствием состава преступления...»

Причин этой массовой «посадки», думается, было несколько. Во-первых, к 1934 году сталинский репрессивный аппарат уже вошел во вкус фабрикаций «массовых дел» и «заговоров». Во-вторых, кое-кто из названных ученых преподавал не только на филологических кафедрах, например МИФЛИ, но и в «кремлевском» университете им. Я. М. Свердлова — обучал русскому языку иностранных деятелей Коминтерна (а деятелей самих уже начали сажать...). В-третьих, занятия славянскими древностями, историей письменности и т. п. расценивались как «реакционные», ибо уже существовали прямые установки на подавление национальной памяти русского, белорусского, украинского народов, которую ученые-слависты как раз поддерживали, возрождали. И арестованные ученые обвинялись в «панславизме», в «шовинизме», в «реакционной деятельности»; да и слово «патриотизм» было тогда чуть ли не ругательным... В-четвертых, лингвистическая интеллигенция нередко (после 1917 года, разумеется) рассматривалась вообще как потенциальный враг: лингвист=интеллигент=вольнодумец. И, как по-

своему образно высказался на одном из публичных диспутов об истории советской лингвистической науки (в 1988 году) профессор МГУ М. В. Раевский, «такой меч либо висел над лингвистами как дамоклов, либо падал». В-пятых, некоторые из перечисленных и не названных мною ученых-языковедов (имевших отношение к «делу славистов» и не связанных с ним) приняли участие в решении социолингвистических проблем, в разработке алфавитов и т. д. История показывает, что значительная часть тех специалистов, вложивших знания и душу в языковое строительство, также была репрессирована, правда, уже как «национал-уклонисты». Есть, видимо, и другие причины.

Потери лингвистики, славистики, понесенные в середине 30-х годов, ощущаются и поныне.

В 1937 году умер (уничтожен на Соловках?) в заключении один из самых крупных славистов и лингвистов-теоретиков нашего века член-корреспондент АН СССР Николай Николаевич Дурново. Официальная дата его смерти — 27 октября 1937 года (правда, некоторыми исследователями она подвергалась сомнению: Дурново мог быть расстрелян прямо в 1934 году, ведь его дело сразу было выделено в особое производство...). Он был не только автором фундаментальных трудов по истории русского языка, по диалектологии, явившись практически основателем русской диалектологии по истории литературных славянских языков, первого русского словаря лингвистических терминов. Дурново пользовался славой прекрасного педагога — профессора Саратовского, Минского, Московского университетов. Был Николай Николаевич и настоящим теоретиком: Р. О. Якобсон на съезде славистов в 1958 году рассказывал, что многие его открытия связаны именно с идеями Н. Н. Дурново (пребывание в Праге в 20-е годы стало одной из причин гибели Дурново...).

Трагический 1937 год (по официальной версии, но с теми же неясностями; по последним данным — расстрелян в Новосибирске) стал последним и в жизни выдающегося слависта, члена-корреспондента АН СССР Г. А. Ильинского, широко известного научной общественности своими работами по исторической морфологии славянских языков (в том числе выполненными и в методологическом плане). Были в его жизни и увольнения, и копеечная зарплата, которой едва хватало на пропитание, была одно время и наивная вера в Марра. В 1930 году Ильинский снял свою кандидатуру на выборах в академики (Марру нужно было провести другого человека) в обмен на обещание издать его монографию «Праславянский язык». Закончилось это печально: позже Марр официально заявил о том, что книга эта — «вредная, расистская», набор ее был рассыпан, а отпечатанные листы сданы в макулатуру...

П. А. Бузук, один из создателей белорусской лингвистики, в своем «чистосердечном» признании в НКВД сознался в том, что «проповедовал реакционное российское индоевропейское

языкознание». Точная дата смерти его не известна; обычно справочники называют 1943 год. Выпускник Одесского университета, специалист по славянским языкам и по славяно-румынским связям, П. А. Бузук был в 1929 году делегатом 1-го Всемирного съезда славистов (вот вам уже одна «очевидная вина» Бузука для сталинских энкаведешников...). В последние годы жизни он работал доцентом в Вологде. Казалось бы, скромная должность? А ведь именно П. А. Бузук первым в истории нашей науки предложил идею «Общеславянского лингвистического атласа», именно он в своей книге «Опыт истории доисторических славянских языков» (написанной по-белорусски) тонко разобрал и доказал возможность функционирования праязыка с его различными диалектами. Говорят, что Бузук не стал дожидаться естественного финала, а покончил с собой, бросившись в пролет лестницы того здания, где его допрашивали в последний раз...

Три года (1934—1937) провел в КарЛАГе член-корреспондент АН СССР, профессор ряда московских вузов Афанасий Матвеевич Селищев. Это был настоящий самородок! Он вошел в историю нашей науки как человек разносторонних интересов: до сих пор не утеряли своей ценности его работы по истории и диалектологии русского языка, по сравнительной грамматике славянских языков, по общим проблемам славянского языкознания, его статьи по балканистике, палеографии, по ономастике и топонимике, книга о языке революционной эпохи. А. М. Селищев, по ряду свидетельств, являл собой пример стойкости поведения в заключении. А обвинялся этот ученый как «шовинист», «великодержавник» и «царско-буржуазный разведчик»!.. Кстати, ставили ему в вину и близость идеям Е. Д. Поливанова. В лагере НКВД член-корреспондент АН СССР стал ударником, что ускорило его освобождение. Однако здоровье и моральное состояние Афанасия Матвеевича были подорваны настолько, что в 1942 году он умер от рака... Между прочим, отношение марристов к Селищеву было довольно злобным и после его смерти: прочитайте критику Ф. П. Филиным в 1948 году «неразоружившихся» индоевропеистов (подробнее — см. во 2-й части книги). Федот Петрович раздраженно отмечает, что Р. И. Аванесов дает положительную оценку трудам А. М. Селищева. Цитируя Аванесова («Селищев был мастером, я бы сказал виртуозом, сравнительного метода. Приходится сожалеть, что эта сторона его деятельности не нашла достаточно полного отражения в его напечатанных трудах»), Филин, не в силах сдержаться, замечает: «Комментарии, можно сказать, излишни» [27]. Дело, конечно, не только в уважении Аванесова к дарованию Селищева. Филин отреагировал и на намек Аванесова о трудной судьбе неопубликованных работ Афанасия Матвеевича. Замечу, что в 1968 году был издан «Просвещением» очень важный сборник избранных работ А. М. Селищева, есть книга С. Б. Бернштейна о нем.

Да, это был человек, которого сломить, кажется, было невозможно, ибо он обладал большой волей и силой духа. Даже неизлечимо больной, Селищев продолжал работать. И последним его словом, его статьей, опубликованной в год смерти — в 1942 году, когда шла кровавая битва нашего народа с фашизмом, стала работа «Извечная борьба славян против немецких варваров» [28].

Трудно, больно и стыдно перечислять все жертвы, потери советской филологии.

«Враги народа» подразделялись в списках на три категории. В первую зачислялись самые «активные»: их уделом преимущественно становилась смертная казнь.

В списки «врагов» по первой категории был зачислен и Евгений Дмитриевич Поливанов, арестованный, по-видимому, 1 августа 1937 года [29]. Надеемся, что уже в недалеком будущем дело его будет рассекречено и мы во всех деталях узнаем о подробностях сфабрикованных обвинений по отношению к этому гениальному человеку, наветов, приведших к его казни. 25 января 1938 года тройка приговорила его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение незамедлительно — в тот же день...

В главе «Тайна остается тайной» второй части книги вы можете познакомиться с интересной версией, упоминаемой в записках профессора В. Г. Ларцева, и письмами, имеющимися в его распоряжении (и у других ученых), из которых следует, что гибель Поливанова возможно произошла несколькими годами позже, в северных лагерях. Я все же думаю, что здесь мы имеем дело со своеобразной легендой, характерной для эпохи массовых сталинских репрессий, и привожу в главе «Тайна остается тайной» примеры других подобных легенд [30].

Один современный журналист в очерке о жертвах сталинских репрессий и их настрадавшихся детях написал очень точно и остро, «поймав» ощущение многих людей, державших в своих руках реабилитационные справки репрессированных:

«Две справки о посмертной реабилизации. Короткий стандартный текст. Стиль, чем-то напоминающий „похоронки“ фронтовых лет. Нет, эти справки, пожалуй, пострашнее „похоронок“. В тех было написано: „Погиб в боях за родину“. Здесь же: „Посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления“. Там вражья пуля, а тут?..» [31]

Вот именно такую, особенно страшную и скорбную похоронку напомнило нам официальное письмо из Военной коллегии Верховного суда СССР на имя Федора Дмитриевича Ашнина (копия нами получена от адресата). Ф. Д. Ашнин — филолог, тюрколог, давно и последовательно (один из немногих!) занимающийся восстановлением «белых пятен» в истории советского языкознания и судьбами репрессированных лингвистов. Иначе говоря, Федор Дмитриевич — как раз тот человек, который без всяких «указаний сверху», без широковещатель-

ных общественных инициатив, а просто по велению души уже на деле приступил к составлению «Мартиролога советских языковедов». Кстати, он подробно изучает обстоятельства и «дела славистов»: как отметил Ф. Д. Ашнин, непосредственным началом «дела» послужил арест в феврале 1934 года академика Михаила Несторовича Сперанского, известного советского литературоведа, специалиста по древнерусской и славянским литературам, по русско-славянским отношениям в литературе [32]. Много занимается Ф. Д. Ашнин и судьбой, творческим наследием, обстоятельствами жизни и гибели профессора Е. Д. Поливанова. Вот каким документом пока мы можем руководствоваться благодаря ему в вопросе о дате гибели Евгения Дмитриевича:

Военная коллегия
Верховного Суда
Союза ССР
31 декабря 1987 г.
№ 4н—316/63

тов. Ашнину Ф. Д.
г. Москва

На Ваше заявление, поступившее из КГБ СССР, сообщаю, что Поливанов Евгений Дмитриевич 25 января 1938 года был необоснованно осужден и приговорен к расстрелу.

Приговор в отношении Поливанова Е. Д. был приведен в исполнение в тот же день, т. е. 25 января 1938 года.

Начальник секретариата Военной коллегии
Верховного Суда СССР

А. Никонов

Лишь в апреля 1963 года Е. Д. Поливанов был посмертно реабилитирован Верховным судом СССР на основании ходатайства Института языкознания АН СССР (у самого Евгения Дмитриевича не осталось родственников, которые могли бы обратиться с подобным прошением). Верховный суд отмел все выдвигавшиеся против Поливанова обвинения в «измене Родине»... Но память! Научные работы Поливанова собирались по крупицам по советским и зарубежным городам и весям: сталинизм и послушные ему научные круги умели уничтожать и саму память об ученых, подвергшихся репрессиям. А когда в сентябре 1964 года в Самарканде была созвана уже упоминавшаяся нами представительная лингвистическая конференция «Актуальные вопросы советского языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», то устроители ее не смогли найти тогда даже фотографию Евгения Дмитриевича...

Вот так: исчезали труды, письма, фотографии Поливанова, а труды Марра стояли на самых видных полках, его портреты становились чуть ли не иконой для многих лингвистических уч-

реждений. Имя Поливанова надолго было вычеркнуто из науки [33], а имя Марра было при жизни его присвоено Институту языка и мышления АН СССР (мы не говорим уже об учениках Марра, которые резво расхватывали академические и профессорские звания, престижные и «сытые» должности, места в издательских планах и т. д....). Прискорбно, но факт: Венский университет установил на своем здании памятную доску Н. С. Трубецкому, мы же пока не отнеслись с таким уважением к памяти *своего* выдающегося ученого Е. Д. Поливанова (вклад его в мировую лингвистику вполне равнозначен вкладу Трубецкого), убитого в отечественных застенках... Но, верится: придет и такой светлый день памяти Евгения Дмитриевича, когда будут вновь издаваться, гораздо шире, чем даже в наше время, его книги и статьи, а на одном из ленинградских, самаркандских, фрунзенских зданий будут установлены скромные мемориальные доски...

Марристы, несмотря ни на что, не смогли в довоенный период добиться абсолютно главенствующего положения в советской лингвистической науке. К тому же и времена начинали меняться (так, например, снова с одобрения «верхов» заговорили о патриотизме, что было очень продуманным шагом [34]; осуждение получила историческая школа академика Покровского, а о пролеткультовских кавалерийских атаках вообще почти забыли...).

Начавшаяся война приглушила споры, отодвинула теоретические дискуссии и разногласия на второй, на третий план. Многие лингвисты ушли на фронт или иным образом помогали делу обороны страны, и среди них были ученые разных направлений. Так, например, в первый же день войны Ф. П. Филин, если прочитать его мемуары, «как секретарь партийной организации Института языка и мышления АН СССР ушел добровольцем на фронт» (в качестве политработника), «возвратился в Ленинград в сорок шестом году»; правда, Ф. П. Филину удалось не растерять связей с наукой и институтом, и в 1944 году он даже побывал на Вологодской диалектологической конференции — «...меня с фронта отпустили на Вологодскую конференцию на несколько дней»,— вспоминал сам ученый [35].

И все же после окончания войны начался новый — чуть не ставший решающим! — этап борьбы последователей Марра за «чистоту» умов и кадров, за абсолютное первенство на лингвистическом Олимпе. И, надо сказать, для этого в послевоенные годы, когда, по словам одного из современных советских публицистов, все сферы жизни страны охватила «прокачка износившихся за время войны идеологических тормозов» (выразившаяся и в очередной попытке «отделить народ от своей интеллигенции и стравить между собой отдельные группы интеллигентов») [36], начала складываться очень благоприятная ситуация...

Глава 7

НОВЫЕ ЗЕРНА ВЕТВИСТОЙ ПШЕНИЦЫ

> Во Франции лицемерие вырабатывается воспитанием, составляет, так сказать, принадлежность „хороших манер“ и почти всегда имеет яркую политическую или социальную окраску. Есть лицемеры религии, лицемеры общественных основ, собственности, семейства, государственности, а в последнее время народились даже лицемеры „порядка“. Ежели этого рода лицемерие и нельзя назвать убеждением, то во всяком случае — это знамя, кругом которого собираются люди, которые находят расчет полицемерить именно тем, а не иным способом. Они лицемерят сознательно, в смысле своего знамени, то есть и сами знают, что они лицемеры...
>
> М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
> *«Господа Головлевы»*

Что же это была за ситуация?

Поскольку знание ее особенностей важно для анализа событий, происходивших в нашем языкознании, попробуем их восстановить — и не только несколькими штрихами.

Конец 40-х годов ознаменовался новой волной сталинских репрессий, чисток, «дел» — «ленинградским делом», борьбой с «космополитизмом» и т. д.

Этот период навсегда вошел в нашу историю и как мощная акция по промыванию мозгов творческой интеллигенции, научной интеллигенции, характеризующаяся остро выраженным «антибуржуазным» акцентом: постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» (к слову сказать, отмененное как ошибочное лишь в 1988 году), погромные речи сталинского «кардинала от идеологии» А. А. Жданова в адрес М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой, постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. об опере «Великая дружба» В. Мурадели (в котором говорилось о «пережитках буржуазной идеологии» среди части советских композиторов), «вскрытие» все тем же приснопамятным А. А. Ждановым «серьезных ошибок и пороков» в книге Г. Ф. Александрова «История западно-европейской философии» (в ходе специальной дискуссии в июне 1947 года, на которой Жданов, выступивший от имени ЦК, «в пух и прах» разнес эту первую советскую относительно добротную работу по истории западной философии, написанную специалистом-философом...) [1] и многое другое [2]. Как писал Ю. Карякин:

«В 1946 году, когда Жданов организовал погром Ахматовой и Зощенко, родилась у исстрадавшихся от него ленинградцев (или припомнилась им еще с 1934—1935 годов?) невеселая шутка, грозившая шутникам, в случае доноса, немалым „сроком“ (а могло быть и того хуже). Дело в том, что была в прошлом веке так называемая „ждановская жидкость“, которой заглушали, забивали трупный запах (об этом есть и в предпоследней главе „Идиота“). Ну и, совершенно натурально, „жидкость“, которой Жданов „кропил“ культуру, люди, помнившие историю, не могли не прозвать „ждановской“. Только она, в отличие от прежней, сама была смертельной, трупной, сама смердела, а выдавалась за идеологический нектар» [3].

«Достижения» академика Т. Д. Лысенко и его верных приближенных в погроме своих научных оппонентов — тоже неотъемлемая черта второй половины 40-х годов. Сталин лично одобрил доклад Лысенко, прочитанный им на пресловутой сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года, перед его оглашением на сессии. А достижения Лысенко, разумеется, не могли не вызывать зависти последователей Н. Я. Марра: «По представлению лишь Лысенко, личным его распоряжением, без новых выборов, введены чуть ли не 30 новых членов в Академию сельскохозяйственных наук. Классическую биологию и генетику решено было вырубить полностью, чтобы заменить ее доморощенной, то бишь придворной, лженаукой. Были отстранены от должности и изгнаны из специальности около трех тысяч специалистов — профессоров, докторов, кандидатов наук» [4]. А ведь помимо неуемной страсти к единовластию в науке апологетов «нового учения о языке» все больше и больше начинало беспокоить то, что «враг» поднимал голову: многие одаренные и работоспособные филологи-немарристы писали монографии и учебники, которые никак не согласовывались с постулатами «нового учения о языке», преподавали в вузах, входили в редколлегии лингвистических журналов.

Читая эту книгу, вы, уважаемые читатели, надеюсь, согласитесь с тем, что есть все основания считать, что в конце 40-х годов последователи Марра планировали (и могли!) осуществить полный и окончательный идейный и организационный р а з г р о м своих научных оппонентов. Причем разгром этот должен был состояться явно по команде *сверху* в отношении большинства наук и под политическими лозунгами, что в тех условиях могло привести не только к увольнениям или отстранению от педагогической работы: обратите внимание на стиль и суть формулировок коллективных и индивидуальных обвинений, которыми пользовались радостно откликнувшиеся на социальный заказ «верхов» марристы, — да, здесь пахло уже не только простыми «оргвыводами» (вспомните, кстати, судьбу Ивана Ильича Стригалева из «Белых одежд» Дудинцева...).

Как же готовился этот разгром?

Марристы очень чутко отреагировали на у с т а н о в к у, ко-

торую дал Иосиф Виссарионович Сталин устами Жданова в его многочисленных «зубодробительных» выступлениях. Вот несколько примеров, дабы острее и точнее почувствовать, осознать (а кому-то — и вспомнить) особые, угнетающие черты этой эпохи.

А. А. Жданов (из стенограммы докладов на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде, «Правда» от 21 сентября 1946 г.): «К лицу ли нам, советским патриотам, такое низкопоклонство, нам, построившим советский строй, который в сто раз выше и лучше любого буржуазного строя? К лицу ли нашей передовой советской литературе, являющейся самой революционной литературой в мире, низкопоклонство перед ограниченной мещанско-буржуазной литературой Запада? ...Мы требуем, чтобы наши товарищи, как руководители литературы, так и пишущие, руководствовались тем, без чего советский строй не может жить, т. е. политикой... Своим решением ЦК имеет в виду подтянуть идеологический фронт ко всем другим участкам нашей работы. ...Империалисты, их идейные прислужники, их литераторы и журналисты, их политики и дипломаты всячески стараются оклеветать нашу страну, представить ее в неправильном свете, оклеветать социализм. В этих условиях задача советской литературы заключается не только в том, чтобы отвечать ударом на удары против всей этой гнусной клеветы и нападок на нашу советскую культуру, на социализм, но и смело бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления» [5].

В том же духе высказывался Жданов и на философской дискуссии 1947 года (которая, впрочем, сейчас оценивается в нашей литературе по-разному), требуя, например, «непримиримого (!) отношения к буржуазному объективизму (к «объективистам» относились и Кант, и Гегель, — так комментирует это высказывание Жданова доктор философских наук М. П. Капустин. — *М. Г.*) в оценке враждебных науке (?) философских течений» [6].

Такая установка на прямую бескомпромиссную борьбу против «буржуазного низкопоклонства» из уст главного идеолога страны (и «славного» руководителя ленинградской парторганизации: марристы традиционно чувствовали себя особенно раскованно именно в Ленинграде...) восхищает реаниматоров «нового учения о языке». Марристы — в восторге: ведь это же их собственная, уже опробованная дубина. Только теперь ее дает им в руки п а р т и я, ее дает «великий вождь»... Ату их, ату, этих недобитых лингвистов-индоевропеистов, буржуазных лицемеров, апостолов низкопоклонства перед Западом! Э-эх, раззудись, плечо!..

Марристы подхватывают у с т а н о в к у и переходят в массированную атаку на «врага» на страницах газет и журналов, на конференциях и семинарах, в системе политучебы, в трудовых коллективах.

Приведем несколько примеров.

Очень сильно доставалось от адептов «нового учения о языке» Виктору Владимировичу Виноградову, ставшему в 1946 году академиком АН СССР. Немало вешалось на него политических ярлыков, достаточно «громких» обвинений, — причем не только марристами, но и литературными кругами. Это было еще и подлым ударом, поскольку В. В. Виноградов уже побывал в северной ссылке, «пройдя» в 1934 году по «делу славистов»; подвергался он репрессиям и позже.

Практически впервые открыто поведал широкой аудитории о тех тяжелых страницах жизни академика В. В. Виноградова журнал «Русская речь» в № 4 за 1989 год. Это связано, думаю, и с общей тенденцией советской печати на правдивое освещение «белых пятен» в истории страны, в том числе — отечественной науки, и с тем, разумеется, что к руководству журналом, наконец, пришли новые люди, в основном — «дети XX съезда», не растерявшие в отличие от некоторых предшественников на торном жизненном пути чувства собственного достоинства, исторической правды и неприятия сталинщины. «Русской речью» опубликованы воспоминания вдовы ученого — Н. М. Малышевой-Виноградовой. Надежда Матвеевна рассказывает, в частности, и о ссылке В. В. Виноградова в 1934—1936 годах в Вятку, своем свидании с ним в ходе следствия в 1934 году на Лубянке, пребывании Виктора Владимировича в нижегородской тюрьме в одиночной камере (по пути в Вятку — кстати, в камере он писал свою известную статью о «Пиковой даме»), о ссылке В. В. Виноградова в Тобольск в 1941—1943 годах [7].

Весьма пространной и крикливой была статья против Виноградова в «Литературной газете» от 29 ноября 1947 года; в качестве ее авторов выступили литературоведы Б. Агапов и К. Зелинский. Крепко досталось известным лингвистам Р. А. Аванесову и В. Н. Сидорову в статье критика А. Марьямова той же «Литературки» месяцем раньше — 25 октября. А вот 17 декабря 1947 года со страниц «Литературной газеты» обрушился на «буржуазных» советских языковедов (читай — «антимарристов») доктор филологических наук Г. П. Сердюченко, один из главных погромщиков в советской лингвистике конца 40-х годов. В том номере он разразился большой статьей «За самокритику в советском языкознании»:

«В среде лингвистов до сих пор не подвергнуты решительной и принципиальной критике многие безыдейные и аполитичные работы, оторванные от актуальной современной тематики и построенные на преклонении перед иностранщиной и умалении выдающихся достижений русской науки» [8].

Откровенно «под дых» ударил Сердюченко А. А. Реформатского, заявив, что его учебник «Введение в языкознание» отмечен «полным раболепием перед буржуазной наукой»; не забыл Сердюченко и об академике В. В. Виноградове, хотя был несколько осторожен по отношению к Виктору Владимировичу:

«Объективизм, отсутствие марксистской методологии, излишне заботливое отношение к трудам различных буржуазных ученых привели и одного из крупнейших наших русистов — акад. В. В. Виноградова к ряду серьезных методологических ошибок...» [9]

Еще более «размашисто» Сердюченко выступал, например, 12 июня 1948 года в Отделении литературы и языка АН СССР на обсуждении работы журнала «Известия Академии наук. Отделение литературы и языка» и на открытом заседании (в тот же день) Московского отделения Института языка и мышления им. Н. Я. Марра. Почему это показательно? Потому что те, кто держал в руках флаг с начертанным на нем именем Марра, стремились к максимальному завоеванию ключевых позиций в научных изданиях: устным словом громить, конечно, хорошо... но слово печатное, как известно, уже — документ: от него просто так не отмахнешься. Дадим теперь и мы слово такому документу, журнальной хронике:

«Проф. Г. П. Сердюченко основную ошибку журнала видит в том, что он не отразил на своих страницах тех положений и выводов, которые вытекают из ряда решений ЦК ВКП(б), посвященных идейно-политическим вопросам; „Известия“ даже не опубликовали решения ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах, не напечатали и выступления товарища Жданова на ленинградском активе. Хотя в журнале за последние два года напечатано много ценных и интересных статей по специальным вопросам, однако „Известия“ не имеют определенного, научно-теоретического направления, вытекающего из соответствующих партийных решений. ...Журнал безучастно относится к серьезным ошибкам ряда советских языковедов и не борется против преклонения перед зарубежными лингвистами» [10].

Забот у марристов было много. Но ведь кроме советского язкознания существовало еще и языкознание стран Восточной Европы, стран народной демократии, где тоже, по мнению последователей Н. Я. Марра, надо было навести порядок... Не случайно в цитируемой нами хронике обсуждения работы журнала есть упоминание и о сетованиях проф. Сердюченко на то, что «идеи передового советского языкознания не известны еще и не оказывают должного воздействия на лингвистов в странах новой демократии, среди которых широко развиты идеи структурализма» [11].

Как уже говорилось, Сердюченко выступил 12 июня 1948 года с докладом, название которого весьма обязывающее: «Очередные задачи советского языкознания в свете решений ЦК ВКП(б) по идейно-политическим вопросам и итогам философской дискуссии». Сердюченко, разумеется, был не единственным «активистом» среди лингвистических ждановцев, однако одним из наиболее рьяных провозвестников готовившегося разгрома «буржуазных» советских лингвистов. Вот некоторые выдержки:

«Прошел уже год... с момента выступления товарища Жданова на философской дискуссии и почти два года после того, как было вынесено решение ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах. Перед советскими языковедами встал ряд задач в области пересмотра и уточнения основных вопросов теории и истории языкознания. Они заключались в развертывании решительной и беспощадной борьбы (разрядка наша.— *М. Г.*) с любыми проявлениями формализма (здесь это слово используется как «термин», ярлык по отношению к лингвистическому направлению.— *М. Г.*), безыдейности и аполитичности в науке о языке, в борьбе со слепым преклонением перед иностранщиной, с буржуазно-националистическими извращениями, в полном разоблачении всех активизировавшихся сейчас за рубежом буржуазно-реакционных идеалистических лингвистов.

...Поскольку марксистско-ленинское языкознание является единственно подлинной наукой о языке, советские языковеды... должны отказаться от традиционных представлений и широко распространенной периодизации истории языкознания (здесь Сердюченко опять полностью вторит Жданову с его «новым» взглядом на периодизацию истории философии.— *М. Г.*)... ...Первым советским ученым, перестроившим традиционное языковедение на основе исторического материализма, был акад. Н. Я. Марр. Созданное им новое учение о языке, развиваемое в дальнейшем акад. И. И. Мещаниновым и другими советскими лингвистами, имеет твердую научную почву. Оно базируется на основных положениях классиков марксизма-ленинизма...» [12]

Кампания по разгрому «буржуазных» советских лингвистов развертывалась преимущественно в Москве и Ленинграде, однако ее достаточно охотно подхватывали и в ряде региональных лингвистических центров.

Например,— на Кавказе. В том же 1948 году в журнале «Известия АН СССР. ОЛЯ» со статьей «Лингвистические исследования в Советской Армении (некоторые выводы)» выступил некто С. Казарян, также использовавший по примеру «вождей» весьма энергичные выражения и провозглашавший конкретные призывы к действию:

«В последнее время в Армении развернулась серьезная критика эпигонов историко-сравнительного метода, которая является важным этапом в борьбе против раболепия перед иностранной культурой. Но еще не во всех отношениях разоблачены (разрядка наша.— *М. Г.*) последователи буржуазного компаративистического метода. Долг новых армяноведов — показать порочность доводов сторонников историко-сравнительной школы в их формалистической и лженаучной основе» [13]. И таких казарянов на Кавказе в ту пору было немало!

А как все это отражалось на обстановке в самих научных и педагогических коллективах? Какой она была, эта обстановка?

Вот один пример. Доктор филологических наук В. К. Жу-

равлев, выступая 10 декабря 1988 года в МГУ на диспуте «Совесть науки», посвященном памяти лингвистов — жертв сталинщины, вспомнил об одном эпизоде из собственной студенческой жизни. Журавлев записался в семинар к «неразоружившемуся буржуазному индоевропеисту» М. Н. Петерсону и начал посещать занятия. За это он получил... строгое взыскание от комсомольского бюро, причем при разборе «дела» подчеркивалось, что особенно позорно ходить на занятия к Петерсону именно ему, Журавлеву, «демобилизованному воину»!..

Другой пример находим в воспоминаниях О. М. Фрейденберг: она рассказывает об обстановке на филфаке ЛГУ в 1947—1948 годах. Публикаторы воспоминаний Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернак и Н. В. Брагинская делают к этому отрывку специальное примечание:

«В ЛГУ борьба с „низкопоклонством" приняла характер кампании после ректорского приказа от 24.11.47, в котором требовалось проводить общественные обсуждения „фактов низкопоклонства и раболепия перед буржуазной наукой и культурой, перед всякой иностранщиной". Требовалось пересмотреть с этой точки зрения темы дипломных и кандидатских работ, пересмотреть программы, ревизовать учебники и выявлять в них методологические ошибки, провести ревизию научной продукции университетских ученых за последние годы, представленных к печати, и тому подобное» [14].

Все это служило прекрасной питательной средой и допингом для «краснознаменщиков» от марризма... И как же тошно должно было быть их оппонентам, превращаемым в изгоев и мальчиков для битья!

Атмосферу того периода в литературоведении О. М. Фрейденберг передает эмоционально:

«После речи Жданова все последние ростки жизни были задушены. Европейская культура и низкопоклонство были объявлены синонимами. Опять идет волна публичного опозориванья видных ученых. Когда знаешь, что эти старики с трясущейся головой, со старческими болезнями, полуживые люди, от которых жены скрывают такую „критику" — впечатление получается еще более тяжелое...

Политические тучи сгущались. Преследование науки приняло форму травли ученых. Полицейское заушенье, начавшееся в таких органах диффамаций, как „Культура и жизнь" и „Литературная газета", перекинулось непосредственно в высшие учебные заведения и в научные институты. Наконец, было назначено заседанье, посвященное „обсуждению" травли, на нашем филологическом факультете. Накануне прошло такое же заседанье в Академии наук, в Институте литературы. Позорили всех профессоров. Одни, как Жирмунский, делали это изящно и лихо. Другие, как Эйхенбаум, старались уберечь себя от моральной наготы, и мужественно прикрывали стыд. Впрочем, он был в одиночестве. Пропп, которого безжалостно мучили за то,

что он немец, уже терял чувство достоинства, которое долго отстаивал. Прочие делали, что от них требовалось. После окончания церемонии произошло два события, которые не вызвали, впрочем, никакого внимания. Известный пушкинист Томашевский, человек холодный, не старый еще, я бы сказала — еще и не пожилой, очень спокойный, колкого ума и без сантиментов, после моральной экзекуции вышел в коридор Академии наук и там упал в обморок. Фольклорист Азадовский, расслабленный и больной сердцем, потерял сознание на самом заседании и был вынесен.

Всякие научные аналогии были окрещены „космополитизмом", термином, которому придавали страшное („политическое") значение...

Разрушительная работа на кафедре возобновилась. Это была атмосфера клеветы, сплетен, лжи, за мной шпионили и контролировали каждый шаг. Я находилась в трясине, исчерпать которую было невозможно никакими ведрами. Среди студентов вечно раздували какое-то неопределенное недовольство, жалобы, склоки, что-то неизбывное, неясное, гнойное. Я хотела уйти — и ног нельзя было поднять. Надо мной что-то нависало, угрожало, впутывало меня, окутывало таинственной паутиной. Что-то вонючее текло у моих ног, аморфное, неуемное, и нагнеталось с каждым часом» [15].

Очередная публичная, принародная порка Системой интеллигенции породила новый кризис не только в лингвистике, но и в других общественных дисциплинах. Многие генералы и полковники от науки, внешне фанатично преданные новой сталинской установке, радостно потирали руки: обстановка благоприятствовала развитию их монополизма в науке, — будь то языкознание, литературоведение или философия. Позволим себе провести условную параллель между этим феноменом и тем комментарием, который сделал философ Владимир Соловьев, касаясь причин религиозного фанатизма по отношению к русским старообрядцам в статье «Когда был оставлен русский путь и как на него вернуться (По поводу „Заметки о внутреннем состоянии России" К. С. Аксакова)». Статья была написана Вл. Соловьевым еще в мае 1881 года, а спустя сто с лишним лет вновь вернулась к отечественному читателю благодаря новому журналу «Наше наследие»:

«В 1682 г., во время стрелецкой смуты, старообрядец Павел Даниловец сказал патриарху Иоакиму: „Правду говоришь, святейший владыка, что вы на себе Христов образ носите, но Христос сказал: научитеся от Мене яко кроток есть и смирен сердцем; а не срубами, не огнем и мечом грозил. Велено повиноваться наставникам, но не велено слушать и Ангела, если не то возвещает. Что за ересь и хула 2 перстами креститься, за что тут жечь и пытать?"

И что же отвечает патриарх? „Мы за крест и молитву не

жжем и не пытаем, жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются святой церкви, а креститесь как хотите".

Этот ответ представителя иерархии отнимал у нее последнее извинение религиозного фанатизма — по его признанию, причиной гонений на старую веру был даже не фанатизм, а просто властолюбие, страх за свое внешнее положение и авторитет» [16]. Строки эти Вл. Соловьев написал, повторяю, более ста лет назад...

Здесь, мне кажется, в нашем повествовании пришла пора сделать небольшое отступление. Итак, почему вообще установки типа ждановской в нашем обществе в те времена (да и только ли в те?) буквально мгновенно становились каноническими лозунгами? Почему подавляющая масса людей всегда безропотно (по крайней мере — внешне) начинала их претворять, выполнять, осуществлять? Почему даже явная чушь и несуразица политических обвинений не вызывали протеста или хотя бы активно выраженного сомнения?

Конечно, можно сослаться на обстановку: после войны начались новые репрессии, была затеяна фабрикация новых групповых «дел» (пусть и не в масштабах 37-го), и «знаменитую» 58-ю статью со всеми ее пунктами никто еще не отменял. Не зря же возникали горькие анекдоты: «Как жизнь?» — «Как в троллейбусе! Одни сидят, другие трясутся»... Так что нельзя забывать об элементарном человеческом страхе — за себя и за свою свободу, за детей, за близких, за нормальную работу и хотя бы некоторый достаток в семье.

Допустима ссылка и на глубочайшую веру в Сталина, которую испытывали десятки миллионов людей. А такие установки, о которых мы сейчас ведем речь, были «освящены» Его именем, Его словом, Его делом...

Можно вспомнить и о «природной» или «взращенной» непорядочности (к сожалению, этот человеческий порок мы будем изживать еще долго...) некоторых людей, занимавших в науке иногда даже весьма солидные должности. Эти гомункулусы казарменного социализма были готовы спекулировать любой конъюнктурной темой в политике — для достижения своих собственных чисто жизненных интересов и эгоистических целей.

И все же есть здесь, как нам кажется, еще одна причина — «массовидного характера» (если использовать термин психологии), связанная с идеей удобства и стабильности. О таком характерном явлении в сознании людей умно написал в одной из своих газетных статей современный советский ученый, доктор философских наук Леонид Гольдин: «Естественно, в условиях, когда одни вещали, а другие внимали, когда было четко известно, кому принадлежит монополия на истину, жить было проще (здесь и далее в цитате разрядка наша.— *М. Г.*). Представление, что кто-то владеет ключом к разрешению всех сложностей мира, знает, как всех сделать счастливыми, не спра-

щивая, чего люди хотят, удобно, оно создает ощущение «общественной стабильности» [17].

А если человек все же не хотел жить проще, следовательно, он был слеп. Если же он был слеп, то его надо было лечить. Те, кому довелось неоднократно слышать речи Лаврентия Берия, рассказывают, что одним из известных и запомнившихся им риторических приемов этого мастера заплечных дел был рефрен: «Только слэпой нэ можэт нэ видэть, что... Только слэпой нэ можэт нэ замэтить, что...» Кому же хотелось, чтобы от «слепоты» его лечили подручные Лаврентия Павловича?

Давайте теперь снова вернемся в год тысяча девятьсот сорок восьмой...

У марристов в то время не было такого мощного лидера, каким в биологии являлся Лысенко. Но все же именно «успехи» Лысенко в погромах противников дали новое, мощное оружие тем лингвистам, которые стояли у флагштока «нового учения о языке».

Когда читаешь стенограммы заседаний ученых советов, редколлегий, совещаний по различным «актуальным вопросам языкознания» 1948—1949 годов, ясно видишь, что Сталин своими установками поощрял эпидемию психоза в науке. Все это очень походило на охоту с флажками: загонщики-марристы буквально обкладывали со всех сторон своих противников, как это делают с волками и лисами на зимней охоте, затягивая кольцо флажков. Флажки у охотников-языковедов были, разумеется, самого чистого красного цвета...

Ну, а «победы» Лысенко дали возможность последователям Марра, наконец, затянуть кольцо своих флажков.

Так, во многом переломным рубежом стало совместное открытое заседание ученого совета Института языка и мышления им. Н. Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, состоявшееся 22 октября 1948 года в Ленинграде. Оно прошло именно «в свете» результатов дискуссии на «биологическом фронте» и доклада академика Т. Д. Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ. Заседание это являлось столь важным для марристов, что два основных доклада и другие материалы были опубликованы в главном лингвистическом журнале «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка» (т. VII, вып. 6 за 1948 год).

Первый доклад — «О положении в лингвистической науке» — сделал главный ученик Марра академик И. И. Мещанинов. В его выступлении превозносилось «новое учение о языке», достаточно резко критиковались некоторые противники. В 1948 году И. И. Мещанинову исполнилось уже 65 лет, он был академиком, Героем Социалистического Труда (1945 г.), дважды (1943 и 1946 гг.) лауреатом Сталинской премии. Мне уже довелось упоминать о некоторых особенностях его жизненной позиции и характера. Но, конечно, большое влияние на него оказывали Г. Сердюченко и Ф. Филин, которые пользовались под-

держкой зав. отделом науки ЦК партии Ю. А. Жданова и ученого секретаря АН СССР А. В. Топчиева.

Таких регалий и заслуг, как у Мещанинова, у сорокалетнего профессора Филина еще не было. Однако ситуация давала ему реальный шанс далеко выдвинуться, и этот шанс он постарался не упустить. Надо заметить, что к 1948 году Федот Петрович Филин был уже заметной фигурой в языкознании и в научном «аппарате», о чем он сам пишет в воспоминаниях, с которыми в 1975 году выступил перед молодыми сотрудниками и аспирантами Института русского языка АН СССР: «Послевоенный период вам должен быть более известен. В 1947 году я был назначен заместителем директора Института русского языка АН СССР, а также ученым секретарем Президиума Академии наук СССР, по совместительству. Директор С. П. Обнорский был очень тяжело болен, фактически в работе Института принимать ему участия не приходилось. Так что я фактически директором этого учреждения являюсь сейчас второй раз. Перед 1950 годом обстановка в советском языкознании была очень напряженной. Происходила острая борьба мнений. Положения „нового учения о языке", правда, трансформированные, без четырехэлементного анализа, главным образом положения школы И. И. Мещанинова, пытались насаждать (?! разрядка наша.— *М. Г.*) и административным путем, что вызвало известные события 1950 года» [18].

Да, Федот Петрович Филин мастерски владел искусством расставлять нужные акценты... Разнузданные, использующие политические обвинения и ярлыки в соответствии с установками «верхов» нападки марристов (обладавших, кстати, реальной властью) на индоевропеистов превращаются в мемуарах Филина просто в «острую борьбу мнений», а собственное реальное — словом и делом — участие Федота Петровича в насаждении «нового учения» именно административным путем как-то исчезает за неопределенно-личной конструкцией «...пытались насаждать...». И так далее. Дабы не поддаться магии таких «акцентов» и «нюансов» обратитесь ко второй части нашей книги, к главе «Белые одежды лингвистики».

Заметьте, что у Ф. П. Филина в его выступлении было названо гораздо больше имен «противников», было использовано значительно больше, — чем у И. И. Мещанинова, — политических ярлыков, обвинений, угроз. Начав с ритуального поминания Жданова, Лысенко, с анафемы в адрес, видимо, хорошо ему известного «реакционного идеалистического вейсманизма-морганизма», Ф. П. Филин высказался далее очень откровенно. Например, гипотезу «праязыка», за которую ратовали индоевропеисты, он назвал «теорией расовой обособленности» (впрочем, это говорил еще Марр). Сказал и о том, что «индоевропеистика с ее „теорией" влияний и заимствований, объясняемых чисто формально, с расистскими бреднями сочетает буржуазный космополитизм...» (а вот это уже личное «новаторство» Федота

Петровича). Какой чуткий отклик на «запросы дня»! О всей части советской лингвистики, противоречившей идеям марризма, Ф. П. Филин заявил, что она «...как идеалистическое и метафизическое языковедение перестала быть наукой и *подлежит полному научно-теоретическому и политическому разоблачению и разгрому*» (этот призыв Федота Петровича будет потом четко отражен в соответствующем постановлении); еще назвал он эту, немарристскую лингвистику «составной и органической частью реакционной буржуазной идеологии».

Поведал профессор Филин участникам заседания и о том, как «многие языковеды в нашей стране вели и ведут тайную или явную борьбу с новым учением Н. Я. Марра». Многие факты заслужили особое внимание Федота Петровича — примеры «рабского подражания и подобострастия перед западноевропейскими лингвистами» в книге В. В. Виноградова «Русский язык», «порочный и вредный» (тоже знакомые словечки эпохи! — *М. Г.*) учебник А. А. Реформатского, «потуги индоевропеистов маскироваться под марксизм».

Даже газетная, журнальная, книжная бумага, в принципе «устойчивая» к эмоциональным стрессам, кажется, краснеет, когда начинаешь цитировать обвинения, высказанные Филиным как в адрес конкретных лингвистов, так и в адрес «неразоружившихся индоевропеистов» в целом... Ограничимся еще одним примером, в котором Ф. П. Филин, на первый взляд, лишь мягко критикует академика В. В. Виноградова за симпатии к трудам его учителя — «буржуазного» академика А. А. Шахматова.

Ф. П. Филин: «Излагая взгляды Шахматова на русский литературный язык, автор статьи (В. В. Виноградов. — *М. Г.*) снабжает их малосущественными критическими замечаниями и весьма изрядной долей восхваления методологической концепции своего учителя. Концепция же эта насквозь идеалистична и типична для буржуазно-либерального языковеда (к тому же Шахматов как „общественный деятель“ был членом ЦК кадетской партии)» [19].

Стоп! Что это: мелочь? привычная лексика дискуссий *того* времени? полемический задор? Нет, это сознательно нанесенный болезненный и подловатый удар по уже репрессированному и политически «замазанному» человеку! Вспомните еще раз о сложности политической обстановки в стране в 1948 году. И вот именно в такой ситуации, в ходе острой *идеологической* «дискуссии» не 24-летний восторженный молодой человек, а сорокалетний опытный политик (уже поработал секретарем парторганизации, на фронте служил в политорганах) и администратор (фактический директор института и в недалеком будущем ученый секретарь АН СССР) так *умело* говорит о Виноградове как об ученике члена ЦК партии кадетов — партии «врагов революции».

Да, доносы в те времена можно было и настрочить ручкой, запершись в своей комнате, а можно было сделать и с трибуны

научного собрания. И имя всему этому — тоже казарменный социализм, тоталитаризм, сталинщина! Причем в широком смысле ее моральными жертвами были и сами авторы разнообразных доносов (хотя это их и не оправдывает).

Теперь, когда об обстановке конца 40-х мы знаем, — благодаря многим новым публикациям, открывающимся архивам, таким новым книгам, как работа А. Антонова-Овсеенко «Берия» [20] или исследования Р. Медведева, — гораздо больше, чем прежде, стоит подумать еще об одном. Развитие ситуации в лингвистике было непредсказуемым и при случае могло стоить «неразоружившимся буржуазным индоевропеистам», «реакционерам», «расистам», «космополитам» не только места работы, но и головы. В угоду Сталину, а также в соответствии со своими личными целями Берия легко мог организовать «дело лингвистов» с самыми абсурдными обвинениями, однако уже на предложенной марристами идеологической основе!

Говоря об обстановке наветов и политических обвинений, хочется вспомнить одно стихотворение Александра Аркадьевича Галича, посвященное памяти Б. Л. Пастернака. Галич избрал эпиграфом к ней пастернаковские строчки о свече, горевшей на столе...

Нет, никакая не свеча,
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к «высшей мере»!

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу,
Голосованьем!

И кто-то спьяну вопрошал:
«За что? Кого там?»
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...

Мы не забудем этот смех
И эту скуку!
Мы поименно вспомним всех,
Кто поднял руку! [21]

Да, вспомнить нужно поименно... Для этого необходим анализ не только уже известных фактов, опубликованных статей,

выступлений и т. п., но и материалов иного рода. С этой точки зрения мне близка позиция украинского литератора, секретаря правления Союзов писателей СССР и УССР (а с 1989 года — одного из руководителей Верховного Совета страны) Бориса Олейника, всей болью своего сердца обратившегося к делегатам XIX конференции КПСС с ее трибуны:

«Наконец, поименно изобличить доносчиков, которые поставляли экзекуторам „компромат", „засветив" имена „стукачей" прошлого, мы нанесем превентивный удар и по тем, кто еще собирается взяться за это грязное предприятие» [22].

Этому поможет «открытие» недоступных пока еще в своей основной массе архивов НКВД (в том числе, хранилищ оперативных документов), центрального и региональных (в частности, ленинградского) аппаратов системы госбезопасности. Уже сейчас ясно, что академики Рядно со всеми их связями и «деяниями» были не только в биологии и существовали не только в романе Владимира Дудинцева «Белые одежды».

Вернемся к заседанию 22 октября 1948 года. Многие положения выступлений Мещанинова и Филина легли в его резолюцию. Резолюция же была официальным документом. Кстати, она во многом определила и содержание постановления Президиума АН СССР о «положении на лингвистическом фронте», принятое в следующем, 1949 году.

Сейчас, когда от упомянутого мною открытого заседания ученого совета нас отделяет более четырех десятков лет, многое в тексте резолюции кажется каким-то «бутафорским», «кукольным» или даже смешным. Нет, это было не смешно. Скорее — страшно. Вчитайтесь сами в строки документа:

«Одобренный ЦК ВКП(б) доклад акад. Лысенко о положении в биологической науке и решение сессии ВАСХНИЛ являются огромной важности историческим этапом в борьбе за передовую науку, построенную на началах марксистско-ленинской методологии.

Открыв для советского народа прогрессивную биологическую науку Мичурина, гениальные вожди нашей партии, великие корифеи науки Ленин и Сталин обогатили общую сокровищницу знаний нашего социалистического общества. ...Уроки, вытекающие из ... решающей борьбы прогрессивных сил в науке против реакционных, борьбы, закончившейся идейным и организационным разгромом реакционного направления, должны быть в максимальной степени учтены учеными, работающими во всех областях знания, они должны быть в должной мере учтены и работниками языковедной науки».

(Разрешите мне здесь отвлечь на минуту ваше внимание: победы и прославление приснопамятного Трофима Денисовича Лысенко бурно и целенаправленно пропагандировались, буквально вживлялись в сознание людей через периодическую печать и радио. Этот факт общеизвестен. А вот знаете ли вы о той «величальной», которая была сложена А. Сальниковым,

а на музыку положена К. Массалитиновым? Называлась она по-лысенковски незатейливо — «Колхозная запевка», в соответствии с чем в нотах в начале стояло не какое-то там сомнительное «аллегро», а наше родное и душевное — «весело, с задором»... Хотите насладиться хотя бы первым ее куплетом?

Веселей играй, гармошка,
Мы с подружкою вдвоем
Академику Лысенко
Величальную поем.
Он мичуринской дорогой
Твердой поступью идет,
Морганистам,
вейсманистам
Нас дурачить не дает [23].

В назидание потомкам остроумные ребята из редакции «Комсомольской правды» отыскали где-то в старых подшивках эту запевку и напечатали ее в своей газете в начале апреля 1989 года.

Шутки шутками, но кто знает: могло сложиться и так, что подобные запевки «весело, с задором» слагались бы и в адрес тех научных генералов, которые были для Лысенко братьями по духу в языкознании... Чтобы окончательно убедиться в возможности этого, приглашаю вас продолжить чтение цитируемого документа.)

«На сотрудниках Института языка и мышления и Института русского языка АН СССР лежит огромная ответственность перед партией и народом за сохранение и дальнейшее развитие материалистической науки о языке, разработанной основателем Института акад. Н. Я. Марром и успешно развиваемой акад. И. И. Мещаниновым. Являясь в важнейших своих положениях конкретизацией марксизма-ленинизма в языкознании, новое лингвистическое учение, разработанное Марром и его последователями, завоевало себе широкое признание у советской общественности и вошло в фонд важнейших научных приобретений социалистической эпохи. Советская материалистическая лингвистика является теоретическим оружием в руках практических работников в языковой области, ведущих борьбу за подъем речевой культуры всех многочисленных народностей нашей страны, за осуществление великих принципов ленинско-сталинской национальной политики в области языка, за максимальное приобщение всех народов к великой культуре русского народа, высшим достижением которой является учение Ленина и Сталина. Все эти практические задачи могут быть успешно решены и успешно решаются только на базе диалектико-материалистической теории языка, в корне порвавшей с абстрактно-космополитическими националистическими доктринами буржуазной лженауки. Отказ от идеализации буржуазного сравни-

тельно-исторического метода, от формалистического извращения фактов грамматики и лексикологии, от расистской теории „праязыка“ и глубокая исследовательская работа на базе марксистско-ленинского учения об обществе и законах его развития явились важнейшей предпосылкой для успешного решения стоящих перед советскими языковедами практических и теоретических задач.

Следует отметить, что при всех своих бесспорных достижениях советское материалистическое языкознание не добилось до сих пор окончательного разгрома реакционных сил, подвизающихся по настоящий день в лингвистической науке. Вплоть до последнего времени реакционные языковеды отстаивают отжившие свой век традиции дореволюционной либерально-буржуазной лингвистики в нашей стране и рабски отражают гнилые теории соссюрианства и структурализма, ставшие модными в среде зарубежных буржуазных языковедов в последние два десятилетия. Лингвисты этого толка (акад. В. В. Виноградов, проф. М. Н. Петерсон, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, А. С. Чикобава и др.) вели и ведут борьбу с советским материалистическим языкознанием, проповедуя идеалистические и оторванные от жизни взгляды. В области истории языка эти ученые стремятся изображать развитие языка как имманентное, само собою в отрыве от общества совершавшееся развитие, как случайное сцепление многочисленных единичных явлений, лишенное исторических закономерностей. Отрицая формирующую роль общества и классовой борьбы в развитии идеологического содержания речи, эти ученые выхолащивают идеологическое содержание речевых явлений и стремятся представить язык как систему внешних опустошенных форм. Одинаковым образом при изучении современной речи эти ученые формалистически извращают язык, описывая его в отрыве от его живой истории, не обнаруживая в живой речи новых категорий. Своим знаменем эти языковеды делают зарубежных лингвистов, в первую очередь де Соссюра, зарубежных фонологов либо представителей либерально-буржуазной науки о языке в дореволюционной России (Фортунатова, Шахматова). В руках реакционных лингвистов сосредоточены большие организационные возможности. Занимая ряд ответственных постов на ведущих факультетах и кафедрах, являясь консультантами министерств, рецензентами издательств, авторами учебных программ и имея в своих руках журнал „Русский язык в школе“, они сумели протащить в печать написанные с чуждых нам позиций учебники и учебные пособия, редактировать научные издания, готовить большое число аспирантов, ставя перед ними неактуальные в теоретическом и практическом отношении темы и воспитывая их во враждебном передовому советскому языкознанию духе...

Состоявшееся в ВАСХНИЛ обсуждение вопросов биологии помогает нам, языковедам, правильно оценить положение на

лингвистическом фронте, покончить с примиренческим отношением к враждебным влияниям в нашей науке, шире развернуть борьбу за основанное Н. Я. Марром материалистическое языкознание против реакционной идеалистической лингвистики, добиваясь полного идейного разгрома последней.

Ученый совет рекомендует дирекциям Институтов разработать совместно с Бюро партийной организации конкретные мероприятия, направленные к разгрому реакционной идеалистической лингвистики и решительному усилению теоретической работы в направлении творческого развития нового учения о языке» [24].

В этой резолюции уже был готов списочек... Эх, вот черкнул бы «творец самой демократической в мире конституции» (о тех ученых, что еще здравствовали) своим карандашом что надо, а уж Лаврентий Павлович разобрался бы быстро — кому сколько...

Впрочем, не будем преувеличивать. Список этот был не единственным, поскольку кампания проработки и нападок на «реакционных советских лингвистов» данным постановлением только, по сути дела, начиналась и разворачивалась. С 1946 по 1950 год список неугодных марризму лингвистов менялся, в основном — в сторону увеличения. ...Были и покаяния.

Затем наступил очень тревожный 1949 год, когда было принято уже упомянутое постановление Президиума АН СССР, когда продолжались мощные проработки «буржуазных языковедов» в широкой печати (см., например, статьи в газетах «Правда» от 5 января и 14 сентября, «Литературная газета» от 6 апреля, «Культура и жизнь» от 11 мая 1949 г. и т. д.). В том же 1949 году под редакцией акад. И. И. Мещанинова вышло в свет 3-е (исправленное и дополненное) издание книги В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности» объемом более 30 печатных листов. В завершающей главе В. А. Миханкова также весьма и весьма недобрым словом поминает «приверженцев идеалистического учения о праязыке», скорбя о том, что в советском языкознании в течение ряда последних лет проявлялся «нетерпимый в советском обществе либерализм в отношении реакционных идеалистических построений индоевропеистов» и что «в советское языкознание стали проникать зловредные „идеи“ буржуазной науки» [25].

Случайным ли был новый выпуск в свет книги Миханковой? Ведь предыдущее издание вышло всего годом раньше — в 1948-м ...Да нет, случайности здесь не было: переиздание книги стало маленьким звеном все той же цепи акций. В. А. Миханкова в предисловии вполне откровенно объясняет причины «возросшей потребности советских читателей ознакомиться с новым учением о языке, с личностью и деятельностью его создателя, академика Н. Я. Марра»: «Потребность эта понятна. В связи с осуществлением решений нашей партии по идеологическим во-

просам все чаще стало встречаться не только в научных работах, но и в нашей партийной и общей печати (в „Большевике", в „Культе и жизни", в „Литературной газете") имя Н. Я. Марра, революционизировавшего науку о языке, непримиримо боровшегося против буржуазной науки, против преклонения перед ней, против примиренческого отношения к чуждой советскому ученому идеологии — безыдейности, аполитичности, формализма, буржуазного национализма и космополитизма. Этой стороне деятельности Н. Я. Марра, освещенной и в издании 1948 г., уделено особое внимание в новом издании, в котором использованы и новые материалы, характеризующие сложение научных и политических взглядов Н. Я. Марра и боевой характер нового учения о языке» [26].

Нет, совсем не случайно и А. С. Чикобава заметил в уже цитировавшемся отрывке из его воспоминаний, что «1949 г. был не из легких в советском языкознании» [27], и привел там же примеры некоторых «оргвыводов».

Думается, можно и дополнить примеры Чикобавы.

Достаточно вспомнить, что именно в 1949 году ряд лингвистов был объявлен... «космополитами»! (Теперь, после выхода «разрешенного» наконец сборника прозы Лидии Чуковской, всегда при слове «космополитизм» вспоминаешь пример из ее повести «Спуск под воду» — радиоклевету на некоего Зеленина-Зеликсона, литературоведа, о котором и ему «подобных» говорилось: «Советский патриотизм, принципы социалистического реализма ... не по нутру этим выученикам гнилого штукарства» [28]). Кто ищет — тот всегда найдет! Нашли «выучеников гнилого штукарства» и среди лингвистов. А кого-то параллельно буквально травили за буржуазный национализм. Таковы злые парадоксы тоталитарной системы.

Трагична судьба самого крупного в то время советского специалиста по финно-угорским языкам члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Владимировича Бубриха. Нападок на него обрушилось много, но сильнейшим и, без сомнения, подлейшим ударом явилась статья его ученика (!) В. Алатырева в «Литературной газете» от 16 ноября 1949 года под крикливым заголовком «На поводу у финских буржуазных лингвистов». Публикация была буквально наполнена злобными, резкими и клеветническими выпадами ученика по адресу своего учителя — Д. В. Бубриха. Несколько дней подряд Д. В. Бубриха «прорабатывали» на различных собраниях — в связи с этой статьей. Ученый не выдержал травли. 30 ноября он умер... Кстати, годом раньше, в 1948-м году, Д. В. Бубриху основательно «досталось» от Филина и Сердюченко. Вот что вспоминала в 1950 году финно-угровед В. В. Сенкевич-Гудкова: «„Ученики" акад. Марра Г. П. Сердюченко и Ф. П. Филин обвинили Д. В. Бубриха в том, что он в своих трудах выдвигает концепцию праязыка „в полном и неприкрытом виде". Ни Филин, ни Сердюченко не являются специалистами по финно-угорским языкам. Поэтому

они, не дав себе труда полностью изучить печатные работы Д. В. Бубриха, со свойственной ученикам Марра нескромностью и кичливостью, в своих выступлениях ориентировались только на одну книгу Д. В. Бубриха...» [29].

Итак, разгром готовился.

Но рука Сталина потянулась не к синему карандашу, а к перу: вождь начал работать над «сталинским учением о языке». Почему?

Возможно, придет время — и новый Даниил Гранин или новый Владимир Дудинцев создадут роман, повествующий о всех тех сложных событиях в нашем языкознании. Только настоящему художнику слова удастся их живописать в красках и психологически выверенных деталях. Я же пробую ограничиться лишь основными штрихами и несколькими гипотезами.

Глава 8

«В ЯЗЫКОЗНАНИИ ПОЗНАВШИЙ ТОЛК...»

...Ничто не доставляет ему такого удовольствия, сказал король, как научные открытия... Этот монарх обладает всеми качествами, обеспечивающими любовь, почтение и уважение подданных. Он одарен громадным умом, глубокой ученостью и исключительными способностями к управлению государством. И вот, из-за чрезмерной щепетильности, совершенно непонятной нам, европейцам, этот мудрейший государь упускает возможность сделаться полновластным господином жизни, свободы и имущества своего народа... По его мнению, для хорошего управления государством требуется только здравый смысл, справедливость, беспристрастие и доброта.

Дж. СВИФТ
«Путешествие в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей»

Итак, Чикобава был призван в Москву на дачу к Сталину. Он встречался с «вождем народов» в апреле 1950 года несколько раз. Возможно, причин вызова было несколько, и они не однозначны, точнее — не равнозначны. Так, помимо объяснений, уже приводившихся в первой главе (при цитировании отрывка из воспоминаний А. С. Чикобавы), поводом для пригла-

шения могло послужить желание Сталина разобраться с обвинениями в адрес Р. Ачаряна, автора семитомного «Этимологического словаря армянского языка», выполненного в традициях классического сравнительного языкознания, компаративистики. Ачаряна вроде бы арестовали (он к тому же еще и «вернулся из зарубежья», как пишет проф. В. А. Звегинцев, знавший о тех событиях из рассказа покойного А. С. Чикобавы), но в Москву Сталину начали поступать письма в его защиту. Кто знает, возможно, вождя действительно интересовало мнение Чикобавы о случае с Ачаряном. К тому же, судя по ряду фактов, Сталина к этому времени уже насторожила как сама обстановка в лингвистике, так и собственно теория Марра. Это могло произойти — как на первый взгляд ни странно — в ходе контактов с Мао Цзедуном в конце 1949 года... Как бы то ни было, Ачаряна освободили, и ученый вышел на свободу, по словам А. С. Чикобавы (на что ссылался В. А. Звегинцев), «так и не поняв, за что же его посадили и почему потом выпустили из заключения» [1]. В своих опубликованных мемуарах А. С. Чикобава, упоминая об Ачаряне, слово «арест» не использует, что, возможно, связано со временем их написания.

А. С. Чикобава: «Характерен эпизод, свидетелем которого мы стали во время первой встречи с И. Сталиным на его даче (10.IV.1950).

Ему стало известно, что в Армении освобождены от работы несогласные с „Новым учением“ Н. Марра академики АН Арм. ССР Грачья Ачарян (из Ереванского университета) и Гр. Капанцян (академик-секретарь АН Арм. ССР). И Сталин расспросил нас об этих специалистах и затем вызвал тут же по телефону из Еревана секретаря ЦК КП Армении Арутюнова.

Разговор был кратким.

Поздоровавшись, И. Сталин спросил:

„У вас там снимали профессора Ачаряна и Капанцяна?...“

„Почему?...“

„Других причин не было?...“

„Неправильно, товарищ Арутюнов, поступили...“

И положил трубку.

Откровенно говоря, мы выслушали разговор с чувством глубокого удовлетворения.

Акад. Ачарян и акад. Капанцян были восстановлены на работе еще до начала дискуссии» [2].

Вряд ли стоит идеализировать академика А. С. Чикобаву: человек он был очень и очень непростой, в целом ряде ситуаций (и в 50-е годы, и позже) выступивший как исключительно жесткий (в истинно сталинском духе) и субъективно пристрастный организатор. Один современный видный советский лингвист, академик заметил как-то, что А. С. Чикобава на длительный период приостановил развитие теоретической лингвистической мысли в Грузии. В этом суждении тоже есть истина, ибо

Чикобава был, как и его оппоненты, настоящим сыном своей эпохи, зараженным вирусом авторитарности и монизма, да еще и человеком, которого публично поддержал «великий корифей науки»! Иногда кажется, что десятилетия тоталитарного режима изменили даже состав нашей крови...

Но, думаем, академику А. С. Чикобаве нужно все же отдать должное в том, что в апреле 1950 года под недоверчивым взглядом Сталина он не убоялся повторить свое убеждение в ошибочности идей академика Н. Я. Марра. А ведь Николай Яковлевич был прямо-таки «канонизированным ученым-марксистом», и определенную роль в этой канонизации сыграл в свое время сам вождь. Другое дело в том, что теория Марра стала уже в чем-то мешать Сталину, раздражать или не удовлетворять его... Знал ли об этом Чикобава? Видимо, нет, или не до конца.

Так что в известной смелости А. С. Чикобаве и в самом деле не откажешь. Обратите внимание на то, что Арнольду Степановичу многое приходилось р а з ъ я с н я т ь Сталину (хотя Чикобава был у Сталина, вероятно, все же не единственным консультантом, пусть, по-видимому, и главным; да и размышлять о теоретических проблемах языка, о теории Марра, читать нужную литературу, как это подтверждает ряд фактов, свидетельств, Сталин начал отнюдь не в апреле 1950 года, а минимум на полгода или даже год раньше...). А каково было что-то растолковывать человеку, который считался (и главное — сам себя считал!) «мудрейшим»?..

А. С. Чикобава: «Дискуссионную статью, написать которую мне поручили 10 апреля 1950 г., И. Сталин читал два раза и делал свои замечания. Для их обсуждения мне пришлось дважды побывать на даче И. Сталина, где обсуждения эти длились по 2—3 часа.

Сталин терпеть не мог неясностей. Вопросами языка он интересовался по существу в связи с национальным вопросом (обратите внимание на эту существенную оговорку Чикобавы, припомнив ее, когда речь у нас зайдет как о „китайском вопросе", так и о „космополитах", поскольку стадиальная классификация Марра опрометчиво поставила еврейский язык в развитии выше грузинского...— *М. Г.).* Вопреки распространенному мнению спорить с ним можно было (это желание Чикобавы показать Сталина в как можно более выгодном свете, разумеется, легко объяснимо; оно проявляется и в данном случае, и в других местах мемуаров.— *М. Г.*). Бывало, он и соглашался („В этом Вы, пожалуй, правы!").

О палеонтологическом элементном анализе Марра („Гадания на кофейной гуще", как это во время дискуссии называл Сталин) он информации не имел, но ультралевая крикливая фраза Марра его отнюдь не убеждала („Марр много к р и ч а л (разрядка А. С. Чикобавы.— *М. Г.*) о марксизме, но он не был марксистом" — его выражение на встрече 10.IV.1950 г.)» [3].

Параллельно Сталин уже трудился над первой статьей о проблемах языкознания, работая преимущественно самостоятельно. В этом не должно быть сомнений, ибо Иосиф Виссарионович в отличие от своих преемников 60—80-х годов по руководству страной старался писать свои статьи и выступления действительно сам. В данном случае мы не оцениваем его стиль, убого-риторические приемы, тайну «логики», магию «гениальных трудов» — на наш взгляд, это достаточно убедительно сделал историк и культуролог Л. М. Баткин в эссе-исследовании «Сон разума. О социально-культурных масштабах личности Сталина в связи с мемуарами К. М. Симонова», опубликованном журналом «Знание—сила», а частично — газетой «Московские новости».

Правда состоит и в том, что у Сталина были свои методы решения научных споров и что он, как справедливо отметила наша центральная партийная газета, «...не ведая сомнений, брал на себя роль верховного судьи в определении судеб многих наук. Так было с генетикой. Так было с языкознанием. Так было и с политической экономией социализма» [4]. Да, именно так — «...не ведая сомнений...». В этом была характерная особенность взаимоотношений вождя с большой наукой. (И только ли с ней?)

Важно понять и то, что языкознание не явилось исключением, хотя личных сталинских «откровений» в этой области больше... Опять на память приходят стихотворные строки, на сей раз — Бориса Слуцкого:

Под этим небом серым,
что дождиком сечет,
контроль приходит верам,
теориям — учет.

Смывает неумолчный дождь
клочки газет, следы чернил,
все то, что неумолчный вождь
наговорил, насочинил,

и размокает, как сухарь,
в потоках этих дождевых
теоретическая старь,
а до чего я к ней привык! [5].

Далее события развивались с головокружительной быстротой: статья Чикобавы «О некоторых вопросах советского языкознания», открывшая дискуссию, была опубликована в День Победы (символ?!) — 9 мая 1950 года, причем сам автор только в свежем номере газеты прочитал несколько облегчившее его душу предисловие от редакции, в котором, в частности, говорилось: дискуссия эта организуется с конкретной целью —

«с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть *застой* (курсив наш.— *М. Г.*) в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области» [6]. Объявлялась свободная демократическая открытая дискуссия (это тоже была одна из придумок Сталина...). И в течение полутора месяцев (если же брать все публикации вождя, письма лингвистов в «Правду» с раскаяниями и поздравлениями,— и того дольше) широкая общественность Страны Советов с некоторым удивлением напряженно пыталась постичь суть специфических научных разногласий солидных ученых, обширным трактатам которых «Правда» предоставляла целые полосы.

Забегая вперед, хочется сказать об одном предложении, которое уже несколько раз высказывалось советскими лингвистами — в различные периоды. Предлагалось издать самостоятельной книжкой все материалы лингвистической дискуссии в «Правде» — от статьи Чикобавы и его оппонентов — до всех статей и ответов Сталина, до писем и приветственных посланий. Разумеется, сейчас материалы дискуссии необходимо было бы реопубликовать только с соответствующим предисловием, с подробным квалифицированным комментарием. Помимо своей наглядности — как характерной иллюстрации сталинской эпохи — такая брошюра могла бы иметь и отдельную самостоятельную ценность как источник по истории советской лингвистической науки...

Итак, события развивались действительно ошеломляюще быстро. Сразу же после статьи А. С. Чикобавы, в которой «новое учение о языке» он подверг детальному разбору (хотя не во всем последовательному...) и острой критике, «Правда» напечатала статью главы советского языкознания академика И. И. Мещанинова — «За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра». Кое-что в критике грузинского ученого он признал справедливым, но «покушение» на сам флаг учения Марра отмел начисто: «Строить подлинное марксистское языкознание без Марра я признаю для нас неприемлемым» [7]. Предпринял Мещанинов и контратаку в «лучших» традициях, в стиле той эпохи, подчеркнув, в частности, что статья Чикобавы это — «повторение основных положений буржуазной лингвистики, то есть той, которой Марр объявил решительную борьбу, чем и обеспечивается внедрение в языковедение методов материалистической философии» [7]. Изменило тогда политическое чутье Ивану Ивановичу, и не ощутил он, что от строчек, написанных рукой Чикобавы, потягивает сладковатым запахом табака «Герцоговина флор»... Не почувствовали опасности и другие марристы,— так они были упоены своим близившимся к апофеозу триумфом, так привыкли агрессивно, без промедления резко отвечать на любые сомнения, на проявления критики в адрес «нового учения».

За короткий срок в дискуссии смогли выступить многие

ученые. И. И. Мещанинова поддержали Н. С. Чемоданов и Ф. П. Филин (их статьи «Правда» опубликовала 23 и 30 мая) [8]. А. С. Чикобаве наиболее последовательную поддержку оказали уже упоминавшийся армянский ученый академик Гр. Капанцян (30 мая) и покойный академик АН СССР Б. А. Серебренников (23 мая) [9]. Участие в дискуссии на стороне Чикобавы тогда еще скромного кандидата филологических наук Б. А. Серебренникова из МГУ чуть было не привело к его окончательному изгнанию с работы и массе других неприятностей... [10]

Принял участие в обсуждении всех острых проблем теории лингвистики и академик В. В. Виноградов (6 июня). Правда, внешне статья его была осторожной: автор говорил о том, что «научное наследие академика Марра должно быть использовано, но марксистское языкознание гораздо глубже, шире и полнее „нового учения о языке“» [11]. Осторожность Виктора Владимировича, достаточно хорошо знакомого с методами работы НКВД и МГБ и уже дважды к тому периоду побывавшего в ссылке, объяснить можно... Как можно отчасти понять и энергичное прославление им трудов Сталина по языкознанию после завершившейся дискуссии. Конечно, отнюдь не лишен был Виноградов и собственных внутренних противоречий. Однако знакомство с его биографией и творческим наследием, беседы с людьми, которые близко его знали, вызывают в памяти слова, сказанные Роем Медведевым о писателе Юрии Валентиновиче Трифонове (с которым Медведев был хорошо знаком и дружил в течение 15 лет): «...Компромиссы имели для Юрия Валентиновича определенные границы: он часто пригибал голову, но не кланялся, а тем более не становился на колени» [12]. То же, думается, можно сказать и о В. В. Виноградове, хотя подобное суждение легко посчитать небезгрешным.

Поддержал Чикобаву и выступивший 13 июня в «Правде» украинский ученый член-корреспондент АН СССР Л. А. Булаховский (который, впрочем, до определенного времени волновался: не ошибся ли он в занятой позиции...) [13]. Были преданы гласности суждения и других лингвистов [14].

20 июня произошло официальное рождение Великого Корифея Языкознания: «Правда» напечатала статью И. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». В этом же номере была опубликована и статья профессора П. Я. Черных [15]. Если судить о ходе дискуссии объективно, то следует признать, что на этом — 20 июня — она в общем-то и закончилась. Закончилась, но не... завершилась.

Были потом еще статьи профессора Т. П. Ломтева (первоначально намеревавшегося критиковать Чикобаву...), члена-корреспондента АН СССР Г. С. Ахвледиани и т. д., но они уже не могли не ориентироваться на «гениальное» выступление Сталина [16]. Больше публикаций в поддержку или защиту «нового учения» «Правда» не давала. 4 июля газета напечатала

еще одну работу Сталина — «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой». Тогда же продолжавший отчасти недоумевать (но — не возражать, упаси Бог!) массовый читатель прочитал и краткие приветственные выступления академиков В. В. Виноградова, В. Ф. Шишмарева, С. П. Обнорского, члена-корреспондента АН СССР Л. А. Булаховского, профессора Е. М. Галкиной-Федорук, других ученых. Прислали свои — исповедальные — письма И. И. Мещанинов, Н. С. Чемоданов (и не только они), которые тоже были напечатаны.

2 августа «Правда» опубликовала третью, последнюю, сталинскую заметку по вопросам языкознания — «Ответ товарищам. Товарищу Санжееву. Товарищам Д. Белкину и С. Фуреру. Товарищу А. Холопову».

На этом обсуждение проблемы было уже полностью исчерпано.

Да и могло ли произойти иначе?

Слова Сталина были восприняты как откровения живого классика-божества, как призыв испытанного и великого вождя к действию, как долговременная программа жизни. Разумеется, касавшаяся не только языкознания... Мне при чтении всего обилия материалов 1950 года иногда даже казалось: «и не столько языкознания»,— поскольку в бурном славославии вождю и корифею начали забываться собственно заботы самой лингвистики и ее теория. Об этом позже прекрасно напишет Федор Абрамов.

А что же было с последователями «нового учения о языке», учениками и продолжателями дела Н. Я. Марра, учениками учеников?

Работы Сталина не оставили от «нового учения» буквально камня на камне. Жестоко досталось марристам и за «аракчеевский режим» в науке (который, повторяю, вырос на благодатной почве тоталитарной системы...). Но если, скажем, теоретическое рассуждение Сталина о фикции «классовых языков», «надстроечности» языка или «идеалистичности» четырехэлементного анализа стало для марристов просто тяжелейшим ударом, то сталинская характеристика сложившейся обстановки в языковедении как особого «режима» и поведения руководителей почти как «равносильного вредительству» должна была дохнуть на них холодным ветром Колымы. Правда, подобных «оргмер» по отношению к ним не последовало, поскольку вождь подчеркнул в конце первой правдинской статьи, что он «убежден в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания» [17].

Несмотря на огромные тиражи «Правды», идеи Сталина нужно было нести в массы трудящихся шире. Этим занялось издательство «Правда». Первая брошюра (в ней помещены первая и вторая статьи вождя) была подписана к печати через двое суток после публикации статьи «К некоторым вопросам

языкознания», т. е. 6 июля 1950 г. Ее тираж — 1 миллион экземпляров. Последние заметки Сталина, как уже было сказано, газета напечатала 2 августа. А уже на следующий день, 3 августа, была подписана к печати брошюра Сталина с общим названием «Марксизм и вопросы языкознания» — в нее вошли все три его публикации в ходе правдинской дискуссии. Тираж брошюры — 500 тысяч экземпляров. Увековечивание «гениального труда только начиналось...

Объем сталинских «трудов» по языкознанию пусть и не очень велик, но все же требует специального ознакомления с ними. Нам же в эту главу удалось включить только отдельные отрывки, в первую очередь из самой большой статьи «корифея» — «Относительно марксизма в языкознании».

И. В. Сталин: «...Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и вместо него построить новый язык в течение нескольких лет, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме дон-кихотов, могут ставить такую задачу?

...Некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки. Я думаю, что нет ничего ошибочнее этого вывода...

...Думать, что диалекты и жаргоны могут развиться в самостоятельные языки, способные вытеснить и заменить национальный язык,— значит потерять историческую перспективу и сойти с позиции марксизма.

...Когда бундовцы стали обвинять Ленина в том, что он отрицает необходимость национального языка и трактует культуру, как „безнациональную", Ленин, как известно, резко протестовал против этого, заявив, что он воюет против буржуазной культуры, а не против национального языка, необходимость которого он считает бесспорной. Странно, что некоторые наши товарищи поплелись по стопам бундовцев.

...Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основания предполагать, что при скрещивании происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству. Это совершенно неверно.

...Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого „нового учения" в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с постов или снижались по должности ценные ра-

ботники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра. ...Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать.

...Если бы я не был убежден в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству.

Как могло это случиться? А случилось это потому, что аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность и поощряет такие бесчинства.

Дискуссия оказалась весьма полезной, прежде всего, потому, что она выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги.

Но польза дискуссии этим не исчерпывается. Дискуссия не только разбила старый режим в языкознании, но она выявила еще ту невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания, которая царит среди руководящих кругов этой отрасли науки. ...Оказалось, что в учении Н. Я. Марра имеется целый ряд прорех, ошибок, неуточненных проблем, неразработанных положений. ...Только теперь, после открытия дискуссии? Почему они не позаботились об этом раньше? Почему они в свое время не сказали об этом открыто и честно, как это подобает деятелям науки?

Признав „некоторые“ ошибки Н. Я. Марра, „ученики“ Н. Я. Марра, оказывается, думают, что развить дальше советское языкознание можно лишь на базе „уточненной“ теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от „марксизма“ Н. Я. Марра. Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростителем и вульгаризатором марксизма, вроде „пролеткультовцев“ или „рапповцев“.

Н. Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод как „идеалистический“. А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов.

...Послушать Н. Я. Марра и особенно его „учеников“, можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось с появлением нового учения

Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития науки, в том числе философии, за предыдущий период.

Таким образом, дискуссия помогла делу также и в том отношении, что она вскрыла идеологические прорехи в советском языкознании.

...Я думаю, что чем скорее освободится наше языкознание от ошибок Н. Я. Марра, тем скорее можно вывести его из кризиса, который оно переживает теперь.

...Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание,— таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание» [18].

Прошу прощения за возможно излишне длинные извлечения из статьи Сталина. Они нужны не просто для того, чтобы познакомить вас с его стилем, логикой, акцентами. Сейчас, когда мы по-новому осознаем и обретаем наследие отечественной науки, когда много говорим и пишем о тяжелых годах сталинщины, важно не делать упрощенных обобщений типа: «все, что Сталин ругал и громил при своем режиме, должно быть ценным, правильным и может быть сейчас возвращено в нашу науку». Нет, как вы уже сами, вероятно, убедились, с учением Марра все обстояло гораздо сложнее. Под такое примитивное обобщение оно не подходит...

Интересно, что испытывали самые последовательные и самые оголтелые (увы, были и такие) марристы, когда читали в «Правде» сталинские работы, которые сразу же, в едином порыве начала изучать вся страна? Страх и ужас? (Ведь как минимум двое сошли с ума...). Злобное бессилие? Горечь разочарования: абсолютное первенство в науке буквально ускользнуло из рук, и корабль марризма совершил поворот «оверкиль»,— может быть, это? Желание побыстрее «перекреститься» в новую веру? Или обида на Иосифа Виссарионовича? Планировавшийся ими разгром советского языкознания провалился. И сами марристы оказались в весьма невыгодном положении.

Скажу сразу, чтобы снять все возможные вопросы и неясности: Сталин не внес никакого вклада в теорию языкознания и ничем ее не обогатил. Критикуя идею «классовости языка», его «надстроечности», четырехэлементный метод анализа, возможность возникновения языков путем «скрещивания» и иные «достижения» и постулаты марризма, он лишь своими словами повторил те выводы, к которым уже давно по-разному пришли многие русские и советские лингвисты и мыслители. Некоторые же из его суждений были абсурдными и нелепыми,— в первую очередь те, в которых он пытался явить самостоятельность. Теоретический вклад Сталина в науку о языке — это тоже фикция. Но его слово являлось заключением непререкаемого авторитета, и вот поэтому-то оно было воспринято как откровение.

Леонид Баткин в своем эссе-исследовании, посвященном анализу социально-культурных масштабов личности Сталина, делает в связи с публикацией мемуаров К. М. Симонова верное наблюдение:

«...Содержательное ничтожество сталинских речей может быть без труда доказано. Но не ничтожество последствий.

...Если бы он сообщил, что Волга впадает в Каспийское море, это поразило бы точностью и простотой правды. Если бы он сообщил, что Волга больше не будет впадать в Каспийское море, никто не отнесся бы к этому с недоверчивостью.

Как пишет Симонов, „Сталин решал, как быть. Решал сам... если он твердо решил нечто, то на прямое сопротивление ему рассчитывать не приходилось... он заведомо был прав, раз он принимал решение. Так вот... с этим решением мы становились в чем-то другими, чем были".

Тут Симонов прав. И тут разгадка гениальности Сталина в глазах тех, за кого он решал» [19].

Итак, «корифей языкознания» был рожден!

Что же происходило дальше?

Реорганизуется Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра: его сливают с Институтом русского языка, образуя новый Институт языкознания АН СССР [20]. Отстраняется от дел академик И. И. Мещанинов, а руководителем Отделения литературы и языка АН СССР назначается академик В. В. Виноградов. Следует целый ряд проработок на собраниях, покаяний и отречений от низложенного «нового учения», отстранений от должностей, интересной исследовательской работы или от педагогической практики. Федот Петрович Филин, лишь недавно стремившийся буквально стереть в пыль «реакционных индоевропеистов» и «неразоружившихся буржуазных советских лингвистов», тоже был снят с административных постов, отстранен от педагогической работы, лишен аспирантов: на несколько лет ему пришлось превратиться в рядового сотрудника словарного сектора Института языкознания в Ленинграде (утверждают, что буквально до памятного всем марта 1953 года и смерти тирана Федот Петрович временами ожидал ареста...).

Если после дискуссии 1950 года и произошло улучшение обстановки в советском языкознании, если возникла возможность проведения широких научно-исследовательских работ в русле традиционной компаративистики, индоевропеистики, если исчезла опасность разгрома языковедения новоявленными лингвистами-лысенковцами, то все равно это было сделано типично по-сталински и в условиях все той же сталинщины... Дубину марризма уничтожает стальной молот вождя, но теперь слова нельзя было сказать в лингвистике без упоминания «гениальных трудов тов. Сталина по языкознанию». С флага советской языковедческой науки было стерто имя Н. Я. Марра, однако на несколько лет на нем воцарилось имя И. В. Сталина. Его, и только его Имя. Сейчас, с расстояния в четыре десятилетия,

это кажется еще одним злым ликом сталинщины. Так оно и было.

А вот что сообщает о «событиях 1950 года» в своих мемуарах Федот Петрович Филин: «Как можно расценивать эти события? Я высказываю свою личную точку зрения. Думаю, что здесь было много положительного, но были и свои отрицательные моменты. Положительными были две вещи. Во-первых, была показана методологическая несостоятельность „нового учения о языке". И оно было, так сказать, выведено из строя действующих теорий и перешло в историю языкознания. Положительным было также то, что было восстановлено в правах сравнительно-историческое языкознание, которое было в то время в загоне (Ф. П. Филин, разумеется, здесь ни слова не говорит молодым лингвистам, которым адресованы воспоминания, о своей собственной роли в организации этого „загона"... — *М. Г.)*. Это очень большое положительное явление.

Что было отрицательного? Это то, что та большая работа, которая проводилась в советском языкознании, пусть со срывами, пусть с ошибками (только ли?..— *М. Г.)*, но получившая международное признание, по социальному изучению языка — социолингвистика (напомню, что одним из ее основателей, едва ли не главных, стал Е. Д. Поливанов.— *М. Г.*), была практически прекращена. Отрицательным было также то, что начались серьезные репрессии по отношению к ряду сотрудников (да, это — тоже проявление уродства тоталитаризма, хотя действия по отношению к марристам после дискуссии в „Правде" репрессиями трудно назвать; гонениями — да, но все же не репрессиями.— *М. Г.)*. Многие были вообще лишены работы. Всем нам было (я говорю нам — представителям „нового учения о языке" того времени) категорически запрещено вести педагогическую работу. Мы были лишены аспирантов. Все материалы, ленинградские, по атласу (Ф. П. Филин говорит о „Диалектологическом атласе русского языка", к работе над которым он имел прямое отношение.— *М. Г.*) были забракованы и, значит, признаны недействительными...

Я не буду об этом говорить подробно. Не считаю, что это было украшением нашего языкознания, как не считаю, что были украшением языкознания и до того попытки административным путем насаждать „новое учение о языке". Вообще путь администрирования в науке — это путь не наш» [21].

Здесь в чем-то Федот Петрович пытался быть более откровенным, в чем-то — менее. Немного далее, в тех же мемуарах, он «мягко» выражает уверенность в том, что будет в скором времени решена «проблема» увлечения лингвистической молодежью методикой структурно-математического языкознания... Жизнь показала, что именно администрирование в науке, жесткое неприятие любого «инакомыслия» со стороны сотрудников и было свойственно Ф. П. Филину: об этом говорят, в частности, события конца 60-х — начала 70-х годов, о которых

рассказывается в воспоминаниях Э. И. Хан-Пира (см. главу «Не из вторых рук...»). Многие склонны считать, что это,— если вдуматься глубоко,— было в равной степени и виной Федота Петровича, и его б е д о й... Не так давно, перелистывая журнал «Юность», я наткнулся на любопытный очерк Станислава Токарева и Александра Горбунова, посвященный одной из страниц истории советского спорта. Разбирая несколько примеров из книги бывшего председателя Комитета по физкультуре и спорту Н. Н. Романова, работавшего в сталинские послевоенные времена, авторы очерка пишут:

«Все это к тому, что современный читатель, особенно молодой, знающий о спортивных событиях 50-х годов понаслышке, очень мало, а кое-чего не знающий вообще, должен рассматривать их в контексте времени. К книге Романова нам придется еще не раз обращаться — не только за фактами, но и опровергая те или иные передержки. Однако не след бы нам с вами забывать, что сплошь и рядом не автор был властен над описываемыми им событиями, а они над ним: время контузило его, и деятели его ранга тех лет порой остаются в душе на всю жизнь сгорбленными...» [22].

Что ж, многие генералы от науки тоже прошли всю жизнь с такими контузиями. Это — верно. Как верно и то, что *конечное решение* — совершить или не совершить несправедливый, недостойный, бесчестный поступок в отношении коллеги — зависит в итоге лишь от *самого* человека и от его совести...

Во второй части книги вы найдете воспоминания о ходе, отдельных деталях или эффекте лингвистической дискуссии в «Правде» 1950 года. Но поскольку мы уже не раз пользовались отрывками из мемуаров доктора филологических наук О. М. Фрейденберг, то, вероятно, будет интересно узнать: а что же упоминает Ольга Михайловна о том «жарком лете» пятидесятого года? Тем более, что о ее собственной — необычной по тем временам! — позиции мы с вами уже знаем...

О. М. Фрейденберг: «„Свободная дискуссия“ о Марре, шедшая в газете „Правда“, выражалась в хитрой мистификации. В качестве скромного рядового читателя, провозглашающего свободу личных мнений, выступил в печати Сталин, этот трансформатор и балаганный фокусник.

Ничего коварней он еще не совершал. Неописуемо впечатленье, произведенное этими статьями. Разрыв бомбы! Сталин громил Марра, созданного и взлелеянного им самим. Требование ЦК партии беспрекословного догматизирования Марра (насколько мне известно, подобное „требование“ не зафиксировано ни в одном официальном партийном документе от имени ЦК.— *М. Г.)* Сталин сваливал с себя на исполнителей своей роли. Как раз перед самыми статьями Сталина, по его приказанию (?! — *М. Г.)* за критику Марра, как никогда до этого, жесточайше умучивали и убивали невинных людей (мне кажется, эмоциональность автора все же оттесняет на второй план фак-

тическую сторону дела.— *М. Г.)*. Скандально и омерзительно выглядела такая ложь. Выходило, что не правительство, не Сталин, не партия учреждали для Марра академии и институты, давали ему высшие ордена, устраивали всенародные чествования, а кто же? — я, ты, он, рядовые люди, простые смертные.

Сенсация не имела себе равной. Академии, университеты, научные институты криком стали кричать, что им никогда в голову не приходили истины, открытые Сталиным,— и это было на этот раз правда, ибо то, что сказал Сталин, не подтверждалось ни одним ученым, каких взглядов он ни держался, ни одним научным учреждением (здесь О. М. Фрейденберг допускает явную передержку, ибо истины, „открытые" Сталиным, в большинстве своем не были новыми и подразумевались до 1950 года многими лингвистами.— *М. Г.)*. Итак, наука вся целиком ошибалась, все ученые специалисты попадали впросак, но только не он. Он, без специального образования, один ведал истину и административно насаждал ее. Марксизм у нас не мировоззренье и не метод, а плетка. Это полицейско-карательная категория.

Печально проходило у меня лето. Солнце не светило. Вспышка сепсиса прошла, но общее состояние продолжало быть тяжелым. Я ждала мрачных последствий для себя от разгрома Марра. На факультете суетились, бегали, отрекались и топили друг друга. Вчерашние марровцы заявляли на всех заседаниях, продолжавшихся целые дни, что, пропагандируя Марра на лекциях, они кривили душой и учили неправде. Я не посетила ни одного из таких покаяний» [23].

Да, славословие в адрес Сталина в советской филологии, в лингвистике было не просто бурным и шумным: оно принимало формы массового психоза, тогда — вполне закономерного, а с нашей, современной точки зрения вроде бы постыдного и непристойного... Повторим,— с нашей, нынешней точки зрения. Конечно, для разных людей прославление «корифея языкознания» проходило по-разному: у одних это было осознанным шагом, других — частью общего угара, для третьих — дежурной индульгенцией, четвертых — рутинным редакторским приемом, а для пятых — смесью названных выше причин и факторов... И так далее. Это положение действительно установилось в нашей науке на несколько лет. Даже утонченный интеллигент Александр Александрович Реформатский (которого Сталин выступлением по проблемам языка, возможно, спас от многих неприятностей) в своем знаменитом учебнике «Введение в языкознание», вышедшем в свет вторым изданием в 1955 году (редактором был известный языковед Н. М. Шанский), уделил в одном разделе цитатам из Сталина чуть ли не больше места, чем своему собственному авторскому тексту! Конечно, речь идет не о всем учебнике, а лишь о первой главе, точнее даже только о том параграфе, который называется

«Язык как общественное явление». Но и этот раздел читать, увы, все же прискорбно, хотя лучше к нему относиться как к своеобразному памятнику эпохи: с. 11 — 5 цитат из Сталина, с. 12 — 6 цитат, с. 13 — 7 цитат, с. 14 — 3 цитаты, с. 15 — 4 цитаты... [24]

Показательным примером того, как новые правила игры ее величества Тоталитарной Системы снова вынуждены были принять даже старые российские интеллигенты, служит брошюра академика В. В. Виноградова «О трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания. Сборник стенограмм публичных лекций, прочитанных в Центральном лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве». Она увидела свет в издательстве «Правда» в 1951 году (тираж — 195 000; редактор — профессор М. Н. Петерсон). Знакомясь даже с небольшими отрывками из ее заключительной части, которые я предлагаю вашему вниманию, вчитайтесь, например, в призыв Виктора Владимировича к сокрушительной критике «реакционных» зарубежных языковедов на основе «трудов» Сталина:

«Вооруженное гениальными идеями И. В. Сталина, советское языкознание начинает двигаться по новым путям. Перестраивается весь план научно-исследовательской работы языковедческих институтов, филологических факультетов университетов. Вновь организованный Институт языкознания Академии наук СССР призван возглавить эту огромную работу по перестройке методологических основ и конкретной тематики советского языкознания в свете руководящих указаний И. В. Сталина. ...Ведь „отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание“ должно состоять в творческом развитии и в творческом применении к исследованию конкретных языков тех основополагающих указаний, которые содержатся в работах И. В. Сталина по общему языкознанию. ...Вместе с тем сталинское учение о языке дает советским языковедам верные и надежные средства для борьбы с буржуазно-идеалистическими лингвистическими взглядами. В свете того понимания общественной природы языка, законов его развития, его социальных функций, его специфики, которое открыто И. В. Сталиным, советские языковеды могут подвергнуть сокрушительной критике разнообразные реакционные воззрения на язык, свойственные зарубежным лингвистам. Своими гениальными трудами в области языкознания И. В. Сталин дал советским языковедам верный и точный компас, с которым они могут смело углубляться во все сферы лингвистического исследования» [25].

Священный раж «творческого изучения» сталинских работ, разумеется, коснулся практически всех научных дисциплин: от истории до астрономии, от медицины до геологии, хотя первенство здесь держали, без сомнения, общественные науки. Примеров можно было бы привести немало, но ограничусь одним.

Прекрасно изданный солидный том в строгой синей облож-

ке, на которой значится: «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“». Вышел этот коллективный труд (сборник статей) в издательстве Академии наук СССР под эгидой Института философии АН СССР. Причем в наши руки попало уже второе, «дополненное» его издание, выпущенное в 1951 году. Редакционная коллегия — Г. Ф. Александров (тот самый — помните по предыдущей главе: особого сочувствия он не вызывает), Ф. В. Константинов, Д. И. Чесноков, В. П. Чертков. Пересказать содержание сборника невозможно: нужно читать и вчитываться, и каждая статья представляет немалый интерес с разных точек зрения, прежде всего — с точки зрения истории науки в связи с особенностями тоталитарной системы. Мы просто воспроизведем здесь его оглавление: Г. Ф. Александров. «Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ — великий образец творческого марксизма»; М. Д. Каммари. «И. В. Сталин о марксизме в языкознании»; В. В. Виноградов. «Развитие советского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке»; П. Ф. Юдин. «Значение труда И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития общественных наук»; Д. И. Чесноков. «Марксизм-ленинизм о базисе и надстройке»; Г. Е. Глезерман. «Базис и надстройка в советском обществе»; В. В. Николаев. «Советское государство как политическая надстройка»; Н. А. Степанян. «Некоторые вопросы теории научного коммунизма в свете труда И. В. Сталина по языкознанию»; А. Е. Мордвинов. «О развитии языков социалистических наций в СССР»; В. П. Чертков. «Некоторые вопросы диалектики в свете труда И. В. Сталина по языкознанию»; А. А. Максимов. «О значении труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ для истории естествознания»; Д. М. Трошин. «Значение труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ для естественных наук»; Ф. В. Константинов. «Против догматизма и начетничества».

Объем сборника — 28 печатных листов, тираж тоже приличный. И пусть вас не смущает, что в названии некоторых статей не упомянут ни Иосиф Сталин, ни его «гениальный труд» — они написаны именно «в свете...» (просто редколлегия, как могла, старалась, видимо, избежать стилистических повторов...).

Спектр интересов авторов того синего томика при внешнем однообразии широк, ибо, воспевая новый «труд» Сталина, многие решали и свои конкретные задачи. И если в одной статье вы найдете совершенно «актуальную» мысль о том, что, «выполняя социальный заказ буржуазии, грязная свора ученых лакеев империализма всячески старается опровергнуть учение Дарвина или приспособить дарвинизм к реакционным целям буржуазии», то в другой статье вас ждет не менее «актуальный» вывод о том, что «презренная фашистско-троцкистская банда Тито — Ранковича совершила по указке иностранных империалистических разведок фашистский переворот в Юго-

славии» [26]. Ну, а в целом все это создавалось в духе письма И. В. Сталину участников совместной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук, которое, между прочим, тоже восторженно цитируется автором одной из статей сборника:

«Как корифей науки, Вы создаете труды, равных которым не знает история передовой науки. Ваша работа „Относительно марксизма в языкознании" — образец подлинного научного творчества, великий пример того, как нужно развивать и двигать вперед науку. Эта работа совершила переворот в языкознании, открыла новую эру для всей советской науки.

Вы, товарищ Сталин, поднимаете и творчески решаете самые насущные вопросы марксистско-ленинской теории, мощным светом своего гения озаряете путь к коммунизму.

Вместе со всем советским народом мы горды и бесконечно счастливы, что Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, стоите во главе мирового прогресса, во главе передовой науки» [27].

Такое письмо направили вождю участники научной сессии, посвященной проблемам... физиологического учения академика И. П. Павлова. А сколько других подобных писем, телеграмм, обращений, приветствий, адресов, поздравлений, заверений и т. п. было написано, напечатано, направлено, адресовано, принято, одобрено и т. д.?!

Составители сборника в предисловии отмечают: «Этот труд И. В. Сталина находится в центре научной, общественной мысли страны. Он изучается широкими слоями советской интеллигенции» [28].

Не совсем понятно, почему они поскромничали, говоря только о «широких слоях интеллигенции»? Может быть, просто, чтобы особо подчеркнуть *свою* роль для науки? Ведь достаточно заглянуть в «Правду» или «Известия» тех летних и осенних месяцев 1950 года, дабы убедиться, что не было никого среди всего населения нашей страны, так сказать, от Москвы до самых до окраин, кто бы не читал, не изучал «гениальный труд» Иосифа Виссарионовича. Как же проходило изучение? Тем, кто забыл, напомним, а тем, кто не знает, расскажем. В этом нам еще раз поможет меткое и честное слово писателя Федора Абрамова.

Ф. Абрамов, роман «Пути-перепутья»:

«Память у Ганичева была редкая. Он назубок знал все партийные съезды, все постановления ЦК, он мог свободно перечислить всех сталинских лауреатов в литературе, сказать, сколько у кого золотых медалей, и, само собой, чуть ли не наизусть выдавал „Краткий курс". С ним он не расставался, всегда носил в полувоенной кожимитовой сумке на боку, и, смотришь, чуть какая минутка выдалась — присел в сторонку и началась работа над собой.

Сейчас Ганичев один сидел в парткабинете, склонившись над столом с керосиновой лампой под зеленым абажуром, а что

делал, не надо спрашивать: штурмовал труды товарища Сталина по языку.

Все теперь были заняты изучением этих трудов. Они появились в „Правде“ как раз в сенокос — Лукашин в то время был на Верхней Синельге. И вот вызвали на районное совещание.

Сорок семь верст он проехал верхом почти без передышки, сменил двух коней, в районный клуб вошел, хватаясь руками за стены,— до того отхлопал зад.

Зал был забит до отказа, некуда сесть. И он уцепился обеими руками за спинку задней скамейки, на которой сидели такие же, как он, запоздавшие работяги, да так и стоял, пока Фокин кончил свой доклад.

А Фокин хоть по бумажке читал, но читал зажигающе:

— Товарищи! Труды товарища Сталина... мощным светом озаряют наш путь... идейно вооружают весь наш советский народ...

Последние слова докладчика Лукашин расслышал с трудом — они потонули в шквале аплодисментов,— да ему теперь было и не до них. Хотелось поскорее в парткабинет, хотелось самому своими глазами почитать.

Прочитал. Посмотрел в окно — там шел дождь, посмотрел на портрет Сталина в мундире генералиссимуса и начал читать снова: раз это программа партии и народа на ближайшие годы, то должен же он хоть что-то понять в этой программе.

Несколько успокоился Лукашин лишь после того, как поговорил с Подрезовым.

Подрезов словами не играл. И на его вопрос, какие же выводы из трудов товарища Сталина по языку нужно сделать практикам, скажем, им, председателям колхозов, ответил прямо: „Вкалывать“. И добавил самокритично, нисколько не щадя себя: „Ну, а насчет всех этих премудростей с языком я и сам не очень разбираюсь. К Фокину иди“.

К Фокину, третьему секретарю райкома, Лукашин, однако, не пошел — страда на дворе, да и самолюбие удерживало,— а вот сейчас, когда он увидел за сталинскими работами Ганичева, решил поговорить: Ганичев — свой человек.

— Ну что, Гаврило, грызем? — сказал он.

Ганичев поднял высоко на лоб железные очки, блаженно заморгал натруженными голубенькими, как полинялый ситчик, глазками:

— Да, задал задачку Иосиф Виссарионович. Я попервости, когда в „Правде“ все эти академики в кавычках стали печататься, трухнул маленько. Думаю, все, капут мне — уходить надо. Ни черта не понимаю. А вот когда Иосиф Виссарионович выступил, все ясно стало! Нечего и понимать этих так называемых академиков. Оказывается, вся эта писанина ихняя — лженаука, сплошное затемнение мозгов...

— А как же допустили до этого, чтобы они затемняли мозги?

— Как? А вот как. Сволочи всякой у нас много развелось, везде палки суют...

Лукашин вспомнил, как мужики на выгрузке толковали про сталинские труды.

— Слушай, Гаврило, а у нас поговаривают: вроде как диверсия это. Вредительство...

— А чего же больше? Ожесточение классовой борьбы. Товарищ Сталин на этот счет ясно высказался: чем больше наши успехи, тем больше ожесточается классовый враг. Смотри, что у нас делается. Даже в естествознании вылазку сделали, против самого Лысенко пошли...

Тут зазвонил телефон — Лукашина вызвали к Подрезову,— и разговор у них сорвался.

Ганичев сразу же, не теряя ни минуты, опустил со лба на глаза свои железные очки, и больше для него никого и ничего не существовало — он весь, как глухарь на току, ушел в свою зубрежку. И Лукашин с каким-то изумлением и даже испугом посмотрел на него...» [29]

Нужен ли какой-то еще комментарий к этому незаурядному отрывку из известного романа Федора Абрамова, одного из лучших советских писателей? Думаю, что любые дополнения и продолжения стали бы здесь излишними... И надо просто стиснуть зубы: да, так это было...

Вероятно, настала пора попытаться дать ответ на вопрос: Почему же Сталин вдруг решился обратиться к проблемам языка и лингвистики? Что заставило его тратить свое драгоценное время на разбор достаточно сложных и запутанных построений теории Марра? Что подвигнуло его на чтение специальной лингвистической литературы еще до встречи с Чикобавой и в ходе работы над статьями? (Известно, что Сталин познакомился с несколькими книгами; больше всего, как отмечал В. А. Звегинцев, ему понравился несложный курс «Введение в языкознание» Д. Н. Кудрявского, изданный в Юрьеве — нынешнем Тарту — в 1912 году.) Удалось также установить, что Сталин внимательно «проработал» гораздо более простой источник — книгу «Язык газеты», выпущенную в 1941 году Государственным издательством легкой промышленности под эгидой Центрального кабинета редакторов при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В подзаголовке этого коллективного труда значится: «Практическое руководство и справочное пособие для газетных работников». Вероятно, именно из этой книги, точнее — из ее 2-го раздела «Практическая стилистика языка газеты», написанного К. И. Былинским, и взял Сталин понятие основного словарного фонда, фигурирующее в его «трудах».

Что побудило его расходовать время и силы на консультации с Чикобавой, наконец, просто на написание своих собственных будущих публикаций? Что заставило вождя обрушиться на марризм, который долгое время его устраивал?

Зачем это было нужно Иосифу Виссарионовичу Сталину?

Глава 9

СТАЛИН: «...К ЭТОМУ ДЕЛУ Я ИМЕЮ ПРЯМОЕ ОТНОШЕНИЕ»

Особенность анализа в литературе, в том числе в фольклоре, это существование различных ответов на один и тот же вопрос, то есть различие характеристик положения.

Я снова с удовольствием повторю: Санчо Панса говорил, что он предпочитает, чтобы ему давали прежде загадки ее отгадку...

В драматургии, в романе перипетии перекрещиваются; неодинаковость их является в том же свете, как и множественность ответов на загадки, которые беспокоили Санчо.

В. ШКЛОВСКИЙ
«Энергия заблуждения: Книга о сюжете»

В последнее время мы немало говорим, пишем о сталинщине, о самом феномене Сталина, об обстановке, в которой появился и утвердился его культ, дошедший до обожествления. Нередко деяниям и поступкам «маршала коммунистического движения всего человечества» (такой уникальный эпитет для Сталина придумал Ворошилов) [1] исследователи находят не какое-то одно, а одновременно несколько объяснений.

Думается, именно *несколько* прямо не связанных между собой мотивов побудили Иосифа Виссарионовича Сталина внести свой «вклад» и в языкознание (хотя, по идее, осознанный мотив должен был быть один...).

Прежде чем попытаться их выяснить, мне кажется, важно упомянуть об одном весьма важном наблюдении и факте, справедливость которого подтверждается многими учеными и публицистами (нередко даже придерживающимися не совпадающих мнений по каким-то другим вопросам...). Это — широко распространенный ранее (и периодически напоминающий о себе) миф об образованности Сталина, о результатах его деятельности как «труда высокообразованного человека». Миф был высочайше утвержден самим вождем в небезызвестной книге «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», переиздававшейся несколько раз тиражом по 3 и более миллионов экземпляров (составители: Г. Ф. Александров, М. Р. Галактионов, В. С. Кружков, М. Б. Митин, В. Д. Мочалов, П. Н. Поспелов).

Среди статей и книг специалистов, писавших об этом мифе 30—50-х годов, привлекает внимание обширная, интересная статья известного публициста и экономиста Геннадия Лисичкина в одиннадцатой книжке журнала «Новый мир» за 1988 год.

Статья называется «Мифы и реальность». Приведем из нее несколько отрывков.

Особое внимание Г. Лисичкин обращает на фиаско сталинских идей и планов в области экономики социалистического общества, прямо восходящих к Дюрингу и Прудону, об опасности идей которых предупреждали основоположники марксизма: «Маркс и Энгельс могут торжествовать печальную победу в дискуссии с авторами дюринговского социализма. Правильность их рассуждений и предсказаний доказали на практике Сталин и его последователи» [2]. Теоретические просчеты Сталина, имевшие катастрофические последствия для нашей экономики, автор статьи прямо связывает с отсутствием у вождя необходимых знаний: «Сталина нельзя назвать не только высокообразованным, но и просто образованным. Разве образованный человек пошел бы на поводу у такого провинциального теоретика, как Дюринг, несостоятельность которого блестяще была доказана еще Энгельсом. Понять предостережение Энгельса должен был каждый высокообразованный человек, берущийся за дело управления экономикой. Но этот экзамен, как видим, Сталин не выдержал и провалился с треском. Мне в свое время довелось близко общаться с видным советским экономистом Л. А. Леонтьевым. Заходила речь о Сталине. На одном из выступлений перед экономистами, рассказывал Л. А. Леонтьев, Сталин говорил о политэкономических характеристиках товара. „Слушая его, я понял, что Сталин совершенно не понимает категории абстрактного труда и существа стоимости". Это свидетельство, на мой взгляд, еще раз подтверждает духовную близость Сталина и Дюринга» [3].

Г. Лисичкин не ограничивается анализом некомпетентности и невысокого уровня знаний Сталина в области экономики. Публицист приводит любопытные примеры, демонстрирующие истинную, а не мифическую его образованность (миф этот в немалой мере искусственно и хитроумно поддерживался самим вождем).

«Мне кажется, что „высокообразованность" не просматривается и в других областях его деятельности. Ну, спрашивается, мог ли высокообразованный человек сказать по поводу горьковского рассказа „Девушка и смерть" такое: „Эта штука посильнее „Фауста". Я очень люблю Маяковского, но к человеку, безапелляционно называющему его лучшим поэтом нашей эпохи, отношусь настороженно, поскольку поэзия не школьный класс, где можно кому-то ставить пятерки, кому-то тройки... И высокообразованные люди это понимают...

И вообще надо сказать, что одним из признаков высокообразованности является высокая степень толерантности (разрядка наша. — *М. Г.*). Наоборот, невежество всегда агрессивно. У Сталина, как известно, терпимости не было никакой. Поэтому он систематически устраивал погромы то среди экономистов, то среди биологов, то среди писате-

лей... Откуда же возник миф о высокообразованности Сталина? Царя, как известно, играет окружение. Высокообразованность Сталина возникла из той среды, которую он сам для себя создал. А в ней, на верхних этажах особенно, истреблялось все мало-мальски интеллигентное, яркое, самобытное. На образованном репрессиями сером фоне Сталину было легко создавать впечатление яркой, высокообразованной личности» (*М. Г.*: иллюстрируя мысль Г. Лисичкина, можно было бы привести немало конкретных показателей, но, пожалуй, достаточно даже одного, раннего по времени: на XVI съезде партии в июне 1930 года из 2159 делегатов почти 75% были с низшим, неполным средним образованием, а, по-видимому, частично и вообще без образования) [4; 6].

Комментируя мнение Г. Лисичкина, позволим себе сделать еще одно примечание. Вообще для Сталина был характерен скрытый курс на люмпенизацию как партийных и руководящих кадров, так и — шире — всего населения страны. И, думается, в сталинском «Кратком курсе» истории партии совершенно справедливо о новой советской интеллигенции было сказано следующее: «Такой интеллигенции не знала еще история человечества...» [5]

Но вернемся к фактам, с которыми нас знакомит ученый:

«К тому же Сталин был неплохой актер. В институте, где я учился, преподавал академик Е. В. Тарле, выдающийся советский историк. Он рассказывал нам на одном из своих семинаров о встрече со Сталиным в его кабинете. Подойдя к книжной полке, Сталин взял Плутарха, раскрыл на знакомом ему месте и стал читать отдельные места. Захлопнув книгу, он обратился к Е. В. Тарле: „Неплохо писали древние. Хорошо бы переиздать!“ Цель была достигнута. Академик Тарле увидел руководителя страны, раздираемого практическими заботами сегодняшнего дня, в образе глубокомысленного философа, черпающего мудрость в писаниях древних. Не скрою, на нас, студентов, рассказ академика произвел тоже сильное впечатление и добавил еще большее уважение к „вождю всех времен и народов“, если только можно было туда что-нибудь добавить.

Об искусственности позолоты высокообразованности Сталина свидетельствуют и его замечания о второй серии кинофильма „Иван Грозный“, записанные в 1947 году С. Эйзенштейном и Н. Черкасовым и опубликованные в „Московских новостях“ 7 августа 1988 года.

За одну только беседу с работниками искусства, длившуюся чуть более часа, Сталин в присутствии и при согласии Жданова и Молотова наговорил много таких вещей, которые не оставляют никаких иллюзий по поводу его „высокообразованности“ и знаний истории той страны, которой он так уверенно руководил, направляя ее в пропасть.

„Высокообразованность“ Сталина определила его теоретический уровень, который, в свою очередь, нашел полное отра-

жение в результатах хозяйствования, в созданных нормах общественной жизни. Все три компонента здесь находятся в монолитном единстве. Короче говоря, каков автор, такова и теория, созданная им, какова теория — такова и (печальная) практика.

Так что не будем особо обольщаться. Сталинизм как система взглядов создавался отнюдь не гигантом мысли и корифеем науки, как это изображается до сих пор. Сталин читал Маркса, часто ссылался на него, но был так же далек от того, чтобы овладеть марксистским диалектическим методом мышления (хотя во время дискуссии упрекал в этом Марра.— *М. Г.*), как легальные марксисты, которые тоже по-своему толковали марксизм, выхолащивая из него сущность. В этом, как видим, Сталин был не одинок. И его тоже нельзя считать марксистом, чтобы не унижать это великое учение» [6].

Кстати, именно примитивность сталинских «трудов» привела экономиста Л. Д. Ярошенко, как он отметил в недавнем интервью «Правде», к переосмыслению многих царивших тогда в науке догм, к несогласию, выразившемуся в открытой критике им учебника «Политическая экономия» на Всесоюзной экономической дискуссии в ноябре 1951 года (дискуссией руководил сам Сталин). Когда вышло в свет сталинское «творение» под названием «Экономические проблемы социализма в СССР» все «узнали» из него, что Ярошенко — явный лжеученый и скрытый враг: «...Такой несусветной тарабарщины не разводил у нас ни один сивхнувшийся „марксист“»; это было сигналом к расправе, которая не замедлила последовать — и в застенках Лубянки, Лефортова, Бутырок после допросов «с пристрастием» ученый похудел сразу на 20 килограммов... [7] В историю науки Л. Д. Ярошенко вошел с эпитетом «последняя жертва Сталина».

Сталин не был гигантом мысли, как не был и корифеем какой-либо из наук, включая языкознание. Но в его обращении к проблемам языка должна же была иметься какая-то логика? Несмотря на всенародное признание «непреодолимой сокрушительной силы сталинской логики» и «кристальной ясности его ума» (получивших такую известность, в частности, благодаря «Краткой биографии»...) [8], логика у него была с в о я и, как мы знаем теперь, весьма специфическая, связанная с неожиданностью решений и их мотивов.

В качестве возможных и реальных причин, заставивших Сталина организовать дискуссию в «Правде» и написать статьи по некоторым вопросам языкознания, нужно анализировать, повторяю, не какую-то одну, а одновременно несколько гипотез: помимо разной степени их правдоподобности допустимо сочетание мотивов, следование побуждений друг за другом во времени или даже случайное совпадение, вызванное внешними факторами, конкретными жизненными, политическими обстоятельствами.

Вернемся к роману А. И. Солженицына «В круге первом», отрывок из которого приведен в начале книги. Действительно ли Сталина могла «язвить мысль», обуревать страсть, неудовлетворенное желание стать теоретиком, внести свою лепту в теорию какой-либо науки, кроме философской и исторической? (О честолюбии как одной из определяющих черт характера Сталина многократно писали советские и зарубежные историки, политологи, писатели, публицисты. Обозреватель АПН В. Костиков ссылался на публикацию в тифлисских газетах «Иверия» и «Квали» за 1895—1896 годы ... стихотворения молодого Иосифа Джугашвили (они подписаны И. Дж-швили и Соселло). Например:

И знай: кто пал золой на землю,
Кто был так долго угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен.

В. Костиков писал: «...Какая черта была в Сталине доминирующей? И здесь строчка из стихотворения „Луне“ — „тот станет выше гор великих“ — дает первое представление о черте характера, которая предопределила не только судьбу самого стихотворца, но и на многие десятилетия судьбу страны. Черта эта была — честолюбие») [9].

Такой сильной страсти у Сталина вроде бы не могло быть, поскольку «корифеем науки» вождь был признан еще до 1950 года. Да и вклад свой в науку он мог считать (хотя бы по количеству изданий, томов, тиражу) достаточно солидным. Однако думается все же (мнения этого, насколько мне известно, придерживаются и другие ученые), что «корифею» нужно было поддерживать и развивать свою репутацию, а ведь после 1938 года у Сталина двенадцать лет не выходили *новые* теоретические работы...

Речь может идти и об ином (что вовсе не противоречит первому возможному объяснению): Сталину могло быть нужно устранение несоответствия подлинных теорий академика Н. Я. Марра политической конъюнктуре 1949—1950 годов (кстати говоря, на такое несоответствие указал в ходе «правдинской» дискуссии 1950 года подметивший его академик В. В. Виноградов). В чем же оно могло состоять? В том, что в пятидесятом году уже не звучали современно многие из идей 20-х годов (из которых, собственно говоря, и вышел марризм), когда по стране шел, гремел, гудел Пролеткульт. И не случайно, что Сталин, говоря о Марре как об упростителе и вульгаризаторе марксизма, сравнил его с пролеткультовцами и рапповцами [10].

Многое в формальной полемике вокруг теории и практики Пролеткульта было, как напомнила читателям Е. Драбкина в эссе «Раздумья в Горках» (оно опубликовано только в 1989 го-

ду), спором между мнимореволюционным догматизмом, узостью, сектантством и исполненной духом свободы творчества, гуманизма философией марксизма. Конечно, не следует думать, что Сталин в 1950 году вдруг преисполнился гуманизмом марксистской философии. Разумеется, нет: десятки фактов подтверждают неизменность его основных взглядов и на пролетарскую литературу, и на многое иное. Однако к 1950 году в силу новой послевоенной политической ситуации ему уже могли не импонировать идеи рассмотрения всех явлений в «мировом масштабе» (это выражение очень любил использовать Н. Я. Марр), которое, кстати, могло для Сталина отдавать «душком космополитизма». По тем же причинам могли раздражать его идеи определенного нигилизма по отношению к нациям, идеи отрицания национальных языков, полное отрицание опыта дореволюционной лингвистической науки и другие символы и тезисы «нового учения о языке». Натолкнуться же на такое несоответствие идей Марра и «запросов» времени Сталин мог, например, в связи с чтением доклада Чикобавы, посланного в Кремль в конце апреля 1949 года в связи с обострением отношений в самом языкознании, или по каким-то другим конкретным причинам. Вот тут-то ему вполне могла прийти в голову идея установить «справедливость» и теоретически, философски ее обосновать.

Считал ли себя Сталин вправе заняться такими теоретическими проблемами? Вне всякого сомнения. Причина — не только в характере и тех его чертах, которые упомянуты Константином Симоновым (чуть выше мы об этом вспоминали). Долгое время, с дореволюционной поры, занимаясь теорией национального вопроса, Сталин не мог не касаться теснейшим образом связанной с ней проблемы национального языка. В годы советской власти он имел непосредственное отношение к языковому строительству. Не хочется как бы «мимоходом» упоминать об особенностях сталинской национальной и языковой политики; однако нельзя забывать, что его «поиски» и «эксперименты» в области национальных отношений в ряде случаев сказываются печальными последствиями в нашей сегодняшней жизни. Например, всем хорошо известна трагическая судьба «народов-изменников», на долгие годы выселенных со своей родины (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, курдов, турок-месхетинцев); вспышки национализма, что частично имеет отношение к идее автономизации, за которую долго боролся Сталин. Она, слава Богу, не была принята, но, оставшись в некоторых головах, отчасти вызвала проявление национализма, поскольку сама воспринималась как проявление великодержавного шовинизма. И многое другое. Кстати, не забудем, что идею В. И. Ленина о создании именно СОЮЗА — свободного Союза Советских Социалистических Республик Сталин охарактеризовал как «национальный либерализм». Обмен вот такими характерными записками состоялся однажды меж-

ду Сталиным и Каменевым: Каменев — Сталину: «Ильич собрался на войну в защиту независимости»; Сталин — Каменеву: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича» [11]. Конечно, все эти вопросы заслуживают отдельного рассмотрения; я вспомнил о них лишь с целью подчеркнуть — занимаясь вопросами национальной политики, Сталин мог считать себя вполне вправе высказаться и по вопросам теории языка (не забудьте, что он себя считал к тому же классиком философии, в частности исторического материализма, считал себя и гениальным историком), и по вопросам острых противоречий в науке о языке. Да еще имея опытных консультантов, а среди них — земляка А. С. Чикобаву!

Делая акцент в своих статьях на толкование марксистского подхода к языку (что отчасти уже было и в работах Маркса, Энгельса, Ленина и что во многом осуществили и достаточно подробно разработали, как уже говорилось, советские лингвисты-немарристы), Сталин практически не касался частных (но важных!) лингвистических тем. И все же, высказав лишь несколько суждений чисто языковедческого характера, он вызвал стойкое замешательство у специалистов. Такова, например, его мысль о курско-орловском диалекте как основе (!) русского языка, заявленная в заметке «Ответ товарищам. Товарищу Санжееву» в «Правде» 2 августа 1950 г. и вошедшая затем в брошюру «Марксизм и вопросы языкознания». Подобное суждение противоречило объективным данным лингвистов (и сейчас даже специалисты продолжают спорить, откуда «великий корифей» его взял; ясно одно: автор «подсказки» — не Чикобава...). Однако это было слово Сталина! А «корифей» ошибаться не мог... И его «гипотеза» на несколько лет породила бесплодные научные «гадания» (или даже бесцеремонные околонаучные спекуляции) на тему об именно такой основе русского языка, притормозив развитие одного из основных направлений в русистике.

Свою первую статью в «Правде» Сталин начал фразой: «Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи (??!! — очередная сталинская ложь! — *М. Г.*) с предложением — высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение» (разрядка наша.— *М. Г.*) [12]. Да, он имел к этому отношение, но *иного* характера: именно вся обстановка сталинского культа значительно затормозила развитие лингвистической, филологической науки в СССР, изломала судьбы многих ученых, чуть не довела советское языкознание до разгрома руками последователей Н. Я. Марра.

Конечно, роль новоявленного теоретика, «корифея языкознания» — соответствующий фимиам им предвиделся задолго

до завершения дискуссии — не могла не импонировать стареющему диктатору, разменявшему чуть раньше восьмой десяток лет (в декабре 1949 года самым наиторжественным образом было отмечено его 70-летие...). Такая страсть — навечно войти в историю еще и под именем «великого корифея науки» — думаю, у Сталина действительно существовала. Кроме всех уже названных аргументов в пользу этой версии следовало бы вспомнить и о том, что сходную страсть на определенном временном этапе возымел и «тихий неосталинист» Леонид Ильич Брежнев. Только у него она «прорезалась» на почве литературы. И что же? Тоталитарная Система всесильна: и вот уже «выдающаяся трилогия» Брежнева (или кого там на самом деле?) — «Малая земля», «Возрождение», «Целина» — становится самой-самой классикой советской литературы и славного социалистического реализма, а в президиуме Кремлевского дворца председатель правления Союза советских писателей, подобострастно изогнувшись, прикалывает дрожащей от счастья рукой на грудь Леонида Ильича золотую медаль лауреата Ленинской премии по литературе — высшую в нашей стране награду для писателя...

Кстати, два слова о литературе в связи с событиями 1950-го года.

Изменение, точнее — подвижка политической конъюнктуры чувствовалась, несмотря на ждановские погромы, и в делах писательских. О неприятии Сталиным новорапповщины, об использовании вождем даже терминов «рапповец нового времени», «новорапповская теория», «новорапповская точка зрения в литературе» (с одновременной резкой критикой самих явлений) рассказал в своих мемуарах Константин Симонов. Писатель воспроизводит весьма характерную для Сталина фразу, произнесенную о литературоведе и критике Авербахе, уже расстрелянном (запись Симонов сделал, между прочим, в марте 1950 года): «Сейчас мы за национальную культуру... Вот тут этот был — как его? — Авербах, да. Сначала он был необходим, а потом стал проклятьем литературы» [13]. Похоже на ту ситуацию с лингвистикой, которая сложилась к 50-му году? Да, перефразируя Сталина, вполне можно сказать, что Марр сначала был (ему) необходим, а потом стал проклятьем языкознания... Но Сталин, сам поощрявший Марра, так в своих правдинских статьях написать, разумеется, не мог (да и об Авербахе откровенно он сказал лишь на заседании Политбюро!..), и «для публики» ограничился лишь второй частью формулы, то есть практически предал анафеме академика Н. Я. Марра и его учение.

На мой взгляд, совсем абсурдно выглядят некоторые предположения о том, что Сталину было важно уничтожить, разгромить и высмеять именно теоретические постулаты марризма, публично выявить несостоятельность «нового учения» именно с теоретической точки зрения, дабы скрыть некую тайну от на-

рода — тайну своей диктатуры, своей власти, тайну силы казарменного социализма. О чем идет речь? О той гипотезе, которую высказал доктор филологических наук М. П. Капустин в своей статье «От какого наследства мы отказываемся?» (об этом материале, во многом интересном, опубликованном журналом «Октябрь» в 1988 году, в книге уже упоминалось). Вот что пишет М. П. Капустин:

«Суть сталинского варианта социализма можно представить так: внизу находится Масса, обработанная в единый монолит, — все на одно лицо, без дифференциации, своего рода гигантский кулак, которым можно сокрушить все: „Нет таких крепостей...“ Наверху Власть — вождь и аппарат власти. Взаимоотношения между ними выстраиваются однозначно через Директиву, приказ (что бы там ни говорилось в „Кратком курсе“ насчет „учебы у масс“, ведь и говорилось-то, теперь понятно, именно для того, чтобы скрыть истину). Обратная связь вопреки кибернетике исключена, и поэтому следует ликвидировать у себя и саму эту науку об обратных связях.

Писатель Элиас Канетти в исследовании „Масса и власть“ пишет, что „приказ старше, чем язык, иначе не понимали бы собаки (как и любые животные: примечание М. П. Капустина.— *М. Г.*). Дресировка заключается в том, что животные, не понимая языка, научаются понимать, чего от них хотят. ...Так что мы можем искать очень древние корни приказа, ясно, по крайней мере, что приказ в какой-то форме имеется и вне человеческого общества“. Языкознание в лице столь разностороннего ученого, как Н. Я. Марр, конечно, знало эту тайну языкового общения и могло ее обнародовать — поэтому следует ликвидировать такую лингвистику, которая может поднести массе то, чего знать ей вовсе не следует» [14].

Как видите, здесь много и явных, и скрытых передержек — от «обоснования» причин печальной судьбы советской кибернетики в сталинское время до абсолютной убежденности в том, что Н. Я. Марр обязан был знать некую «страшную» тайну, на которой строилась власть при культе.

Профессор Капустин, во-первых, явно льстит Сталину, признавая за ним особые способности, талант или чутье в теоретической разработке структуры и механизмов своей власти — чуть ли не на высочайшем философском и психологическом уровне. Такими способностями и знаниями вождь не обладал. Во-вторых, достаточно даже одного вопроса к автору версии: почему же Сталин вдруг решил «ликвидировать такую лингвистику» только через шестнадцать лет после смерти Марра, на талант которого как разностороннего ученого (и с этим-то спорить не нужно) ссылается М. П. Капустин? Что это за необычная шестнадцатилетняя раскачка перед разгромом марризма, парадоксальная тем, что покойный автор лингвистической теории при всем существовавшем, по мнению М. П. Капустина,

опасении Сталина насчет обнародования «страшной» тайны никаких догадок высказать не мог?.. И почему тогда Иосиф Виссарионович не обратил свой кавказский кинжал против лингвистов и против того же академика Марра еще в конце 20 — начале 30-х годов, когда «тайна», будучи обнародованной и аргументированной учеными, могла стать мощным козырем в руках оппонентов и врагов Сталина, именно в то время заливавшего цементом фундамент своей диктатуры? (А ведь получилось как раз наоборот — Сталин поддерживал и награждал академика Н. Я. Марра...)

Причина явных ошибок М. П. Капустина лежит, как мне кажется, даже не в переоценке творческого потенциала Сталина и не в недостаточном владении автором гипотезы лингвистическими знаниями, как и материалом по истории советской лингвистики. Повторяю, в целом статья советского философа, в которой высказана анализируемая гипотеза, мне во многом понравилась, а в чем-то даже и помогла. Причина заблуждения ее автора, вероятно, — в другом (в одной из глав книги я уже говорил о существовании своеобразного «антисталинского» феномена в психологии многих людей). В самом деле, даже некоторые специалисты, равно как и литераторы, публицисты, и читатели их статей не так уж редко придерживаются некоего общего, точнее обобщенно-формального подхода к ряду фактов в отечественной истории времен культа личности: «То, что громил Сталин, уничтожал, это — хорошо, а то что он поддерживал, возвеличивал, пропагандировал — это плохо». Конечно, в таком чистом, обнаженном виде подобный тезис нигде не сформулирован, но с отголосками подобного суждения встречаться приходится. Вот и в данном случае, думается, получилось примерно так же: раз Сталин разгромил Марра и его теорию, то, значит, и сама теория, и ее автор были «хорошими»... а вот причину разгрома автору гипотезы пришлось уже додумывать. ...Нет, дело и не в теории, и не в Марре. Причем, пользуясь случаем, хочется еще раз подчеркнуть: Николай Яковлевич Марр был несомненно одаренным ученым и очень деятельным исследователем, оставившим интересное научное наследие (не случайно известный и честный современный советский ученый Вяч. Вс. Иванов в одной из своих публицистических статей называет Н. Я. Марра «выдающимся лингвистом и филологом-кавказоведом») [15]. Страшен был его фанатизм, его одержимость идеей в условиях сталинщины в науке, в обстановке спекулирования термином «марксизм», в атмосфере использования в научных дискуссиях политических ярлыков вместо убедительных аргументов и многое другое. Особенно печальными явились последствия — формирование марризма как ордена крестоносцев «нового учения о языке» после смерти академика Н. Я. Марра и все, что с ним было связано...

Еще одну любопытную версию о причинах обращения Сталина к проблемам лингвистики высказал литературный критик

В. Турбин. Я имею в виду его статью «На рубеже молчания» в журнале «Дружба народов», где критик, в частности, делится воспоминаниями о судьбах и идеях своей книги «Герой Гоголя», увидевшей свет в 1983 году: «„Герой Гоголя“ — не столько о Гоголе, сколько о Ста-ли-не. Я был уверен, что это услышат» [16]. Скажу сразу, что гипотезу Владимира Николаевича я не разделяю из-за ее однозначности и того психологизма, который кажется все-таки оторванным от жизни. Хотя мысль В. Турбина о «сакрализации» Сталиным его же собственных «творений» — Великого Учителя — во многом верна... Поскольку в последней главе мы с вами анализируем самые разные гипотезы, было бы несправедливым обойтись без того отрывка из статьи В. Турбина, в котором критик предлагает свое решение интересующей нас загадки:

«Тарас Бульба — автобиографический образ. Герой Гоголя потерпел катастрофу как учитель и как отец. Тем не менее Гоголь всею жизнью своей стремится его повторить: стать отцом всех неприкаянных, грешных героев своих, их учителем-духоносцем. В этом видел он свою миссию, отсюда-то и попытка его создать сакральный текст: „Выбранные места из переписки с друзьями“. Но если не осуществилось у Гоголя на основе ревностно чтимого им христианства, могло ли осуществиться на основе принципиального атеизма? Наш отец и учитель тоже всю жизнь создавал сакральный текст; и „Вопросы ленинизма“ — что-то вроде „Выбранных мест...“, изучение которых и следование которым уже чисто административно было вменено в обязанность верноподданным — „детям“. Все стояло прочно, незыблемо, и „усатый батька“ превзошел и Тараса Бульбу, и создателя этого эпического образа. Всех обучил. И, кстати, вовсе не случайность, не какая-то прихоть деспота его труды по вопросам языкознания: появились они потому, что учитель должен обучать несмышленышей детей языку, родной речи (разрядка наша. — *М. Г.*). Вся страна была превращена на какое-то время в единую классную комнату, и в самых отдаленных колхозах, обобранных и голодных, председатели и парторги-крестьяне, про себя чертыхаясь, обязаны были одолевать премудрости рассуждений о происхождении русского языка из орловско-курского диалекта. Но грянула и моральная катастрофа» [17].

Давайте все же перейдем к рассмотрению других возможных мотивов, побудивших Сталина окунуться в проблемы общего и русского языковедения,—причин, лежащих в несколько иной плоскости...

Еще одна версия — общая «генеральная линия» на перекрытие кислорода интеллигенции, на подтягивание идеологических тормозов, разболтавшихся за время войны. В предыдущей главе я уже об этом говорил и как-то развивать данное суждение не считаю необходимым (тем более. что в любом случае, на фоне других возможных причин превращения Сталина в

языковеда, этот мотив был и остается реальным и не вызывающим сомнения как параллельный, одновременный). Замечу, что многие серьезные западные историки, специалисты по новейшей истории нашей страны, рассматривают появление «лингвистических трудов» Сталина именно в общем комплексе «подавления культуры» в СССР, происходившего в конце 40-х годов. К числу таких признанных на Западе авторитетов относится и Жан Эллейнштейн, автор четырехтомного исследования «История СССР». Откроем 4-й том его монографии (он называется «СССР в современную эпоху» и вышел, как и все предыдущие тома, на французском языке в издательстве «Эдисьон сосиаль», в Париже). Вот что пишет Ж. Эллейнштейн в главе «Последние годы феномена Сталина (1947—1953)»:

«Подавление культуры с 1948 года распространилось на новые зоны. Оно коснулось медицины и биологии, где всем специалистам была навязана теория Лысенко, затем — лингвистики, истории и политэкономии. Никто не мог укрыться от критики. После публикации книги „Горький среди нас" обвинения последовали в адрес ее автора — Константина Федина. Сталин лично вмешался в решение лингвистических проблем, опубликовав в 1950 году „Марксизм и вопросы языкознания". В этой работе он частично осудил крайний догматизм некоторых своих последователей и, в частности, раскритиковал теорию советского лингвиста Марра» [18].

Далее Ж. Эллейнштейн дает краткий анализ таких фактов с точки зрения их причин и результатов для науки, для отдельных дисциплин. Но больше упоминания о лингвистике мы с вами не найдем (видимо, автор, не знал или не понимал, к каким последствиям, к каким результатам в лингвистике привело вмешательство Сталина, хотя пишет о торможении в кибернетике, информатике, химии, физике и т. д.). Жан Эллейнштейн скорее всего не был уверен в собственных оценках сталинской дискуссии по языкознанию или же просто не уделил ей особого внимания — как факту «второстепенного» значения (для его монографии, разумеется).

Следующий возможный мотив.

Вполне вероятно и то, что время от времени в Сталине могла просыпаться ревность... (не к талантливым и умным людям, это у «лучшего друга всех советских людей» действительно было, — речь не об этом феномене). Я имею в виду возможную ревность к б о ж к а м, которых он — б о г и у ч и т е л ь — сам произвел на свет; прямо ли выпестовал, косвенно ли, — дела не меняет. А ведь Марр на знамени последователей «нового учения о языке» был именно таким «божком», да к тому же еще и канонизированным учениками как «апостол» марксизма в языкознании. Могло ли сие вызвать раздражение Иосифа Виссарионовича. Не будем утверждать это как абсолютно доказанный факт.

Тем более что гипотеза может вызывать возражения. Напри-

мер, такие: в те же времена проходила «павловская» сессия (я упоминал о ней в предыдущей главе). Уже умерший Павлов был еще более канонизирован, а свергли лишь живых научных лидеров — Орбели, отчасти Сперанского...

Но, право, на первый взгляд, многое в тексте сталинских статей о марксизме в лингвистике кажется продиктованным именно таким раздражением главного марксиста страны. Да, какое-то время божки могли помогать его делу и даже подпирать его авторитет. Но в конечном итоге, возвышаясь до тех небес, где было положено царить лишь ему одному — «гениальному учителю», должны были низвергаться со своих постаментов или (если были живы) значительно поумерить свою прыть. Олимп современной ему теории, вероятно, по мысли Сталина, не мог терпеть политеизма...

Между прочим, в этой связи кажется любопытным и как-то по особому может быть прочитано одно замечание из воспоминаний А. С. Чикобавы. Арнольд Степанович упоминает о сталинской оценке, реакции «вне контекста» на Лысенко, сделанной вождем все в том же апреле 1950 года (хотелось бы надеяться, что у Чикобавы здесь проглядывает просто искренняя любовь к Сталину, восхищение им, а не склонность к мистификациям...).

«В один из очередных дней обсуждения проекта доклада И. Сталин вне контекста (это выделено самим А. С. Чикобавой.— *М. Г.*) произнес: „А Лысенко никому жить не дает“ (проработки биологов Тр. Лысенко, обвинения биологов в „вейсманизме-морганизме“ не одобрялись, видимо, И. Сталиным). (При всем уважении к автору воспоминаний, с этим его суждением согласиться нельзя, ибо оно противоречит ныне хорошо известным фактам.— *М. Г.*). В следующий раз он повторил: „Лысенко ведь жить никому не дает“. „Говорят,— сказал я,— двойной урожай картофеля, ветвистая пшеница“ (об этом тогда много писалось в газетах!). „Двойной урожай картофеля! Ветвистая пшеница! — это еще вопрос: Лысенко же жить никому не дает“, и добавил: „Мы будем его критиковать!“» [19]

Даже если этот эпизод в воспоминаниях Чикобавы воспроизведен не совсем точно, даже если не соглашаться с некоторыми комментариями академика-языковеда, возникает вопрос: а не могло ли случиться так, что Сталина начинало и в Лысенко раздражать (или возникла какая-то частная, конкретная причина тому именно в апреле 1950 года...) такое положение божка?.. Или же это была вообще свойственная ему игра — только игра в раздражение, в ревность, в недовольство, игра в объективность отношения к человеку? Игра, связанная с более крупным камуфляжем под демократизм...

Кстати, высказывается еще одно похожее соображение относительно причин возникновения именно раздражения у Ста-

лина по отношению к марристам (суждение это принадлежит не мне). Так вот, говорят о том, что Марр (особенно — его ученики) и Лысенко мнили себя единственными и высшими судьями своих оппонентов. Одни — готовя разгром науки (марристы), другие — практически его осуществив (лысенковцы). Но ведь верховным судией мог быть, по его же мнению, опять-таки сам «великий стратег». Отсюда — возможное недовольство Иосифа Виссарионовича крестоносцами «нового учения о языке»? Нет, этот довод не кажется сколько-нибудь весомым... Как и ссылка на интриги Лаврентия Берия [20].

В качестве характерного нюанса, иллюстрирующего обстановку в стране в период работы Сталина над статьями по языкознанию, хочу привести небольшой отрывок из книги историка Михаила Геллера, вышедшей в 1985 году в Париже на французском языке. В книге «Механизм и винтики. Формирование советского человека» есть интересная глава «Язык», в которой М. Геллер, профессор Сорбонны (с 1969 года живущий во Франции), анализирует социолингвистическое явление «новояза» в нашей стране после 1917 года, привлекая для этого и работы других исследователей — от английского писателя Дж. Оруэлла — автора романа «1984», где как раз и вводится понятие «новояз», до советского лингвиста профессора Г. О. Винокура.

М. Геллер рассказывает читателям о том, как в 1948 году был арестован и посажен в тюрьму на 8 лет бывший польский министр снабжения Владимир Лехович. Ему «посчастливилось» узнать, что язык может стать инструментом «коренной переделки человека». Лехович испытал на себе «пытку словами», которую более точно он назвал «пыткой бормотанием»: это было «монотонное повторение ночь и день фраз, которые бормочутся так, как будто бы сами стены говорят; цель — вызвать психическую депрессию или неприятную физиологическую реакцию». Автор книги приводит примеры таких фраз и конкретных приемов пыток, — скажем, человек начинает потеть, находясь в холодной камере, но слыша долгими часами фразу «с него течет пот»... Далее М. Геллер пишет: «Стоит отметить, что опыт, ставившийся на Леховиче (а речь идет именно об опыте, об „экспериментальных пытках“), производился в то время, когда Сталин готовил одно из своих новых гениальных произведений — „Марксизм и языкознание“. Это теоретическое изыскание Сталина могло послужить прекрасной основой для практического поиска, — для того, чтобы выработать технику, устанавливающую прямую связь между словом-сигналом и поведением человека» [21].

Рассмотрим теперь следующую гипотезу.

А не мог ли Сталин сыграть в *демократизм*? Свободная, открытая дискуссия идейных противников и заклятых врагов в центральном органе печати, в газете «Правда»!.. Это же — демократия, свобода мнений и слова, особенно рельефно выдаю-

щаяся на фоне массовых репрессий, «дел» и разнообразных политических громких обвинительных кампаний послевоенного периода. Нам кажется, что решение о проведении такой удивительно демократической по тем временам дискуссии вполне могло быть своеобразным тактическим ходом Сталина при неизменности общей стратегической линии на подавление любого инакомыслия. Хотя по сути это была «псевдогласность», поскольку он — это очевидно! — уже *заранее* решил вмешаться в организуемую им же самим дискуссию и, разумеется, прекрасно знал и предполагал итоги, последствия собственных выступлений в «Правде». Причем дискуссия могла быть ему нужна для достижения политического эффекта не только внутри страны. Ведь она в известной мере служила контраргументом против выступлений его противников и врагов за рубежом, обрушивавшихся с нападками на существовавший в СССР монизм в политике, науке, культуре... (Думаю, что английский ученый Дж. Бернал, который говорил о лингвистической дискуссии 1950 года в «Правде» как о парадоксальном начале «десталинизации» советской науки еще при жизни Сталина, что объективно так и оказалось, хотя вождь, конечно, этого не имел в виду, все же попался именно на обман и камуфляж хитрейшего кремлевского талейрана.)

Сталин так играл в демократию, организовывая свои дьявольские дымовые завесы, и в довоенный период. После войны, в новой политической ситуации он стал прибегать к ним чаще — в разных областях. Об этом писал в своих мемуарах «Глазами человека моего поколения» и Константин Симонов, очевидец многих «демократических» приемов — вплоть до чисто актерских, — с помощью которых проводились в жизнь решения Сталина.

Вот один пример, связанный с идеей Сталина о новом, внешне независимом от государственных и партийных органов, курсе и стиле работы «Литературной газеты»:

«— Мы здесь думаем, — сказал он, — что Союз писателей мог бы начать выпускать совсем другую „Литературную газету“, чем он сейчас выпускает. Союз писателей мог бы выпускать своими силами такую „Литературную газету“, которая одновременно была бы не только литературной, а политической, большой, массовой газетой. Союз писателей мог бы выпускать такую газету, которая остро, более остро, чем другие газеты, ставила бы вопросы международной жизни, а если понадобится, то и внутренней жизни. Все наши газеты — так или иначе официальные газеты, а „Литературная газета“ — газета Союза писателей, она может ставить вопросы неофициально, в том числе и такие, которые мы не можем или не хотим поставить официально. „Литературная газета“ как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной

точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это „Литературную газету", но она не должна бояться этого, она, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело. (Достаточно откровенное, просто циничное «указание» Сталина, наглядно показывающее — чего стоила вся такая демократичность, бывшая именно „псевдогласностью".— *М. Г.*)

Я очень хорошо помню, как Сталин ухмыльнулся при этих словах» [22].

Такую запись Симонов, находившийся в момент данной встречи со Сталиным на посту главного редактора журнала «Новый мир», сделал 14 мая 1947 года — на следующий день после общения с «творцом самой демократической в мире конституции».

А вот пример, датированный серединой марта 1952 года. Симонов, ставший незадолго до описываемых им событий главным редактором «Литературной газеты», вспоминает о заседании Политбюро ЦК партии по присуждению Сталинских премий и о казусе, который произошел там при обсуждении романа Степана Злобина «Степан Разин». Злобин значился в списке кандидатов на Сталинскую премию первой степени, однако на заседании кем-то было заявлено, что «во время пребывания в плену, в немецком концлагере, Злобин плохо себя вел, к нему есть серьезные претензии» (что было клеветой, но оформленной в духе того времени). Симонов описывает долгую сцену, разыгранную Сталиным, который ходил по залу заседаний, вслух как бы спрашивал себя: «Простить или не простить?» — и так несколько раз. Затем вождь ответил себе, тоже вслух: «Простить», таким образом решив не просто вопрос о премии, а саму судьбу человека... Симонов, рассуждая о существе эпизода и нюансов в поведении Сталина, в частности, пишет:

«...Сейчас... видишь сцену, на которой Сталин играет свою роль верховного судьи, обладающего безапелляционным правом и казнить, и миловать, еще более тягостной, чем она представилась моим глазам тогда... Сейчас я почти убежден в том, что Сталин заранее, еще до заседания, и прекрасно знал о том досье, которое в соответствующем месте заготовили на Злобина, и уже принял решение, не посчитавшись с этим досье, дать Злобину за „Степана Разина" премию первой степени, даже не снизив премии до второй или третьей — так и оставив ее первой. Если так, то, стало быть, сцена — „простить или не простить" — была сыграна для нас, присутствовавших при этом представителей интеллигенции. Чтобы мы знали, как это бывает, кто окончательно решает такие вопросы. Кто, несмотря на прегрешения человека, принимает решение простить его и дать ему премию. За кем остается право на эту высшую справедливость, даже перед лицом вины человека. Какие-то другие люди помнят только о вине и считают, что нельзя простить, а Сталин счита-

ет, что вину можно простить, если этот же человек сделал нечто выдающееся» [23].

Есть еще одна версия, как бы развивающая гипотезу о «демократизме» лингвистической дискуссии как тактическом ходе Сталина с целью обмана общественного мнения и т. д. Автором версии является В. М. Алпатов, любезно поделившийся со мной своими умозаключениями. Мы с вами уже вспомнили, что кампания борьбы с «разномыслием» среди интеллигенции, шедшая от самого Сталина, началась в 1946 году постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград». Апогея своего она достигла в 1948—1949 годах (сессия ВАСХНИЛ, «космополитизм»), но в 1950—1952 годах пошла на спад. Тогда, по всем свидетельствам, стало относительно спокойно («врачи-вредители» — уже начало новой, не успевшей развернуться кампании). Заявления об «аракчеевском режиме» — типичный для Сталина сигнал отбоя в конце кампании и одновременно перекладывание вины на «стрелочников» (нечто подобное, считает В. М. Алпатов, происходило тогда, когда вышла статья Сталина «Головокружение от успехов» или когда был расстрелян Ежов).

Мне действительно кажется, что дискуссия в «Правде» была заранее задумана Сталиным именно как своеобразный обманный прием, политический финт под соусом «гласности» и «демократичности». И надо отдать ему должное — Иосиф Виссарионович тогда, весной — летом 1950 года, цели своей добился: повторяю, в идеологическую западню попал даже Дж. Бернал, смотревший на события из спокойной и сытой страны по другую сторону «железного занавеса». Конечно, свою решающую роль в удавшемся камуфляже сыграла та болезнь XX века, которая может быть названа слепой верой в вождя. Вы ведь знаете, что у каждой эпохи был свой недуг: скажем, массовым психозом XVI века стало колдовство, эпидемия «бесоодержимости»... Согласитесь, что даже чисто психологический феномен культа личности (академик Бехтерев писал в свое время о губительности «множественных галлюцинаций», «психического микроба») еще не исследован детально. И прав публицист-известинец Альберт Плутник: «Науке еще придется долго изучать этот феномен XX века — когда самый читающий народ в мире вдруг впал в некое состояние мистического обмана, вообразив, что явился наконец тот, в чью власть можно всецело отдать все и всех, он лучше нас знает, как распорядиться всеми дарами жизни, самой нашей жизнью. Дескать, кто мы такие, чтобы наши жизни принадлежали нам самим?.. Безудержный восторг, безграничное поклонение перед земным божеством — всегда самоуничтожение. Если угодно — самораспятие. Но заблуждение не может быть вечным. В конце концов стремление к заблуждению менее свойственно человеку, чем жажда истины» [24].

Во многом можно согласиться с А. Плутником. Наше заблуждение не стало и не могло быть вечным. И сейчас, как никогда, мы испытываем жажду истины.

Если вернуться к загадке Сталина и языкознания, то — опираясь на достаточно подробный анализ его характера и психологии, уже сделанный советскими и зарубежными историками, социологами, литераторами (хотя и не следует переоценивать степень их проникновения в тайники мозга диктатора) — осмелюсь высказать еще одно предположение о причинах обращения Сталина к теории лингвистики, которое, как мне кажется, ранее никем и нигде не высказывалось. Не упоминал о нем и я в своем очерке в «Литературке», ибо толчок к этой гипотезе появился уже позже, в частности в связи с откликом на публикацию одного из читателей «Литературной газеты» — ленинградца Константина Георгиевича Асатура. Затем подтверждения новой версии нашлись и в новых публикациях, в частности в мемуарах одного из переводчиков Сталина, и в ходе моих встреч с людьми, которые достаточно хорошо знали характер Сталина и могли судить о мотивах его поступков (поскольку долгое время с ним общались...). Эта гипотеза о причинах неожиданного интереса Сталина к теории языка и речи заставляет нас вспомнить о его встречах с ... Мао Цзедуном в 1949 году!

Итак, Мао Цзедун. Не буду детально восстанавливать основные этапы биографии известного политического и государственного деятеля Китая. Вы это можете сделать сами, воспользовавшись энциклопедическими справочниками. Напомню лишь о нескольких, принципиальных для нашей гипотезы, конкретных фактах. Революция в Китае победила в итоге так называемой 3-й гражданской войны 1946—1949 годов. Курс на создание народно-демократического государства был изложен в решениях 2-го пленума ЦК КПК в марте 1949 года и в работе Мао Цзедуна «О демократической диктатуре народа» в июле 1949 года. В сентябре того же года состоялась сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). В соответствии с ее решениями 1 октября Мао Цзедун провозгласил в Пекине создание Китайской Народной Республики. Более чем 20-летняя борьба китайского народа с внешним врагом и внутренней реакцией завершилась победой. На той же сессии НПКСК Мао Цзедун (являвшийся членом политбюро ЦК КПК с 1933 года, председателем ЦК КПК с 1943 года) был избран председателем Центрального Народного правительства КНР. На первом же своем заседании правительство назначило Мао Цзедуна председателем Народно-революционного военного совета.

Известно, что СССР помогал революционной борьбе китайского народа самым активным образом — и словом, и делом: от поставок оружия и направления военных советников до подготовки молодых китайских специалистов в вузах СССР (иначе говоря, китайские студенты учились в СССР еще до 1 октября 1949 года...); кстати, в 1947—1948 годах в одном из вузов Москвы обучались два сына Мао Цзедуна...

После победы революции Мао Цзедун прибыл в Москву и в течение весьма длительного времени вел переговоры со Сталиным (делегации и с советской, и с китайской стороны были весьма представительными...). В качестве почетного гостя он присутствовал на торжествах по случаю 70-летия Сталина в Большом театре, где сидел в президиуме на одном из самых почетных мест — рядом с «величайшим гением современности».

(Более чем через четверть века, в 1976 году наша страна почти так же торжественно отметила 70-летие «великого продолжателя идей марксизма-ленинизма» Леонида Ильича Брежнева. 19 декабря в Большом Кремлевском дворце Брежнев получил из рук не менее известного «деятеля», которого, правда, он уберет с понравившегося Генсеку поста «президента» страны, Н. В. Подгорного, орден Ленина, вторую медаль «Золотая Звезда Героя Советского Союза и Почетное оружие с золотым изображением Государственного герба СССР. Этот юбилей был по праву назван Подгорным событием «поистине международного значения»: в ходе юбилейных торжеств и непосредственно перед ними Брежнему были приколоты на лацкан высшие награды двенадцати стран, причем делали это *руководители* государств, среди которых были Урхо Кекконен, Густав Гусак, Тодор Живков — два последних удостоили Леонида Ильича во второй раз чести стать Героем ЧССР и НРБ...) [25]

Советско-китайские переговоры завершились подписанием 14 февраля 1950 года Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Под договором поставили подписи министры иностранных дел двух стран — А. Я. Вышинский (все тот же сталинский палач...) и Чжоу Эньлай.

На переговорах в качестве переводчика выступал советник посольства СССР в КНР, а ныне — дипломат в отставке, востоковед и член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко. Часть подготовленной им книги воспоминаний (не сомневаюсь, что она будет очень интересной) посвящена рассказу об обстановке, в которой тогда, в конце 1949 года, проходили упомянутые переговоры. Достаточно обширный отрывок из этих мемуаров осенью 1988 года привела «Правда» в виде большой публикации на всю полосу в рубрике «Страницы истории». Представьте себе мое состояние, когда из уст переводчика Сталина и Мао Цзедуна я вдруг слышу неожиданное подтверждение тому, что Сталин заинтересовался теорией Марра (особенно «стадиальной» классификацией языков) в связи с ... китайским вопросом! Однако предоставлю слово самому Николаю Трофимовичу Федоренко:

«Встречи и беседы Сталина и Мао Цзедуна проходили обычно на подмосковной даче в Кунцеве. Время всегда было ночное. За длинным столом, в самом начале которого сидел Сталин, как правило, располагались члены Политбюро ЦК ВКП(б). Мао Цзедун занимал место рядом с хозяином, если не считать

переводчика, который находился между ними. Китайские товарищи занимали места по соседству со своим лидером.

Стол всегда был сервирован: у каждого места — обеденный прибор, бокалы, рюмки, минеральная вода, несколько бутылок грузинского сухого вина. Водка не подавалась. На столе также стояли блюда с парниковыми овощами и зеленью.

В конце большого стола находился сервировочный столик. Каждый брал себе еду по собственному вкусу. ...Графин с коньяком, стоявший в центре стола, приводился в движение — шел по кругу, когда подходило время произнести тост в честь Сталина. Эту роль играл Берия, сидевший напротив хозяина...

Темы собеседований были самые различные. Строгой повестки дня не существовало. Разговор практически происходил между Сталиным и Мао Цзедуном. Остальные молчали. Однако в ходе непринужденного разговора собеседники обменивались суждениями по военным, политическим, экономическим и идеологическим вопросам. Именно так были согласованы принципиальные положения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи...

...Каждая встреча Сталина с Мао Цзедуном приносила нечто неожиданное, непредсказуемое. *Содержание бесед всегда определялось хозяином* (курсив везде наш. — *М. Г.*), который, однако, никогда заранее не раскрывал темы разговора. Обычно беседа начиналась, скажем так, с отвлеченных сюжетов. То ли гость проявлял интерес к чему-либо, то ли хозяин по своей инициативе затрагивал какой-нибудь вопрос.

Так, в процессе собеседований обсуждалась *программа языка и мышления*. Сталин вообще высказывался в духе известной своей работы по языкознанию (однако эта работа была опубликована лишь летом 1950 года; значит, Сталин уже к этому времени, т. е. к концу 1949 и началу 1950 года, получив в апреле письмо Чикобавы, „вплотную" занимался вопросами языкознания, его теории... — *М. Г.*). Основная идея состояла в том, что язык как средство сознательного выражения мысли не чувствителен к классовой принадлежности людей. Любой человек может говорить на любом языке, в том числе и на языке Пушкина, Толстого, Достоевского и так далее. Все здесь определяется образованием и личными интересами.

Примечательно, что Мао Цзедун, в свою очередь, развивал мысль о том, что китайская иероглифика и язык, при всей сложности овладения, в действительности открыты всем, каждому человеку. Если есть желание их постигать и совершенствоваться, независимо от социального положения, классовой принадлежности. Другое дело, не всякий китаец мог позволить себе необходимое образование и овладеть иероглификой» [26].

Не показалась ли вам странной такая тема в ночных беседах двух вождей, двух политиков? Причем оба они — даже в

таком кратком пересказе Н. Т. Федоренко — как бы заочно полемизируют с некоторыми идеями Марра и марристов, в частности, с известным постулатом о «классовости языка». В чем же здесь дело?

Вероятно, — причина и в той роли, в том месте, которое «стадиальная классификация» языков Марра отвела китайскому языку и китайскому народу с его богатейшей, древней культурой. Не случайно в нашей книге публикуется доклад А. С. Чикобавы, отправленный Сталину в апреле 1949 года. Кстати, загляните в него сейчас и вы — в главу «Тот самый Чикобава». Обратите внимание: Марр выделял четыре стадии развития языков; на первой, низшей стадии он оставляет китайский и ряд африканских языков, на второй находятся угро-финские, турецкие и монгольские языки, на третьей — яфетические (кавказские) и хамитические (хамитские), а к четвертой — наивысшей! — стадии развития Марр относит семитические (семитские) и индоевропейские языки, то есть — арабский, еврейский, индийский, греческий, латинский. Языки смененных систем, по Марру, «отпадают от общего мирового движения» и т. д. (Я не буду пересказывать доклад А. С. Чикобавы, но замечу, что сходные идеи высказывались и до Марра, еще с начала XIX века.)

Другими словами, эта классификация констатирует, что китайский язык «застыл» на своей стадии, что он связан лишь с начальным этапом развития и т. д. Могло это задеть чуткие струны в душах китайских товарищей? Разумеется! И нам известен целый ряд случаев, когда китайские студенты и стажеры, обучавшиеся в СССР еще до октября 1949 года, в частности в Ленинграде, просто отказывались изучать языкознание по Марру, возражая против унизительного положения родного языка в самом начале марровской лестницы... Следует помнить и то, что новый Китай, обогащаясь за счет СССР рядом достижений науки (в ту пору, разумеется), всегда это делал достаточно критично!

Думаю, что Сталин, рассчитывавший на самый крепкий союз с Мао Цзедуном, был очень заинтересован в том, чтобы снять все возможные противоречия между нами и китайцами. И раз уж он подробно беседовал с китайским лидером о лингвистических проблемах и высказывался «в духе известной своей работы», то это должно означать, что к концу 1949 года Иосиф Виссарионович пришел к мнению: более марризм терпеть нельзя...

Да, не ведали последователи «нового учения», что задолго до лета 1950 года тучи над ними стали сгущаться. Между прочим, при другом раскладе сталинского пасьянса дело для них могло кончиться вообще печально. Примерно так, как это описал Владимир Войнович в своем нашумевшем (и ставшем теперь нам известным) романе-анекдоте об Иване Чонкине —

бывший лагерник Леша Жаров рассказывает председателю колхоза Голубеву о «контингенте» в местах заключения:

«Там у нас был один народный артист, два заслуженных, а простых я и не считал. Вообще народу грамотного сидит... — Леша понизил голос... — бессчетно. Был у нас один академик. Десятку дали. Хотел испортить кремлевские куранты, чтоб они на всю страну неправильно время показывали» [27].

Всем аспектам тех отношений, которые устанавливались у нас с новым Китаем, действительно придавалось большое значение. Сталин очень опасался их возможных осложнений. Тому есть немало свидетельств, например нашумевшая история с пожаром на борту теплохода «Победа» в 1948 году, когда одной из его жертв стал китайский военный деятель Фынь Юйсянь [28].

У этой гипотезы есть и вторая часть.

Если такого рода «оскорбление» китайского языка было одновременно лишь косвенным оскорблением самого вождя (поскольку Мао был его зарубежным другом), то в стадиальной классификации языков Марр (не ведая о будущем антисемитизме вождя) в свое время, — а Сталин просто об этом не ведал, — заложил и прямое «оскорбление» лично Иосифу Виссарионовичу и его национальным чувствам. По марровской классификации оказывается, что яфетические языки, в том числе и грузинский, в своем развитии находятся ниже индоевропейских и семитских и служат для них предшествующей ступенью! Иначе говоря, грузинский язык оказывался ниже по развитию (даже вымолвить страшно было!) еврейского языка!!! [29] И это — тогда, когда еще не прозвучал сигнал отбоя в «борьбе с космополитизмом». Можно даже не вдаваться в такие теоретические «мелочи», как существование двух еврейских языков — *идиша* и *иврита* (один — индоевропейский, возник из немецких диалектов, другой — семитский), поскольку грузинский язык ниже, по классификации Марра, именно того, который распространен на территории СССР, — идиша.

Желание устранить «несправедливость» вполне могло стать одним из тех конкретных (дополнительных?) мотивов, который заставил Сталина взяться за перо и в итоге осчастливить мир своими «трудами» о марксизме и языкознании. Заметьте, касаясь многих других тем, Сталин как бы намеренно обходит стороной именно стадиальную классификацию языков Марра. Ни в одной из статей «великий корифей» не коснулся этой темы, хотя доклад, который ему отправил Чикобава в апреле 1949 года, был посвящен прежде всего этой части «нового учения о языке» и носил название «Стадиальная классификация языков акад. Н. Марра». Как мы уже с вами знаем, Чикобава в мемуарах пишет, что доклад был написан по инициативе тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Грузии К. Чарквиани; согласно логике воспоминаний Арнольда Степановича, имен-

но Чарквиани должен передать или переслать материалы лично Сталину. Думаю, что это было сделано не случайно, и акцент на «унижение» китайского и кавказских языков в докладе Чикобавы существует...

Детали, связанные со всей этой загадкой, могут быть разными, как будут, думаю, открываться и новые обстоятельства. Очевидно одно: в самой глубине тайны обращения «великого корифея» к проблемам языка лежали, скорее всего, конкретные *политические* причины в сочетании с мотивами психологическими.

Намеренно оставляю в стороне при перечислении возможных причин, вызвавших интерес Сталина к лингвистике, версию о том, что он был психически болен. Аргументы сторонников этой распространенной гипотезы лично меня не убеждают, и прежде всего потому, что у нее существуют и не менее весомые контрдоказательства [30].

Что же произошло дальше, после разгрома марризма?

Частично я уже об этом рассказал. Сошлюсь дополнительно и на мнение директора Института языкознания АН СССР члена-корреспондента АН СССР В. М. Солнцева, высказанное им в газете «Московская правда» в марте 1988 года: «Освобожденное от ложных догматов марризма, советское языкознание стало быстро развиваться и набирать силу, но сильно мешал культ сталинских идей». Не упомянув сталинскую брошюру, было невозможно опубликовать ни строчки. Поэтому видные ученые, да и все те, кто тогда начинал научную деятельность, должны были писать свои статьи и книги «в свете сталинского учения». Такова правда истории нашей науки... 1956 год положил, как известно, конец культу Сталина и позволил лингвистам перестать писать «в свете» [31].

Но, похоже, что страх в их душах сохранился надолго. А страх этот влечет за собой многое...

Михаилу Зощенко, ставшему вместе с Анной Ахматовой жертвой сталинско-ждановского глумления, принадлежит горькая реплика: «Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации» [32]. Совершенно верно! Эта метафора абсолютно справедлива и по отношению к ученым, к деятелям науки...

Еще раз хочу повторить одну принципиальную мысль: да, сталинская дискуссия в «Правде» сыграла определенную положительную роль в развитии нашего языкознания (кстати, благодаря ей была широко и повсеместно, хотя поначалу и своеобразно, признана общественная роль лингвистики как важной науки, — мы еще об этом не упоминали, но такой результат тоже — факт!).

Имело это событие и свои отрицательные стороны.

И только когда был ликвидирован культ личности, когда вся наука (особенно—гуманитарная) в нашей стране вошла в пе-

риод бурного очищения и развития, тогда глубокое оздоровление пришло и в языкознание. Кстати, тогда же начались исследования и по ряду принципиально новых направлений: получили право на существование структурная лингвистика, математическая лингвистика (ведь изменилось в целом отношение и к кибернетике), психолингвистика, некоторые другие аспекты системного научного поиска в области языка и речи (об этом упоминает в своих интересных записках профессор А. Е. Супрун — вы их найдете в последней главе второй части книги). Под «хрущевскую оттепель» вновь ожили и воспряли духом некоторые из бывших последователей и учеников академика Н. Я. Марра: ведь они выступали как жертвы сталинизма в науке... Кое-кто из них начал продвигаться, в частности, и «по службе», получать должности, звания.

* * *

Многолика и сложна, трагична и противоречива судьба нашей науки и научной интеллигенции. В ней, как в зеркале, отразилась вся глубина кризиса, в который был ввергнут народ страны. Одна из существенных причин кризиса, последствия которого ощутимы доныне, сама Система, сталинщина и ее наследие. Все же сталинщина возникла отнюдь не на пустом месте.

Так, может, все гораздо сложнее, но одновременно проще?

Мудрый философ Сергей Николаевич Булгаков (впрочем, не только философ, но и экономист, публицист, богослов, преподаватель, критик), вошедший в историю нашей культуры и духовности и как протоиерей отец Сергий Булгаков, еще на заре века, до Октябрьской революции, в 1908 году подчеркивал, что мы оставили в небрежении духовный мир человека — эту подлинную творческую силу истории:

«...И мы потеряли духовное равновесие и разбрелись в разные стороны за этим „прочим“ (то есть материальными целями. — *М. Г.*), которое все более дробилось и разъединяло людей. И в этом лежит подлинная причина нашего исторического бессилия, слабости творчества при такой энергии разрушения. Только обновленному человеку посильна задача устроения расстроившейся жизни, но обновление это создается не пересмотром программ или тактики или новой политической комбинацией (как бы ни были важны сами по себе и эти последние). Рождение нового человека... может произойти только в недрах человеческой души, в тайниках самоопределяющейся личности. Подвиг исторического творчества не может быть отделен от духовного подвига возрождения человеческой личности, которое не совершается помимо нашей воли. ...Не в парламентах или

народных собраниях происходит теперь самое решительное столкновение добра и зла, но в душах людей, и исторические судьбы России взвешиваются ныне в той незримой внутренней борьбе, которая происходит в русской душе...» [33].

Отец Сергий написал эти строки более 80 лет назад. А кажется, что они вышли из-под его пера только вчера.

Или даже сегодня, светлым утром...

Часть 2

БРОНЗОВЫЕ КОНИ

В Дантовом „Аду" было много кругов, ступеней, этажей. Здесь жили заключенные навек люди, по-разному наказанные за разные грехи.

Но „круги ада" не только гениальный план литературного творения, они следы разных осознаний времени великого города Флоренции.

Там и после смерти спорят люди, разно унаследовавшие опыт прошлого.

В. ШКЛОВСКИЙ
«Энергия заблуждения: Книга о сюжете»

От автора

У второй части книги, как вы уже знаете, есть своя специфика. Я не считал нужным писать к ней какое-то специальное предисловие, однако без определенных напоминаний и предваряющего слова все же, как видно, не обойтись...

1950 год, когда Сталин стал «корифеем языкознания», а советская лингвистика, слегка переведя дух от надвигавшейся угрозы разгрома, начала славить новоявленного «корифея» (при этом, однако, получив несколько большую, чем прежде, свободу мысли и научного поиска),— это самая середина XX столетия! Как ни горько признавать, но, видимо, фигура Сталина стала одним из ярчайших символов XX века... И сама фигура его, и многое, что с ней было связано, в том числе — и «проблема марксизма в языкознании»...

Но, как это ни странно, печальные уроки прошлого имеют и иной привкус, кроме горечи. Привкус ожидания и надежды. Ожидания подлинной свободы и надежды на торжество разума. Ибо, повторим за мудрым Петром Чаадаевым,— «Прошлое уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас» [1].

И для того, чтобы будущее стало нам подвластным, необходимо знание прошлого.

Хочется напомнить, что вторая часть книги является как бы продолжением первой, которая решена в едином — хронологическом — ключе. По стилю первая часть, вероятно, ближе всего к историческому очерку одного автора. Ну, а текст второй части — более полифоничен: с его страниц громко звучат несколько голосов — писателя Каверина и профессора Ларцева, академика Чикобавы и профессора Филина, публициста Аджубея и некоторых других людей. Иначе говоря, в этой части мы поместили в основном выдержки из воспоминаний или исследований конкретных авторов, а также некоторые документы и материалы научных дискуссий; каждая глава предваряется небольшим введением.

...Памятник есть памятник. Даже живые голоса истории или нынешние раздумья современника, очевидца не в силах его оживить. Но уж в любом случае они — хотя бы в какой-то мере! — могут, как сейчас думают многие, очистить благородную бронзу истории от позднейшей раскраски «под золото», от аляповатых потеков этой краски, которая понемногу начинает слезать уже сама собой...

Впрочем, если стремиться к истине, то необходимо делать поправку на возможную субъективность воспоминаний, свиде-

тельств не только гонимых, но и тех, кто был в стороне от битв и столкновений эпохи.

Поскольку мы только-только начинаем обретать себя в контексте демократических традиций мирового сообщества, «выдавливая из себя по капле раба» (который *всегда* очень хочет стать господином), поскольку мы только начинаем говорить о необходимости построения «правового государства», не следует забывать многие из обличительных выводов справедливого Джорджа Оруэлла:

«Тоталитаризм на практике требует непрерывного переписывания прошлого и в конечном счете, вероятно, потребует отказа от веры в самую возможность существования объективной истины. Наши собственные сторонники тоталитаризма склонны, как правило, доказывать, что раз уж абсолютная истина недостижима, то большой обман ничуть не хуже малого. При этом они твердят, что все исторические свидетельства пристрастны и неточны... Уже появилась масса людей, у которых фальсификация научного учебника вызовет возмущение, но в фальсификации исторического факта они не видят никакого преступления» [2].

Вслушайтесь во многие отрывки текста второй части книги: несмотря на внешнюю полифоничность это звучит сквозь годы и десятилетия голос ее Величества Системы...

Оборвавшейся мелодией вплетается в него тема жизни Поливанова. Я уже отметил на с. 72, что обнаружены в архивах КГБ новые документы.

Из ПРИГОВОРА: «...Поливанова Евгения Дмитриевича к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и в силу Постановления ЦИК СССР от 1.XII.34 г. подлежит немедленному исполнению. Судьи ВК ВС СССР: председатель диввоенюрист Голяков, члены — бригвоенюрист Зарянов, военюрист 1 ранга Кандыбин».

Из СПРАВКИ В АРХИВНОМ ДЕЛЕ: «...Приговор о расстреле Поливанова Е. Д. приведен в исполнение 25 января 1938 года. Акт о приведении приговора хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР. *Нач-к 12 отделения 1 спецотдела НКВД СССР лейтенант Шевелев*» (см. еженедельник „Радикал", № 4, ноябрь 1990 г.— *М. Г.*)

Глава 1
ТРАГЕДИЯ ПОЛИВАНОВА

Мне часто приходилось читать о людях, оказавших великие услуги монархам и отечеству, и я исполнился желанием повидать их. Однако мне ответили, что имена их невозможно найти в архивах загробного мира. Правда, в списках числится несколько человек, которые были истинными благодетелями своего отечества, но история изобразила их отъявленнейшими мошенниками и предателями. Я пожелал их видеть. Все они появились передо мной с удрученным видом и в очень худом платье. Большинство из них сообщило мне, что они кончили свою жизнь в нищете и немилости, иногда даже на эшафоте.

Д. СВИФТ
«Путешествие в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей»

В первой части нашей книги уже упоминалось о замечательной работе самаркандского профессора Василия Григорьевича Ларцева «Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности», увидевшей свет в середине 1988 года. Однако, едва выйдя из печати, книга сразу же стала библиографической редкостью, настоящим раритетом (к тому же тираж ее можно назвать буквально мизерным — 6600 экземпляров!). Конечно, чтобы составить полное, истинное представление о Е. Д. Поливанове, эту книгу нужно обязательно прочитать, внимательно и с открытым сердцем (надо отметить, что стиль В. Г. Ларцева точен и сдержан, но по-своему эмоционален и образен, так что читатель будет вознагражден за свой выбор и с этой точки зрения).

Отдельного дополнительного воспроизведения заслуживает очерк «Трагедия Поливанова», принадлежащий перу известного советского писателя В. А. Каверина, который близко знал Е. Д. Поливанова в 20-х годах и часто общался с ним. Вениамин Александрович был гостем межвузовской научной конфе-

ренции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», проходившей в сентябре 1964 года в Самарканде. От писателя В. Г. Ларцев получил текст интереснейших записок о Е. Д. Поливанове. Вот что вспоминает об этой встрече с Вениамином Кавериным автор книги:

«В день отъезда из Самарканда Вениамин Александрович сообщил мне, что он имел намерение дать краткий отчет о конференции в „Литературную газету". „Но что-то нездоровится, — сказал он. — Да это ничего, напишут другие. У меня не выходит из головы Поливанов. Вот здесь много написано, — он показал ученическую тетрадь с голубыми корочками, исписанную сплошь карандашом — вдоль и поперек, — и все о нем. Но, видно, придется к этой теме обратиться позднее...» [1]

Думаю, каверинский очерк вы прочтете, как говорят, «на одном дыхании». И поймете, почему Вениамин Александрович в своей рукописи, в этой голубой тетрадке, дважды подчеркнул название своих заметок — «Трагедия Поливанова»...

* * *

«Представьте себе гениального ученого, оставившего глубокий след в мировом языкознании, рукописи которого по крохам, по отдельным листкам собираются в различных городах Советского Союза и за рубежом.

Представьте себе Всесоюзную конференцию лингвистов, которая прошла без портрета того, кому она посвящена, потому что, несмотря на все усилия, портрет достать не удалось.

Представьте себе ученого, знавшего лингвистически не меньше 35 языков, написавшего грамматику японского, китайского, бухаро-еврейского, дунганского, мордовского, туркменского, казахского, таджикского языков (четыре последних еще не найдены), о котором спорят, родился ли он в 1891 или в 1892 г., в Петербурге или Смоленске.

Представьте себе человека, которому удалось напечатать лишь двадцатую часть своих работ, в то время когда едва ли не каждая его фраза может быть развернута в принципиально новую теоретическую работу.

Представьте себе политического деятеля, опубликовавшего тайные договоры царского правительства в 1917 г., который впоследствии годами бродил по стране, как дервиш.

Представьте себе человека, оставившего, несмотря на необычайно сложную, трагическую жизнь, более ста научных работ (число известных на сегодняшний день трудов Е. Д. Поливанова значительно больше. — *М. Г.*), в том числе 17 книг, — человека, имя которого в течение трех десятилетий замалчивалось, пока в 1957 г. известный наш лингвист Вячеслав Всеволодович Иванов не опубликовал о нем статью, положившую конец этой беспримерной несправедливости.

Этот человек — Евгений Дмитриевич Поливанов.

В сентябре 1964 г. из Москвы, Ленинграда, Казани, Рязани, Ельца, Алма-Аты и многих других городов в Самарканде собрались ученые, чтобы говорить о нем и о своих, связанных с его деятельностью работах.

Самаркандский государственный университет пригласил меня на эту конференцию. Я рассказал ее участникам о своих встречах с Поливановым в 20-х годах.

Я жил в ту пору у Юрия Тынянова. Поливанов был частым гостем в нашей „коммуне" на Греческом, 15. Это было в самом деле нечто вроде студенческой коммуны, собравшейся вокруг Тынянова в большой холодной квартире богатого чиновника, сбежавшего за границу.

Поливанов приходил в солдатской шинели, слегка прихрамывая, вежливый, спокойный, говорящий тихим голосом и слушающий собеседника с глубоким интересом. К нашему более чем скромному ужину, состоявшему обычно из сушеных овощей, он прибавлял какое-то китайское блюдо, которое сам готовил из муки, сахара и, кажется, перца. Изумление взыскательного Тынянова, несомненно чувствовавшего в Поливанове человека необыкновенного, поражало меня. Не понимая сущности их разговоров — я был студентом первого курса, я чувствовал, что полушутя, между прочим Поливанов высказывает необычайные по глубине и значению мысли. Об этом нетрудно было судить — не по Поливанову с его изысканностью и небрежностью, а по Тынянову, у которого взволнованно загорались глаза.

Он приходил и оставался иногда надолго, на несколько часов, устраиваясь в холодном кабинете хозяина и утверждая вполне серьезно, что лучше всего ему работается, когда в комнате не более восьми градусов тепла.

Он никогда не рассказывал о себе, и мы, разумеется, не расспрашивали. Мы знали, по слухам, что еще мальчиком, гимназистом, он потерял левую руку, положив ее на пари под колеса поезда. У него были какие-то загадочные приключения в Японии и Китае, где он бродил среди простых людей, изучая диалекты и скрывая, что он — человек науки.

Мы знали, что он связан с Коминтерном, что он принимал непосредственное практическое участие в Октябрьской революции, а во время Февральской останавливал извозчичьи пролетки и устраивал из них баррикады. Виктор Шкловский говорил, что он видел это своими глазами.

Словом, он был фигурой странной, загадочной и, естественно, вызывавшей у меня, девятнадцатилетнего студента, глубокий интерес. Услыхав однажды через полуоткрытую дверь, как Поливанов рассказывал об Институте живых восточных языков, в котором он работал в Петрограде, я вышел из своей комнаты и сказал, что хочу поступить в этот институт. И поступил. К сожалению (поддавшись уговорам приятеля), я поступил не на японский факультет, которым руководил Поливанов, а на арабский.

Постепенно мы привыкли к нему — каждые два-три дня он бывал в нашей „коммуне". Он узнал, что я плохо живу — университетская стипендия была ничтожно мала — и предложил мне работу — преподавать пятерым китайцам русский язык. Это было сложно: я не знал китайского, а китайцы не знали русского. Кажется, теперь именно этот способ изучения языков представляется наиболее надежным. Мне тогда этого не казалось. Мои ученики не понимали падежных окончаний. Об именительном падеже они довольно здраво говорили, что это вообще не падеж, а когда в качестве примера я привел им фамилию Поливанов, они в один голос сказали, что поскольку она кончается на „-ов" — это не именительный падеж, а родительный множественного...

В молодости кажется, что необыкновенное — обыкновенно и будет продолжаться долго, может быть, всегда. Я не записывал своих разговоров с Поливановым и теперь глубоко сожалею об этом. У меня всегда было ощущение, что научные факты, о которых он говорит, это не просто факты, а события, и что среди этих событий он чувствует себя как дома.

Однажды зимой я провожал его в университет, где он жил более чем скромно, в студенческом общежитии. Мы переходили Неву, и Поливанов, которому хотелось, чтобы я занялся лингвистикой, рассказал мне вполне законченную работу, посвященную фонемам.

— Почему бы, вернувшись домой, вам не записать ее, чтобы потом представить в университет, как диплом? — сказал он...

Я рассказал участникам конференции о том, как Поливанова бойкотировали академические круги, о том, как Виктор Шкловский хранил его рукописи в несгораемом шкафу.

Впоследствии в романе „Скандалист, или Вечера на Васильевском острове" я попытался изобразить поразившую меня фигуру Поливанова. Не стал бы раскрывать это обстоятельство, если бы Вяч. Вс. Иванов не упомянул в своей известной статье о том, что некоторые особенности характера Поливанова навеяли В. А. Каверину образ профессора Драгоманова в романе „Скандалист". Конечно, нельзя ставить знак равенства между этими двумя фигурами. Но некоторые черты Драгоманова были подсказаны мне знакомством с его гениальным прототипом.

На конференции, собравшейся в Самарканде, я узнал многое, заново осветившее фантастическую по силе и необычности фигуру Е. Д. Поливанова. Время непризнания, замалчивания прошло. Его биография изучается, труды печатаются. Лингвистика за последние десятилетия шагнула вперед, но то, что сделал Поливанов, не потеряло значения. Недаром доклад Вяч. Вс. Иванова на заключительном пленарном заседании конференции назывался „Е. Д. Поливанов и современное языкознание". Он изучал живые языки, на которых говорят тысячи людей, он предсказал многое в эволюции языка. Он безоши-

бочно предсказал и постепенное падение той теории, которую исповедовали люди, погубившие его,— марристы.

Странного противоречия между гениальностью и непризнанием, научным величием и унижением не было бы, если бы в конце 20-х годов Поливанов не выступил против яфетидологии Н. Я. Марра. Розыски А. А. Леонтьева, содержательный доклад которого был заслушан на конференции, нарисовали картину мужественной борьбы, которую Поливанов вел против марристов.

Великий ученый, крупный общественный деятель, человек обширного и быстрого ума, Поливанов был опаснейшим врагом для тех, кто канонизировал яфетидологию и насаждал это учение, уничтожая подлинных языковедов.

С 4 февраля 1929 г., когда он открыто выступил против марристов, его труды были объявлены „истошным воем эпигона субъективно-идеалистической школы", а сам он — „разоблаченным в свое время черносотенным лингвистом-идеалистом". Так писал о нем некто В. Б. Аптекарь в книге „Н. Я. Марр и новое учение о языке", вышедшей в 1934 г.

На дискуссиях принимались резолюции, в которых клеймили позором „хулигански-наглое, циничное выступление профессора Поливанова". Его называли „кулацким волком в шкуре советского профессора". Ответ Поливанова (разумеется, оставшийся ненапечатанным) полон достоинства. Он писал: „В пересмотре, которому подлежит все наследуемое советской наукой, нет места ни авторитарному мышлению, ни кваканью профанов".

Тогда-то и был сделан оправдавшийся в полной мере прогноз, о котором я упомянул выше. Поливанов предсказал, что яфетический культ „будет постепенно уходить в тень, отступать на задний план".

Нетрудно представить себе, что должно было произойти с человеком, который смело отказался признать культ личности в языковедении.

Поливанов был изгнан отовсюду, лишен возможности печатать свои работы. Он уехал в Ташкент, потом в Самарканд. Одна из его последних работ посвящена самаркандскому говору. Ему надо было немногое, точнее сказать, ему ничего было не надо. Он никогда не стремился к благополучию и славе. Но как же работал, как жил в пустыне осторожности, клеветы, подозрительности этот человек, представлявший собой чудо науки? Теперь мы знаем, как он жил и работал.

Старый узбек Махмуд Хаджимурадов рассказал на конференции, как Поливанов приехал к нему едва ли не босиком, в рваной одежде и остался на несколько недель в кишлаке, изучая особенности местного диалекта, составляя словарь, которого еще не было в мире. Он работал неустанно, упорно, а для отдыха поправлял ошибки в религиозных книгах на арабском языке, которыми пользовались муллы.

Что произошло с этой работой? Где она? Махмуд Хаджиму-

радов сжег ее, узнав об аресте Поливанова. Он сказал об этом со спокойным достоинством, и никто из нас, помнящих те тяжелые годы, не посмел упрекнуть его за этот поступок.

(Работая над рукописью я еще раз перечитал очерк Вениамина Каверина и вдруг отчетливо вспомнил своеобразный афоризм Фазиля Искандера из его предисловия к новомирской публикации романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей»:

«Рукописи не горят, говорится в знаменитом романе (гордость отчаяния!), особенно хорошо они не горят, добавим мы, когда рукописи напечатаны». — *М. Г.*) [2].

Вот так Поливанов и жил в кишлаках, пригородах, где придется. В сущности с ним ничего нельзя было сделать. Ведь куда бы он ни попадал, везде были люди, и он мгновенно усваивал их язык, научно изучая его и пользуясь им для развития своих воззрений.

В 1937 г. он был арестован в г. Фрунзе и 25 января 1938 г. погиб.

За что он был арестован? Почему расстрелян? Следователь, просивший у меня отзыв о Поливанове, необходимый для реабилитации ученого, в ответ на эти вопросы только махнул рукой.

Вскоре после смерти Поливанова его рукописи продавались во Фрунзе на базаре. Очевидно, на вес? Или на обертку?

Он был реабилитирован поздно, в 1963 г., у него не осталось родных, которые прежде позаботились бы о восстановлении его честного имени. И после реабилитации немедленно начались поиски его наследия. Многое уже сделано, хотя далеко не все. На превосходно организованной, глубоко содержательной самаркандской конференции из 100 докладов Поливанову были посвящены 42. Предполагается издать его работы в двух томах. Это, разумеется, избранные произведения. Одновременно публикуются вновь найденные многочисленные работы. Внимание к великому лингвисту, этнографу, фольклористу, историку привлечено, и недалеко то время, когда Поливанов займет свое место среди тех, кто стал гордостью нашей науки...

Я бродил по Самарканду, городу Поливанова, тенистому, зеленому, непохожему ни на один город в мире. Огромный парк-бульвар, в котором прохладно в самые жаркие дни, упирается в здание оперы — это новый Самарканд, который возводится с таким расчетом, чтобы чудесные строения — мечети и медресе, мавзолей Тимура Гур-Эмир — не были скрыты, а как бы вписывались в городской пейзаж.

Я бродил по Самарканду, городу Поливанова, городу гостеприимства, вдоль дувалов — толстых, глухих, глиняных заборов — по извилистым пыльным переулкам. Старый город легко узнать по подъемным кранам, с помощью которых он быстро превращается в новый.

Зайдите в любые ворота, и за дувалом откроется прохладный сад с клювом крана. Вас приветливо встретят, знаменитое

узбекское гостеприимство мгновенно вступит в свои права. Настойчивые уговоры, против которых трудно устоять, в конце концов приводят к тому, что, как бы вы ни были заняты, вы остаетесь. Эта черта относится, разумеется, не только к Самарканду. Это весь Узбекистан, любой его кишлак, любой дом при дороге, в горах, в долине.

Я бродил по Самарканду, думая о Поливанове, судьба которого странным образом напоминает судьбы двух других замечательных русских людей — Хлебникова и Лобачевского. Как и Хлебников, Поливанов с грудой неизданных рукописей бродил по стране, как и Лобачевский, он погиб, не дождавшись признания.

Днем здесь жарко, ночью прохладно. Легкой походкой проходят девушки в платьях из хан-атласа, старики в халатах с белыми чалмами плетутся верхом на маленьких лопоухих осликах. На базарах фантастически огромные груды арбузов и дынь. Необычное ощущается здесь на каждом шагу, может быть, потому что в этом городе за трехтысячелетнее его существование произошло много необычного.

Думая о странном человеке без руки, очень вежливом, сдвигавшем целые миры лингвистических понятий, понимавшем язык как общение, как поэзию, как тайну природы, я бродил по Самарканду. Теперь к его чудесам прибавилось еще одно — Поливанов» [3].

Глава 2

ТАЙНА ОСТАЕТСЯ ТАЙНОЙ

> Настала полутьма, и молнии бороздили черное небо. Из него вдруг брызнуло огнем, и крик кентуриона: „Снимай цепь!" — утонул в грохоте. Счастливые солдаты кинулись бежать с холма, надевая шлемы. Тьма закрыла Ершалаим.
>
> Ливень хлынул внезапно... Прошло несколько минут, и на вершине холма остались только... два тела и три пустых столба. Вода била и поворачивала эти тела.
>
> Ни Левия, ни тела Иешуа на верху холма в это время уже не было.
>
> М. БУЛГАКОВ
> *«Мастер и Маргарита»*

Сейчас, в конце 20-го века мы только начинаем по-настоящему осознавать истинные масштабы войны, которую вел сталинский режим со своим народом, истинные масштабы невос-

полнимых потерь, число жертв сталинских репрессий. А многое нам еще предстоит узнать — то, от чего не раз содрогнется сердце, что откажется понимать разум...

По официальным сведениям (помните, я познакомил вас со справкой Военной коллегии Верховного суда СССР об аресте и казни Е. Д. Поливанова), Евгений Дмитриевич Поливанов был расстрелян 25 января 1938 года. Сейчас, преимущественно благодаря напряженному труду все того же неутомимого подвижника Ф. Д. Ашнина, удалось уже найти протоколы допросов, установить состав суда, точный приговор Поливанову... Подтверждена дата расстрела, а смерть свою мученическую Поливанов принял в Москве! Однако никакой информацией о месте захоронения Евгения Дмитриевича, увы, не располагаем. К сожалению, таков удел МИЛЛИОНОВ людей, которых увез в свое время «черный ворон», превратившийся в «бумаги ворох да безымянные кресты».

Как точно и горько написал в стихотворении «Черный ворон» современный советский поэт Андрей Дементьев:

Старели женщины до срока,
Когда в ночи
Он отъезжал от темных окон
И угрожал — «молчи...»

И мы молчали, друзей стыдились,
Хотя не знали их вины.
А где-то стреляные гильзы
Им счет вели.

О, черный ворон, черный ворон,
Ты был внезапен, как испуг.
И просыпался целый город
На каждый стук.

Не видя слез, забыв про жалость,
Свой суд творя,
Ты уезжал, но оставалась,
Но оставалась тень твоя...

О, черный ворон, черный ворон,
Будь проклят ты.
Сейчас ты лишь бумаги ворох
Да безымянные кресты.

Да память горькая, да слезы,
Да имена друзей.
Проехали твои колеса
По сердцу Родины моей [1].

Сталинский аппарат репрессий не только физически уничтожал людей, но и старался стереть всякую память о них, — вплоть до даты гибели, места захоронения, до уничтожения их научного, литературного, иного творческого наследия, до запрета на цитирование и упоминание и т. д.

Вокруг имен известных людей — ученых, писателей, поэтов, артистов, музыкантов, художников, военных, — которые были арестованы, а затем уничтожены, возникали разнообразные слухи, суть которых сводилась к тому, что люди эти живы... То ли кто-то их видел в далеком лагере на лесоповале, на знаменитой Челябинской пересылке, в ссылке на Енисее или под Архангельском, то ли кто-то кому-то рассказывал, что видел, слышал и т. д. и т. п. Сейчас благодаря работам историков, архивистов, публицистов, журналистов, активистов «Мемориала» мы знаем, что подобные слухи отнюдь не были редкостью. Так, продолжают ходить лагерные легенды о смерти Осипа Эмильевича Мандельштама, о чем упомянули в своих публикациях несколько авторов, биографов Мандельштама. Воспользуемся наиболее коротким отрывком — из очерка «Заложник вечности. (Случай Мандельштама)» Бенедикта Сарнова:

«Через четыре года после первого ареста, 2 мая 1938 года, Мандельштам был арестован вторично. В июне 1940-го жене поэта вручили свидетельство о смерти мужа. Согласно этому свидетельству, он умер в лагере 27 декабря 1938 года от паралича сердца. Помимо этой, официальной версии, существует множество других. Кто-то рассказывал, что видел Мандельштама весной 1940-го в партии заключенных, отправлявшейся на Колыму. На вид ему было лет 70, и производил он впечатление душевнобольного. По этой версии умер он на судне по дороге на Колыму, и тело его было брошено в океан. По другой версии — Мандельштам в лагере у костра читал Петрарку и был убит уголовниками. Но это все легенды. Подлинные обстоятельства гибели поэта неизвестны» [2].

Примерно то же случилось и с памятью прекрасного советского писателя и журналиста Михаила Ефимовича Кольцова. Его брат — народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР Борис Ефимович Ефимов — опубликовал воспоминания о Михаиле Кольцове. Вышли они и отдельной книжкой в «Библиотеке „Огонька“». Бор. Ефимов вспоминает, что, как стало понятно лишь в 1954 году, небезызвестный председатель Военной коллегии Верховного суда В. В. Ульрих жестоко лгал ему в феврале 1940 года о судьбе брата. В. В. Ульрих, принявший Бор. Ефимова после того, как художник обратился с телеграммой на имя Сталина с просьбой разрешить участие защиты в деле Кольцова, арестованного в середине декабря 1938 года, говорил о том, что Кольцов, по его мнению, находится в новых лагерях за Уралом и что через какое-то время Ефимов конечно же может ходатайствовать о пересмотре дела брата... Это была садистская ложь и утончен-

ное издевательство новоявленного сталинского опричника в генеральских погонах. Ульрих прекрасно знал, что в момент его беседы с Бор. Ефимовым Михаил Ефимович Кольцов, получивший все те же «десять лет заключения в дальних лагерях без права переписки», уже был м е р т в... Кольцова расстреляли еще в 1939 году (по другим, более верным данным — 2 февраля 1940 года). И узнал об этом Бор. Ефимов лишь в 1954 году после отмены приговора Военной коллегии по делу М. Е. Кольцова и после встречи с генерал-лейтенантом юстиции А. А. Чепцовым, показавшем художнику следственное дело брата в двух огромных папках (под ордером на арест стояла подпись Берия...).

Бор. Ефимов приводит в своих воспоминаниях случаи свидетельств людей, «наяву» видевших Михаила Кольцова после 1939 года: художника Михаила Храпковского, сотрудника «Крокодила», тоже в свое время осужденного, но затем вышедшего на свободу — рассказ о встрече с Кольцовым (которого Храпковский прекрасно знал) в 1942 году на Саратовской пересылке, когда Кольцова якобы переправили в Москву; рассказ железнодорожника П. Голубкова, служившего ранее курьером в «Огоньке», о том, что он видел Кольцова возле вагона-типографии на Воркутинской железнодорожной ветке; рассказ о совершенно фантастических встречах со «старшим лейтенантом Кольцовым», автором «Испанского дневника» в Куйбышеве в 1944 году и другие легенды...

Бор. Ефимов на одной из страниц своих мемуаров вскользь замечает: «...Во мне не иссякал тоненький ручеек надежды, которую питали систематически доходившие до меня слухи о брате. Не знаю, где и из каких источников они рождались, но их настойчивость, разнообразие и внешнее правдоподобие заставляли меня, вероятно, в силу какой-то внутренней психологической потребности им верить. Существует предположение, что соответствующими органами был придуман, запущен и безотказно действовал многие годы механизм целенаправленных слухов. До родных и друзей время от времени доходили известия: лишенный прав переписки жив и здоров, находится там-то и даже — со счастливой оказией — передает своим близким горячий привет. Может быть, это и не соответствует действительности, но мы верили...» [3]

Нечто похожее, видимо, произошло и с Поливановым, хотя я тоже не берусь утверждать (пока не знаю!), существовало или нет в структуре НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ специальное подразделение, занятое «изготовлением» таких легенд и слухов. Предлагаю вам познакомиться с отрывком из записок В. Ларцева «Возвращаясь к „незабываемым встречам“...», опубликованных им в десяти номерах самаркандской областной газеты «Ленинский путь». Материал интересен еще и тем, что автор не успел его включить (смог только упомянуть) в книгу «Евгений

Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности».

В отрывке, который вы сейчас прочитаете, речь идет, в первую очередь, о письмах, хранящихся в архиве известного исследователя творческого наследия Е. Д. Поливанова московского профессора Алексея Алексеевича Леонтьева. Письма попали к А. А. Леонтьеву благодаря журналисту В. А. Бочину из города Нукус. Они адресованы не самому Бочину, а Михаилу Сергеевичу Кардашеву, собиравшемуся писать воспоминания о Поливанове и чрезвычайно интересовавшемуся его жизнью и деятельностью. После смерти Кардашева Бочин переслал эти материалы профессору Леонтьеву (впрочем, А. А. Леонтьев и М. С. Кардашев были знакомы, поддерживали дружественные отношения). Отправитель писем — журналист из Риги Леонид Георгиевич Симанович — рассказывает о том, что Поливанова не расстреляли, а отправили на двадцать лет в лагеря, и в итоге следы теряются где-то под Архангельском. Из писем видно, что Симанович многого не договаривает (обратите внимание: он упоминает о своем близком знакомстве с женой Поливанова Бригиттой и называет даже имя ее сестры Аврелии...). В. А. Бочин в своем письме А. А. Леонтьеву делает в отношении Л. Г. Симановича следующее примечание: «Несколько слов о Симановиче. Я знал немного этого высоко интеллигентного старика, когда он работал на радио. Встречались в журналистских компаниях, но никогда он не говорил о себе и о Поливанове. Был ли он заключенным или состоял в лагерной администрации? Скорее последнее. Знаю только одно, что Симанович окончил Петербургский университет и, видимо, знал Поливанова еще в студенческие годы. Потом Симанович переехал на родину своей жены и следы его затерялись» [4].

Отрывок из этих записок В. Ларцева интересен и другими фактами, помимо легендарных сведений о гибели Поливанова под Архангельском (что это: мистификация? полуправда?— пока мы не знаем ответа...). Вы найдете отзыв о Поливанове со стороны Троцкого (кстати, у Евгения Дмитриевича были среди прочих литературных работ и стихи, посвященные Троцкому; нам читал их по памяти Вячеслав Всеволодович Иванов в своей московской квартире), интересные рассуждения В. Ларцева о допустимости того факта, что Сталину была знакома фамилия Поливанова...

* * *

«...Кардашеву Михаилу Сергеевичу.

„Уважаемый товарищ! С 1948 по 1955 год я проживал в Нукусе, работая редактором Каракалпакского Комитета радиоинформации. Я вас хорошо помню, а вы, возможно, меня уже забыли.

Один мой верный друг, оставшийся в Нукусе, иногда высылает мне местные газеты, а я ему — наши рижские. Так вот, в очередной его посылочке я обнаружил в газете „Советская Каракалпакия“ ваш очерковый рассказ „Человек, гражданин, ученый“, напечатанный 1/XII—1964 г. (помета Кардашева: „24 ноября“).

В этом очерке идет речь о выдающемся нашем лингвисте Е. Д. Поливанове. Не скрою от вас, что этот очерк очень взволновал меня, вспомнилось далекое прошлое. Между прочим, я близко знал жену Поливанова Бригитту, которая в мрачную эпоху культа личности Сталина также была водворена в лагерь каторжных работ. В частности, в предисловии вы пишете, что Е. Д. Поливанов пострадал в эти злопамятные времена (1937—1938 гг.). Прошу вас ответить, вернулся он живым из лагерей смерти или там погиб, в каком году именно и в каких лагерях?

Сохранила ли свою жизнь его жена Бригитта, и если жива, то где сейчас находится она и ее сестра Аврелия?

После того, как получу от вас ответ, то напишу подробное письмо, из которого вы узнаете, почему меня интересует судьба профессора Поливанова и его близких родных. Это не простое мое любопытство. Возможно, что те сведения, которые я впоследствии сообщу, будут полезны и важны также и для вас.

Крепко жму вашу руку.

Л. Симанович.

15/XII—1964 г.»

(Оригинал хранится в архиве А. А. Леонтьева.)

«Добрый день, уважаемый Михаил Сергеевич!

Ваше письмо, отправленное из Нукуса 13/I—65 г., прибыло в г. Ригу через неделю. Но я сумел прочесть его только 25-го января, ибо только к этому времени вернулся домой из поездки в Одессу, где проживает моя единственная племянница. Спешу вам ответить, сообщить все, что я доподлинно знаю о Евгении Дмитриевиче Поливанове и его жене Бригитте, которая одновременно являлась активным помощником в его поистине изумительной научной работе.

Когда я прочел в газете „Советская Каракалпакия“ ваш очерковый рассказ о Поливанове, я, конечно, обратил внимание на то, что в рассказе обойдена молчанием борьба Поливанова с академиком Марром и его приверженцами. Но Марр тогда был в почете и доверии... И это обстоятельство закончилось трагической гибелью Евгения Дмитриевича. Правда, несколько лет спустя это не помешало „гению человечества“ Сталину выступить с резкой критикой Марровской школы языкознания. Вы, конечно, помните этот поворот на 180 градусов.

Теперь перейду к краткому изложению того, что вас больше всего интересует и, по всей вероятности, не раз тревожило и волновало. Тов. Поливанов не был расстрелян в г. Фрунзе в

январе 1938 г., как вы об этом пишете. В последний момент нелепое и зловещее обвинение в шпионаже было ему заменено обвинением в контрреволюционной агитации и подготовке террористических актов. Срок заключения в лагерях на 20 лет определяла ему мрачная Тройка никому неизвестных судей, заседавших тогда в Ташкенте... Так вот, после переквалификации „преступления" Поливанова он пробыл в застенках НКВД до конца 1938 года, а в начале января 1939 года был отправлен под г. Архангельск.

Всех заключенных, направленных в этот лагерь, выгружали из товарных вагонов на ст. Плесецкая, в трех километрах отсюда был расположен своеобразный перевалочно-распределительный пункт. Там сортировали несчастных по статьям да по внешнему физическому виду, затем гнали дальше в тайгу, в глубинные лагпункты.

Почти весь эшелон, в котором находился Поливанов, был угнан конвойными на дальний лагпункт „Березняки", откуда редко кто выходил живым. Но так как у Евгения Дмитриевича не было запястья на левой руке, то он был признан негодным к лесоповалу и направлен на 2-й ОЛП.

...Вы сможете догадаться сами, каким образом мне довелось быть в курсе этих печальных событий.

Крепко жму вашу благородную руку. Пишите.

Глубоко уважающий вас Л. Симанович. Чл. Союза журналистов СССР.

г. Рига 25/1—1965 г.»

(Оригинал хранится в архиве А. А. Леонтьева.)

Мы видим, что и с Е. Д. Поливановым применен испытанный прием: сначала приговаривается к высшей мере наказания, затем идет «смягчение» — высшую меру заменяют двадцатилетним заключением, где он и умирает от истощения.

Помните, точно такая же история произошла и с Н. И. Вавиловым. 9 июля 1941 года он был приговорен к расстрелу, а в 1942 году этот приговор заменили на двадцатилетнее заточение. От Н. И. Вавилова ждали «признания» (тоже известный и испытанный прием), а раз этого не было — издевались, как хотели. А в конце — «умер от истощения» 25 января 1943 года.

Можно предположить, что и Н. И. Вавилова и Е. Д. Поливанова унесла насильственная смерть. Место захоронения ни у того, ни у другого неизвестно.

Слышал ли когда-нибудь И. В. Сталин о Е. Д. Поливанове? Думается, что да. Ведь у И. В. Сталина была, по общему признанию, феноменальная память на все и на всех.

А ведь в первые дни революции Е. Д. Поливанов участвовал в нашумевшем тогда деле — в разыскании, переводе, расшифровке и публикации тайных договоров царского правительства. Это было важным государственным делом, за которым очень внимательно следил В. И. Ленин, больше того, эта работа про-

водилась по прямому заданию В. И. Ленина Е. Д. Поливановым вместе с И. А. Залкиндом и Н. Маркиным.

А вот выдержка из материалов, не вошедших в «Воспоминания о Е. Д. Поливанове (1891—1940)» М. С. Кардашева, опубликованная в «Вестнике Каракалпакского филиала АН УзССР», 1966, № 1: «Это о нем тогдашний наркоминдел Троцкий написал в некой статейке: „Партия дала мне в помощники приват-доцента Поливанова, человека с одной рукой, да и той нечистой". Неприкрытая злость хлесткой фразы объясняется просто. Ведь именно когда Троцкий был в Бресте, Поливанов с помощью матроса Маркина в секретном сейфе нашел и опубликовал тайные договоры Антанты. Это была колоссальная сенсация, документально подтвердившая гнусную подоплеку первой мировой войны. Непомерное честолюбие Троцкого немедленно вздыбилось: как это без него, наркома, посмели опубликовать такое? Слава мимо носа проехала. Отсюда и злость. И отсюда, как потом выяснилось, обвинение Поливанова в совершенно мифической растрате. Хоть эдак лягнуть! Но ложь быстро рассыпалась. И Троцкий вторично осрамился. Сам же Поливанов часто с удовольствием цитировал злобную фразу Троцкого: „Ругань врага — комплимент!"» (рук., с. 3—4).

(Из архива А. А. Леонтьева.)

Трудно поверить в то, что И. В. Сталин не знал Е. Д. Поливанова, который с первых дней Советской власти до середины 1918 года был заместителем наркома иностранных дел, а затем работал в Германии и был председателем советской делегации по перемирию в Петрограде, организатором китайской коммунистической секции (1919 г.), заместителем начальника Дальневосточного отдела Коминтерна и т. д.

Неужели позднее, на рубеже 20—30-х годов, И. В. Сталин не знал об „аракчеевском режиме", который сложился в языкознании? Понятно, на его плечах тогда лежали куда более ответственные проблемы, чем борьба в языкознании. Но он не мог (по-видимому.— *М. Г.*) пройти мимо публикаций в „Вечерней Москве", ибо пересматривал все, был в курсе всех событий. Зачем же, в таком случае, надо было свое выступление по вопросам языкознания откладывать на 20 лет?

Но и через 20 лет ни И. В. Сталин в своей работе „Марксизм и вопросы языкознания", ни хотя бы один из языковедов не вспомнили Е. Д. Поливанова. Почему? Потому что не хотелось вспоминать его яркую борьбу против „нового учения о языке", его знаменитый доклад 4 февраля 1929 года, с главными положениями которого перекликается работа И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания"? Или потому, что он оказался „шпионом", „врагом народа", давно погиб, и „отцу всех народов" неудобно его воскрешать?

Ведь упомяни И. В. Сталин имя Е. Д. Поливанова в своей работе 1950 года, и мы бы не лишились многих и многих его работ, исчезнувших бесследно» [5].

Глава 3
ТОТ САМЫЙ ЧИКОБАВА

Над статьей Чикобавы Сталин сам задумался, пораженный никогда не приходившей ему мыслью: если язык — надстройка, почему он не меняется с каждой эпохой? Если он не надстройка, так что он? Базис? Способ производства?

Собственно, так: способ производства состоит из производительных сил и производственных отношений. Назвать язык отношением — пожалуй что нельзя. Значит, язык — производительная сила? Но производительные силы есть: орудия производства, средства производства и люди. Но хотя люди говорят языком, все же язык — не люди. Черт его знает, тупик какой-то.

Честнее всего было бы признать, что язык — это орудие производства, ну, как станки, как железные дороги, как почта. Тоже ведь — связь.

Но если прямым тезисом так и дать, что язык — это орудие производства, начнется хихиканье. Не у нас, конечно.

И посоветоваться не с кем: один он на свете — настоящий философ. Жил бы хоть кто-нибудь еще вроде Канта, что ли, или Спинозы, уж пусть буржуазный... Берии позвонить? Так ни черта он не понимает.

А. СОЛЖЕНИЦЫН
«В круге первом»

В этой книге уже много раз говорилось об академике Арнольде Степановиче Чикобаве — собственно с рассказа о нем, о его встрече со Сталиным на даче и начинается самая первая глава. Один из моих студентов, с недавних пор (и к некоторому моему удивлению!) заинтересовавшийся сложной историей советского языкознания (причем отнюдь не для «зачетной книжки»), как-то спросил: «Почему в учебном пособии для филологических специальностей университетов и педагогических институтов „История лингвистических учений“, автором которого является Ф. М. Березин, академик А. С. Чикобава никак не упоминается?» Честно говоря, поначалу не очень в это поверилось. Однако, действительно, в учебнике [1], в разделе «Указатель имен», где Абаев В. И. упоминается трижды, Бубрих Д. В. — дважды, Жирмунский В. М. — трижды, Кацнельсон С. Д. — пять раз, Н. Я. Марру вообще посвящен целый

параграф и т. д., А. С. Чикобава не упоминается, — как будто его в языкознании и не было вовсе.

Разумеется, нашлось, что ответить дотошному ученику, уже было задумавшемуся о возможных симпатиях или антипатиях автора пособия, показав ему только что вышедший тогда из печати томик «История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия», выпущенный вторым изданием «Высшей школой» (составитель — Ф. М. Березин) [2]. В седьмом разделе книги (новом для второго издания) фигурирует отрывок из учебника А. С. Чикобавы «Введение в языкознание»... Но и тут студент не успокоился: «Мне известна роль Чикобавы в низвержении марризма, причем именно роль научного оппонента. Вот в этой же хрестоматии Березина, смотрите, приведен отрывок из работы Ф. П. Филина „К проблеме социальной обусловленности языка“, во многом снимающей критику „нового учения о языке“. Отрывков же из работ оппонентов „нового учения“ — в частности, А. С. Чикобавы, — нет... Почему? И почему, кстати, не опубликован тот самый доклад, который Чикобава направил Сталину?»

Пришлось уточнить, что любая хрестоматия — особый жанр научно-методического издания. К тому же у нее есть составитель, действительно обладающий собственной концепцией, есть редактор, руководство издательства и т. д. Что же касается доклада А. С. Чикобавы, то это дело можно поправить. В двенадцатом томе «Ежегодника иберийско-кавказского языкознания» за 1985 год доклад опубликован как составная часть мемуаров А. С. Чикобавы «Когда и как это было». Думается, вполне уместно привести его в качестве отдельной главы нашей книги.

Несколько замечаний по этому материалу. А. С. Чикобава отмечает, что он был написан в 1949 году по предложению первого секретаря ЦК Компартии Грузии К. Н. Чарквиани. Помечен доклад конкретным числом — 21 апреля 1949 года — и озаглавлен следующим образом: «Стадиальная классификация языков акад. Н. Марра». Все выделения (шрифтом, разрядкой) повторяют те, что сделаны самим А. С. Чикобавой. Следует сделать и одну оговорку: из-за ограниченности объема нашей книги доклад А. С. Чикобавы (как, впрочем, и большинство материалов второй части издания) публикуется с некоторыми сокращениями.

* * *

«Ядро яфетической теории акад. Н. Я. Марра составляет палеонтологический метод; с этим методом внутренне связаны два теоретических положения: 1) об единстве глоттогонического (языкотворческого) процесса и 2) о стадиальном (ступенчатом) развитии языков (стадиальная классификация языков).

Эти-то положения и объявляются основным приобретением яфетической теории как нового учения о языке, опрокидывающим расистские принципы буржуазной лингвистики.

Так ли это? Ответить на этот вопрос можно будет, выяснив: На чем основано учение о стадиях языка? Что оно утверждает? К чему ведет?

Начнем с узлового момента — с палеонтологического метода. Палеонтология языка изучает древнейшие состояния человеческой речи. В яфетической теории акад. Н. Марра методом палеонтологии служит анализ по элементам (т. н. четырехэлементный анализ).

Формула этого анализа гласит: *Все слова всех языков земного шара состоят из четырех элементов* (Сал, Бер, Йон, Рош). „В лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх всех тех же четырех элементов". „Без разложения слова на наличное в нем количество элементов нельзя сравнивать, без такого анализа сравнительный метод недействителен" (Чикобава цитирует работу Марра 1928 года. — *М. Г.*).

Анализ по элементам — это „техника нового учения о языке". Она не исключает сравнения; напротив, это и есть новая техника сравнения, — сравнения по элементам. Что можно сравнивать? Любые слова любых языков: грузинское слово можно сравнивать с китайским так же, как и с латинским, с арабским — так же, как и с чувашским, с турецким так же свободно, как и с баскским... Стоит только высмотреть, какой элемент „лежит" в основе слова. Так, напр., акад. Н. Марр и сравнивает: грузин. цкали „вода", арм. джур „вода", турец. су „вода", китайское шуй „вода"; все они восходят к элементу Сал... С помощью элементов „сравниваются" друг с другом рус. из-рек-ать, сван. ракв „сказал", арм. дзайн „голос", груз. эна „язык", англ. tongue „язык", лазское чанапа „звать". Благодаря элементному анализу акад. Н. Марр утверждает, что „Яфет", „Карапет", „Прометей" лингвистически одно и то же. Путем того же элементного анализа акад. Н. Марр „устанавливает", что культура — турецкое слово... (*Примечание А. С. Чикобавы.* С помощью элементного же анализа — новой техники сравнения — акад. Н. Марр утверждал, что: „турецкий язык связан с мидийским, эламским, шумерским, халдским, хеттским"., турецкий язык имеет „значимость в мировой установке языкознания"; родство грузинского языка с турецким „бесспорное в основе положение"...)

Таков метод анализа по элементам нового учения о языке, яфетической теории акад. Н. Марра.

Допустим на мгновение, что это так и есть: допустим, что все слова всех языков земного шара восходят к четырем элементам (Сал, Бер, Йон, Рош).

Что вытекает из этого? К чему ведет утверждение об изначальности четырех элементов?

Раз все языки идут от одних и тех же (четырех) элементов, у всех языков общее происхождение: следовательно, нет и не может быть языков, различных по исходному языковому материалу, различных по исходному корнеслову (выходит, что — говоря техническим языком — все языки одного корня).

Итак, элементы — этот общий исходный материал — по Н. Марру — обусловили единство происхождения и в дальнейшем — единство языкотворческого (глоттогонического) процесса: единство, а не единообразие процесса (без общего исходного материала — при наличии общих факторов развития — мы имели бы единообразие, а не единство языкотворческого процесса). Единое начало речи человеческой, единый процесс языкотворчества — диктуется единством исходного материала (четырех элементов).

Но разные-то языки ведь налицо: разные — по словарному составу, разные — по строению слова, разные — по строю предложения, более или менее разные по звуковому составу: факт буквально общеизвестный.

Откуда эта разница пошла? Раз изначальный материал у всех языков общий, раз процесс языкотворчества единый, как возникли разные языки? Чем обусловлено различие языков? Ответ Н. Марра гласит: разные языки олицетворяют разные ступени развития: различие языков обусловлено местом, которое принадлежит тем или иным языкам (группы языков, семьи языков) в едином процессе языкотворчества (глоттогонии).

Крупные отрезки единого языкотворческого процесса Н. Марр именовал стадиями развития. В пределах одной стадии может уместиться несколько языковых систем (т. е. языковых семей).

Чем обусловлены разные стадии? Они выражают „сдвиги в языке и мышлении", обусловленные „сдвигами в технике производства" — таков общий ответ.

(*Примечание автора книги.* Трудно удержаться, чтобы не привести хотя бы один пример, — пусть и не самый показательный, — из работ Т. Д. Лысенко, создавшего «теорию» стадийного развития растений. Заметим попутно, что первой стадией в начале жизни растения Лысенко определил стадию яровизации; ее сменяет вторая стадия — световая. Последователи Т. Д. Лысенко называли эту теорию «общебиологической». Вот небольшой отрывок из рассуждений самого Трофима Денисовича:

«Развитие растений состоит из отдельных разнокачественных этапов, стадий развития. Для прохождения разных стадий развития растений и требуются разные внешние условия (разное питание, освещение, температура и пр.). Стадии являются определенными, необходимыми (разрядка Т. Д. Лысенко. — *М. Г.*) этапами в развитии растения, на базе которых и происходит развитие всех частных форм — органов и признаков растения. Лишь на определенных стадиях могут развиваться те

или иные органы и признаки. На базе данной стадии могут образоваться различные, но далеко не всякие известные нам у данного растения органы и признаки...» — *М. Г.* [3].)

Каковы должны быть эти „сдвиги в языке", чтобы можно было говорить о новой стадии? Иными словами: по каким признакам выделяется „стадия языка"? Неизвестно: ответа на этот вопрос не найти ни у Н. Марра, ни у его последователей. (Здесь А. С. Чикобава делает ссылку на работу И. И. Мещанинова 1935 года: «Вопрос о стадиях и системах (под системой понимается языковая семья. — *М. Г.*) был выдвинут на основе общих построений без конкретного распределения языков по вновь предлагаемому принципу. Число стадий не уточнено, также не выявлены отличительные стадиальные признаки, системы же вовсе не проработаны в деталях отдельных языковых группировок...»)

Сколько лингвистических стадий имеется в наличных языках? Точно не известно. Ориентировочно Н. Марр распределяет по стадиям развития в виде следующей схемы:

I. Языки... первичного периода: 1. Китайский, 2. Языки средне- и дальнеафриканские.

II. Языки... вторичного периода: 1. Угро-финские, 2. Турецкие, 3. Монгольские.

III. Языки третичного... периода: 1. Яфетические языки, 2. Хамитические языки (ближне- и дальнеафриканские).

IV. Языки... четвертичного периода: 1. Семитические языки (араб., евр.)... 2. Индоевропейские языки (классические письменные: индийский, греческий, латинский)...

В этой схеме языки расположены в четыре хронологических яруса сообразно с тем — „когда они возникли", „какую ступень развития представляют".

Как видно из схемы, китайским языком начинается развитие, индоевропейскими же языками стадиальное развитие замыкается. Какое же место занимают наши языки, иберийско-кавказские языки (яфетические языки — по терминологии Н. Марра)? Наши языки в схеме Н. Марра стоят ступенью ниже, чем индоевропейские языки, — они отнесены к третичному периоду, — они предшествуют индоевропейским языкам: индоевропейские языки не что иное, как последующая ступень, яфетические языки — предшествующая ступень.

Н. Марр пишет: „Индоевропейские языки представляют собою лишь новую формацию тех же яфетических языков"...

Как возникла эта новая формация? Н. Марр говорит: „Индоевропейские языки... порождение особой степени скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, по-видимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве"...

Итак, факт установлен; объяснение тоже дано: развитие металлургии — это в базисе; трансформация яфетических языков в индоевропейские — это в надстройке; „сдвиги в технике про-

изводства" — „новая ступень в развитии языков!" Словом, подлинный марксизм, научно обоснованное положение!

Странно только одно: творцами металлургии являлись наши народы (яфетиды); это общеизвестно (сам Н. Марр раньше не раз это подчеркивал). Металлургия развивалась у яфетических народов; это вызвало развитие соответствующих языков, а в результате этого народились... индоевропейские языки. А сами-то яфетические языки? Они застряли на третичном периоде, то есть сидят на той же ступени развития, на какой и обретались до развития металлургии.

Как мыслимо такое положение? Определенного ответа на это у акад. Марра не найти (вообще, неясность и служит надежным панцирем яфетической теории). (А. С. Чикобава в этом месте доклада делает примечание: «Вместе не могут существовать новоразвившийся язык и язык, из которого он развился; между прочим, и этим отличается язык от живого организма (здесь могут сосуществовать два поколения, отец и сын, а то и все четыре поколения — от прадедушки до правнука)».— *М. Г.*)

Судя по отдельным высказываниям Н. Марра, картина развития представлялась ему примерно так: язык — „родитель" застревает на своей ступени (стадии), „рожденный же язык" двигается дальше.

Вот как высказывается Н. Марр: „Языки всего мира представляют продукты одного глоттогонического процесса, в зависимости от времени возникновения принадлежа к той или иной системе, сменявшей одна другую, причем языки смененных систем отличают народы, отпавшие от общего мирового движения — независимо от того, вовлечены ли они снова мировым хозяйством и мировой общественностью в круговорот мировой жизни — прошли новый исторический путь своего высокого культурного развития с языком оторванной от общего развития системы или с языком отжившей системы — или те и другие народы застряли и хозяйством и общественностью целиком на соответственных ступенях развития человечества"...

Смысл этой фразы сводится вот к чему: в процессе единого языкотворчества одни системы (группы, семьи и языков) сменяются другими; смененные системы — это отжившие системы; такие отжившие языки характерны для народов, „отпавших от общего мирового движения".

Такие языки (т. е. смененные языки) застревают на определенной стадии: дальше уж им не двинуться, даже если говорящие на таких языках народы снова будут „вовлечены в круговорот мировой жизни — мировым хозяйством и мировой общественностью": придется довольствоваться языком отжившей системы, придется с таким языком проходить „новый исторический путь высокого культурного развития".

Это, конечно, в лучшем случае, в худшем же случае можно

«застрять» не только языком, но и хозяйством и общественностью на определенной «ступени развития человечества».

Словом: выключение из „мирового движения" прерывает развитие языка, включение же обратно в это злополучное мировое движение не возобновляет развития.

Стало быть, приговор „смененным языкам", языкам, отпавшим от мирового движения, — окончательный: языки закреплены на определенных ступенях развития единого глоттогонического процесса, — история указала им пределы, иже не прейдеши.

Такими отпавшими от „мирового движения" смененными языками и заполнены первый, второй и третий периоды стадиальной схемы Н. Марра. Только таким застыванием на определенных стадиях и можно объяснить, что теперь налицо и китайский язык (язык первого периода) и индоевропейский языки (языки четвертичного периода): языки всех четырех стадий существуют рядом друг с другом.

Какова участь наших языков по стадиальной схеме Н. Марра? Яфетиды — эти творцы металлургии, участвуя в процессе „мирового движения", застряли на третичном периоде, не дотянув до „четвертичного"; „четвертичный" период — самая поздняя по времени возникновения и самая высшая по ступени развития стадия — оказалась уделом семитических (араб., евр.) и индоевропейских языков.

Яфетические языки не достигли четвертичного периода, они — если верить яфетической теории Н. Марра — его никогда не достигнут: яфетические языки „смененная система", отпавшая от „мирового движения".

Стало быть, грузинский язык не дорос до латинского: застрял на более ранней ступени развития; ранняя ступень равнозначна низшей ступени — и к этой ступени он пригвожден согласно стадиальной схеме Н. Марра.

Таков приговор истории, если верить яфетической теории. Этот приговор, впрочем, вряд ли кого смутит: народов, выбывших из потока исторического развития и неспособных к развитию, материалистическая наука не знает; неизвестны и такие языки.

Яфетические языки (т. е. иберийско-кавказские языки) не какая-то мифическая стадия развития, к тому же еще застывшая в своем развитии в угоду надуманной схеме яфетической теории.

Яфетические языки — живые представители древней многочисленной группы языков, носители которых выступают в истории человечества создателями древней цивилизации Передней Азии, цивилизации, вскормившей греко-римскую древнюю цивилизацию и, следовательно, всю культуру Западной Европы.

Мертвые языки этой древней цивилизации — хеттские языки, хурийский, урартский (или халдский) не являются ни индоевропейскими, ни семитическими, ни урало-алтайскими (по мнению наиболее авторитетных специалистов данных языков).

Эти языки своеобразны; они генетически могут быть увязываемы лишь с такими же своеобразными живыми языками иберийско-кавказского круга (куда входит также и баскский язык). Перед нами самобытный мир хеттско-иберийского круга языков.

Так думал в одно время и Н. Марр. Так думают поныне многие авторитетные специалисты, притом не только наши советские ученые, но и зарубежные, которые общественно вряд ли заинтересованы в признании генетической связи между нашими языками и древними языками Передней Азии. ...К лицу ли советским ученым — вопреки очевидным фактам утверждать: нет, эти языки всего-навсего ступень развития, притом еще застывшая, отпавшая от общего процесса «мирового развития».

Акад. С. Джанашиа, говоря о том, что акад. Н. Марр много потрудился над изучением яфетических языков, замечает: «Впоследствии, однако, Н. Марр впал в заблуждение, признав яфетическими все языки на определенной древней ступени их развития»... Автор в том именно и видит заблуждение Н. Марра, что яфетические языки были объявлены стадией развития.

Судьба яфетических языков в стадиальной схеме Н. Марра показательна. Не в лучшем положении оказываются и другие языки (кроме индоевропейских и семитических языков, конечно).

Как решался вопрос об этих языках в «старой лингвистике»? В виду имеется сравнительно-историческая лингвистика, возникшая, как видно, из названия — в результате применения исторической точки зрения на язык.

Сравнительно-историческая лингвистика группирует языки по происхождению (по генеалогическому принципу), предполагая разный исходный языковой материал. Так, напр., название числа „три“ звучит по-латински tres („трес“), на древ.-индийском языке trayas („траяс“); у русского, латинского, индийского в данном случае общий исходный языковой материал. Так, напр., название числа „три“ звучит „сами“, на турецком—„уч“; груз. „сами“ нельзя свести ни к турецкому „уч“, ни к латинскому „трес“; это разные корни. Их нельзя сравнивать: грузинский язык не родствен ни с индоевропейскими языками, ни с турецким языком.

Родственные языки образуют группу — т. н. „семью языков“. Таковы, к примеру: хеттско-иберийская семья (с живыми иберийско-кавказскими языками), индоевропейская семья, семитическая семья, угро-финская семья.

Такова генеалогическая классификация языков по семьям (т. е. по происхождению, по исходному материалу).

В генеалогической классификации семьи языков располагаются, если можно так выразиться — „в плоскости горизонтальной", „рядом друг с другом" — имея самостоятельное происхождение, конкретную языковую индивидуальность и самостоятельные исторические пути развития (что, конечно, не исключает единообразия определенных моментов в развитии, обусловленного общими моментами в развитии общественно-экономической жизни народов; но это единообразие, а не единство, поскольку исходный материал различный).

Сравнительно-исторический метод призван осветить исторические пути развития языков в пределах отдельных семей и лишь затем заняться вопросом об историческом взаимоотношении различных семей, насколько то позволяют конкретные материалы.

Сравнительно-историческому языковедению лестную характеристику дал Энгельс (см. „Анти-Дюринг"...); сравнительно-исторический метод применялся Энгельсом в его лингвистических исследованиях (Маркс называл Энгельса специалистом сравнительного языкознания).

На точке зрения генеалогической классификации стоит Энгельс в своих работах („Анти-Дюринг", „Происхождение семьи, частной собственности и государства", исследования о германских диалектах). Отсюда, между прочим, видно, насколько несостоятельно утверждение Н. Марра, будто генеалогическая классификация является расистским понятием.

Яфетическая теория Н. Марра отбросила сравнительно-исторический метод: его заменил палеонтологический метод (анализ по элементам). Яфетическая теория Н. Марра отрицает различное по материалу происхождение языков. Генеалогическую классификацию заменила стадиальная классификация: горизонтальное расположение сменилось вертикальным — по месту, занимаемому в едином глоттогоническом процессе.

Сводя все языки к четырем элементам, Н. Марр обезличил языки, приравняв все богатство человеческой речи к производным мистическим четырем элементам.

Расположив же эти обезличенные языки по ступеням развития, утверждает исключительное превосходство индоевропейских (и семитических) языков: никакие языки не достигли той ступени, на которой оказались индоевропейские языки, — все другие застыли на более или менее ранних, архаических ступенях. (Здесь А. С. Чикобава делает следующее примечание: «Сравнительно-историческая лингвистика не отрицает наличия архаических черт в тех или иных языках, наличия более архаических или менее архаических языков, но это не ведет к дискриминации: архаичность баскского языка не влекла опасности, что он будет объявлен недорослем латинской речи: баскский и

латинский языки разного корня, разного происхождения. Кроме того, архаичность баскского языка вовсе не отнимает у него способности развиваться». — *М. Г.*)

И все это под видом борьбы с расизмом. Но до такого утверждения ведь ни один расист не доходил!

Основное зло яфетической теории Н. Марра — „учение об элементах", палеонтологический анализ по элементам. Мы видели, к чему он ведет. Откуда же он взялся? Как и где удалось все-таки доказать, что все языки идут от четырех элементов (Сал, Бер, Йон, Рош)? Нигде никто этого не доказывал: такое вообще недоказуемо. Более странно другое: у Н. Марра нигде и не дана попытка доказать основное свое положение; невероятно, но факт! (Эти элементы — названия племен — произвольно были подобраны Н. Марром: племенные названия, мол, самые древние слова!)

На докучливые вопросы — почему именно четыре элемента, Н. Марр давал фантастические разъяснения (вроде: четыре части света — четыре элемента!), договорившись наконец до того, что „некоторые вещи доказывать нет надобности, их можно показывать"...

Таким образом, недоказуемая теорема была объявлена аксиомой.

Вообразим, что вначале (т. е. много десятков тысяч лет назад) было четыре элемента. Отсюда образовалось несколько сот языков и по меньшей мере несколько тысяч корней. Можно ли теперь докопаться до этих корней, установить, какой элемент лежит в основе слова (по Н. Марру, „без этого сравнительный анализ недействителен")?

Искать такие изначальные элементы в словах современных языков — значит упразднить историю, породившую множество разнообразнейших языков, это значит низвести науку (о языке) до уровня знахарства.

Учение об элементах Н. Марра есть выражение чудовищного антиисторизма, это отказ от элементарных научных способов мышления.

Характерно, что турецкие расисты ухватились за принцип элементного анализа Н. Марра; только нашли более удобным все слова всех языков земного шара сводить не к четырем, а к одному элементу — турец. „г ю н" „солнце": таким нехитрым способом „было доказано", что все языки произошли от турецкого языка!

Каковы выводы?

1. Стадиальная классификация языков (учение о языках) Н. Марра тесно связана с палеонтологическим методом (анализ по элементам!) и с положением об единстве глоттогонического (языкотворческого) процесса яфетической теории.

2. Стадиальная классификация языков Н. Марра, вытека-

ющая из учения об элементах, научно несостоятельна, общественно неприемлема.

Вопреки голословным заявлениям Н. Марра стадиальная классификация не только не подрывает принципиальных основ лженаучного расизма, но с внутренней неизбежностью сама ведет к антимарксистским, антинаучным расистским утверждениям.

3. Только при незнакомстве с реальным положением вещей или же при полном отсутствии чувства ответственности можно утверждать, что палеонтологический анализ (по элементам), положения об едином глоттогоническом процессе и стадиальной классификации языков в яфетической теории Н. Марра являются д о с т и ж е н и я м и (разрядка А. С. Чикобавы.—*М. Г.*) советской материалистической лингвистики: эти „достижения" могут лишь дискредитировать материалистическую науку о языке,— советскую лингвистику.

4. Корень злоключений яфетической теории Н. Марра — чудовищный антиисторизм. Воплощение этого антиисторизма — анализ по элементам: он представляет собою основные моменты яфетической теории Н. Марра как в позитивной, так и в негативной части (критика буржуазной лингвистики).

От элементного анализа последователи Н. Марра отказались в 1940 году (фактически — сразу после смерти Марра.— *М. Г.*). Положения же, порожденные этим анализом, до сих пор преподносятся как достижения материалистического языкознания. (Здесь А. С. Чикобава делает следующее примечание: «Можно ли ставить вопрос о стадиальности языка независимо от палеонтологического анализа по элементам? Можно,— но лишь на основе истории языков. Стало быть, стадиальный анализ не может заменить исторического подхода, но должен базироваться на нем; стадиальной характеристикой нельзя подменить генеалогическую классификацию, она должна опираться на точные данные историко-сравнительной (генеалогической) классификации языков. А этого-то у яфетидологов *нет* (нет, в частности, у акад. И. И. Мещанинова, отказавшегося от элементного анализа Н. Марра, но не ставшего на позицию историзма».— *М. Г.*)

5. Это наблюдается не только в малоответственных выступлениях некоторых „лингвистов без языка" (напр., Г. П. Сердюченко в „Литературной газете").

Управление педагогическими вузами Министерства Высшей Школы обязывает подведомственные учреждения включать в программу по „Введению в языкознание" учение о стадиях, учение об единстве глоттогонического процесса Н. Марра в качестве необходимого учебного материала» [4].

Глава 4

БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ ЛИНГВИСТИКИ

Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить. Важно отдавать себе отчет в том, что его контроль над мыслью преследует цели не только запретительные, но и конструктивные. Не просто возбраняется выражать — даже допускать — определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать; создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуть ее в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений. Тоталитарное государство обязательно старается контролировать мысли и чувства своих подданных по меньшей мере столь же действенно, как контролирует их поступки.

Дж. ОРУЭЛЛ
«Литература и тоталитаризм»

Некоторым моим коллегам — журналистам, публицистам, историкам, обращающимся в своих статьях, книгах, очерках к разным периодам и фактам прошлого советской науки, их оппоненты, особенно старшие по возрасту, нередко предъявляют одну и ту же претензию: «Как вы можете об этом писать, ведь вы же тогда не жили, вы всего этого не видели, не прочувствовали!..» Единообразие подобного критического увещевания связано с несколькими причинами, чуть ли не главная из которых,— сходство возраста моих коллег и товарищей: все мы — из одного послесталинского поколения начала — середины 50-х годов...

К счастью, сейчас — не те времена на дворе, чтобы под любыми надуманными предлогами отнимать у молодого публициста право на свою точку зрения. Но, каемся, подобные разговоры и реплики в наш адрес всякий раз вызывают в памяти эпизод из третьей главы «Приключений Алисы в Стране Чудес»:

«Довольно-таки жалкий вид был у общества, собравшегося на берегу: мокрые перышки птиц так и топорщились, мокрый мех зверюшек так и прилипал, вода текла ручьями как с тех, так и с других, и все были сердитые и несчастные.

Первым делом, разумеется, надо было придумать, как скорее обсушиться; посыпались разные предложения, и не прошло и пяти минут, как Алиса разговорилась со всеми запросто, словно была с ними всю жизнь знакома. Она даже серьезно поспорила с Попугаем, который немедленно надулся и упорно повторял одно и то же:

— Я старше тебя, значит, я все лучше знаю!» [1]

Надеюсь, те читатели, что старше меня возрастом, обладают необходимым чувством юмора и должным образом отнесутся к шутке, если только не увидят в эпизоде себя... Что же касается нашего поколения, то мы, не познав, слава Богу, трагизма тридцатых и сороковых годов, вдосталь хлебнули отравы из застойных семидесятых (и не успели утереться от плевков еще в конце шестидесятых). Так что с в о й жизненный опыт у нас имеется — и такой, какого мы в самом плохом сне не пожелаем своим детям и внукам. Если же говорить о знании... Облик эпохи известен не только ее современникам (которые, кстати, нередко воспринимают события субъективно), но и тем, кому она открывается в многообразии архивных материалов. Да уж, воистину — «не вырубишь топором» то, что написано и напечатано: думается, не одному ученому очень хотелось бы избавиться от заключенных в типографские строчки жестоких свидетельств...

В седьмой главе (первой части) книги уже был упомянут один из этапов подготовки разгрома лингвистики марристами — открытое заседание ученого совета Института языка и мышления им. Н. Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, состоявшееся 22 октября 1948 года. В главе той напечатана и резолюция высокого собрания... Резолюция, которую составляли в основном докладчики — И. И. Мещанинов и Ф. П. Филин.

Тексты самих докладов Мещанинова и Филина ныне стали библиографической редкостью. Однако познакомиться с ними — хотя бы в отрывках — следует обязательно. Перед нами — объективные и точные свидетельства расстановки сил в советском языкознании к концу 40-х годов, а также часть научного наследия их авторов, отвергать которую бессмысленно. Знать же это нужно и полезно — во избежание повторения подобного: будущее советской науки должно быть свободным, демократичным и честным, без лысенковщины, марровщины и подобных им движений, без «белых одежд» и красных флажков загонщиков-псевдомарксистов, без наветов и политических ярлыков..

Казалось бы, все это — уже известно и стало достоянием широких масс наших сограждан благодаря начавшейся в стране демократизации. Но ведь не случайно Д. С. Лихачев, размышляя о культуре будущего (на страницах «Известий» в ноябре 1989 года), был вынужден напомнить читателям вполне очевидную истину:

«Мы слишком долго полагали, что в науке необходимо добиваться „единомыслия“, единых взглядов на решение проблемы, и стремились непременно увидеть в инакомыслящих ученых не то „врагов“, не то лжеученых» [2].

Думаю, что не забывать об этой горькой правде полезно как консерватором, так и радикалам. Увы, последние годы перестройки показывают, что именно радикалы зачастую лишают своих оппонентов права на «инакомыслие», а жесткие возгласы с пеной у рта на иных ультраперестроечных митингах слишком похожи на уже известный человечеству призыв толпы: «Распни его!» То же порой происходит и в науке, и все мы — не без греха (в том числе и сам автор книги...).

Да, 1948 год был годом тяжелым, сложным. Напряженность ситуации вызывалась еще и *ожиданием* (как и подготовкой) трагедий, удушающей атмосферой торжества беззакония, новыми массовыми репрессиями и кампаниями...

Любопытную характеристику 1948 году и обстановке в науке дал публицист Сергей Яковлев в несколько неожиданной публикации — рецензии на повесть Анатолия Стреляного «Стрельба влет». Повесть опубликована журналом «Дружба народов» в № 6 за 1988 год, а рецензия — «Новым миром» в № 11 за 1988 год. Вот что пишет Сергей Яковлев:

«Перелистаем вначале газетную подшивку. Заголовки: „О так называемых „планово-убыточных“ предприятиях“, „Когда в Новгороде наладится кооперативная торговля?“, „В интересах потребителей“, фельетон „Как бы чего не вышло“...

Из статьи о бюрократах: „Вырождающуюся породу представляют они. Она, эта порода, нет-нет да и заявит о своем существовании, заявит буржуазным индивидуализмом, чиновничьим произволом, барским рыком, великолепным барским жестом...“

И уж самая яркая примета времени — в выступлении президента АН СССР. „Наша задача теперь — возможно скорее и возможно эффективнее п е р е с т р о и т ь с я“» (разрядка наша.— *М. Г.*).

Все это было напечатано в 1948 году. Год окончательной победы лысенковщины. Год смерти А. А. Жданова (на снимке — Л. П. Берия в почетном карауле у гроба). Год, когда торжественно отмечалось десятилетие „Краткого курса истории ВКП(б)“. В каждой газете непременные здравицы в честь „вождя народов, родного и любимого Великого Сталина“. Тягостное время, запечатленное крикливыми, грубыми, серыми словами на пожелтевшей бумаге. Симбиоз безграмотности и лжи — разнузданной и, что самое мерзкое, агрессивной. Лжи, нагло выдающей себя за правду, за в с ю правду: „По уровню культуры советский народ не только догнал другие страны, кичившиеся своей цивилизацией, но и давно перегнал их...“ Призыв к перестройке принадлежал С. И. Вавилову, брату загуб-

ленного при участии Лысенко Н. И. Вавилова,— Сергей Иванович каялся в своих заблуждениях и перестраиваться предлагал в полном соответствии с „передовой мичуринской, действительно материалистической" теорией Лысенко.

Видимо, ключевое для нашей нынешней жизни слово попало в речь С. И. Вавилова почти случайно, но от его появления в газете того времени — мороз по коже» [3].

Отрывки из докладов И. И. Мещанинова и Ф. П. Филина воспроизводятся по тексту их публикаций в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VII, вып. 6, за 1948 год. Вы сами убедитесь воочию в том, насколько сложной и опасной была обстановка в языкознании, какими методами пользовались марристы, какие политические ярлыки лепили они на своих научных (!) оппонентов (иногда и покойных — например, Г. О. Винокура), к чему в итоге стремились; отметьте, кстати, и некоторые разногласия между Мещаниновым и Филиным. Я не считаю, что материалы главы нуждаются в каких-то дополнительных комментариях, ибо говорят сами за себя. Вслушайтесь: звучит голос 1948 года...

Но помните при этом о так называемом «законе спирали».

Отчасти именно его имел в виду Александр Николаевич Радищев, когда в одной из глав своего бессмертного «Путешествия из Петербурга в Москву» с сарказмом и горечью написал от имени встреченного в дороге новгородского семинариста, искавшего «случай для приобретения науки»: «...Вольность мыслей вдалася необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошед до краев возможности, вольномыслие возратится вспять. Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию...» [4].

А все тот же Сергей Яковлев, подчеркивая, что «со словами и сегодня, бывает, творится что-то странное», тоже с достаточной толикой горечи замечает:

«Все еще тянутся оттуда, из 1948-го и других лет, паутинные нити, иногда просто ощущаешь на себе их липкие путы. Знать бы, какими новыми открытиями порадуют нас самочинные толкователи слов, лавирующие между нуждой в обновлении закосневшего языка и заверстанными в сталинскую колоночку догмами. Может быть, демократизация — это когда границы на замке? А плюрализм начинается и кончается там, где один говорит „одобряем и поддерживаем", а другой, совсем напротив, „поддерживаем и одобряем"?..» [5]

Итак, пусть публикуемые материалы помогут вам точнее ощутить атмосферу в языкознании памятного 1948 года, а заодно и поразмышлять над возможными проблемами времен грядущих.

И. И. МЕЩАНИНОВ

О ПОЛОЖЕНИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

«В начале августа 1948 г. состоялась сессия Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, посвященная основной постановке вопроса о дальнейшем развитии биологической науки. Акад. Т. Д. Лысенко в детально разработанном докладе вскрыл создавшуюся сложность работы советских биологов, встретивших резкий отпор со стороны противников развивающегося в СССР мичуринского направления. Доклад акад. Лысенко вызвал широкую дискуссию.

Дискуссия на биологическом фронте, проведенная на заседаниях сессии с 31 июля по 7 августа, вскрыла недочеты научной работы не одних только биологов. Теоретические изыскания, непосредственно связанные у нас с интересами практики, выдвигают такие же вопросы в исследованиях ученых разных специальностей, а не одних только биологов. Всех нас объединяет борьба за правильность методологических установок, общих для советских ученых всех отраслей знаний.

...И для них (обществоведов.— *М. Г.*) вовсе не чужды такие затронутые на сессии биологов темы, как проблемы наследственности, как учение о качественных изменениях в историческом ходе развития явлений общественного порядка и вытекающие отсюда положения о стадийном или стадиальном движении с выяснением решающей в нем роли социального фактора. В работе обществоведа, равным образом, имеет большое значение установление общей закономерности в развитии общественных явлений, а также выяснение роли и сознательной деятельности человека в его борьбе с природою и непосредственно связанное с этим прослеживание социального момента в развитии явлений надстроечного порядка. Целый ряд таких же положений встает перед каждым ученым-социологом, и в первую очередь — борьба с идеалистическими, метафизическими построениями.

Все эти положения тесно связаны с работою языковеда. Являясь социологом, языковед ставит перед собою те же вопросы — с известным, конечно, учетом специфических особенностей своей лингвистической специальности.

Учение о наследственности, об изначальном и неизменчивом наследственном веществе хорошо известно историкам развития научной лингвистической мысли. Такое же „наследственное" вещество выступает в учении Гумбольдта о „духе народа", по отношению к которому язык снижается до роли простого вместилища, отражающего „дух народа", а не объективную действительность. Эти положения, высказанные Гумбольдтом более ста лет тому назад, получили свое отражение и в работах его преемников. Они же ложатся в основу расовой теории в языкознании, еще окончательно не изжитой в работах зарубежного языковедения и получившей в фашистской Германии широкое применение.

Утверждение Вейсмана о невозможности управлять наследственностью организмов путем соответствующего изменения условий жизни этих организмов находит себе отклики даже в основных положениях господствующей по сей день зарубежной лингвистической школы, наименовавшей себя „социологической".

Отказываясь от изучения „психологического склада", ложащегося в основу языкового строя, основатель этой школы де Соссюр в то же время отказывается от прослеживания связи языка с нормами сознания, не видит в развитии языка влияния общественного фактора. ...В практической работе советского языковеда это методологическое направление может оказаться лишь тормозом. ...Положения де Соссюра нашли себе отклик и в работах советских языковедов. К соссюрианским позициям примкнула в свое время проф. Р. О. Шор, впоследствии резко отказавшаяся от признания правильными его ведущих установок. ...Советское языкознание пошло по другому пути — по пути, проложенному Н. Я. Марром. Все же отдельные отголоски соссюрианства возможны. ...Между тем, в условиях работы советского языковеда данная схема в ее действующем упрощенном изложении оказывается безусловно порочною. Довлеющее в ней содержание наследственности, представленное к тому же в искаженном виде, может привести в итоге к полному отрицанию воздействия на язык общественного фактора.

...Теория праязыка препятствует нормальному ходу работы, отвлекая исследователя от правильного понимания существенных сторон языка, обусловленного в своем становлении и развитии потребностями создавшей его общественной среды, рассматриваемой в этом случае оторванно от условий ее развития в реальной действительности. ...Утверждения Н. Я. Марра о пагубном влиянии праязыковой схемы на работы лингвиста остаются в полной силе.

...Став на позиции исторического и диалектического материализма и опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма, Н. Я. Марр рассматривает язык как реальное сознание, устанавливая диалектическое единство языка и мышления. Учение о функциональной семантике углубляется впервые Н. Я. Марром. Социальная значимость грамматической формы, включая и фонему, устанавливается Н. Я. Марром и его последователями, принадлежащими к его школе. ...Язык и мышление рассматриваются Н. Я. Марром в их движении. И если движение идет ступенчатыми переходами от одного качественного состояния к другому, то ему отвечает такое же движение и в языке и в мышлении. Стадиальное развитие языка тесно связывается со стадиальным развитием мышления. ...Языки развиваются и в своем строе меняются как продукт общественной среды, которая устанавливает закономерности в развитии норм сознания и которая, выражаясь словами Н. Я. Марра, через мышление получает свое выявление в языке.

...Общественная среда активна и вправе предъявлять на-

стойчивые требования к лицам, специально посвящающим свой труд изучению языка, являющегося, по словам Н. Я. Марра, могучим рычагом культурного развития. ...В обстановке нашей советской действительности, при бурном подъеме экономики и культуры язык, являющийся важнейшим средством социального общения, не может пониматься как обособленно существующий. Он нигде не является таковым и нигде не должен изучаться как самодовлеющий организм. Тем более у нас недооценка подлинных ему присущих специфических свойств является недопустимою ошибкою, порочною и вредною в особенности в своем практическом выявлении.

На первую очередь выдвигается правильность методологических установок. ...Синхронизм противоречит историзму и отрывает исследуемый язык от окружающей его общественной среды, так же как вейсманизм в биологии отрывает живой организм от его окружающей среды. Н. Я. Марр решительно возражает против такого стабильного подхода к языку.

...Именно те языковеды, которые непосредственно связаны с изучением живых языков, хотя и воспитывались в старой школе, легче подходят к установкам Марра и даже переходят на марровские позиции (Д. В. Бубрих, Н. Ф. Яковлев, Л. И. Жирков и целый ряд других).

...Число сторонников младограмматической школы значительно сократилось. Лишь отдельные специалисты продолжают отстаивать эти устаревшие взгляды, в частности М. Н. Петерсон. Некоторые из воспитанников младограмматической школы открыто и всецело примкнули к марровскому направлению (М. Г. Долобко, Д. В. Бубрих). Впрочем, основным лингвистическим течением, противопоставляющим себя новому учению о языке, являются не остатки младограмматиков, а те различные разветвления современного буржуазного языкознания, которые исходят из идеалистических концепций соссюровской школы...

Чтобы противостоять этому учению, с его явно не социологическим подходом к языку, необходимо более глубокое усвоение материалистического языкознания, построяемого на устоях исторического и диалектического материализма. В этом отношении даже не нападки на Н. Я. Марра, а одно лишь игнорирование его работ дает вредные последствия, оставляя исследователя в плену чуждых советскому языкознанию концепций. Н. Я. Марр шел по новому пути, и его учение вовсе не пройденный этап. Оно продолжает развиваться и уточняться. Оно должно найти себе поддержку в еще более детальном обсуждении для исправления отклонений от правильного пути, когда таковые обнаруживаются. Тем самым укрепится построение языковедческой дисциплины на прочной методологической основе. Эти установки должны войти в советскую научную жизнь полностью. Между тем, утверждать, что они уже вошли, что основные положения материалистического учения о языке внедрились во всю исследовательскую работу растущих кадров

специалистов и даже повсеместно в школьное преподавание, еще не приходится.

...Материалистическое учение Марра о языке растет, и авторитет его укрепляется. Число его сторонников увеличивается на всей громадной территории нашего Союза. Все же препятствия к его более широкому распространению имеются...

Ценность работ Н. Я. Марра заключается в изложенных выше его концепциях, нанесших решительный удар по идеалистическим построениям чуждого направления. Н. Я. Марр сблизил теоретическую работу лингвиста с практическим ее использованием в общем деле культурного подъема многонационального Советского Союза. Он создал новую школу советских языковедов-обществоведов и закрепил устои нового учения о языке (материалистического языкознания). Наше дело — идти вперед по пути развития советского языковедения на незыблемых основах учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина» [6]. (Следует, однако, учитывать, что для Мещанинова в отличие от Филина данное выступление весьма нехарактерно; не только до этого, но и после он обычно выступал если не достойнее, то хотя бы нейтральнее... — *М. Г.*)

Ф. П. ФИЛИН

О ДВУХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ЯЗЫКОВЕДЕНИИ

«Постановление ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве, выступление тов. А. А. Жданова на философской дискуссии, доклад акад. Т. Д. Лысенко на августовской сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, одобренный Центральным Комитетом нашей Партии,— документы огромной важности, определяющие дальнейшее развитие советской науки и культуры, в том числе и советского языковедения.

Уроки борьбы двух направлений в биологии, разгром реакционного идеалистического вейсманизма-морганизма, оказавшегося бесплодным и в практике сельского хозяйства, должны многому научить и нас — лингвистов.

...Единственным критерием для правильной оценки и соответствующих выводов при рассмотрении состояния любой научной дисциплины являются следующие принципы: соответствует ли методология современных исследований диалектико-материалистической философии марксизма-ленинизма, проводится ли принцип партийности в науке, отвечает ли наука задачам и потребностям социалистического строительства, которое под руководством партии и великого Сталина с успехом осуществляет героический советский народ.

Анализ положения советского языкознания на основе указанного выше критерия приводит к заключению, что среди языковедов нашей страны пока нет методологического един-

ства, что среди них, как и у представителей биологии, имеются два направления, несовместимые друг с другом и борющиеся между собою.

Одно направление — материалистическое языкознание, так называемое новое учение о языке, созданное после Великой Октябрьской социалистической революции акад. Н. Я. Марром и развиваемое в наши дни его учениками и последователями, прежде всего акад. И. И. Мещаниновым. Другое направление — идеалистическое языковедение, так называемая индоевропеистика, родоначальником которой является немецкий лингвист Ф. Бопп.

Новое учение о языке рассматривает речь как идеологическую надстройку, изменения которой в конечном счете обусловлены изменениями социально-экономического базиса. Происхождение языка, его история и современное состояние ставятся в органическую связь с историей общества, сменой и борьбой общественных формаций, борьбой классов...

Известно, что Н. Я. Марр, языковед-коммунист, много и тщательно изучал произведения классиков марксизма-ленинизма, исходил из них в своей многогранной исследовательской работе. ...Н. Я. Марр постоянно подчеркивал, что в классовом обществе язык есть одно из орудий классовой борьбы, что он является могучим рычагом культурного подъема в деле развития советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

На основе материалистического метода новое учение о языке делает упор на изучение смыслового содержания всех речевых явлений, на закономерную взаимосвязь всех сторон языка. Находит свое разрешение проблема диалектического единства языка и мышления.

Язык в своей длительной истории развивался и развивается скачкообразно, приобретая на различных ступенях общественной жизни новое качество, в существенных своих чертах отличное от своего состояния предшествующих эпох. Исходя из этого важнейшего принципа материалистической диалектики, Н. Я. Марр на основе огромного лингвистического материала создает новую в науке теорию о происхождении человеческой речи, о возникновении и развитии современных и древних языковых групп или систем. ...Он устанавливает, что было время, когда индоевропейских языков не существовало. Индоевропейские языки сложились в результате длительных и сложных процессов схождения и расхождения древнейших „доиндоевропейских“ (условно называемых яфетическими) языков первобытных человеческих коллективов. В дальнейших исследованиях Н. Я. Марра это положение расширяется и уточняется. Историческое происхождение имеют и все другие языковые группы мира.

Н. Я. Марр сделал свое открытие, сближая и сопоставляя факты различных языковых систем. Он не замыкался, как это

делают индоевропеисты, в рамках одной языковой „семьи". Им была создана теория единого глоттогонического (языкотворческого) процесса, согласно которой все языки мира в их длительной истории так или иначе связаны между собою. Эта теория своим острием направлена против расизма во всех его видах и проявлениях.

И в то же время каждый язык имеет свои особенности, своеобразие которых сложилось благодаря конкретно-историческим условиям жизни каждого народа. В учении о национальных языках Н. Я. Марр исходил из гениального определения нации, данного товарищем Сталиным.

Новое учение о языке, основанное на марксистско-ленинской методологии, является общей и единственной научной теорией для всех частных лингвистических дисциплин (разрядка Ф. П. Филина.— *М. Г.*)...

В политическом отношении учение Н. Я. Марра, рожденное советским строем, является (в специфических речевых материалах) составной и органической частью идеологии социалистического общества.

Противоположную оценку заслуживает так называемое индоевропеистское направление в языковедении.

Для индоевропеистики язык — особое царство, не зависящее от социально-экономических условий и развивающееся вне истории общества, смены общественных формаций и классовой борьбы. ...Конечно, представителями индоевропеистики делались неоднократные попытки как-то связать язык и общество, историю языка с историей народа, но все эти попытки терпели крах, так как само понимание общества вытекало из различных идеалистических концепций. ...Для индоевропеистики характерно отождествление языка и мышления или отрыв языка от мышления, что приводит к чистейшему формализму в изучении речи... Все современное многообразие „родственных" языков возводится к „праязыку", из которого будто бы и возникли путем бесконечного дробления известные науке языки.

Гипотеза „праязыка" является „теорией" расовой обособленности отдельных человеческих „семей", что бы ни говорили о несовпадении языка и расы сами индоевропеисты.

Не случайно, что гипотезу „праязыка" (в ее „своеобразном" варианте) широко использовали для своих гнусных целей германские фашисты, не случайно, что ее используют современные реакционные англо-американские агрессоры.

Согласно этой „гипотезе" и построенному на ней формально-генетическому методу, в современных „родственных" языках существуют до сих пор в несколько измененном виде формы, имевшиеся когда-то в едином „праязыке". Эти „праязыковые" „рефлексы" напоминают собою неизменное „наследственное вещество" вейсманистов-морганистов в биологической науке...

Индоевропеистика как идеалистическое и метафизическое

языковедение перестала быть наукой и подлежит полному научно-теоретическому и политическому разоблачению и разгрому. „Индоевропейская лингвистика,— писал Н. Я. Марр,— есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общественности". Она является составной и органической частью реакционной буржуазной идеологии.

Казалось бы, долг всех (разрядка Ф. П. Филина.— *М. Г.*) советских языковедов — защищать и развивать материалистическое учение Н. Я. Марра, вести непримиримую борьбу с буржуазным языкознанием и проявлением его в тех или иных формах в собственной среде.

К сожалению, на деле получается не так. На деле многие языковеды в нашей стране вели и ведут тайную или явную борьбу с новым учением Н. Я. Марра. ...В рядах последователей нового учения о языке после смерти Н. Я. Марра получили распространение самоуспокоенность, притупление критического отношения к своим противникам и в известной степени зазнайство. Зачастую достаточно было кому-нибудь из представителей старого направления словесно заявить о признании нового учения о языке или процитировать Н. Я. Марра или И. И. Мещанинова, как такого рода языковед „зачислялся" в сторонники материалистического языковедения. В результате этой неблагополучной обстановки „всепрощения" и недопустимой в принципиальных научных вопросах „забывчивости" возникла известная угроза отхода от учения Н. Я. Марра...

...Наступление на позиции материалистического языкознания имеет различные формы. Пожалуй, главная из них — фактическое противопоставление Н. Я. Марру представителей дореволюционного буржуазно-либерального языкознания (в области изучения русского языка главным образом Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова) и ориентация (вскрытая или открытая) на западно-европейских буржуазных лингвистов...

В прошедшем (1947) году благодаря содействию советской общественности (прежде всего выступлениям „Литературной газеты") представители нового учения о языке впервые после смерти Н. Я. Марра дали организованный отпор наступлению лингвистической реакции. Прошли дискуссии в Москве и Ленинграде, в других городах Советского Союза. Эти дискуссии выявили принципиальные расхождения двух направлений, показали методологическую порочность работ современных индоевропеистов, однако должного результата не принесли. Закончились дискуссии и все как будто осталось по-прежнему. Более того, формалисты стали переходить в контратаки. Например, в № 2 журнала „Русский язык в школе" была помещена статья Е. М. Галкиной-Федорук и Н. С. Поспелова, в которой, вопреки истине, книга акад. В. В. Виноградова „Русский язык", которая подвергалась на дискуссиях резкой и справедливой критике, была оценена как работа, которая по устранении замеченных в ней авторами статьи отдельных ошибок „войдет в золотой

фонд науки о русском языке"... В том же номере совершенно безответственно опубликовано „Заключение" о книге В. В. Виноградова кафедр русского языка МГПИ и МОПИ, в котором содержится безудержное восхваление данной книги...

...Восхваляя Шахматова, акад. В. В. Виноградов отдает „должную дань" и западно-европейским языковедам, что вполне понятно: несмотря на наличие различных течений, в главном (в идеалистических основах и формальном подходе к языку) индоевропеисты всех оттенков сходятся между собой. Опять-таки уже после (разрядка Ф. П. Филина.— *М. Г.*) прошлогодних дискуссий В. В. Виноградов опубликовал краткое сообщение (аннотацию) о своей неопубликованной работе „Введение в синтаксис русского языка", в котором он пишет: „Задача работы — установить главные этапы развития русской науки на фоне эволюции грамматических идей в западно-европейском языкознании" (разрядка Ф. П. Филина.— *М. Г.*). Не с позицией материалистического учения Н. Я. Марра, а „на фоне" буржуазной лингвистики! В аннотации указывается, что в работе будут рассмотрены синтаксические взгляды Смотрицкого, Кошанского, Греча, Корша, Фортунатова, Ушакова, Поржезинского, Петерсона и др., но ни слова не говорится о плодотворных синтаксических идеях Н. Я. Марра, имеющих большое значение и для изучения русского синтаксиса (некоторые нападки Филина на Виноградова мы уже цитировали в первой части книги.— *М. Г.*).

...В тех же „Докладах и сообщениях" (филфака МГУ за 1947 г., вып. 4.— *М. Г.*) в биографической справке, посвященной покойному проф. А. М. Селищеву, читаем: „труд этот (объемом до 50 печатных листов) должен еще увидеть свет (речь идет о неопубликованной работе проф. А. М. Селищева „Старославянский язык".— *Ф. Ф.*). Выход его будет событием в русской славистике и безусловно найдет широкий отклик в западно-европейской науке" (с. 6, подчеркнуто мною.— *Ф. Ф.*). Справка редакционная (без подписи), и нам не известно, кто ее сочинял. В предисловии к сборнику лишь сказано, что „в подготовке этого выпуска энергичное участие принимал проф. Р. И. Аванесов".

Противники учения Н. Я. Марра не ограничиваются отдельными заимствованиями из работ буржуазных западно-европейских языковедов. Они и в своих конкретных исследованиях широко используют положения современной буржуазной лингвистики, опираются на них. Особенно „модными" оказываются так называемая „структуральная лингвистика" и тесно связанная с ней буржуазная фонология. Встает, например, вопрос, чем отличаются по своим методологическим принципам фонологические работы проф. Р. И. Аванесова, проф. П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова от фонологических исследований Якобсона и Трубецкого? И не находятся ли они в противоречии с учением Н. Я. Марра о фонеме? Вопрос этот требует детального обсуж-

дения, однако уже сейчас фонологические работы названных выше языковедов кое-кто пытается выдать за „последнее слово науки", считать их чуть ли не важнейшим достижением советского языкознания!

Наряду и в тесной связи с общим формалистическим подходом к явлениям языка до сих пор широкое хождение имеет пресловутая гипотеза „праязыка" вместе с формально-генетическим (компаративистским) методом.

В плане „праязыковых реконструкций" написаны работы акад. Л. А. Булаховского, посвященные проблемам славянской акцентологии и другим вопросам истории славянских языков. ...Акад. В. В. Виноградов в статье „Профессор А. М. Селищев как историк русского языка" так излагает „праязыковые" воззрения Селищева: „Изучая языковые процессы русского языка на широкой сравнительно-исторической основе, сопоставляя их с сходными явлениями в истории других славянских языков, А. М. Селищев констатирует известную общность и последовательность в ходе изменений всех славянских языков. Он видит в этой соотносительности и близости языковых процессов отражение былого единства общеславянской языковой системы, однородность заложенных в ней тенденций развития". И там же: „Славяне в далеком прошлом, в период общей своей культурной и языковой жизни, и позднее, после расселения из области своей прародины, встречались с разными народами, вступали с ними в различные взаимоотношения" (с. 43; подчеркнуто мною.— *Ф. Ф.*).

Нам известно, что проф. Селищев стоял на позициях „праязыковой" гипотезы. А вот как сам акад. Виноградов? Излагая взгляды Селищева, он не сопровождает их какими-либо критическими замечаниями, а, как говорится: молчание— знак согласия...

Проф. Р. И. Аванесов не ограничивается простым изложением „праязыковых„ взглядов своего учителя, как то делает акад. Виноградов, он дает им высокую положительную оценку (Селищев „мастерски" восстанавливает „праязык"). Чтобы не было в этом отношении никаких сомнений, проф. Р. И. Аванесов подчеркивает: „Селищев был мастером, я бы сказал виртуозом, сравнительного метода. Приходится сожалеть, что эта сторона его деятельности не нашла достаточно полного отражения в его напечатанных трудах". Комментарии, можно сказать, излишни.

В вышедшей на днях книге чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха „Историческая фонетика финского-суоми языка" (Петрозаводск, 1948) „праязыковая" концепция представлена в полном и неприкрытом своем виде. В этой книге кроме гипотезы „праязыка" мы находим и сильное преувеличение роли торговли в доклассовом обществе, что характерно для многих буржуазных историков.

...Проф. Л. П. Якубинский, следуя по стопам проф. М. Г. Долобко, в статье „Образование народностей и их языков“ пропагандирует гипотезу „праязыка“ весьма „своеобразным“ способом: для „прикрытия“, „дымовой завесы“ он приводит искаженные им высказывания Маркса и Энгельса об этногоническом процессе. Нужно ли говорить, что попытка „приспособить“ марксизм-ленинизм к реакционным буржуазным „теориям“ может потерпеть лишь позорный крах! Между прочим, в этой статье нет ни одного упоминания о Н. Я. Марре, который, как известно, в своих работах уделял много внимания этно- и глоттогонии народов Восточной Европы, в том числе и славянских, и открыл для науки новые перспективы, значение которых поистине велико.

...Утверждается, что Н. Я. Марр никогда не занимался такими вопросами, как история русского литературного языка, грамматика современного русского языка и т. п., а потому, мол, советское языкознание (и русистика в частности) „шире“ нового учения о языке, потому „нельзя рассматривать как синонимы новое учение о языке и марксистскую лингвистику“, как заявил на прошлогодней дискуссии в Москве акад. В. В. Виноградов.

...Для каждого непредубежденного (в известном смысле) человека должно быть ясно, что нельзя смешивать проблематику с основами методологии. Конечно, советское языкознание наших дней изучает много вопросов, которыми Н. Я. Марр непосредственно не занимался. Новые проблемы будут вставать перед исследователями и впредь. Но ведь речь идет об основных теоретических принципах учения Н. Я. Марра и решающем из них — диалектическом материализме. Должны ли мы отступать от этих принципов только потому, что основоположник материалистического языкознания не занимался, скажем, проблемой использования Пушкиным церковнославянизмов? Такой в корне неверный вывод достоин худших времен „Языкфронта“, когда „языкфронтовцы“ нападали на Н. Я. Марра и по этой линии...

Неразоружившимся индоевропеистам в нашей среде есть о чем подумать. Им надо не на словах, а на деле отказаться (разрядка Ф. П. Филина.— *М. Г.*) от ложных методологических принципов индоевропеистики, не на словах, а на деле включиться (разрядка Ф. П. Филина.—*М. Г.*) при изучении материалов своей специальности в разработку марксистско-ленинского языкознания на основе лингвистического учения Н. Я. Марра. Пора перестать верить на слово языковедам, которые, испугавшись принципиальной критики, пытаются заверять, что они „всецело за новое учение о языке“, что они „никогда не были борцами против нового учения о языке“ (а есть и такие заверения!) и т. п. Мало лишь словесно признать новое учение, мало не быть борцом против Н. Я. Марра, надо быть последовательным и непримиримым борцом за (разрядка Ф. П. Филина.— *М. Г.*) Н. Я. Марра! Или торжество материа-

листического языкознания, основанного Н. Я. Марром, или прозябание в болоте индоевропеистики. Третьего, „промежуточного“ пути, „золотой середины“ нет и не должно быть!

Засилие индоевропеистов (в их руках находятся важнейшие позиции: они являются консультантами в Министерствах, составляют учебники и учебные программы, руководят большинством языковедческих кафедр и аспирантами, в их распоряжении журнал „Русский язык в школе“ и некоторые другие органы лингвистической печати и т. п.) и примиренчество в рядах последователей нового учения о языке привели к печальным практическим результатам, о чем нельзя умолчать. Ведь это факт, что советское студенчество до сих пор вынуждено обучаться по совершенно устаревшим учебникам типа „Лекций по истории русского языка“ А. И. Соболевского или „Древнецерковнославянского языка“ белоэмигранта Кульбакина! У нас до сих пор нет ни учебника по общему языкознанию, ни учебников по современному русскому языку, истории русского языка и русской диалектологии, ни многих других важных учебных пособий, которые отвечали бы требованиям марксистско-ленинской методологии. За языковедами накопился огромный долг перед советским народом, который пора погасить.

Можно быть уверенным, что советские языковеды выполнят свой долг, так как основные их кадры безусловно готовы отдать все свои силы на служение народу...

Советские языковеды могут выполнить свой долг перед народом, развертывая в своих рядах большевистскую критику и самокритику, последовательно проводя принцип партийности в науке» [7].

* * *

К этому нужно сделать еще одно дополнение. В процитированных здесь отрывках из статьи Ф. П. Филина (как и в других ее частях, упоминавшихся в нашей книжке раньше) содержится острая критика (а местами — откровенные наветы...) в адрес академика В. В. Виноградова. Как говорится, что написано пером... Однако перед памятью В. В. Виноградова, которая таким образом оказалась вновь потревоженной, мы испытываем чувство вины. Поэтому, чтобы устранить горький привкус неправды, приведу небольшое извлечение из мемуаров человека, честность которого по отношению к памяти Виктора Владимировича известна. Вот что в частности вспоминал в 1989 году в радиопередаче и на страницах журнала «Русская речь» о периоде конца 40-х годов как о чрезвычайно трудном для академика В. В. Виноградова один из его талантливых учеников — академик В. Г. Костомаров, президент Академии педагогических наук СССР.

«Впервые с Виктором Владимировичем я познакомился, когда поступил на филологический факультет Московского уни-

верситета, в конце 40-х годов, а ранее немного знал его только по книгам. Научная жизнь в Московском университете в те годы была сложной. Так называемое „новое учение о языке", связанное с именем академика Н. Я. Марра, считалось единственным марксистским направлением в языкознании, а все остальное не принималось, даже преследовалось. Виктору Владимировичу тогда пришлось очень трудно, но он шел по жизни через разные сложности с высоко поднятой головой. Я помню его выступление, которое было очень смелым по тем временам: он отстаивал свою точку зрения на язык, хорошо говорил о своем учителе А. А. Шахматове, которого тоже критиковали как буржуазного ученого. А Виктор Владимирович сказал, что будет и дальше изучать „новое учение о языке", но все-таки никогда не станет тем, что его учитель называл: „Эх, ты сума переметная!"

Потом ситуация резко изменилась: прошла дискуссия по языкознанию, и на смену одного догматического учения — академика Марра — пришло иное (если его можно назвать учением), которое называлось „сталинское языкознание". После того как Сталин высказал свое мнение о языке, о его структуре, вся страна начала изучать его работу» [8].

Глава 5
НЕЧТО ЗА ГРАНЬЮ ЛОГИКИ

> У самого входа в сад рос высокий цветущий розовый куст. Розы на нем были белые, но возле куста суетились трое садовников и деловито красили их красной краской. Алиса не поверила своим глазам и решила подойти поближе, надеясь понять, что же там такое творится на самом деле.
>
> Л. КЭРРОЛЛ
> *«Приключения Алисы в Стране Чудес»*

«Нечто за гранью логики», «театр абсурда», «сцены из инфернального мира»,— такие эпитеты дает обстановке конца 40 — начала 50-х годов в стране, в общественной жизни, в науке Алексей Аджубей, широко известный в свое время советский журналист и организатор газетного дела, бывший редактор «Комсомольской правды» и «Известий». Думаем, что вам понятно (примеры А. И. Аджубея это еще раз подтвердят): речь идет, разумеется, о нормальной общечеловеческой логике, отделенной от событий той поры санитарным кордоном времени. Однако во всем этом *своя* логика была — строгая, жестокая и последовательная: с т а л и н с к а я л о г и к а...

В двух летних книжках журнала «Знамя» за 1988 год (№ 6 и 7) в рубрике «Мемуары. Архивы. Свидетельства» А. И. Аджубей опубликовал свои воспоминания. Они носят название «Те десять лет». Мемуары полны интересных, неизвестных или просто любопытных, занимательных фактов, которые были доступны Алексею Ивановичу или просто стали частью его собственной биографии в силу близкородственных отношений с Н. С. Хрущевым, в силу журналистской профессии, наблюдательности и многого другого. К этим фактам, как, впрочем, и к воспоминаниям А. И. Аджубея в целом, у читателей, судя по отзывам, складывается разное отношение.

Одно из воспоминаний А. И. Аджубея как-то остро, даже по-телевизионному (то есть «зримо») легло на память: деталь рассказа о праздновании 70-летия Сталина в Большом театре 21 декабря 1949 года:

«Наконец речи кончились. Все встали, и овация, но без выкриков и скандирований, как и полагалось при таком составе публики, долго гремела в зале. Встал и Сталин. Невысокий щуплый человек повернулся спиной к залу, чтобы уйти,— и тут меня поразил большой круг лысины. Знакомый посеребренный бобрик, который с такой тщательностью выписывали художники и „прорабатывали“ на фотографиях ретушеры, оказался редким венчиком. Я ничего не сказал Раде (Р. Н. Аджубей — жена А. И. Аджубея, дочь Н. С. Хрущева, журналист, в течение долгого времени работает зам. главного редактора журнала «Наука и жизнь».— *М. Г.*), наверное, от испуга, что мне стало известно нечто сверхсекретное» [1].

Оставим в стороне мои личные впечатления, хотя, согласитесь, что приведенный пример убеждает в том, что А. И. Аджубей — репортер отменный. Вот и в мемуарах он выступил в той же роли, написав репортаж из целого десятилетия своей жизни...

Надо сказать, что А. И. Аджубей получил свое образование на филологическом факультете МГУ: Алексей Иванович был членом первого набора из тридцати человек на новое отделение журналистики филфака (позже отделение превратится в самостоятельный факультет журналистики Московского университета). Студенческие годы тогдашнего Алеши Аджубея пришлись на период многочисленных сталинских послевоенных кампаний, в том числе — и на лингвистическую дискуссию в «Правде». Поэтому-то я и предлагаю вашему вниманию отрывок из воспоминаний «Те десять лет», в которых А. И. Аджубей рассказывает об отдельных эпизодах в жизни филфака МГУ, о некоторых обстоятельствах публикации сталинских статей по языкознанию (что стало известно А. И. Аджубею много позже, от главного редактора «Правды») и некоторых последствиях «бури языковедческих дискуссий».

Между прочим, Алексей Иванович вполне мог стать одним из людей, имеющих самое прямое отношение к руководству филологической наукой в сфере научно-редакционной, научно-

издательской. Такая возможность существовала уже после того, как в результате политического заговора Н. С. Хрущев был отстранен от власти, а самого А. И. Аджубея тут же освободили от поста главного редактора газеты «Известия». Как рассказывал мне академик АПН В. Г. Костомаров (кстати, упоминаемый А. И. Аджубеем в мемуарах), однажды к нему обратился Алексей Иванович с просьбой о содействии в назначении на должность главного редактора только что созданного (или даже еще создававшегося) журнала «Русский язык за рубежом». Виталий Григорьевич попытался помочь своему однокашнику, которого он всегда ценил за дарование журналиста и организаторские способности в нелегком редакторском деле. Однако ничего не вышло: слишком сильным было сопротивление многочисленных сталинистов в бюрократическом аппарате, фамилия Аджубей для которых была просто одиозной. Не последнюю роль в отказе назначить Аджубея редактором сыграл «выдающийся» руководитель советской высшей школы, министр (с 1954 по 1985 год!) Вячеслав Петрович Елютин, которому наши институты и университеты, профессора, доценты и студенты, к сожалению, еще очень многим «обязаны». Только сейчас мы понемногу, кряхтя и надрываясь, начинаем расчищать елютинские завалы...

Ну, что же, не суждено было А. И. Аджубею возглавить журнал «Русский язык за рубежом» и вложить свою лепту в развитие отечественного языкознания. Однако уважение к лингвистической науке у него сохранилось со студенческих лет, доказательством чего, как и наличия у автора чувства юмора, служат отрывки из мемуаров Алексея Аджубея «Те десять лет», которые вы сейчас прочитаете.

* * *

«В 1987 году уже в поредевшей компании старых товарищей отметили мы 35-летие первого выпуска факультета журналистики МГУ. Жизнь разбросала нас по городам и весям, а многим, увы, не пришлось дожить до этого дня...

Когда сейчас спрашивают о первых послевоенных годах и при этом говорят: „Вам, конечно, было тяжело!“ — я отвечаю совсем не так, как того ожидают.

Нет, говорю я, нет! Хотя не скажешь, что то время было простым и легким, главенствовало ощущение счастья. Мы представляли значимость дела, которому собирались служить, хотели как можно лучше и активнее проявить себя. Эти личные цели перекрывали все остальное в жизни тех лет.

Никто из нас не отважится назвать Московский университет того времени островом вольности, как никто не ставит слишком высоко образование, которое мы тогда формально получили, филологи не прочли доброй половины книг лучших и советских писателей, историки западной литературы не знали имен многих

литераторов „оттуда". Журналистам мало что говорилось о мировой прессе. Зато мы зубрили латынь и распевали при сдаче экзаменов по древнегреческой литературе: „С ужасом в город вбежав, трояне, как олени младые..." — в усладу нашему милейшему старцу профессору Радцигу. Может быть, это укрепляло нашу образованность, но более важных знаний нам не хватало.

На всю жизнь мы усвоили правила самообразования и наверстывали упущенное в университетских программах с жаждой и упорством.

На экзаменах, стоя перед черной доской, на которой по заданию профессора Галкиной-Федорук (она читала курс истории русского языка) были написаны длинные сложные фразы, не каждый мог быстро определить, где подлежащее и где сказуемое, и Евдокия Михайловна только крякала от досады. Галкина-Федорук не занижала оценок за пробелы в школьных знаниях, ведь между школой и университетом у большинства был фронт и у всех — война, а приглашала обычно прийти к ней домой, подзубрив предварительно элементарные правила. Принимая дома, она сообщала, за каким из двух огромных сдвинутых столов работает она, а за каким ее муж — историк, в ту пору проректор МГУ. При особом расположении Евдокия Михайловна доставала баночку с вареньем, наливала чаю и с ехидцей спрашивала: „А знаешь ли ты, милый товарищ, что перед „а", „но", „да" ставятся запятые, а когда „бы", „ли", „же" пишутся отдельно?" Чаще всего домашний экзамен оканчивался благополучно.

Евдокии Михайловне нелегко дались „университеты", она начинала с самой черной работы, была даже грузчицей, и уже взрослым человеком осваивала азы грамматики. Сам Рабле мог бы позавидовать сочности и яркости ее речевых оборотов, когда она читала лекции о вульгарных словах и выражениях в русском языке. „А ну-ка, заприте двери", обращалась она к старосте курса... Быть может, оттого, что мы слушали эти дерзкие и откровенные лекции Галкиной-Федорук, никто из нас не сквернословил. Нравы в пору нашей молодости были довольно строгие. В те годы все окрашивала Великая Победа. Она рождала чувство братства, единения, на ее фундаменте крепилась уверенность в том, что лучшее впереди, что все нам по плечу, что человеку не страшен никакой черт. Наверно, это ощущение счастливого будущего шло и от неведения, незнания многого...

Мы не были, конечно, такими уж простодушными бодрячками. Кое-что все-таки настораживало. К примеру, в 1949 году был арестован доцент Пинский, он прекрасно читал историю западной литературы XVIII—XIX веков. Стали „исчезать" с биологического факультета не только преподаватели, но и студенты. После августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 году для *всех факультетов* (курсив наш.— *М. Г.*) был введен курс мичуринской биологии — студенты называли его „лысенкоедение".

В Коммунистическую аудиторию, самую большую тогда в университете, однажды явился профессор Презент, главный сподвижник Лысенко, и сообщил, что познакомит с новым важным учением. Он читал лекции зло и как-то надменно, будто поучал своих поверженных противников.

Думаю, что многие студенты-биологи относились к новому учению без почтения, хотя явно выражать это было более чем опасно. Филологи играли на лекциях в „морской бой", поскольку их не интересовали проблемы межвидовой борьбы, влияния среды на воспитание особи и т. д.

Однажды Презент соскочил с кафедры и, подлетев к моему соседу Авениру Захарову, выхватил у него листочек с квадратиками „морского боя". „Чем вы занимаетесь, студент,— прокричал он, размахивая перед носом Авенира бумажкой,— чем?!" Захаров, небольшого роста, плотный как боровичок, в полинявшем бушлате, поскольку служил в войну на торпедных катерах, спокойно принял бумажку из рук Презента и проговорил: „Профессор, вы разговариваете со старшиной первой статьи Советского Военно-Морского Флота, па-пра-шу не кричать. „Морской бой", в который я сейчас играю, мое профессиональное занятие, оно меня успокаивает и помогает вникать в вашу чересчур сложную лекцию!"

Как ни странно, Презент сник и поспешно вернулся на кафедру. Через минуту ему была передана записка: „Не может ли профессор порекомендовать способ скрещивания клопа и светлячка — это облегчит нашу жизнь на Стромынке?" (на Стромынке находилось общежитие для иногородних студентов.— *М. Г.*).

Нас, филологов, главные события ждали, однако, впереди. 9 мая 1950 года в „Правде" была опубликована статья грузинского языковеда Арнольда Степановича Чикобавы о некоторых вопросах советского языкознания. Статья эта занимала всю специально для нее предназначавшуюся вкладку и сопровождалась предисловием от редакции, где сообщалось, что открывается свободная дискуссия по проблемам языкознания, направленная на преодоление застоя в этой важной области науки.

Через много лет редактор „Правды" той поры, человек острого, ироничного ума, рассказал, как появилось это сочинение в газете.

Неожиданно его пригласил Сталин на свою „ближнюю дачу" в Волынское и показал плотную стопку листов, исписанных четким почерком. Усадив за стол, сказал, что один его знакомый из провинции прислал статью. Пусть редактор прочтет ее сейчас и скажет, стоит ли печатать. Редактор понимал, что просто так, из желания посоветоваться, Сталин не стал бы вызывать его. Решение уже принято, но ему нужно было подтверждение той важности, какую он придавал статье.

Сталин неслышно ходил по комнате, время от времени наклонялся к столу, брал один из карандашей, лежавших акку-

ратной кучкой, наклонялся над плечом редактора и вносил какую-нибудь мелкую поправку: ставил запятую, снимал лишний союз... Не знаю, как уж там давалось редактору чтение этой весьма специальной статьи, что смог понять он в характере языковедческого спора Чикобавы с Марром, наверное, его больше занимал Сталин, мерно шагавший за спиной. Ни вопросов, ни замечаний. Молчание. И даже когда Сталин останавливался и почему-то трогал пальцем редеющую макушку редактора, оглядываться не хотелось.

Шутливый тон этого рассказа (чего не случается, дескать, с газетчиками) никак не вяжется с дальнейшими событиями. Как только статья Чикобавы была напечатана, пошли еженедельные вкладки в „Правде". Дискуссия полыхала вовсю, и студенты-филологи поняли, что ее огонь подпалит и нас, грешных. Мы учились по Н. Я. Марру, и учили нас его твердые последователи. Деканом факультета был тогда Николай Сергеевич Чемоданов, ярый маррист *, жесткий человек, читавший лекции сложно, нисколько не заботясь о том, как их воспринимают студенты. На его экзаменах слабонервные девицы, загнанные в угол неожиданными и малопонятными вопросами, падали в обморок. Нас сразу взволновало главное: не придется ли пересдавать экзамены?

В отличие от сессии ВАСХНИЛ, где Лысенко и его приспешники сразу же начали громить „вейсманистов-морганистов", буквально затаптывать своих оппонентов, открыто переводить научный спор в политическое русло, языковедческая дискуссия сперва была иной, более демократичной.

На Чикобаву резко ополчилась целая группа ученых. Языковеды-марристы чувствовали себя в полной безопасности, так как за ними были не только авторитет Марра, чья точка зрения считалась официально признанной, но и позиция директора Института языка и мышления АН СССР академика Ивана Ивановича Мещанинова. Он был первым языковедом, удостоенным звания Героя Социалистического Труда.

Ученые мужи сначала не поняли, где, в чьем кабинете читал знакомый мне редактор странички, которые они так лихо отвергали. В дискуссию вступили те, кто разделял точку зрения Чикобавы. Теория Марра о том, что язык есть надстройка над базисом, начала рушиться. Студентов особенно взбудоражила статья молодого ученого нашего факультета Бориса Александровича Серебренникова. Он был в ту пору то ли аспирантом, то ли едва успел защитить кандидатскую. Серебренников всегда держался принципиально, независимо, не скрывал отрицательного отношения к учению Марра. Он был учеником известного

---

* Должен сделать примечание: вряд ли верно считать Чемоданова ярым марристом, он не был таковым до 1948 года; потом сдался после первой же ругани Сердюченко, изничтожившего его и Р. О. Шор учебник; во время погромов 1948—1950 годов он старался смягчать крайности.— *М. Г.*

лингвиста академика В. В. Виноградова (А. Аджубей неточен в этой детали.— *М. Г.)*. Академика убрали с факультета (точнее — сняли с должности декана.— *М. Г.*), а его ученика ломали на собраниях, семинарах, ученых советах и в конце концов исключили из партии (здесь А. Аджубей допускает ошибку: Серебренникова не перевели в члены партии из кандидатов.— *М. Г.*). Студенты считали это несправедливым и обрадовались, когда увидели публикацию Серебренникова в „Правде". Он отстаивал свою точку зрения...

Борис Александрович теперь академик, один из крупнейших советских лингвистов. Его принципиальная позиция, весь последующий путь в науке — пример достоинства и верности своим убеждениям. Для многих студентов той поры это был хороший урок, как может и должен отстаивать человек свои взгляды.

Статья Сталина „Относительно марксизма в языкознании", опубликованная в „Правде" 20 июня 1950 года, расставила все точки и запятые в этом споре. Поверженные каялись, победители торжествовали.

Держу в руках брошюрку, экстренно выпущенную издательством „Правда" с материалами дискуссии, в том числе с ответом Сталина, как было сказано, группе товарищей из молодежи, обратившейся к нему „с предложением высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании". Вновь читаю строки, которые приходилось заучивать наизусть.

Сталин писал: „Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого „нового учения" в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с постов или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра.

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики... Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать... Если бы я не был убежден в честности товарища Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству".

Кто не согласится с чеканной мыслью Сталина о том, как должна развиваться наука? Но как — нам, теперь — не поразиться фарисейству. Будто и не было трагедии великого тружe-

ника науки Николая Ивановича Вавилова и десятков его коллег. Будто не было заушательской, разносной, а точнее сказать, доносной, критики со стороны Лысенко. Будто не преследовали тех, кто сомневался в открытии О. Лепешинской, которая, не выходя из своей квартиры, „разгадала" великую тайну происхождения живого из неживой материи. Она же, кстати, обосновала возможность омоложения содовыми ваннами. В ту пору в аптеках исчез порошок, употреблявшийся ранее как средство от изжоги.

За всем этим — постоянное стремление взвинчивать, предельно накалять общественную атмосферу. Какой-то театр абсурда, нечто за гранью логики... Теперь, спустя тридцать с лишним лет, это представляется сценами из инфернального мира. А мы-то жили в мире реального и, если говорить о нас в массе, верили всему, о чем читали в газетах и слышали на собраниях. Или, быть может, принимали на веру — все, что шло сверху вниз... Самоотстранение от сложных процессов общественного бытия было не только защитной реакцией — оно постоянно культивировалось: „Не лезь не в свое дело", „Наверху виднее", „Что, тебе больше других надо?" Психология, по сути, чуждая природе нашего общества, укреплялась в сознании многих.

Это уже после XX съезда партии стало понятнее, зачем так долго и так настойчиво вырабатывалась система низведения личности до положения „винтика" — ведь проще иметь дело с политическими младенцами.

Когда буря языковедческих дискуссий миновала, мой товарищ по факультету Виталий Костомаров вздохнул с облегчением. Ему, правда, влепили строгий выговор с занесением в учетную карточку — он что-то не так сказал на языковедческом семинаре,— но из комсомола не исключили. Чуть позже Костомарова как идеологически нестойкого не утвердили на общественную должность машинистки в стенную газету „Комсомолия". Встретившись недавно, мы посмеялись, конечно, над бдительностью своих сокурсников. Виталий сохранил листок многотиражной газеты „Московский университет", где в небольшой заметке студент-журналист А. Аджубей утверждал, что должность машинистки может быть предоставлена В. Костомарову, ибо является чисто технической. После этой заметки я был отстранен от прохождения по Красной площади в студенческой спортивной колонне МГУ и назначен на праздничные дни дежурить по факультету. Виталий Григорьевич Костомаров теперь директор Института русского языка имени А. С. Пушкина... Университетское время окрашено для студентов каждого выпуска в свой цвет. Я выделяю однокурсников не только потому, что мы были из первого послевоенного выпуска, но и по той причине, что очень скоро нас ждали острейшие переломные события.

Строилось новое здание МГУ на Ленинских горах, его открыли через год после окончания наших занятий — в 1953-м.

Темпы возведения были рекордными и для нынешнего времени: всего шесть лет. Колючая проволока, сторожевые вышки, высокие заборы, которые окружали огромную строительную площадку, отъединяли нас, копавших во время воскресников траншеи для укладки труб, переносивших кирпич, убиравших территорию под будущие цветники, от „зеков" (странное дело, до сих пор в университете есть зона „А", зона „Б" и так далее), которые выполняли более тяжелую работу, но это не смущало и не пугало нас. По нашим тогдашним представлениям, за проволокой шло перевоспитание трудом, который мы, вольные, считали тем главным, что лежит в основе человеческого достоинства. Нашим трудом было ученье...» [2]

Глава 6

НЕ ИЗ ВТОРЫХ РУК...

Гордитесь, тщеславные созидатели градов, гордитесь, основатели государств: мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; столпите камень на камень до самых облаков; иссекайте изображения ваших подвигов и надписи, дела ваши возвещающие. Полагайте твердые основания правления законом непременным. Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению.

А. РАДИЩЕВ
«Путешествие из Петербурга в Москву»

В предисловии к этой книге уже говорилось, что публикация в «Литературной газете» статьи «Конспект по корифею» имела большую почту. Как ни странно, некоторые авторы решили, что очерк был посвящен не истории лингвистической дискуссии 1950 года, не загадке обращения Сталина к проблемам языкознания и его работе над соответствующими статьями, не истории торжества и низвержения марризма, не проблеме тоталитарного строя и науки, а жизни и деятельности советского языковеда Федота Петровича Филина, всего лишь несколько раз упоминавшегося в том материале. Скажу сразу, что это — ошибочное мнение, вызванное чрезмерной эмоциональностью или же личной заинтересованностью некоторых читателей видеть в истории лишь бронзовых коней... Что же касается меня, то личность Ф. П. Филина, его творческая биография интересовали автора очерка лишь как один из примеров того, *что* марризм мог делать с молодыми исследователями, давая и особую вредную «прививку» практически на всю жизнь. Иначе говоря, ис-

тория жизни ученого (а то, что Ф. П. Филин был крупным ученым, создавшим немало интересных и полезных трудов по лексикологии, лексикографии, истории языка, — факт, который никто не оспоривает) во многом поучительна именно как социально-исторический феномен, корнями своими прочно увязанный и с марризмом, и со сталинизмом, и со всей нашей системой в целом. Многие документальные факты, с которыми уже познакомились читатели книги, это подтверждают. Но не будем все же забывать, что в конечном итоге человек — сам творец своей судьбы. Представлять же судьбы реальных людей написанными лишь розовой краской — заблуждение довольно опасное (если речь идет действительно о заблуждении, а не о сознательной фигуре умолчания).

Итак, вклад Федота Петровича Филина в целый ряд конкретных научных дисциплин сомнения не вызывает, поскольку это — правда. Поэтому, чтобы не показаться читателю односторонним и преисполненным предвзятости (причин для этого нет), познакомлю вас с короткой словарной статьей, посвященной Ф. П. Филину, в известном издании «Русский язык. Энциклопедия» — оно увидело свет в 1979 году.

«Филин Федот Петрович [р. 23.2 (7.3). 1908, дер. Селино Одоевского уезда Тульской губ., ныне Дубенского р-на Тульской обл.] (Ф. П. Филин скончался в 1982 году. — *М. Г.*) — сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1962). Чл. КПСС с 1939. Окончил Московский пед. ин-т им. В. И. Ленина (1931), д-р филологических наук (1947), проф. (1948). Директор Ин-та языкознания АН СССР (1964—68), директор Ин-та русского языка АН СССР (с 1968), гл. ред. журнала „Вопросы языкознания" (с 1971). Труды по исторической лексикологии, лексикографии русского языка, этногенезу славян, диалектологии и лингвистической географии, общему языкознанию, социолингвистике. Ф. вместе с М. Д. Мальцевым подготовил „Лингвистический атлас района озера Селигер" (1949), который был первым опытом создания диалектологического атласа рус. языка. В книгах „Очерк истории русского языка до XIV столетия" (1940), „Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи" (1949) были освещены общие вопросы развития др.-рус. словарного состава и проблемы его диалектного расслоения. Монография „Образование языка восточных славян» (1962) посвящена проблеме происхождения славян, слав. языков вообще, восточных славян и др.-рус. языка в частности. Проблеме истории складывания трех отдельных восточно-слав. языков посвящена книга „Происхождение русского, украинского и белорусского языков" (1972), в к-рой критически оцениваются различные гипотезы о диалектном членении др.-рус. языка и реконструируются древние диалектные различия, определившие в дальнейшем особенности разных восточнослав. языков.

Теоретик и практик в области рус. лексикографии, один из составителей и (с 6-го тома) председатель редколлегии 17-том-

ного „Словаря современного русского литературного языка“ (1948—65), гл. ред. „Словаря русских народных говоров“ (в. 1—15, 1965—79, изд. продолжается).

Ф. — Почетный д-р Ягеллонского ун-та (Краков; 1976), университета г. Хельсинки (1977), член Финно-угорского общества в Хельсинки (1978). Ленинская пр. (1970)» [1].

Данные справочника «Русский язык», разумеется, соответствуют действительности (хотя в нем и не упомянуты многие другие факты, о которых уже знают читатели нашей книги), — как, впрочем, абсолютно соответствует действительности и фамилия главного редактора этой самой энциклопедии — Ф. П. Филин, обозначенная на ее титульном листе...

В статье для «Литературной газеты» тому периоду в истории советского языкознания, который начался вслед за опубликованием сталинских статей, было посвящено всего пять коротких абзацев. У меня не было задачи его анализировать, ибо это уже выходило за рамки темы очерка. Попытавшись показать глубину корней нетерпимости во взаимоотношениях людей науки (нетерпимости, восходящей именно к обстановке культа личности и марризма как своеобразного движения), я сделал уточнение: «Впрочем, это уже особые, недавние страницы истории нашей лингвистики. Быть может, кто-нибудь в свое время напишет свой очерк и о них...»

Как оказалось, ждать особенно долго не пришлось, и почта «ЛГ» принесла автору ряд таких материалов.

Среди них оказались воспоминания бывшего научного сотрудника Института русского языка, а ныне — старшего научного сотрудника ВНИИ документоведения и архивного дела, кандидата филологических наук Эрика Иосифовича Хан-Пира. Автор этих коротких записок в чем-то не принимает мою точку зрения (в частности, о причинах организации Сталиным лингвистической дискуссии), в чем-то соглашается и поддерживает. Рассказывает Эрик Иосифович и о сложной атмосфере в Институте русского языка АН СССР в тот период, когда институтом руководил Ф. П. Филин, об обстановке, которая известна автору воспоминаний отнюдь «не из вторых рук». Они приводятся мной в книге с разрешения автора — Э. И. Хан-Пира, который берет на себя ответственность за точность изложения фактов (впрочем, как автор любых воспоминаний...). Оригинал хранится в архиве «Литературной газеты». Записки Э. И. Хан-Пира публикуются с минимальными сокращениями; замечу также, что я не вполне разделяю некоторые оценки и эмоции Эрика Иосифовича.

* * *

«Я благодарен „Литгазете“ и М. Горбаневскому за статью „Конспект по корифею“ („ЛГ“, 25 мая 1988 г.), приоткрывшей широкому читателю историю многострадального советского

языкознания. Что побудило Сталина организовать языковедческую дискуссию? М. Горбаневский предполагает: „Возможно, к старости Сталиным овладела страсть, желание стать выдающимся теоретиком, желание внести лепту в теорию науки...“ Не думаю: ведь он задолго до этого был объявлен корифеем науки, считался классиком марксизма-ленинизма, внесшим свой бесценный вклад во все три составные части марксизма. И потом: есть же разница между „стать“ и „считаться“, как между „быть“ и „казаться“. С „казаться“ и „считаться“ у Сталина и до дискуссии был полный порядок. Не думаю, что причиной была и ревность к славе покойного Марра: ведь не вызывало сталинской ревности положение царька в правоведении Вышинского и царька в биологии Лысенко. Мне кажется, обладает объяснительной силой другое предположение М. Горбаневского: „решение о проведении такой дискуссии было... своеобразным тактическим ходом Сталина при неизменности общей стратегической линии на подавлении любого инакомыслия“. Вспомним хотя бы лицемерные филиппики Сталина в конце 30-х годов против идеологии культа личности.

Участие Сталина в дискуссии... Надо было жить в то время, чтобы не только понять, но и почувствовать произошедшее.

Да, Сталин не сказал о языке ничего нового. А если и сказал, то оно было неверным. Однако он самым фактом своего выступления освободил советское языкознание, пребывавшее в многолетнем застое, от догм марризма, от административного террора марристов. Он прямо сказал об установленном ими „аракчеевском режиме в языкознании“.

Жизнь в советской лингвистике закипела.

Только годы спустя языковеды осознали, что сам аракчеевский режим в языкознании лишь потому и стал возможен, что в стране существовал режим, известный под именем „культа личности“. И что режим в языкознании был родным братом не менее свирепому режиму в биологии, физиологии, истории, философии, политэкономии, литературоведении.

А тогда, в первой половине 50-х годов, избавление от аракчеевщины лингвисты связывали с именем Сталина. Да и то сказать, кто мог в ту пору освободить их от следования марристским догмам; кто мог позволить открыто заниматься сравнительно-историческими исследованиями, изучать материю языка? Или ЦК, или Сталин. Больше некому. „Так это было на земле“. Такой вот климат был в науке.

Объективно, фактически вмешательство Сталина стало благим делом и для языкознания, и для языковедов-антимарристов. Вчера гонимые, опальные, с ярлыками адептов буржуазного языкознания, сегодня получившие свободу говорить и писать о языке то, что они думают, не страшась разносов, проработок, исключений, увольнений, а то и исчезновений, эти люди вполне искренне цитировали Сталина и ссылались на него.

Летом прошлого года (воспоминания Э. И. Хан-Пира напи-

саны в июне 1988 года.— *М. Г.*) одна из московских газет упрекнула стойкого антимарриста академика Б. А. Серебренникова за популяризацию работ Сталина по языкознанию, запамятовав, что тогда на Сталина ссылались, разъясняли и популяризировали эти работы все советские языковеды, включая и быстренько покаявшихся марристов.

Гревшие на марризме руки организаторы аракчеевского режима (например, Ф. Филин, о котором немного рассказал М. Горбаневский) уже разок попробовали при первом разоблачении культа личности выдать себя за невинно пострадавших (к слову сказать, с ними обошлись куда мягче, чем до этого с их антиподами: приняв к сведению покаяния и покритиковав, дали возможность работать).

Теперь при второй волне борьбы за ленинские нормы жизни общества духовные дети аракчеевцев опять пытаются свалить все в кучу и представить таких людей, как Б. А. Серебренников, приспособленцами, наживавшими политический капитал в годы культа.

М. Горбаневский рассказал о судьбе Е. Д. Поливанова. И, к сожалению, не упомянул, что 25-летний Филин еще до ареста Поливанова печатно назвал его „великодержавным шовинистом". И это человека, готовившего в Средней Азии кадры востоковедов!

Об атмосфере, порядках и нравах, созданных в Институте русского языка Филиным и его пособниками (один из них — С. И. Котков после сталинских статей скоренько состряпал докторскую диссертацию, „подтверждающую" сталинское „открытие" о роли курско-орловского диалекта в истории русского языка, и на этой диссертации, как на белом коне, въехал в Москву), можно судить хотя бы по таким примерам. (Филин тоже писал о курско-орловском диалекте в брошюре 1954 года.— *М. Г.*)

В январе 1969 года (вскоре после своего прихода в институт) Филин потребовал, чтобы заседание месткома (на котором избирался председатель) проходило в его кабинете и в его присутствии: он хотел навязать угодного ему человека.

Секретарь партбюро, неоднократно переизбиравшийся при Филине, изо всех сил помогал воскрешению аракчеевского режима в институте. Вкупе и влюбе с Филиным решал и ломал судьбы людей. А на одном из партсобраний поделился с присутствовавшими народившейся у него светлой мыслью: в институте есть подпольная организация. С такими способностями ему бы явиться на свет лет на двадцать-тридцать раньше... Филин умел быть благодарным: когда бдительный секретарь потерял по пьянке партбилет, всесильный Федот Петрович устроил так, что его подручный отделался выговором и остался во главе партбюро... без партбилета. Фантастика!

В январе 1973 года один из сотрудников (из тех, кого в годы застоя именовали подписантами или подписанцами) принес

Филину заявление об уходе по собственному желанию накануне аттестации (он знал, чем она кончится). Филин сказал ему: „Покайтесь, Леонид Петрович, и все будет в порядке. Я много раз каялся — и видите, как хорошо сижу".

И Филин положил руку на сиденье кресла, которое до него занимал академик В. Виноградов. (Кстати, критикуя свои додискуссионные взгляды, Филин ни разу — даже после XX съезда — не вспомнил, как лгал на честных советских языковедов, какие наклеивал на них политические ярлыки.)

А когда через 10 месяцев три сотрудницы дважды (на совместном заседании дирекции и партбюро и на ученом совете) покаялись в том, что участвовали в протесте против брежневских беззаконий, послушное Филину большинство ученого совета выбросило их на улицу... Среди них были два морфолога божьей милостью, как говорится.

Фронтовик, замечательный ученый, известный всем советским и зарубежным русистам, доктор наук М. Панов, названный в статье М. Горбаневского, ушел из института исключенным из партии. Он был пригвожден к позорному столбу за то, что направил в ЦК КПСС письмо, где прямо говорилось о порядках, царивших и творившихся в ИРЯ, и где в частности упоминалось о В. Левине (исключенном из партии за защиту Ю. Апресяна, названного в той же статье „Литературки"). (Знакомясь и с этими, и с другими фактами, я невольно вспомнил очерк талантливого журналиста-известинца Александра Васинского о том, каким гонениям подвергались в райцентре Кадом Рязанской области в 1989 году наши советские граждане всего лишь за то, что пели в церковном хоре, как за то же «преступление» преподавательницу пения средней школы выгнали из партии. А. Васинский, сообщив читателям о последнем факте, об исключении этой женщины из рядов КПСС, сделал блестящий микрокомментарий: «Сперва теоретизировали, что первично и что вторично — материя или дух, а коснулось дела — и первичной оказалась первичная организация». — *М. Г.*) [2]

Диалектолог Л. Касаткин, во время войны прибавивший себе год, чтобы попасть на фронт, и раненный под Харьковым, стоял в январе 1974 года перед филинским ученым советом, выслушивая высосанные из пальцев обвинения чуть ли не в антисоветчине. И был забаллотирован.

...Крупному фонетисту, зав. фонетической лабораторией С. Высотскому тоже пришлось расстаться с институтом. Не помогла его восстановлению ни теплая статья о нем в „Известиях", ни вмешательство писательницы Н. И. Ильиной.

...Доктор наук В. Шеворошкин, изгнанный ученым советом, не имел возможности устроиться на работу, на себе познав длину филинской руки, заботливо окружившей его, как волка, флажками. В. Шеворошкин вынужденно покинул родину. Теперь профессорствует в университете города Анн-Арбор (штат Мичи-

ган, США). Через некоторое время за ним последовала жена — Г. Баринова, тоже сотрудник института.

О порядках и нравах филинского периода в истории института мне известно не из вторых рук: я тоже ушел оттуда „по собственному желанию".

Но даже в самые мрачные годы мы знали: так не может продолжаться бесконечно. Наш оптимизм опирался на исторический опыт. И мы верили: придет день, когда скажут правду о долгой варфоломеевской ноченьке, устроенной Филиным и его присными при свете дня» [3].

Глава 7

НАЧАЛО ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ?

> Я всегда завидовал людям, умеющим писать воспоминания. За последнее время мне попалось несколько сборников, посвященных писателям, которых я близко знал. И мне предлагали поделиться своими воспоминаниями о них, но я отказывался, за что навлек упрек в равнодушии, душевной сухости и лени. На самом деле тут было прямо противоположное: слишком сильно — порой до болезненности — ощущал я этих людей при жизни, что мешало работе наблюдения и запоминания. И еще — органическое отсутствие во мне той бытовой, уютной ноты, что считается необходимой для воспоминательной литературы.
>
> Ю. НАГИБИН
> *«Ночью нет ничего страшного»*

Большая редкость написания и выпуска в свет лингвистами своих воспоминаний — интересный феномен, который, вероятно, еще будет описан и объяснен в будущем. Однако факт есть факт. Мемуары советских языковедов исчисляются буквально единицами, хотя мало пишут их представители некоторых других гуманитарных наук... (К сожалению, до сих пор не опубликованы интереснейшие воспоминания П. С. Кузнецова.) Тем ценнее свидетельства, которые все-таки уже существуют, изданы.

Воспоминания минского лингвиста, авторитетного и одаренного ученого Адама Евгеньевича Супруна, помещенные в последней главе нашей книги, несколько необычны.

Во-первых, надо сказать о поводе их написания. Профессор А. Е. Супрун поделился с читателями своими размышлениями о лингвистике конца сороковых — пятидесятых годов в связи с

рассказом о научном, творческом пути замечательного украинского языковеда профессора Юрия Александровича Карпенко. Дело в том, что сотрудники Самаркандского госуниверситета подготовили к печати библиографический указатель работ Ю. А. Карпенко по ономастике, славянскому и общему языкознанию. Введение к брошюре написала доктор филологических наук А. В. Суперанская. А отдельный очерк, посвященный, как принято говорить, «жизни и творчеству» Ю. А. Карпенко, составители попросили подготовить А. Е. Супруна. И вот Адам Евгеньевич, рассказывая о чертах «лингвистического времени», в период которого проходило становление Ю. А. Карпенко как ученого, создал, по сути дела, интересное эссе в жанре воспоминаний, мемуарной прозы.

Во-вторых, брошюра вышла в Самарканде, издана ротапринтной печатью и тиражом всего в тысячу экземпляров. Так что она является библиографической редкостью и вообще известна лишь узкому кругу специалистов. Рассказ же А. Е. Супруна будет, как вы, надеюсь, убедитесь, любопытен и полезен практически любому читателю.

В-третьих, очерк А. Е. Супруна имеет самое непосредственное отношение к содержанию нашей книги, хотя в некоторых оценках и мнениях мы с А. Е. Супруном и расходимся... Однако свидетельства минского ученого очень ценны (в частности, тем, что многие приведенные факты связаны с историей региональных, а не основных лингвистических центров страны). В книге я воспроизвожу, разумеется, не весь очерк А. Е. Супруна (поскольку он все же посвящен в основном профессору Ю. А. Карпенко), а его «мемуарную» часть. Итак, слово — Адаму Евгеньевичу Супруну.

* * *

«Юрий Александрович Карпенко принадлежит к тому поколению советских лингвистов, которое вошло в науку о языке в начале пятидесятых годов. Это — мое поколение, и мне кажется полезным прежде всего охарактеризовать некоторые особенности филологического образования этого периода, тех, кто поступал в университеты или в пединституты в конце сороковых годов и кого лингвистическая дискуссия в „Правде“ застала на студенческой скамье. И еще одна особенность: периферийность. Юрий Александрович учился во Львовском университете, мне довелось учиться во Фрунзе, то есть, несмотря на „столичность“ — в еще более глубокой научной провинции. Вероятно, в каждом университете, в каждом пединституте складывались свои особенности обучения, связанные прежде всего с кадрами профессоров (а их за пределами Москвы и Ленинграда были единицы) и преподавателей, имелись и свои трудности. Были они, конечно, и во Львове.

Я с удивлением прочитал недавно в одной любопытной

статье, написанной в редком для лингвистов жанре воспоминаний и размышлений, о том, что лишь благодаря изустной традиции узнавали они от лучших своих учителей, например, о „Курсе общей лингвистики" Ф. де Соссюра. У меня сохранился до сих пор конспект этой книги, имевшейся в нашей вузовской библиотеке по крайней мере в десятке экземляров, конечно, в русском переводе 1933 года. Конспект был составлен на 2-м курсе, в 1949/50 учебном году. Тогда же я конспектировал Сепира и Вандриеса, годом позже — после лингвистической дискуссии — Мейе и Миклошича. А в 1953 году, готовясь к кандидатскому экзамену, одолевал непереведенного тогда еще на русский Пауля по экземпляру, полученному из Ленинской библиотеки.

Конспектировал я и Марра, и Мещанинова. А без знания тоненького первого издания „Введения в языкознание" А. А. Реформатского сдать экзамен по этому предмету в 1948 году в моем потоке было невозможно. Между прочим, книжка эта была напечатана немецкой типографией в счет репараций, как и прекрасные издания однотомников классиков. И современный русский язык не мыслился для добросовестного студента без изучения прекрасного учебника Аванесова и Сидорова, чтения Виноградова, Булаховского, Пешковского, ну и конечно, Абакумова. И „Современный русский литературный язык" Шахматова, и его синтаксис тоже надо было читать и какие-то части законспектировать (помню, о признаках старославянизмов и о коммуникации, а может быть, и еще кое-что). Это я пишу к тому, что была для нашего поколения и определенная преемственность, и было что читать, не так уж катастрофически складывалось, как иногда представляют, дело. Марризм занимал, конечно, какое-то место в преподавании, но курс современного русского языка включал разве что дежурную ссылку в вводной части лекции, как и другие конкретно лингвистические курсы. После лингвистической дискуссии был прочитан двадцати- или тридцатичасовой курс „основ сталинского учения о языке", который не заменял собой других лингвистических курсов. Вот в науке, особенно в том, что касалось общелингвистических проблем и сравнительно-исторического языкознания, марризм нанес огромный вред, а в преподавание он проник, по крайней мере во многих провинциальных вузах, довольно в малой степени. Думаю, что и в Москве и Ленинграде — тоже. Ни Реформатский, ни Кузнецов, ни Виноградов, ни Ларин, конечно же, не могли быть проповедниками марризма, а они ведь не только работали в вузах, но и учебники издавали. Большим пробелом в нашей подготовке, который сказывается, к сожалению, до сих пор в недооценке дисциплин сравнительно-исторического цикла, было то, что мы не получали, как правило, компаративистической подготовки. А это вело и ведет к недопониманию значения сравнительной грамматики или,

иначе, курса праславянского языка, а также проявляется в своеобразной трактовке историко-языковых дисциплин.

Для характеристики студенческой жизни тех, кто начинал учиться в первые послевоенные годы, характерно еще одно важное обстоятельство. Среди нас было довольно много, скажем, процентов десять, бывших фронтовиков. Они были старше, а главное — опытнее нас. Были более целеустремленными, тверже знали и понимали, зачем они учатся. Они хотели учиться. Нередко это было им нелегко, но они учились упорно и настойчиво. Не все наши однокурсники-фронтовики преуспели в науке, но подавляющее большинство из них стали хорошими работниками. Наличие на курсе нескольких таких ребят играло роль во всем: и в какой-то более серьезной атмосфере на занятиях, и в сидении в библиотеках, и, быть может, в формировании наших жизненных идеалов и ценностей. Наша штатская студенческая одежонка отступала в глазах наших однокурсниц перед шинелями наших товарищей, наше мальчишество не могло конкурировать с боевыми сединами однокурсников. И показать себя, раскрыть свое достоинство можно было лишь через успехи в учебе. Многие мои сверстники дружили и продолжают дружить с теми, кто сел за студенческие столы вместе с нами, придя с войны. И это чрезвычайно важно для понимания нашего поколения. Мы — первое послевоенное поколение и вместе с тем мы *их* однокурсники.

...Львовский университет был в то время одним из наиболее сильных и интересных лингвистических центров в стране. Я впервые попал туда в 1956 году, и поэтому моя характеристика будет, естественно, характеристикой со стороны, но мне представляется, что полезен и такой взгляд современника. В 1948 году во Львове вышел первый том продолжавшего издаваться и в шестидесятых годах сборника „Вопросы славянского языкознания". Это было знаменательное событие в ту пору, когда сравнительно-исторические исследования были не в почете, а московский Институт славяноведения только начинал функционировать. Во Львовском университете были еще свежи воспоминания о лекциях одного из крупнейших лингвистов современности Ю. Р. Куриловича (так подписаны советские публикации работ Ежы Курыловича, вышедшие в Москве и Львове в 1946 году), репатриировавшегося в Польшу. Славистикой во Львове руководил выдающийся ученый-славист Илларион Семенович Свенцицкий, крупный знаток культуры славянских народов. Именно в то время учились у него будущие значительные советские слависты Л. И. Ройзензон, В. В. Мартынов, К. К. Трофимович, Р. В. Кравчук, В. А. Моторный, К. М. Гюлумянц, В. П. Андел и другие. Польский язык преподавал М. И. Онишкевич, чешский — М. А. Пушкарь, труды которых известны. Украинистика была представлена крупным специалистом в области словообразования Иваном Ивановичем

Ковaликом. Здесь работала Л. Л. Гумецкая, другие специалисты.

На кафедре русского языка в ту пору работал будущий академик Виктор Иванович Борковский, защитивший докторскую диссертацию „Синтаксис древнерусских грамот“ по монографии, изданной Львовским университетом в 1949 году. После лингвистической дискуссии В. И. Борковский переехал в Москву и вскоре стал директором академического Института русского языка. (В. И. Борковский с 1954 по 1960 год был директором Института языкознания АН СССР. — *М. Г.*) На львовской же кафедре продолжал работать Евгений Владимирович Кротевич, один из видных советских грамматиков и синтаксистов того периода, к сожалению, рано прекративший свою деятельность из-за болезни. Здесь работал и Виктор Александрович Ицкович, автор интересного исследования по проблеме нормы и соавтор интереснейшего словаря вариантов „Грамматическая правильность русской речи“, вышедшего в Москве, куда перебрался Виктор Александрович в шестидесятых годах, в 1976 году.

Во Львове в конце сороковых — начале пятидесятых годов работали и другие хорошие преподаватели-языковеды, в частности германисты, филологи-классики М. И. Рудницкий, Б. М. Задорожный, С. Я. Лурье и др. Лингвистическая наука была во Львове серьезной и не способствовала процветанию марризма. Бесплодные фантазии и четырехэлементная эквилибристика здесь не могли получить развития. Уже упомянутый сборник „Вопросы славянского языкознания“ открывался обширной статьей В. И. Борковского с анализом простого предложения древнерусских грамот, в нем были помещены статьи Л. А. Булаховского, написавшего в ходе лингвистической дискуссии статью, весьма остро направленную против марризма, И. С. Свенцицкого и другие. Во Львове высок был авторитет подлинной науки о языке: анализа языка памятников, внимания к фактам диалектной речи, изучения различных языков, сравнения данных разных языков...

Если в области литературоведения борьба с „критиками-космополитами“ и „формалистами“ обернулась весьма печально, то в языкознании марровское „новое учение о языке“ в послевоенные годы, несмотря на серию погромных статей, докладов и обсуждений, все же не успело достичь полного разгрома науки, хотя и тормозило ее. Я хорошо помню трехдневную дискуссию о работах моего шефа, И. А. Батманова, вызванную статьями в республиканской газете, первая из которых называлась „Против любительства и объективизма в языкознании“. Это было в 1949 году. Критиковали его и за ссылки на Соссюра и Самойловича, и за отсутствие внедрения в работу о киргизской фонетике положений „нового учения“, за формализм (учет Московской фонологической школы), и даже за пантюркизм (делались сравнения с другими тюркскими языками). И все же 4 мая 1950 года (я подчеркиваю эту дату: статья А. С. Чи-

кобавы, с которой началась лингвистическая дискуссия, была опубликована 9 мая) им была защищена эта фонетическая докторская диссертация...

Статьи Сталина в какой-то мере оздоровили обстановку в науке о языке как опровержением марризма как „единственного марксистского учения о языке", так и дозволением сравнительно-исторических исследований. Я склонен согласиться с мнением Дж. Бернала, считавшего, что эти статьи были парадоксально „началом десталинизации" в науке. (Примечание: Джон Бернал, английский физик и общественный деятель; хорошо известен не только как выдающийся ученый, один из основоположников науковедения и автор книг о роли науки в жизни общества, но и как активный борец за мир — в период с 1959 по 1965 год являлся президентом-исполнителем Всемирного Совета Мира; лауреат международной Ленинской премии мира, иностранный член АН СССР. — *М. Г.*) Конечно, они принесли и бесплодную болтовню, например, о курско-орловском диалекте как основе русского языка, и закрытие определенной части социологических исследований (которые, однако, в тридцатые годы имели налет упрощенного социологизма).

В целом, как мне представляется, первое послевоенное десятилетие в языкознании было довольно бурным, но оно не было пустым и беспросветным. И те успехи в нашей лингвистике, которые наметились во второй половине пятидесятых годов (а затем, как и все наше общественное развитие, несколько приостановились в конце шестидесятых — семидесятых годах, с тем чтобы приобрести, будем надеяться, новое ускорение в восьмидесятых и девяностых), как мне представляется, имеют своими корнями лингвистическую жизнь первого послевоенного десятилетия. Многие общепризнанные лидеры советской лингвистики — Н. И. Толстой и О. Н. Трубачев, В. В. Иванов и А. А. Зализняк, К. В. Горшкова и Н. М. Шанский, В. М. Солнцев и В. Г. Костомаров сформировались в те годы. Они достаточно разные, подчас ожесточенно спорящие друг с другом, но все они из пятидесятых.

В формировании этого поколения в лингвистике важным был, с одной стороны, скачок в признании общественной роли лингвистики, который произошел в связи с лингвистической дискуссией и статьями Сталина. Быть может, даже несколько преувеличенной, но важной для подготовки кадров: выделялись места в аспирантурах, созывались всякого рода курсы и совещания, содержание которых, конечно же, не сводилось к словословиям, хотя и включало их. С другой стороны, общественный подъем, вызванный ликвидацией культа личности Сталина, привел к крупным успехам в науке вообще, к новому отношению к кибернетике и кибернетическим подходам в различных науках. Это обусловило интерес к новым методам и подходам в изучении языка: статистическим и шире — математическим, структурным, а позже — психолингвистическим, к широ-

кому системному подходу в исследовании синхронных срезов и диахронических преобразований в языке, к возникновению прикладных аспектов анализа языка. К сожалению, в шестидесятые годы стали проявляться и тормозящие факторы, замедлившие научное развитие путем закрытия некоторых важных направлений и тем и волюнтаристского отстранения от активной разработки ключевых научных проблем некоторых талантливых ученых (таких, например, как М. В. Панов и Ю. Д. Апресян).

Мне кажется полезным отметить еще одну важную черту наших крупных лингвистов послевоенного десятилетия. Это высокие нравственные и этические принципы подавляющего большинства из них. И, между прочим, поэтому такие крупные филологи, как Реформатский или Булаховский, Жирмунский или Берков, находили необходимым отвечать на обращения к ним молодых коллег из отдаленных регионов, если те были „по делу". И это нисколько не вредило их авторитету, а напротив, поднимало его...

Таковы некоторые черты того „лингвистического времени"...» [1].

Послесловие

Но вернемся в год пятьдесят третий.

...В пятницу 6 марта 1953 года «Правда» на первой траурной полосе сообщила: «5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН. Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества». На этой полосе были сверстаны огромный портрет Сталина, обращение ЦК КПСС, Совмина и Президиума ВС СССР, медицинское заключение, другие материалы, среди которых было и сообщение комиссии по организации похорон о том, что «гроб с телом Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА будет установлен в Колонном зале Дома союзов». Газеты последующих дней до отказа заполнены публикациями в связи со смертью Сталина. Похороны состоялись, как известно, 9 марта. Среди прочих публикаций выделяются материалы о том, как прощалась Москва с вождем. В воскресном выпуске 8 марта «Правда» на первой полосе публикует очерк Бориса Полевого «Сталин с нами! Вчера в Колонном зале Дома союзов». Он начинался словами: «Завечерело. Холодные сумерки заволокли просторы столичных улиц и площадей. Зажглись огни, но движение в столице не ослабело. Человеческие потоки устремляются сейчас к центру Москвы. Потоки эти разрастаются в две широкие реки, и реки эти вливаются в двери Дома союзов, до отказа заполняя марши его мраморных лестниц. Сколько теплых слов о товарище Сталине, слов, идущих от сердца, можно слышать в этих бесконечных траурных вереницах: — Эх, если бы можно было годы ему продлить. Жизнь бы для этого, не задумываясь, отдала.— Разве только бы вы? Миллионы б людей отдали...» А, например, «Литературная газета» во вторник 10 марта напечатала стихотворение Анатолия Софронова «В Колонном зале». Там, в частности, есть такие строфы:

...Льются скорбные звуки в Колонном,
Голос музыки чист и высок,—
И идут и идут миллионы,
Бесконечен народный поток.
Пусть Советская крепнет держава!
К коммунизму простерта рука!
Слава Сталину! Вечная слава!
И бессмертье ему на века!

В том же номере «Литературки» в очерке Николая Погодина «Единство» тоже рассказывается о прощании людей со Сталиным: «...И ведет нас ... вперед одно могучее и скорбное сыновье веление сердца — попрощаться с Иосифом Виссарионовичем. Всем нам, кто сейчас идет рядом со мной, кажется, что на улицы вышла вся Москва, никто из нас не видал таких потрясающе-необозримых людских потоков. Вот оно монолитное, как гранит, народное единство, наполняющее все твое существо ощущением великой силы. ...Именно здесь, среди людей, двигаясь вместе с ними в могучем потоке, всем своим сердцем, всем человеческим существом своим ощущаешь, как сжимаются сердца сотен и сотен миллионов людей на земном шаре».

Да, это было. Но Николай Погодин, разумеется, не мог написать и о другом, что тоже б ы л о... Эти «могучие потоки» в районе Трубной, Страстного бульвара, конца Пушкинской улицы и в других местах превратились в настоящую Ходынку, когда, опрокинув заслон из грузовиков, в очередь к Колонному залу хлынули новые толпы людей. И сердца сжимались не только от эмоций, но и от давки, ломавшей ребра, руки, ноги, и от удушья. Сердца сжимались от вида обезумевших людей, от визга женщин, от вида детей, которых, спасая, начали передавать в окна близлежащих домов. Сердца сжимались и при виде трупов только что погибших москвичей и искалеченных людей, которых складывали тут же — на бульваре. Когда я слышу рассказы о той трагедии (а в давку попали и мои молодые родители), то думаю о фантасмагоричности картины: убийца, уже лежавший в гробу, не удовольствовался миллионными жертвами и уже из потустороннего мира протягивал руку к новым жизням, унося их с собой в могилу... Когда-нибудь появится и такое полотно в мастерской какого-нибудь художника...

Многие пожилые люди знают и помнят о том, что пережила Москва, но молодежь — практически — нет. Да и на страницы газет, журналов, мемуаров хотя бы краткое упоминание об ужасе того мартовского дня попадает сравнительно редко, и современному читателю не всегда понятно. Так, например, вскользь говорит об этом в своем интересном (хотя и не во всем бесспорном по оценкам) очерке-воспоминании «После Сталина. Заметки о политической оттепели» публицист Федор Бурлацкий: «Во время похорон Сталина я попал на Трубную площадь, о которой вспоминали многие писатели. Однако я попал до того, как произошла давка и кровопролитие. ...Шел я рано утром через Трубную не для того, чтобы хоронить Сталина, а чтобы спасать своего сына, шел в больницу (трехнедельный сын Бурлацкого лежал в Филатовской больнице с двусторонним воспалением легких.— *М. Г.*). Я успел пройти между машинами в тот самый момент, когда они по чьему-то мудрому указанию перекрыли все проходы...» [1]. Автор других воспоминаний — Алексей Аджубей — пишет о Н. С. Хрущеве и его

семье, так обрисовывая дни траура в марте 1953 года: «В дни дежурства у постели умирающего Сталина (он делил это дежурство с Булганиным) домой Никита Сергеевич приезжал всего на несколько часов, осунувшийся, почерневший, мало говорил, вновь уезжал в Волынское. В траурной толпе потерялись и пропадали чуть ли не целые сутки его сын и младшая дочь — потрясенные случившимся и рвавшиеся в Колонный зал, чтобы проститься с вождем» [2].

В газетах тех дней вы не найдете намека на происшедшее. Прессе было разрешено скорбеть лишь о Сталине.

Газеты, выходившие в дни траура в связи со смертью Сталина, публиковали не только множество эмоциональных очерков, писем (большинство из которых, думается, были вполне искренними), но и любопытные для потомков фотографии.

Сохранилось такое фото (я тоже встречал его, в газетах начала марта 1953 года, а не так давно его перепечатал «Огонек») — руководители партии и государства у гроба Сталина в Колонном зале. Как же по-разному читается (и явно!) выражение их лиц: нескрываемая искра торжества, радости в глазах Лаврентия Берия, тупое неверие в реальность происходящего в глазах Георгия Маленкова, горечь огромной утраты и щемящая человеческая тоска в глазах Никиты Хрущева... [3]

Конечно, Никита Сергеевич вряд ли в тот момент думал о скончавшемся вожде то, что потом он напишет в своих нашумевших (опубликованных сначала на Западе, а со времен гласности — и в СССР...) воспоминаниях. Можно по-разному относиться к личности Н. С. Хрущева, но интерес к его мемуарам, попавшим наконец в руки массовому читателю благодаря журналу «Огонек», не случаен: Хрущев знал очень много. Знал и помнил, хотя воспоминания его и не лишены противоречий и, разумеется, в значительной мере субъективны.

Зная о том, что материал его записок весьма обширен, я не удивился, когда в одной из глав увидел отрывок, посвященный лингвистическим «трудам» бывшего кумира, низвергнутого «нашим Никитой Сергеевичем» и на XX съезде, и в этих мемуарах. Вот что вспоминал Хрущев:

«Мы (Хрущев говорит о высших руководителях страны.— *М. Г.)* очень часто ездили к Сталину, почти каждый вечер. Только когда нездоровилось Сталину, были пропуски. Других причин не было, потому что Сталину девать себя было некуда.

Он был, как тот купец из „Горячего сердца“, которого Тарханов играл. У этого купца был какой-то приближенный, который все думал, чем занять его время...

Ему делать было нечего, он неспособен что-нибудь делать, а мы должны были работать, работать на своих постах, на которые мы были избраны, а кроме того, мы должны были участвовать в вечерах Сталина в качестве персонажей из „Горячего сердца“ и развлекать его.

Тяжелые были времена. Так мы провели XIX съезд и нача-

ли последний этап работы под руководством Сталина и вместе со Сталиным.

Кажется, еще до съезда он ввязался в дискуссию по языкознанию. Очень странная дискуссия была. Она ему не нужна была; он принимал грузина, ученого, с ним беседовал. Тот както разбудил у него желание включиться в этот спор. Он начал вести спор, выступал против академика Марра, против его трудов. В конце концов он выступил и против этого своего друга грузина. Это близкий к нему человек, он его не раз приглашал, он у него обедал. Таким образом, появился труд Сталина по языкознанию, теоретический труд последнего этапа его жизни» [4].

Сейчас, когда мы уже достаточно полно представляем себе особенности создания упомянутого Хрущевым «труда» И. В. Сталина, нас может охватить беспокойство: а что, если значительная часть воспоминаний Никиты Сергеевича,— как и только что прочитанный отрывок,— полны неточностей, хронологической «размытости», путаницы, домыслов и несуразностей. Я уже не говорю о том, что XIX съезд проходил 5—14 октября 1952 года, а дискуссия по вопросам языкознания открылась в «Правде» 9 мая 1950 года. Но дискуссия была санкционирована именно Сталиным, и он не «вел спор», а просто громил Марра. И против «близкого ему грузина» не выступал, свидетельств тому нет. И т. д. Но если послушать Хрущева, то получается, что абсолютно одряхлевший, впавший в маразм Сталин «занялся» языкознанием едва ли не от того, что ему «девать себя было некуда»...

Обратите внимание и на то, что Хрущев не ставит слово «труд» в кавычки, либо продолжая верить в истинность его применения к брошюре вождя «Марксизм и вопросы языкознания», либо не поняв (как и миллионы других людей) элементарной сути проблемы, к которой обращались лингвисты и Сталин. А может быть, и одновременно по двум этим причинам. Так или иначе, суждение Хрущева о дискуссии по языкознанию начала 50-х годов было размножено «Огоньком» тиражом в 3 миллиона 350 тысяч экземпляров. А ведь грядут еще выпуски воспоминаний «нашего Никиты Сергеевича» и отдельными книгами, которым сотни тысяч читателей должны верить. Во всем этом — еще одна причина необходимости подробного, хронологического анализа некоторых малоизвестных страниц истории советской лингвистики.

Очевидно, эпоха Хрущева, отдаленная от нас меньшим, чем эра Сталина, временем, помнится вам, уважаемые читатели, лучше. Да и публикаций, посвященных ее анализу, как и фигуре самого Никиты Сергеевича, за последние годы появилось немало. Это не случайно, поскольку в событиях 1956 года многие из нас видят параллель событиям года 1985-го, а многоликая и противоречивая картина хрущевской «оттепели» иногда прямо сопоставляется с полотнами перестройки. Порой дело

доходит до идеализации лет правления Хрущева, до чуть ли не умиления многими ее чертами. Подобная идеализация, как давно стало очевидным любому серьезному и знающему человеку, есть заблуждение. Ибо эпоха Хрущева была именно такой, какой запечатлел ее в памятнике Никите Сергеевичу разнесенный им в свое время в пух и прах скульптор Эрнст Неизвестный (ныне благополучно вносящий вклад в мировое искусство как гражданин США) — контраст света и тьмы. В публицистике, в научно-художественной литературе один из наиболее исчерпывающих (несмотря на краткость журнальной публикации) и объективных анализов феномена Хрущева дал народный депутат СССР профессор Гавриил Харитонович Попов. Отсылаю вас к его огоньковскому очерку [5].

И действительно не надо думать, что выкручивание рук еще робкой свободе «детей XX съезда» началось только с приходом Брежнева и его «генштаба». Все это было уже в начале 60-х годов, что имело самое существенное влияние и на развитие гуманитарных наук:

«...Уже заскрипели тормоза. Уже завинчивались гайки. Уже многие бывшие крикуны ускоренным курсом зубрили „эзопов" язык. Уже обозначилась основная черта будущей эпохи: раздвоенность. На желаемое и действительное, на слово и дело, на фасад и задворки. Начало даже казаться, что можно жить и с кляпом во рту. Одно неудобство — приему пищи мешает, но поскольку вслед за пищей для ума обычно иссякает и хлеб насущный, и с этим неудобством многие вскоре смирились — есть-то хочется...» [6]

Но время шло... Закончилась и хрущевская «оттепель» — бывшие сталинисты вновь укрепили свою власть в стране (хотя эпоху Хрущева и его политику в области литературы, искусства, науки, как мы с вами уже определили, идеализировать нельзя!). К началу 70-х годов достигла своего расцвета (уже — по известному закону истории — как фарс!) эпоха и бескровная диктатура (правда, не совсем уж мирная...) Брежнева — с ее классическим монизмом во многих сферах нашего бытия, с ее парадностью и пустословием, с дубинным замахом на инакомыслие, с ее жестокими административными мерами и методами, с ее разнузданной коррупцией во всех эшелонах власти и сиятельным кумовством, с ее невиданным разгильдяйством и наплевательским отношением к общественному труду, с ее попустительством серости — лишь бы она была преданна, особо не размышляла и не забывала о вновь отлитой формуле: «...и лично Леониду Ильичу Брежневу».

Одна из самых ярких метафор, характеризующих переход к новому историческому этапу в жизни страны, принадлежит, на мой взгляд, Фазилю Искандеру:

«...Увы, время к этому времени остановилось и стало медленно оползать в мертвую зону сталинской эры. Радостная, сумбурноватая, короткая, как полярное лето, эпоха Хрущева

кончилась; может быть, надорвалась на выносе тела генсека из Мавзолея» [7].

Кроме всего прочего, в брежневские времена не только не было создано правовое государство, но и произошел откат обратно на многие из тех позиций, которые были рождены сталинизмом. Да, не существовало уже страшной 58-й статьи Уголовного кодекса, но весьма активно «работали» новые, появившиеся *вместо* нее при Хрущеве статьи 70 и 190[1] УК РСФСР — «антисоветская агитация и пропаганда» и «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (разумеется,— и им соответствующие в УК союзных республик). Инакомыслие наказывалось лагерем и увольнением с работы, выталкиванием за рубеж и психушками. Поползло по газетным страницам в грязно-ругательном контексте словечко «диссидент».

«Движение диссидентов в целом принесло большую пользу развитию общественного сознания и общественной активности в нашей стране. В начальной стадии это был протест против возрождения сталинизма в СССР во второй половине 60-х годов. Общими были протесты против ограничений демократии, свободы слова и печати, ограничений свободы совести, усиления бюрократизации, все большего влияния цензуры, злоупотребления учреждениями психиатрии для изоляции „неудобных" лиц, пренебрежения важными национальными требованиями и т. п. Однако при разработке позитивных требований и программ в среде диссидентов, многие из которых оказались не только в заключении, но и в эмиграции, происходила существенная дифференциация, возникали взаимные и часто крайне резкие по тону споры, даже вражда. Диссиденты конца 60-х годов были очень непохожи на диссидентов конца 70-х годов. Конечно, позиция части диссидентов сейчас меняется, и они готовы поддержать нынешнюю перестройку в стране, они готовы на консолидацию сил с наиболее прогрессивными представителями советской интеллигенции. Однако многие из диссидентов занимают выжидательную позицию, а часть — даже остро враждебную позицию по отношению к перестройке и ее представителям в среде нашей интеллигенции» [8].

Сейчас, слава Богу, мы уже почти и забыли, что был такой «эпитет» в русском языке, чреватый серьезными последствиями... М. С. Горбачев в одном из публичных выступлений признает:

«У нас еще недавно когда говорили об инакомыслии, то сразу же задавались вопросом: не пора ли с ним покончить? А ведь инакомыслие — это просто иная мысль. А иная мысль при обсуждении больших проблем, больших вопросов, серьезных вопросов, новых вопросов всегда должна присутствовать. Ибо дискуссия, исследование явлений, их оценки всегда связаны с высказыванием разных мнений, с работой мысли — значит, иная мысль всегда будет тут присутствовать. Инакомыслие,

если это иная мысль, а не политическая спекуляция (так тоже бывает),— это мотор духовного и научно-технического прогресса» [9].

Так начали думать после 85-го года, после того, как перестройка, гласность и демократизация стали сначала лозунгом, а затем состоянием — сложным, болезненным,— но реальным состоянием дел в нашей стране, в нашем общем доме.

Брежневщина же была не только идеологическим благовестом, но и тяжелой дубиной тоже. Честнейший человек и гражданин академик Андрей Дмитриевич Сахаров был назван новоявленным «врагом народа» (выражения использовались в документах и в прессе новые, но суть осталась старая, сталинская!) и досыта испил из своей горькой чаши в городе Горьком...

Вряд ли ошибусь, если скажу, что одним из первых наиболее правдиво, честно и открыто рассказал о «горестном перечне потерь нашей науки и культуры» в хрущевские и особенно брежневские годы писатель Даниил Гранин — в своей мудрой статье, опубликованной «Известиями» в январе 1989 года. Приведу из нее сравнительно небольшой отрывок, начинающийся рассказом о Жоресе Медведеве, брате Роя Медведева. Жоресу сломали судьбу все тот же приснопамятный Трофим Лысенко и его вельможные покровители:

«Советский биолог Жорес Александрович Медведев, один из первых, в 1962 году, когда Лысенко был опять в силе, бросил вызов лысенковщине, написал обстоятельное документальное исследование „Биологическая наука и культ личности". Доказательно разоблачил он как методы борьбы Лысенко, так и последующую его публицистику. Затем его посадили в психиатрическую больницу, и только энергичные протесты ученых во главе с П. Л. Капицей, писателей во главе с А. Т. Твардовским позволили освободить его оттуда. Вскоре после этого его заставили уехать за рубеж. Насильно был вывезен из страны А. И. Солженицын. Также насильно вытолкнули поэта И. Бродского, писателей В. Некрасова, В. Аксенова, А. Синявского.

Применяли разные методы, чтобы избавиться от инакомыслящих, от несогласных. Создавали невыносимые условия на работе, запрещали фильмы, спектакли, не давали печататься, увольняли, художникам не давали выставляться, не давали работать. (Или вообще возбуждали уголовную ответственность под любыми мыслимыми предлогами, вплоть до абсурдных обвинений в тунеядстве; причем сами власти не давали человеку нормально трудиться,— как это было с ленинградским поэтом Иосифом Бродским, бывшим „тунеядцем", прошедшим унизительное судилище в городе на Неве, нынешним лауреатом Нобелевской премии, но увы — уже не гражданином СССР! Показателен и пример с „психушкой", в которую зашвырнули Жореса Медведева: в те времена он был отнюдь не единственным постояльцем новоявленной советской палаты № 6... — *М. Г.*)

Выезжая за рубеж, люди оставались там, становились „невозвращенцами", их немедленно причисляли к изменникам, перебежчикам, шельмовали, клеймили — не только их, доставалось и родственникам, которые оставались здесь» [10].

Каждое слово Даниила Александровича в этой статье — святая правда, в которой лично мне многое известно не из вторых рук. Горькая эта правда — тоже часть нашей истории, и ее нельзя ни переделать, ни забыть, ни «отменить». Эта правда все ощутимее возвращается в наше сознание (я уверен, что многое нам еще предстоит узнать и осознать) благодаря мужеству некоторых из наших современных политических лидеров, благодаря жажде на истину среди широких народных масс, благодаря многим честным подвижникам — таким, как Даниил Гранин.

Конечно, сильнее всех страдали талантливые, неординарные люди, творческие личности с острым умом (а, как водится среди отечественной интеллигенции, не менее острым языком) и старыми счетами с бездарностью, командно-административными методами управления, с вышедшими из тени сталинистами и их способными учениками...

«Наследникам Сталина» довольно быстро удалось, например, «свалить» (как они тогда горделиво похвалялись) академика В. В. Виноградова.

Рассказывая в передаче Центрального радио (19 января 1989 года), а затем и в журнале «Русская речь» о жизни и творчестве этого выдающегося советского ученого-филолога, его ученик президент АПН СССР В. Г. Костомаров честно сказал о факте и причинах противодействия, с которым столкнулся Виктор Владимирович в конце своей жизни, во второй половине 60-х годов. При этом Виталий Григорьевич, блестящий стилист (как в строго научном, так и в публицистическом жанрах), дал интересное и образное определение, характеристику брежневской эпохи:

«Под конец жизни В. В. Виноградов вновь сталкивался с большим противодействием. Мы тогда, конечно, не могли этого понять, но сейчас-то ясно, что начинался период „застоя", с его своеобразной философией спокойного удушения живой мысли (разрядка наша.— *М. Г.*). И Виктор Владимирович это хорошо ощущал, по-моему, чувствовал негативные общественные направления и был резко против них. А если к этому добавить чрезвычайно острый стиль его высказываний, то нетрудно догадаться, почему он был лишен поста академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР, позднее освобожден от должности директора Института русского языка (на которую был назначен гораздо более «достойный» по тем временам Ф. П. Филин.— *М. Г.*), какое-то время не мог вообще в Москве найти работу, что было очень странно; потом его пригласили в Пушкинский дом (Ленинград). А вскоре, в октябре 1969 года, он скончался» [11].

И все же брежневские намордники или кляпы, которыми Система пыталась забить души людей, не всегда могли исказить измерение правды и чести, в котором продолжала жить и творить значительная часть российской, да и в целом — отечественной интеллигенции.

Но какие же, судьи мои,
Вы на душу запреты наложите?
Отлучивши меня от земли,
От небес отлучить вы не сможете.

Эти строки написаны рукой поэта Вадима Делоне, умершего в Париже в возрасте 36 лет, а в 1968 году (когда он был двадцатилетним юношей) вышедшего на Красную площадь в горстке смельчаков, считавших, что советские танки на Вацлавской площади в Праге — это надругательство над свободой не только чехословаков, но и над нашей собственной... [12].

Ввод войск в Чехословакию стал характерным рубежом в развитии нашей страны, вновь повернувшейся на путь ужесточения тоталитарной антидемократической Системы. Этот поворот сказался на всем, в том числе и на науке... Как важно сейчас лучше и полнее осознать сложность и опасность обстановки, на базе которой начало развиваться удушение «инакомыслия» в филологической, лингвистической науке!

Да, все это тоже — часть исторически правдивой биографии нашего государства.

Харьковский профессор Леонид Фризман, выступая в «Собеседнике», напомнил всем нам известную мудрость о «бывшем» и «небывшем» и тут же довольно точно ее прокомментировал:

«Древние говорили, что сами боги не могут сделать бывшее небывшим. Говорили, наверное, не без горечи: всем поколениям доставалось не то бывшее, какое им хотелось бы иметь. Мы не являем собой исключения» [13].

Как хотелось в детстве хотя бы на миг получить волшебную палочку, чтобы страшное, неприятное или недостойное «бывшее» превратить в «небывшее». Но такую волшебную палочку ни простому смертному, ни вождю (или синклиту руководителей), ни стране, *к счастью,* никто подарить не сможет...

...Да, в те годы много было наделано у нас и благоглупостей, и «злоглупостей».

Досталось и отечественной науке, чему посвящен ряд интереснейших статей в «революционном» сборнике публицистических статей «Иного не дано» издательства «Прогресс», ставшего в 1988 году, пожалуй, одним из самых популярных и — соответственно дефицитнейших и труднодоставаемых — бестселлеров в СССР (возьмите хотя бы статью М. Франк-Каменецкого «Механизмы торможения в науке»). А другой член авторского коллектива того же сборника открыто указывает на связь отрицательных явлений в науке с порочным наследи-

ем именно сталинско-брежневских поколений научных администраторов [14].

Не забудем и о том, что на полную мощность работало по-своему известное Пятое управление КГБ, созданное в начале 60-х годов для борьбы с «враждебным идеологическим воздействием на граждан СССР» (его сотрудники «курировали» и научные круги). Это подразделение, активно применявшее по отношению к нашим согражданам уже упомянутые статьи 70 и 190[1] УК РСФСР [15], вместо того чтобы инакомыслию противопоставить также мысль, идею, слово, было упразднено лишь перестройкой и только в октябре 1989 года [16].

Коснулось ли все это лингвистики?

Увы, да. Было торможение и в нашей науке, в частности, в русистике.

Закрывались некоторые интересные, важные и перспективные темы, а от их разработки отстранялись одаренные ученые. В самом конце 60-х — начале 70-х годов была создана невыносимая обстановка вокруг ряда специалистов в Институте русского языка АН СССР. Многие талантливые лингвисты были из него буквально изгнаны, хотя формально и подавали заявления «по собственному желанию». Среди них были, например, Ю. Д. Апресян, М. В. Панов, Л. П. Крысин, Л. Л. Касаткин, Э. И. Хан-Пира, В. Д. Левин, В. В. Шеворошкин (последние два были вынуждены уехать за рубеж). Да и не только этих лингвистов травили! О некоторых фактах из тех тяжелых времен разгула брежневщины в лингвистике вы узнали «из первых рук», познакомившись с материалами второй части книги.

Кстати, не забыли вы, кто был директором Института русского языка АН СССР в ту пору (вовсе не случайно получив ответственный пост в памятном 1968 году, запомнившемся особенным размахом брежневско-сусловской дубины в охоте за «инакомыслием», которое «проникло» и в русистику...)? Кто устроил такую чистку, четко усвоив брежневскую идеологическую конъюнктуру и припомнив свой собственный опыт еще сталинских времен?

Это был к тому времени уже член-корреспондент АН СССР и лауреат Ленинской премии Федот Петрович Филин... Да, как сказал бессмертный Шекспир устами Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам...»

Флаги на башне советского языкознания могли меняться, но всегда находились люди — Ф. П. Филин один из них,— которые стойко держались у флагштока при любых обстоятельствах или к тому стремились.

Впрочем, это — действительно уже особые недавние страницы нашей лингвистики. Быть может, кто-нибудь *в свое время* напишет книгу и о них.

Хотя еще не известно: напишет или нет. Точнее,— сможет написать или нет. Ведь предсказание поэта Виктора Коркия пока еще вполне имеет шанс воплотиться в реальность:

...И нас не купишь на испуг
Ни по дешевке, ни по пьянке.
История опишет круг
И завершится на Лубянке.

Рыдают сорок сороков.
Опасны на Руси прогнозы,
И память десяти веков
Прожгли не истины, а слезы... [17]

Впрочем, эти же жгучие слезы помогли нам выстрадать и истину. Она проста: «...С мыслью можно бороться только мыслью» [18]. Именно ее в течение долгих и горьких лет старался вложить в наши сердца и разум Андрей Дмитриевич Сахаров.

Упокой, Господи, душу его!

ПРИМЕЧАНИЯ*

Предисловие

1. Б. А. Серебренников // Лит. газ. 1989. 22 марта.
2. Потапов Н. Идолы и жупелы: Публицистические заметки критика // Правда. 1989. 31 марта.
3. Сахаров А. С мыслью можно бороться только мыслью // Перестройка и права человека: Приложение к журналу «Новое время». Декабрь 1988. С. 8.

Вместо введения

1. В двенадцатой книжке «Нового мира» за 1988 год Сергей Бочаров сообщил читателям (столько же удивленным, вероятно, как и я), что эта песня имеет совершенно конкретного и ныне здравствующего автора, судьба которого в самом деле прошла через ГУЛАГ... Ее автор — *Юз Алешковский,* чьи песни, по выражению С. Бочарова, были в 50—60-е годы «среди первых свободных голосов нового исторического времени; это была рождающаяся свободная форма творчества, не имевшая никаких претензий на место в официальной словесности». Рассказывая новомирскому читателю о Юзе Алешковском в предисловии к подборке его стихов и песен, С. Бочаров, в частности, пишет: «Песня про „большого ученого" стала подлинным фольклором нашего времени: имя поэта было потеряно, текст дополнялся новыми куплетами. Для поэтического произведения судьба завидная и верное свидетельство того, что была уловлена народная потребность. Песню стали приписывать то Высоцкому, то Галичу, то кому-то еще, но была она рождена до Высоцкого и Галича, в 50-е годы, и имела автора» (Бочаров С. Предисловие: Юз Алешковский. «Не унывай, зимой дадут свидание...» Новый мир. 1988. № 12. С. 121). Да, песня действительно стала частью нашего нового фольклора, поэтому я не меняю в своем введении ее текста по сравнению, видимо, с «классическим», опубликованным «Новым миром»:

Песня о Сталине

Товарищ Сталин, вы большой ученый —
В языкознанье знаете вы толк,
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ — серый брянский волк...

(Новый мир. 1988. № 12. С. 121)

2. Комс. правда. 1988. 7 нояб.
3. Моск. новости. 1988. 6 нояб. № 45. С. 11.
4. Книги Нового Завета. От Иоанна святое благовествование. Гл. 1. Ст. 1, 2, 3.
5. Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Отв. ред. акад. Г. В. Степанов. М., 1985. С. 8.
6. Творческое наследие этого крупного деятеля нашей духовной культуры, философии и русской общественной мысли, как наследие многих дру-

---

* От издательства: ответственность за аутентичность цитат и библиографических ссылок несет автор книги.

гих сынов России в последнее время тоже начинает возвращаться к нам, его восприемникам, возвращаться на русскую землю, от которой отец *Сергий Булгаков* (1871—1944) был насильно отторгнут в жестокое и недоброе время. Один из первых шагов в благородном деле сделан журналом «Новый мир», который в октябрьской книжке за 1989 год в рубрике «Из истории русской общественной мысли» познакомил читателей с подборкой произведений Сергея Николаевича Булгакова «Моя родина. Статьи. Очерки. Письма» (Новый мир. 1989. № 10, С. 201—246).

«Лествица Иаковля. Об ангелах» — пользующийся широкой известностью богословский труд С. Н. Булгакова, впервые изданный в 1929 г. в Париже. Отрывок, который я предлагаю вашему вниманию, воспроизводится именно по первому изданию книги:

«...Небо и земля сотворены „в начале", т. е. не только первоначально, но и изначально, из или на основании единого зиждительного миротворческого начала — Премудрости Божией. Мир сотворен Премудростию, „вся Премудростию сотворил еси". Премудрость Божия, самооткровение св. Троицы, Отца в Сыне Духом Святым, содержит идею или первообраз творения. — Божественный мир, предвечно сущий в Боге. Триипостасный Бог имеет единую сущность или природу, единую жизнь и самооткровение, и это самооткровение Божества, как в себе сущее, есть Слава Божия и Его Премудрость. Эта же Премудрость есть и основание и цель творения. „Господь имел меня началом путей Своих искони" (Пр. Сол. 8, 22). Все, что творит Бог, содержится в Его Премудрости и не может пребывать вне ее (оставаясь „во тьме кромешной внешней", вне бытия). В отношении к самому Богу Премудрость Его есть предвечное содержание Слова Божия, слово Слова, и вечная Жизнь, реальность этого слова — Духом Святым. Она есть Сам Бог в самооткровении Своем. По отношению же к тварному миру она есть мир до творения, komos noetos мир Божественный, первообразный, содержащий в себе достаточное и исчерпывающее основание для всего сущего. В начале en arche — еще раз повторено первое слово книги Бытия Евангелистом Богословом, — бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово: в Начале, т. е. в Премудрости Божией Слово Божие, Слово Отчее, было, т. е. предвечно имеет бытие и жизнь („в Том живот бе") Духом Животворящим. В этом начальном тексте Евангелия Иоаннова содержится откровение не только о Слове, но и о всей Св. Троице. Иначе, впрочем, это и не может быть, п. ч. откровением о Сыне уже вводится и откровение об Отце, а оно не может остановиться на Двоице, но с необходимостью вводит и Троицу. Поэтому бе необходимо толковать не в смысле простой глагольной связки (что, очевидно, неуместно и недостаточно в тексте столь высокого богословского содержания), но в смысле таинственного, прикровенного указания о Духе Святом животворящем, Отца и Сына соединяющем как amor unitivus amborum („Слово бе к Богу", „Сей бе искони к Богу"). Это бе, как и это к Богу pros ton theon где явно разумеется Отец, есть не что иное, как указание на Духа Св. И эта же мысль еще более определенно выражена в ст. 4: „в том живот бе, и живот ezoe был свет человеком". Жизнь здесь явно обозначает Духа Животворящего, пребывающего на Сыне, просвещающем мир Духом Святым. Понятый в этом тринитарном смысле пролог Евангелия Иоанна содержит в себе учение не только о Слове Божием, Сыне Отчем, но и о духе Святом Утешителе, как это и естественно для пролога Евангелия пневматологического по преимуществу. Однако пролог Иоаннова Евангелия имеет значение не только тринитарное, но еще и софиологическое. И, прежде всего первое слово пролога в начале есть то же, что и в Бытии (и, конечно, в Притчах 8, 22). Оно, очевидно, не может означать здесь времени в отношении к предвечной жизни св. Троицы, но имеет общее онтологическое значение. Если в начале Бытия 1,1 еще может быть понято *и* в смысле временном, насколько относится к возникновению мира, то в прологе, где напротив, implicite отвергается какое бы то ни было возникновение Слова, но утверждается Его изначальное, т. е. извечное бытие, это временное понимание en arche прямо неуместно и противоречиво. En arche означает здесь не „в начале времени", но „в вечности Божией", и первоначальное значение начала есть поэтому веч-

ность. Но что же иное означает вечность Божия, как не его Премудрость и Славу?

Софиологический смысл пролога явствует далее из того, что учение о св. Троице излагается здесь в прямом отношении к миротворению: „вся тем быша", „свет во тьме светит", „Слово плоть бысть". Здесь сопоставляется и приводится в связь учение о предвечной жизни Бога в Себе, во Св. Троице, и о Боге-Творце, исходящем из Себя к творению, Своим светом освещающим тьму „кромешную", т. е. небытие, тварное ничто до творения. При этом соединяющим Бога с миром началом является София, Премудрость Божия: „Господь имел меня (премудрость) началом путей Своих". Можно сказать, таким образом, что начало arche, пролога Евангелия Иоанна есть предвечная Премудрость Божия, божественный мир до творения, как основа творения. (Тожественная сила выражений начало и премудрость устанавливается книгой Притчей Сол. 8, 22 сл., где оба выражения устанавливаются именно в равнозначности своей). Обращенная к Божеству, она содержит в себе жизнь Св. Троицы: Utos en en arche pros ton theon это тринитарная формула в софиологическом аспекте: начало содержит в себе откровение Отца, обращенное к Сыну и действуемое Духом Святым. Начало же в книге Бытия содержит откровение о той же Премудрости, но уже в ее обращенности к творению, как основании этого творения: „в начале сотвори Бог небо и землю". В начале значит здесь: началом, чрез начало, сообразно началу, на основании начала. Предвечная Премудрость в Боге и она же как начало миротворения суть не два различных начала, но одно и то же начало, arche, обращенное к Богу и к миру: в первом смысле она есть мир, как божественная несозданная первооснова твари, во втором же смысле — мир, как возникший из ничего волею Божиею, тварная Премудрость, вся тварь, куда входит, очевидно, мир и ангельский и человеческий. (Этому софиологическому значению Пролога Иоаннова Евангелия не противоречит то особое христологическое, точнее логологическое ударение, которое, соответственно особой задаче Евангелиста делается им здесь на Второй Ипостаси. При этом выделяется нарочитая обращенность к миру именно этой космоургической Ипостаси: „вся тем (Словом) быша, и без него ничтоже бысть еже бысть" (хотя в слове быша можно уже уразумевать животворящее действие Духа Св. в творении).

Итак, общее основание творения для всего созданного мира, неба и земли, содержится в Премудрости Божией» (Прот. Сергий Булгаков. Лествица Иаковля. Об ангелах. Париж. 1929. С. 43—47).

7. Гете И. В. Фауст: Трагедия / Пер. с нем. Б. Пастернака; Вступ. ст. и коммент. А. Аникста. М., 1982. С. 61.

8. Книги Нового Завета. От Иоанна святое благовествование. Гл. 21. Ст. 25.

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Встреча на даче Сталина

1. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1987. С. 1499.

2. Абрамов Ф. Пути-перепутья. Л., 1981. С. 14—15.

3. Чикобава А. Когда и как это было // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. XII. Тбилиси. 1985. С. 11.

4. Вопросы истории. 1988. № 6. С. 59.

5. Солженицын А. В круге первом. Париж. ИМКА-пресс. 1969. С. 118.

6. Чикобава А. Когда и как это было... С. 10.

7. Чикобава А. Когда и как это было... С. 10—11.

8. Сталин И. В. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой // Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 36.

Глава 2. Новые Кириллы и Мефодии

1. Сказания о начале славянской письменности // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М.: Наука. 1981. С. 86—87. Кстати, а какие именно слова были впервые записаны новой, славянской азбукой? Частично ответ на этот вопрос должен быть ясен и по отрывку из «Жития». Но дополню его цитатой из одной книги (а издано их — множество) по истории христианской церкви:

«К этим великим трудам св. братья, по примеру Апостолов, готовились молитвою и сорокадневным постом. Как только азбука была готова, то св. братья перевели на славянский язык избранные места из Евангелия и Апостола и более нужные богослужебные книги. Первые слова, писанные на славянском языке, были св. Евангелиста Иоанна: „В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово". (Иоанн Казанский. История христианской церкви. 4-е изд., испр. и доп. Тула: Изд-во Д. И. Фортунова. 1905. С. 107)».

2. См. напр.: Белодед И. К. Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. М., 1972; Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Алма-Ата. 1964; Исаев М. И. Языковое строительство в СССР. М., 1979; Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1977 и др.

3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 122.

4. Виноградов В. В. В. И. Ленин и развитие советской филологии // Виноградов В. В. История русских лингвистических учений: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / Сост. Ю. А. Бельчиков; Предисл. Ю. В. Рождественского. М., 1978. С. 340.

5. Язык мой — друг мой // Сов. культура. 1988. 16 июля.

6. Шукуров М. Кто беспомощен в собственном языке // Лит. газ. 1988. 14 дек. № 50 (5220). С. 3.

7. Исаев М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР (вопросы языковой политики и языкового строительства). М., 1982. С. 70.

8. Ушаков Д. Н. Краткий очерк деятельности лингвистической секции научно-исследовательского института языка и литературы // Ученые записки РАНИОН. Институт языка и литературы. Лингвистическая секция. Т. I. М., 1927. С. 130.

9. Звегинцев В. А. Что происходит в советской науке о языке. М., 1988. С. 4—5. (Из архива В. П. Нерознака). (Статья опубликована в сокращенном виде в «Вестнике Академии наук СССР». 1989. № 12. С. 11—28.)

Глава 3. «Самый обычный гениальный человек»

1. Цит. по: Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 11.

2. Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. М. 1988. С. 189.

3. Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов... С. 3.

4. Пастернак Б. Победитель // Б. Л. Пастернак. Стихи. М.: Худож. лит., 1966. С. 223.

5. Пастернак Б. Ветер (Четыре отрывка о Блоке) // Пастернак Б. Л. Стихи. М., 1966. С. 301.

6. Иванов В. В. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 72—73.

7. Документы Октября / Сост. М. Москалев. 2-е изд., доп. М., 1933. С. 78.

8. Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов... С. 52.

9. Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов... С. 90.

10. В белых одеждах правды: Читатели о новом романе В. Дудинцева // Сов. Россия. 1988. 9 окт.

11. Цит. по: Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова... С. 24.
12. Цит. по: Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова... С. 25.
13. Культура и письменность Востока. Кн. X. М., 1931. С. 136.
14. Цит. по: Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д., Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова... С. 24.

Глава 4. Сал! Бер! Йон! Рош!

1. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 9.
2. Абаев В. И. Н. Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 96.
3. Абаев В. И. Н. Я. Марр... С. 93.
4. Наука и научные работники СССР. Ч. II. Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926. С. 2—3.
5. Наука и научные работники СССР. Ч. II... С. 9.
6. Наука и научные работники СССР. Ч. II. С. 3, 9, 28, 36, 88, 89, 98, 101, 124, 125, 154, 210, 211, 237, 270.
7. Стеллецкий В. Н. Я. Марр и наука о языке // Лит. учеба. 1935. № 1. С. 138.
8. XVI съезд ВКП(б): Стенографич. отчет. М., 1930. С. 98.
9. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1949. С. 453.
10. Проф. Мегрелидзе И. В. в своих мемуарах отмечает, что Марр был принят в партию по предложению В. М. Молотова. О его воспоминаниях см. ниже [15].
11. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр... С. 445.
12. Цит. по: Чикобава А. Когда и как это было... С. 12.
13. Подробнее об этом см. статью С. Б. Бернштейна// Советское славяноведение. 1989. № 1.
14. Известия. 1928. 23 мая.
15. Я бы хотел, чтобы у читателей не создалось впечатления, что Николай Яковлевич был суперчиновником от науки, специально ставившим себе целью занять максимальное число постов. Его знали, любили и уважали многие прежде всего как увлеченного ученого. По свидетельству одного из учеников Марра, проводить его в последний путь пришли десятки тысяч людей:

«...В декабре 1934 г. гроб Н. Я. Марра вынесли из... Мраморного дворца (где размещалась ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры, руководителем которой с самого основания был Н. Я. Марр, а ныне располагается музей В. И. Ленина: ул. Халтурина, д. 5. — *М. Г.*), и процессия шла через центр города по Невскому проспекту в бывшую Александро-Невскую лавру. До *70 тысяч* трудящихся — научных работников, учащихся, воинских частей шли за гробом...» (Мегрелидзе И. В. От большого дерева большие щепки летят. Рукопись воспоминаний. Тбилиси. 1988. С. 8. Хранится в архиве «Литературной газеты»).

Здесь необходим небольшой комментарий. В числе откликов на статью в «Литературной газете» в декабре 1988 года в редакцию поступило подробное письмо-воспоминание доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки ГССР, профессора И. В. Мегрелидзе под названием «От большого дерева большие щепки летят». Оно было интересно не только критикой ряда положений моего очерка (совпавшей и по духу, и по времени с некоторыми другими письмами), а любопытными свидетельствами и фактами. Это тем более интересно, что сам И. В. Мегрелидзе подчеркивает свою близость Н. Я. Марру (что подтвердилось и в ходе перепроверки письма из Грузии):

«...Я был одним из самых близких учеников Н. Я. Марра на последнем этапе его жизни, встречался с ним в Тбилиси, имел переписку, регулярно встречался в Ленинграде, систематически слушал его лекции в ИЯМе, ГАИМКе и в двух ВУЗ-ах (я сохраняю орфографию автора. — *М. Г.*), не-

редко ассистировал ему, сопровождал и присутствовал на его беседах с должностными лицами, в основном через меня проходила переписка Н. Я. Марра с учеными Закавказья, мне же довелось разбирать его архив и издавать ряд его работ, и потому я помню много того, что мало кому известно. Мне, человеку почти 80 лет, совестно говорить неправду, но чтобы не было сомнения в моих словах, привожу документальные данные, в основном, хранящиеся в архивах...» (Мегрелидзе И. В. От большого дерева большие щепки летят... С. 1—2).

Некоторые из фактов, приведенных профессором Мегрелидзе, несмотря на спорность и субъективность их интерпретации автором воспоминаний, возможно, будут интересны и читателям моей книги. Поэтому несколько раз позволю себе сослаться на эти мемуары, — тем более, что сам грузинский ученый в сопроводительном письме, их предварявшем, отметил: «Я... решил подробно высказаться для редакции и истории (37 стр. машинописи), а для печати прошу выбрать Вас самих, что необходимо» (Мегрелидзе И. В редакцию «Литературной газеты»: письмо от 27.XI.1988. Тбилиси. Хранится в архиве газеты).

16. Подробнее с историей появления 4-х элементов вы можете познакомиться, прочитав статью И. И. Мещанинова во 2-м томе «Языка и мышления».

17. Звегинцев В. А. Что происходит в советской науке о языке... С. 5—6, 10—14.

18. Цит. по: Звегинцев В. А. Что происходит в советской науке о языке... С. 14. Цитата восходит к книге Аптекаря 1934 г. С. 43.

19. Марр Н. Я. К бакинской дискуссии об яфетидологии и марксизме. Баку, 1932. С. 44.

20. Сталин И. В. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой // Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 35.

21. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 14.

22. Деборин А. М. Новое учение о языке и диалектический материализм // Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 69. *Абрам Моисеевич Деборин* (настоящая фамилия — Иоффе) — один из любопытных персонажей отечественной философии, проживший долгую жизнь (1881—1963). И хотя это относится скорее к истории философской науки в нашей стране, чем лингвистической, приведу хотя бы краткий пример из его бурной и противоречивой биографии. Он упомянут в интервью современного философа Михаила Капустина:

«В 1931 году И. В. Сталин в беседе с руководителями Института красной профессуры впрямую соединил политику с философией, назвав представителей школы Абрама Деборина, определявшей тогда лицо советской философии, „меньшевиствующим идеализмом“. (В 1907—1917 годах Деборин действительно был меньшевиком; большевиком стал в 1928 году, а в 1929-м его избрали академиком.—*М. Г.*). С точки зрения логики, это словесный кентавр, соединение несоединимых частей. Но они, увы, соединяются в системе „однополушарного мышления“... Были репрессированы почти все „меньшевиствующие“, за исключением самого А. Деборина, который жил в эпоху культа в ожидании ежедневного ареста» (Капустин М. Однополушарное мышление: Беседа с Александром Шахматовым // Книжное обозр. 1989. 7 апр. № 14. С. 3.).

Глава 5. Мастера и подмастерья

1. См.: Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова... С. 20—21; Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов... С. 280—281.

2. См.: Вопросы языкознания. 1960. № 1.

3. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр... С. 471.

4. Звегинцев В. А. Что происходит в советской науке о языке... С. 17—18.

5. Наука и научные работники СССР. Ч. II... С. 9.

6. Алпатов В. М. Письмо в «Литературную газету» от 25 мая 1988 г. С. 3—4. Хранится в архиве «Литературной газеты».

7. Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 7. С. 204.

8. Брагинская Н. В. Предисловие. Гл. 2. Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 7. С. 204.

9. Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 8. С. 247.

10. Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 8. С. 249.

11. Яфетическая теория и марксизм: Доклад и прения, состоявшиеся в Исторической Секции Института Марксизма 25 января и 1 февраля 1928 г. // Проблемы марксизма: Статьи и исследования / Ленинградский научно-исследовательский институт марксизма. Л., 1928. С. 243.

12. Вам, вероятно, будет небезынтересно узнать, что Презент в 20-х годах пытался заниматься лингвистикой и даже выпустил книгу о происхождении языка, однако марристы (Аптекарь, Быковский и др.) ее отвергли.

13. Знакомясь с этим разделом нашей книги, ее научный редактор порекомендовал сделать такое примечание: *С. И. Ковалев* (1886—1960) — известный историк-античник, автор школьного учебника древней истории, в 1937 году был арестован, но довольно скоро освобожден.

14. Яфетическая теория и марксизм... С. 283, 284, 288—293.

15. Советская культура в реконструктивный период. 1928—1941 / Отв. ред. акад. М. П. Ким / Институт истории АН СССР. М., 1988. С. 218.

16. Советская культура в реконструктивный период... С. 219.

17. Советская культура в реконструктивный период... С. 579.

18. Советская культура в реконструктивный период... С. 219. О, это был действительно «год великого перелома»: в феврале выдворили Льва Троцкого, в ноябре Бухарина исключили из Политбюро, в сентябре после бегства в Париже советника посольства СССР старого большевика Г. З. Беседовского был принят «закон о невозвращенцах», по которому невозвращение в СССР должно было караться смертной казнью... Перечисление всех подобных фактов, имевших место в 1929 году, заняло бы целую страницу!

19. Русский язык: Материалы для заочной подготовки поступающих в Ленинградский коммунистический университет / Сост. С. Г. Бархударов и В. Н. Птицын. Вып. I. Л., 1929. С. 67—69, 78—81.

20. Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов... С. 78.

21. Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов... С. 74—90.

22. Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов... С. 83—85.

23. Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 7. С. 224.

24. Тем из вас, кто не очень знаком с идейными постулатами рапповцев и пролеткультовцев, приведу один вполне конкретный пример (вдаваться в подробное изложение их платформы просто не могу в силу ограниченности объема книжки). Прочитайте — и, пожалуйста, не отнеситесь к этому как к розыгрышу или шутке — строки, созданные поэтом Джеком Алтаузеном в памятном «переломном» 1929 году:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь, они спасли Расею!
А может, лучше было не спасать?

(Цит. по: Капустин М. П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 4. С. 191).

Случайно не только чуть-чуть «не свернули шею» известному памятнику русским патриотам — буквально благодаря провидению остался радовать нас и наших потомков храм Покрова на рву — собор Василия Блаженного, предложения о взрыве которого совершенно серьезно обсуждались на очень высоком уровне в 30-е годы...

25. Аптекарь В. Борьба за культуру // Октябрь мысли. 1924. № 1. С. 7—8. Выше вы уже познакомились с краткой оценкой феномена «аптекарей», данной О. М. Фрейденберг. А вот как о том же явлении размышляет на страницах современной советской печати народный депутат СССР, председатель Комитета Верховного Совета по науке, народному образованию, культуре и воспитанию академик Ю. А. Рыжов: «Думаю, что нигилистическое, а затем и попросту враждебное отношение к интеллекту сложилось тогда, когда революционный авангард не справился с переключением от разрушения к созиданию, когда ответственность его перед обществом сменилась диктатом лиц, составляющих этот авангард или поспешивших причислить себя к нему. Это произошло, когда возобладала задача удержания власти узкой группой лиц, причем любой ценой, то есть практически произошла подмена идеи.

Лояльность стала измеряться склонностью к разрушению, революционность сменилась псевдореволюционностью вовлеченных, поспешивших примкнуть, часто с далеко не бескорыстными целями. Деклассированная масса — еще не рабочих, но уже и не крестьян — исторгла из себя множество энергичных, но необразованных, не обремененных строгими догматами морали людей, которые быстро сориентировались в ситуации. Они поняли выгоду обретения не непосредственно имущества.., а причастности к внеэкономическому, карточному распределению и перераспределению, то есть, что очень важно, причастности к таким функциям, которые не требовали больших познаний и, как показали прошедшие семьдесят лет, допускали практически безнаказанные злоупотребления, достигшие в наше время просто астрономических масштабов.

Эти-то люди и оказались незаменимыми подручными верховной власти, отбросившей всякие нравственные тормоза и перешедшей к тотальному насилию над несогласными да и над всем обществом в целом». (Рыжов Ю. Спасая библиотеку, мы спасаем нравственность // Советская культура. 1989. 20 июня. С. 2.)

26. Аптекарь В. Б. Н. Я. Марр и новое учение о языке. М., 1934. С. 45. (В молодости Поливанов посещал собрания Союза русского народа, но черносотенцем не был. — *М. Г.*)

27. Левитанский Ю. Стихи // Юность. 1987. № 5. С. 7.

28. Тарханов А. Прощенью не быть // Лит. Россия. 1989. 30 сент. № 39 (1339). С. 6.

29. Сироткин В. Кто же они, троцкисты? // Учительская газ. 1989. 17 окт.

30. Chöld H. Zur Verwandschaflehre. Die Kaukasiche Mode. Lund. 1929. S. 83—84.

31. Это было, впрочем, свойственно не только ученикам Марра. Ср., например, дискуссию об «азиатском способе производства» среди историков в начале 30-х годов и некоторые др.

32. Цит. по: Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова... С. 25.

33. Филин Ф. П. Мой путь в науке / Публикация С. В. Ильинского // Русская речь. 1988. № 2. С. 72, 73, 75.

34. Филин Ф. П. Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языкфронт» // Против буржуазной контрабанды в языкознании. Л., 1932. С. 29.

35. Соловьев В. С. Современное воспоминание // Мелочи жизни. Русская сатира и юмор второй половины XIX — начала XX в./ Сост., вступ. статья и примеч. Ф. Кривина. М.: Худож. лит., 1988. С. 211. (Классики и современники. Рус. классич. лит.)

36. Толстых В. Грех интеллигента... // Сов. культура. 1988. 29 окт. С. 6.

37. Юзбашян К. Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964. С. 152—153.

38. И. А. Орбели прямо писал о своем разрыве с Марром в конце 20-х годов, но фактически почти всегда поддерживал его.

39. Прошунин Н. Предостережение. Заметки из «зала суда» над Б. Л. Пастернаком // Сов. культура. 1988. 29 окт.

40. Искандер Ф. Предисловие к роману Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» // Новый мир. 1988. № 8. С. 5.

Глава 6. Минус тридцать

1. Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 2. Л., 1936. С. 414.

2. Смелянский А. Уход (Булгаков, Сталин, «Батум»). М.: Правда, 1988. С. 6. (Библиотека «Огонек». № 49.)

3. Смелянский А. Уход... С. 7.

4. Гранин Д. Зубр: Повесть. Л., 1987. С. 106.

5. Костиков В. О «феномене Лоханкина» и русской интеллигенции // Огонек. 1988. 3—10 дек. № 49 (3202). С. 6.

Именно те тяжелые времена вызвали к жизни пропитанные болью письма Владимира Короленко:

«Может быть, у вас еще достаточно власти, чтобы повернуть на новый путь. Вы должны прямо признать свои ошибки, которые вы совершили вместе с вашим народом. И главная из них та, что многое в капиталистическом строе вы устранили преждевременно и что возможная мера социализма может войти только в свободную страну.

Правительства погибают от лжи... Может быть, есть еще время вернуться к правде, и я уверен, что народ, слепо следовавший за вами по пути насилия, с радостью просыпающегося сознания пойдет по пути возвращения к свободе. Если не для вас и не для вашего правительства, то это будет благодетельно для страны и для роста в ней социалистического сознания.

Но... возможно ли это для вас? Не поздно ли, если бы вы даже захотели это сделать?» (Короленко В. Письма к Луначарскому. Письмо шестое. 1920. 22 сент. // Своевременные мысли, или Пророки в своем Отечестве / Сост. М. С. Глинка. Л., 1989. С. 45—46).

6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 241.

7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 265.

8. Афанасьев А. Л. Полынь в чужих краях. М., 1987. С. 28.

9. В. И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917—1922 гг.) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 548.

10. В. И. Ленин и ВЧК... С. 548.

11. Цит. по: Афанасьев А. Л. Полынь в чужих полях... С. 29.

12. Афанасьев А. Л. Полынь в чужих краях... С. 29.

13. Мандельштам О. Мы живем, под собою не чуя страны // Юность. 1988. № 8. С. 61.

14. Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // Неделя. 1988. № 26 (1474). С. 7.

15. Борис Пастернак— Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 8. С. 241, 242—243.

16. Правда. 1937. 18 июля. № 196 (7162).

17. Волков О. В ожидании света. Беседа И. Тосунян // Лит. газ. 1988. 19 окт. № 42 (5212). С. 7.

18. Смелянский А. Уход... С. 27.

19. Циолковский К. Э. 1857 — 19/IX—1935: Памятка / Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина и Библиотечная методбаза Массового отдела Ленсовета. Л., 1935. С. 3.

20. Сталин И. В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии (4 мая 1935 г.) // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1947. С. 490—491.

21. Медведев Р. Наш иск Сталину // Моск. новости. 1988. 27 нояб. № 48. С. 8—9.

22. Бердяев Н. Русский культурный ренессанс начала XX в. Глава из книги «Самопознание» // Книжное обозр. 1988. 30 дек. № 52. С. 10.

23. Флоренский П. Ближе к жизни мира // Сов. культура. 1988. 3 нояб. С. 6.

24. Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры // Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры. Сборник. М.: Правда, 1989. С. 10.

25. Осипова М. Интеллигентным прикинуться нельзя // Лит. Россия. 1988. 11 нояб. № 45 (1354). С. 4.

26. Тех, кто заинтересуется «делом славистов» подробнее, отсылаю к упомянутой мною в примечаниях к гл. 4 статье С. Б. Бернштейна.

27. Филин Ф. П. О двух направлениях в языковедении // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. VII. Вып. 6. М.; Л., 1948. С. 494.

28. См. библиографический список трудов А. М. Селищева в кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 634.

29. Относительно даты ареста Е. Д. Поливанова существует несколько версий. Нередко называют март 1937 года. Однако наиболее достоверной следует, вероятно, считать пока 1 августа 1937 г. (см.: Советская Киргизия. 1988. 24 мая). Совсем недавно по материалам следственного дела эту дату подтвердил Ф. Д. Ашнин.

30. Говоря о потерях, нанесенных сталинщиной лингвистике, репрессиях, стоит снова вспомнить о Мещанинове, который в течение всего периода с 1934 по 1948 г. по мере возможности старался смягчить обстановку. В. М. Алпатов, работая с текстом моей книги, подчеркнул, что 1937 год на институте Мещанинова почти не сказался, а там были собраны многие серьезные лингвисты, часто лишь на словах признавшие Марра.

31. Гусейнов А. Дети большой беды // Ветеран. 1988. 10—16 окт. № 41. С. 7.

32. Причем Сперанский, как это известно теперь по некоторым публикациям, например С. Б. Бернштейна, вскоре был отдан на поруки брату, но не реабилитирован.

33. Здесь необходимо, впрочем, сделать небольшое уточнение: имя Поливанова, по крайней мере после войны, не было абсолютно запретным. Востоковеды (китаисты, японисты, кореисты) ссылались на его работы. Была «пущена» версия, что Поливанов был арестован будто бы «за наркотики», а не по 58-й статье, поэтому упоминать о нем (с политической точки зрения) можно. Так утверждал, например, А. А. Драгунов. Кстати говоря, на репрессированных Дурново и Ильинского в 30-е и 40-е годы тоже ссылались, в том числе — Филин.

34. Образный и, как мне кажется, точный комментарий этой неожиданной метаморфозе дает публицист Вячеслав Костиков:

«Страху, нищете, голоду, политическим процессам, охоте на вредителей, лагерным и заводским баракам нужен весомый противовес. Противовесом этим уже не может быть ни мясо, ни молоко, ни яйца, ни мануфактура, ни обувь. Все это уже переходит в категорию вечного дефицита. Искусственное „изобилие“ елисеевского гастронома с икрой, селедкой „залóм“, с белорыбицей поддерживается мизерной зарплатой миллионов рабочих и крестьян.

Но в резерве власти оставалось уже испытанное средство — идеология. Средство это почти не требовало капиталовложений, но при умелом пользовании давало почти незамедлительный результат.

На этот раз из „широких штанин“ Сталин вытащил еще недавно „запретное оружие“ — русский патриотизм. Еще недавно, отмежевываясь от собственной истории, велели ей начинаться с октября 1917 года, еще недавно отправляли на свалку истории „народы, царства и царей“. Теперь же потребовались „великие предки“: Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр I, Иван Сусанин, гражданин Минин и князь Пожарский. Прославлять отечество стало не только позволительно, но и похвально. Равно как похвальным становится и принижать и даже высмеивать другие государства и народы» (Костиков В. Концерт для глухой вдовы // Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры. С. 18).

35. Филин Ф. П. Мой путь в науке. С. 77.

36. Костиков В. Концерт для глухой вдовы... С. 22.

1. Интересный, аргументированный, хотя и краткий, анализ истории советской философии, которой уготовано было стать «не просто идеологией бюрократическо-командной системы, а именно авторитарной идеологией, с присущими ей культом Вождя, бездумной верой в мудрость принимаемых им решений, с утверждением насилия как единственного, „исторически закономерного" пути воспитания Нового Человека» вы можете найти в статье кандидата философских наук, старшего научного сотрудника Института философии АН СССР Александра Огурцова (Огурцов А. Подавление философии // Общественные науки. 1989. № 3. С. 161—183).

Достаточно подробно (для журнальной статьи!) пишет А. Огурцов и о философской дискуссии 1947 года:

«В послевоенный период пересмотр оценок немецкого идеализма и всей домарксистской философии продолжался. В 1945 г. выходит книга Г. Александрова (ранее возглавлявшего Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а затем ставшего директором Института философии АН СССР) „История западноевропейской философии", которая, по сути дела, была учебным пособием по истории философской мысли, причем пособием, весьма схематичным и неудовлетворительным. Однако по этой единственной историко-философской книге, выпущенной в послевоенные годы, устраивается сначала первая дискуссия, которая не удовлетворила Сталина, а затем и вторая, на которой выступил Жданов. Он и признался, что „потребовалось вмешательство Центрального Комитета и лично товарища Сталина, чтобы вскрыть недостатки книги". Дискуссия, проведенная 16—25 июня 1947 г. в Институте философии АН СССР, по духу была весьма далека от научной полемики. На ней господствовал привычный стиль идеологического разоблачительства, брани, навешивания политических ярлыков и обвинений в адрес одного из бывших „приближенных". Очевидно, первоисток проведения второй дискуссии — не в достоинствах или недостатках книги, а в том, что Сталин и его подручные не могли допустить, чтобы кто-то притязал на лидерство в философии. Необходимо было уничтожить даже не „фронду", а последний островок философской работы, иссушить историко-философские искания, навязать истории, философии схему, далекую от реального историко-философского процесса, подчинить ее установкам „гениального мыслителя всех времен и народов". Это и было осуществлено в выступлении Жданова, развязавшего идеологическую вакханалию вокруг довольно-таки „серой" книги.

Сам факт проведения дискуссии по историко-философской тематике в первые послевоенные годы производил и производит до сих пор какое-то фантасмагорическое впечатление. Громадные территории страны лежали в развалинах, тысячи поездов с зеками, „шарашки", в которые согнаны лучшие интеллектуальные силы страны, разгул бериевщины... И в это время партийное и идеологическое руководство разворачивает дискуссию по истории философии!» (Огурцов А. Подавление философии... С. 179).

2. Вот мнение по этому поводу публициста В. Костикова; думаю, с ним можно согласиться:

«Чем кровавее годы, тем громче велят звучать патриотическим фанфарам. Борьба с космополитизмом круто замешивается на политике. При этом вся советская символика и фразеология направлены на то, чтобы сплавить воедино образы вождя и Отечества. Сталин, объявивший себя „Лениным сегодня", требовал полной своей идентификации с партией и государством. Всякий, кто осмеливался подвергнуть сомнению этот идеологический софизм, лишался права на существование.

...Кампания борьбы с космополитизмом была лишь одним из эпизодов борьбы Сталина с интеллигенцией. Неприязнь Сталина к интеллигенции не случайна. В силу универсальности своих знаний и своей психологии интеллигенция оставалась тем нервом, который, несмотря на все предыдущие ампутации и чистки, продолжал связывать мыслящую Россию с мыслящей Европой. Чтобы подготовить страну к завершению чистого эксперимента „построения социализма в одной отдельно взятой стране", необходимо было

убить этот „европейский нерв“» (Костиков В. Концерт для глухой вдовы... С. 19—20).

3. Карякин Ю. «Ждановская жидкость», или Против очернительства // Своевременные мысли, или Пророки в своем Отечестве / Сост. М. С. Глинка. Л., 1989. С. 146—147.

4. Капустин М. Г. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988, № 5. С. 155.

5. Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде // Звезда, 1946, июль — август. № 7—8. С. 13, 15, 17, 21, 22.

6. Цит. по: Капустин М. Г. От какого наследства мы отказываемся?.. С. 155.

7. Малышева-Виноградова Н. М. Страницы жизни В. В. Виноградова // Русская речь. 1989. № 4. С. 83—88.

8. Сердюченко Г. За самокритику в советском языкознании // Лит. газ. 1947. 17 дек.

9. Сердюченко Г. За самокритику в советском языкознании...

10. Обсуждение работы журнала Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1948. Т. VII. Вып. 5. С. 464.

11. Обсуждение работы журнала... С. 464.

12. Очередные задачи советского языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1948. Т. VII. Вып. 5. С. 466.

13. Казарян С. Лингвистические исследования в Советской Армении (некоторые выводы) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1948. Т. VII. Вып. 5. С. 463.

14. Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 9. С. 247.

15. Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 9. С. 238, 247.

16. Соловьев В. Когда был остановлен русский путь и как на него вернуться. (По поводу «Заметки о внутреннем состоянии России» К. С. Аксакова) // Наше наследие. 1988. № 2. С. 82.

17. Гольдин Л. Голос — каждому, гласность — всем // Сов. культура. 1988. 16 февр. С. 3.

18. Филин Ф. П. Мой путь в науке... С. 78.

19. Филин Ф. П. О двух направлениях в языковедении... С. 491.

20. См.: Юность. 1988. № 12 и др. варианты этой публикации.

21. Галич А. Памяти Б. Л. Пастернака // Вечерняя Москва. 1988. 17 сент.

22. XIX партийная конференция. Выступление Бориса Олейника // Лит. газ. 1988. 6 июля. № 27 (5197). С. 6.

23. Колхозная запевка // Комс. правда. 1989. 1 апр.

24. Резолюция Ученого совета Института языка и мышления им. Н. Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, принятая 22 октября 1948 г. по докладу акад. И. И. Мещанинова «О положении в лингвистической науке в связи с постановлением Президиума АН СССР „О состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук СССР“» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1948. Т. VII. Вып. 6. С. 497—499.

25. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр... С. 511.

26. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр... С. 3.

27. Чикобава А. Когда и как это было... С. 11.

28. Чуковская Л. Софья Петровна. Спуск под воду: Повести. М., 1988. С. 153.

29. Сенкевич-Гудкова В. В. Д. В. Бубрих как исследователь финно-угорских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 3. С. 190.

1. Звегинцев В. А. Что происходит в советской науке о языке... С. 18. Однако полной уверенности в достоверности этой истории у меня нет: необходимы дополнительные факты и перепроверка (относится к событиям 1950 г.?).

2. Чикобава А. Когда и как это было... С. 13—14.

3. Чикобава А. Когда и как это было... С. 12.

4. Дзокаева Т. Последняя жертва: Заметки экономиста // Правда. 1988. 6 мая. № 127 (25479). С. 3.

5. Слуцкий Б. Ненумерованные сны // Моск. комсомолец. 1987. 27 марта.

6. Правда. 1950. 9 мая.

7. Академик Мещанинов И. За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра // Правда. 1950. 16 мая.

8. Проф. Филин Ф. Против застоя, за развитие советского языкознания // Правда. 1950. 30 мая.

9. Капанцян Г. О некоторых общелингвистических положениях Н. Марра // Правда. 1950. 30 мая; Серебренников Б. Об исследовательских приемах Н. Я. Марра // Правда. 1950. 23 мая.

10. Травля Б. Серебренникова началась еще в конце 1949 года в связи с выступлением Бориса Александровича против учения Марра на кафедре классической филологии МГУ и велась одновременно как по административной линии, так и по линии «общественных организаций». Следует заметить, что в ходе самой сталинской дискуссии «решающих» оргвыводов не делали, так как исход ее был неясен. Например, приказ об увольнении П. С. Кузнецова из Института русского языка, подготовленный в начале мая 1950 года, пролежал «под сукном», не вступая в силу, до самого 20 июня — до дня, когда он уже потерял смысл...

Увы — мы бессильны перед Временем: в феврале 1989 года 74-летний академик Борис Александрович Серебренников ушел из жизни. Разыщите «Литературную газету» за 22.03.1989 г.: ученые-языковеды и литературоведы в некрологе, посвященном Б. А. Серебренникову, кратко рассказывали о его жизни, найдя точные, честные и человечные слова.

11. Впрочем, в известной мере осторожничал и сам Чикобава. Так, критика идеи «надстроечности» языка отнюдь не доводилась им до ее полного отрицания:

«Постановка проблемы о надстроечном характере языка в яфетической теории Н. Я. Марра правильна только в общем, так как специфика языка как надстроечной категории в учении Н. Я. Марра затушевывается, подход к разнообразным фактам языка не дифференцируется. У акад. Н. Я. Марра не конкретизированы даже вопросы, на которые должна быть расчленена проблема.

Советской лингвистике предстоит большая кропотливая работа, чтобы надлежащим образом расчленить эту сложную проблему, выявить специфику языка как надстроечной категории, проследить все возможные формы зависимости языка от производства» (Проф. Чикобава А. О некоторых вопросах советского языкознания // Правда. 1950. 9 мая).

12. Медведев Р. Юрий Трифонов — писатель и человек // Горизонт. 1988. № 11. С. 61.

13. Булаховский Л. На путях материалистического языковедения // Правда. 1950. 13 июня.

14. Например: Санжеев Г. Либо вперед, либо назад // Правда. 1950. 23 мая; Кудрявцев В. К вопросу о классовости языка // Правда. 1950. 13 июня; Никифоров С. История русского языка и теория Н. Я. Марра // Правда. 1950. 13 июня.

15. Проф. Черных П. К критике некоторых положений «нового учения о языке» // Правда. 1950. 20 июня.

16. Возможно, в меньшей мере это замечание относится к Г. С. Ахвледиани (Марр про его работы говорил: «Это хуже, чем контрабанда»), выступившему 27 июня в «Правде» со статьей «За ленинско-сталинский путь раз-

вития советского языковедения», безусловно написанной до 20 июня. Ср. его признание праязыка вопреки Сталину. Г. С. Ахведиани после Поливанова, пожалуй, был самым злым врагом Марра — еще с 20-х годов...

17. Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании // Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 27.

18. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания... С. 8, 11, 17, 24, 26, 27, 28, 29.

19. Баткин Л. Тайна сталинской логики // Моск. новости. 1989. 15 янв. № 3. С. 12.

20. Большинство сотрудников осталось; уволено 13 человек.

21. Филин Ф. П. Мой путь в науке... С. 78.

22. Токарев С., Горбунов А. Была команда ЦДКА... // Дружба народов. 1988. № 8. С. 91.

23. Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания // Дружба народов. 1988. № 9. С. 251.

24. Разумеется, об А. А. Реформатском стоило бы сказать больше. Это был последовательный и бескомпромиссный противник Марра, ни разу (в отличие, например, от В. В. Виноградова) не «покаявшийся» в 1948—1950 годах. Без всякого сомнения это явно значительнее и важнее даже обильного цитирования Сталина, явно перевешивает его. Если вас заинтересует жизнь и судьба Александра Александровича, советую обратиться, в частности, к воспоминаниям Наталии Ильиной — блестящего русского публициста и мемуариста, его вдовы. (См.: Октябрь. 1985. № 2.)

25. Виноградов В. В. О трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания. М.: Правда, 1951. С. 78, 80

26. Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». 2-е изд., доп. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 408, 424.

27. Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина... С. 381—382. Любопытную «литературную» ассоциацию в связи со славословием «великому вождю мирового пролетариата и всего передового человечества» привел в своем документальном повествовании об О. Б. Лепешинской и ее сумасбродной теории «живого вещества» Я. Рапопорт. Но дело здесь, разумеется, вовсе не в литературе. Я. Рапопорт совершенно справедливо замечает, что славословие Сталину было не только привычным атрибутом его культа, но зачастую хитрой и действенной системой обороны и нападения для тех ученых, которые к нему прибегали:

«Таким славословием заканчивались многие доклады того времени и многие выступления. Это был своеобразный демагогический щит любого невежества, огораживающий автора от объективной научной критики и вызывавший гром аплодисментов, как случилось и тогда. (Я. Рапопорт рассказывает о докладе О. Б. Лепешинской на совещании в Отделении биологических наук СССР АН СССР, состоявшемся 22—24 мая 1950 года по теме „Проблема живого вещества и развития клеток“; в конце доклада Лепешинская долго превозносила Сталина. — *М. Г.*) Попробуй после этого грома покритикуй! Прием для того времени трафаретный и беспроигрышный. Им же пользовалась чеховская жена пристава. Когда муж начинал ругаться, она садилась за рояль и играла „Боже, царя храни“. Пристав умолкал, становился во фронт и подносил руку к виску». (Рапопорт Я. Недолгая жизнь «живого вещества» // Своевременные мысли, или Пророки в своем Отечестве / Сост. М. С. Глинка. Л.: 1989. С. 137).

28. Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина... С. 3.

29. Абрамов Ф. Пути-перепутья... С. 56—57.

Глава 9. Сталин: «...К этому делу я имею прямое отношение»

1. Хорев А. Нарком Ворошилов // Красная Звезда. 1989. 14 янв. С. 4.

2. Лисичкин Г. Мифы и реальность: Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11. С. 183.

3. Лисичкин Г. Мифы и реальность... С. 184.

4. XVI съезд ВКП(б): Стенографич. отчет. М., 1931. С. 598—600.
5. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М.: Правда, 1938. С. 329.
6. Лисичкин Г. Мифы и реальность... С. 184—185.
7. Как я стал «последней жертвой»: Участник дискуссии с И. Сталиным экономист Л. Ярошенко рассказывает о своей судьбе. Запись А. Никитина // Правда. 1989. 29 сент.
8. Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. С. 239.
9. Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры... С. 4—5.
10. Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании // Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Правда, 1950. С. 28.
11. Цит. по: Драбкина Е. Раздумья в Горках // Новый мир. 1989. № 1. С. 34.
12. Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании. С. 3.
13. Симонов К. Глазами человека моего поколения. (Размышления о И. В. Сталине) // Знамя. 1988. № 4. С. 77.
14. Капустин М. П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 5. С. 154—155.
15. Иванов В. Воскрешаемая культура // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 584.
16. Турбин В. На рубеже молчания // Дружба народов. 1989. № 8. С. 228.
17. Турбин В. На рубеже молчания... С. 229.
18. Elleinstein J. Histoire de l'URSS. T. IV. L'URSS contemporaine. P.: Editions sociales. 1975. P. 73
19. Чикобава А. Когда и как это было... С. 13.

20. Профессор Мегрелидзе считает, что многочисленные неприятности Н. Я. Марра в начале 30-х годов, равно как и разгром Сталиным марризма в 1950 году, были частично инспирированы Л. П. Берия. Вот что, в частности, пишет он в некоторых разделах своих мемуаров *:

«По инициативе Марра и поддержке правительства, в мае 1930 года в Грузии был создан Институт науки, который в сентябре перерос в Академию наук Грузии. Ее президентом был избран Н. Марр. Она просуществовала почти полгода, а потом ее закрыли. Виновником этого Марр счел Берия и высказал недовольство в его адрес. Это дошло до Берия, и он начал притеснять Марра и его сторонников.

...Сам А. Чикобава и его сторонники до 1953 года гордились тем, что С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, А. Чикобава, В. Топуриа, Г. Ахвледиани, А. Шанидзе в феврале 1937 г. вызвал к себе Берия. Во время этой встречи Чикобава заговорил о том, что им мешают работать сторонники позиции Марра, на что Берия ответил: „Никто этого не посмеет, пишите и печатайте!..“ Тогда же А. Шанидзе одним из своих ответов не совсем удовлетворил Берия... Потом они же гордились этим приемом и замечали, что С. Н. Джанашиа спас А. Шанидзе от беды... Берия учел мнение С. Джанашиа, т. к. тот был его консультантом, так же, как у Сталина консультантом по истории был академик Е. В. Тарле (он был арестован в январе 1931 г. по «академическому делу».— *М. Г.*), которого посадил Ежов по „делу“ Бухарина, но через некоторое время Сталин его освободил.

...Г. Н. Леонидзе (1899—1966, нар. поэт Грузии с 1959 г., акад. АН ГССР с 1944 г., лауреат трех Сталинских премий.— *М. Г.*) к столетию со дня рождения ученого (речь идет о столетии Н. Я. Марра.— *М. Г.*) писал: „Мы со всей убедительностью можем говорить, что без многогранной научной деятельности Н. Марра не были бы на том высоком уровне, на котором они теперь находятся, советское языкознание, кавказоведение, грузиноведение и, в особенности, история грузинской литературы, в частности — руставелология“ (1965 г.).

---

* Орфография и синтаксис источника мною сохранены.— *М. Г.*

Автор цитаты до напечатания прочел ее мне и заметил: «В выступлении Сталина против Марра замешан провокатор Берия. По одному вопросу он подослал к Сталину его старого друга Кавтарадзе С. И. (...) и чтобы Сталин не заподозрил, что гость — подосланное лицо, он шепнул: «Берия — злая личность», на что Сталин ответил: «Умный пастух любит злую собаку!». В этом эпизоде ясно виден характер Сталина.

...В 1927 г. при поддержке руководителя Абхазии Н. Лакобы, Н. Марр создал Академию абхазского языка и литературы. Ею руководили Марр и духовные отцы абхазов Д. И. Гулиа и А. М. Чочуа. Абхазоведческие труды Н. Марра объединены в сборнике автора «О языке и истории абхазов» (М.; Л., 1938, 440 с.). Ученики Н. Марра А. К. Хашба и В. И. Кушба были репрессированы, а Д. Гулиа и А. Чочуа обескрылены тем, что у первого посадили зятя, а у второго — сына. Это все было делом рук Берия, который не ладил с абхазами.

...Известно, что в это время (автор рассказывает о начале 30-х годов. — *М. Г.*) вопросами строительства языков СССР руководил Н. Я. Марр (это далеко не так! — *М. Г.*). В 1918 г. по указанию В. И. Ленина для малых народов, в частности для тех, которые пользовались арабским алфавитом, ввели латинский алфавит («латиницу»), а не русский алфавит, т. к. первый сочли более интернациональным (в 20-х и начале 30-х годов, а не в 1918-м. — *М. Г.*).

13 или 14.X.1933 г. в Москве, в Наркомпросе РСФСР, которым руководил А. С. Бубнов, комиссия под руководством председателя ЦИКа М. И. Калинина приняла решение заменить латинский алфавит у малочисленных народов СССР русским алфавитом. По настоянию Н. Марра, грузинский и армянский алфавиты остались... Марр мотивировал это тем, что народы нельзя оторвать от их культурного прошлого; у армян и грузин имеется более чем по 10 тысяч древних рукописей, а переписка или переиздание их на новом алфавите связана с уймой расходов...

Н. Марр 15.X.33 г. вернулся в Ленинград, созвал расширенное заседание ученого Совета. Он обратился к Л. В. Щерба и сказал: «Имеем неотложное задание — «латиницу» у более 40 советских народов заменить русским алфавитом».

В это время Марру принесли письмо. Марр его просмотрел, положил в карман, снизил голос и обратился ко мне: «Звоните жене» — а что сказать, не договорил и упал на пол. (Из ныне живых там были: В. И. Абаев, Ш. В. Дзидзигури...)

Вызвали скорую помощь, я позвонил профессору И. Ю. Джанелидзе. Первым явился профессор Военно-Медицинской академии М. И. Аствацатуров, а потом и другие. Установили, что у больного кровоизлияние в мозг, его нельзя двигать с места. Ему подложили матрац и он пролежал там 8 дней. Лишь потом его перевезли в Свердловскую больницу.

Письмо было от Берия, такого содержания: «Будьте в Москве, звоните товарищу Сталину, он Вас примет». (Оно хранится в Архиве АН СССР, в фонде 800).

Адресат позже сказал мне, что по прочтении письма у него мелькнула мысль: Сталин повторит то, что ему (Марру) после совещания у Калинина сказал один из присутствующих: «Вы провалили унификацию письма в СССР».

...В больнице Марр поправлялся. Один врач шепнул ему, что для лечения ему было бы полезно поехать в Париж. Марр высказал врачам пожелание поехать в Испанию с женой и в моем сопровождении, с целью, чтобы я там занялся баскским языком. В этом ему отказали и 1.IV.1934 отправили вместе с женой в Крым, куда я сопровождал их только до Москвы... В Москве их до поезда в Крым приютили Анна Михайловна Ларина и ее супруг Н. И. Бухарин. В гостях Марр заметил на груди жены золотой крест на цепочке и сказал ей: «Саша! Ты не понимаешь, где мы находимся, сними крест и выбрось его в туалетную раковину, чтобы его унесла вода!..

В Крыму они находились до конца мая... Вернулись и несколько дней находились дома, а потом больного поместили в Бехтеревскую больницу, где в коридоре шумели больные. Марр протестовал и требовал немедленно вер-

нуть его домой или направить в Свердловскую больницу. Его не послушали, что очень тяжело на него подействовало. Он бил себя кулаком по голове и говорил: «Куда меня поместили!..» На самом деле, ему там нечего было делать, он лежал бесшумно и не двигаясь с закрытыми или полузакрытыми глазами, рассуждал абсолютно нормально. Меня и теперь не покидает мысль, не было ли все это подстроено по указанию свыше, в частности по указанию Берия, который знал, что Марр им недоволен?!..

...Следует учесть, что выступление И. В. Сталина против Н. Я. Марра (газ. «Правда». 1950. VI. 20) обусловлено не только научными интересами, но и наушничеством со стороны авантюриста Берия, который хотел заменить Марра своим кандидатом. Бывший заместитель Берия по МВД П. А. Шария, после освобождения от изоляции, в 1975 г. работавший вместе с нами в Институте грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР в Тбилиси, рассказал мне: «Еще в 1948 г. я убеждал Сталина, что Марр грешит в марксизме».

Сталин мне ответил: «Кто этого не знает, но снять голову с Марра, на чьи плечи ее поставить?!

— Я, — продолжал Шария, — назвал кандидатуру... (А. С. Чикобава). Сталин изрек: «Слон и моська!»...

«Далее, — говорит опять Шария, — ученики Марра же повредили Марру тем, что его имя приобщили к именам классиков марксизма и писали: «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и Марр...»

Именно этого не потерпел Сталин и обрушился на Марра. ...Чикобавщина создала в Грузии такую обстановку, что Грузинская советская энциклопедия статью о Марре заказала не тем, кто хорошо знал его жизнь и работы, а людям, которые его, по существу, не знали. Когда на редколлегии Грузинской советской энциклопедии стоял вопрос о внесении в нее статьи об акад. И. И. Мещанинове, А. Чикобава сказал: «Нет необходимости...» И о нем, хотя бы как о кавказоведе, не упомянули! Зато поместили статьи обо всех, кого захотел А. Чикобава. Мещанинов сделал много добра А. Чикобаве, но тот не простил ему одного эпизода из своей биографии, о чем И. И. Мещанинов вспомнил в 1960 году. «В 1952 г. А. Чикобава явился ко мне на квартиру даже без предварительного звонка и сказал: «Готовится пополнение Академии наук на 1953 год, мне хотелось бы знать о Вашей позиции обо мне». Я ответил ему, что один мой голос не решит вопроса, все зависит от других членов Совета. Чикобава сказал, что Берия вызвал 1-го секретаря Моск. комитета КП(б) и предупредил его о том, что готовятся выборы в Академии, есть предложение провести А. Чикобаву. Секретарь ответил, что это зависит от голосующих, на что Берия заявил: «Значит, не умеете работать, подавайте заявление об уходе». Мещанинов добавил: «Он хотел запугать меня именем Берия». (Мегрелидзе И. В. От большого дерева большие щепки летят... С. 28—29, 11—12, 3, 20, 31—32, 33, 36).

21. Heller M. la machine et les rouages. La formation de l'homme soviétique. Paris: Calmann—Lévy. 1985. P. 290.

22. Симонов К. Глазами человека моего поколения. (Размышления о И. В. Сталине) // Знамя. 1988. № 3. С. 62.

23. Симонов К. Глазами человека моего поколения... С. 83—84.

24. Плутник А. Тоска по будущему в духе прошлого // Известия. 1988. 17 дек.

25. Лиханов Д. Кома // Огонек. 1989. 14—21 янв. № 3 (3208). С. 30.

26. Федоренко Н. Ночные беседы // Правда. 1988. 23 окт. С. 4.

27. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман-анекдот // Юность. 1988. № 12. С. 36.

28. Вот какой характерный факт приводит в сборнике своих историко-публицистических очерков журналист Анатолий Головков:

«В 1948 году произошел пожар на борту теплохода „Победа“.

„Победа“ загорелась недалеко от крымских берегов при возвращении в Одессу. Несколько десятков человек погибло во время пожара, многие скончались от ожогов в больнице. В числе погибших оказался китайский полководец Фынь Юйсянь, которого Мао Цзедун пригласил из американской эмиграции в Китай, намереваясь доверить ему командование вооруженными сила-

ми. Дело приняло политическую окраску, назревал скандал. Этим не замедлил воспользоваться Берия.

Обстоятельства гибели „Победы" расследовала государственная комиссия. Причины пожара выяснились быстро: киномеханик перематывал в аппаратной пленку для показа фильма, неосторожно закурил, и пленка вспыхнула, как порох. Матрос получил сильные ожоги, но, придя в сознание через четыре часа, перед кончиной, успел объяснить, отчего загорелось судно. Комиссия составила акт, записку и вернулась в Москву. Однако Берию эти выводы не удовлетворили. Он позвонил Сталину: так, мол, и так, не разобрались, врут, по моим данным, теплоход подожгла американская разведка, чтобы уничтожить Фынь Юйсяня и осложнить отношения между СССР и Китаем...» (Головков А. Вечный иск: Очерки М.: Правда, 1989. С. 24—25 (Библиотека «Огонек», № 19). Это имело определенные последствия, хотя в конечном итоге Сталин вроде бы и посмеялся над «липой», сочиненной Берия.

29. Хочу подчеркнуть, что эта версия имеет уязвимые места и не для каждого будет убедительной. Иногда приходится слышать мнение, что в построениях Марра очень силен грузинский (шире — кавказский) национализм; однако, уточним, что Сталин мог (например, «с подачи» Чикобавы) так решить в силу недостатка культуры.

30. Ср.: Версия без аргументов. Беседа А. Дмитрука с доктором медицинских наук психиатром А. А. Портновым // Социалистическая индустрия. 1989. 28 апр.

31. Солнцев В. Нет, язык не на привязи // Московская правда. 1988. 17 марта. В своей небольшой книжке «Притча о ... языцех» (1990 г.) я достаточно резко выразился по адресу заокеанских журналистов, публицистов, не разделяющих моего мнения (и, надо сказать, мнения многих людей) в отношении англоязычного жаргона русской молодежи, который представляет определенную опасность для нашей духовности. И продолжаю считать, что вполне имел на это право. Однако сказанное вовсе не означает, что я противник любой оценки нашей жизни, сделанной человеком «оттуда», якобы потому, что автор ее живет на не всегда понимающем и уважающем нас Западе. Это не так. И в США, и во Франции, и в Бельгии, и в других странах, есть сотни тысяч людей, которые относятся к нам не свысока, а как доброжелательные, заинтересованные партнеры, как настоящие соседи по тому дому, имя которому Земля. Много друзей на Западе и у меня самого. Их взгляд «со стороны» может быть для нас не только интересен, но и полезен.

К числу таких людей следует отнести и Джорджа Сороса, одного из крупнейших американских финансистов, создателя советско-американского фонда «Культурная инициатива». Не так давно, летом 1989 года, Д. Сорос опубликовал в нашем популярном журнале «Знамя» статью под названием «Концепция Горбачева». Читая ее, я обнаружил любопытное наблюдение автора, которое, думается, имеет самое прямое отношение к существу рассуждений В. М. Солнцева. Вот что пишет Д. Сорос:

«Между мыслью и реальностью всегда существует расхождение, но в СССР оно обрело особый характер. В течение многих лет существовала официальная система, в которой и мысль, и реальность управляются догмой. Но параллельно существовал и реальный мир, который сильно отличается от догмы. Людям приходилось делать вид, что этой разницы не существует, кроме того, предполагалось, что люди должны пользоваться догматическим языком так, как будто бы он годится для выражения их жизненных ситуаций. В этом заключается разрыв, с которым советские люди научились сосуществовать, принимая ли его, отвергая или же находя какой-то компромисс...» (Сорос Д. Концепция Горбачева // Знамя. 1989. № 6. С. 176).

32. Миргородская Т. Личное дело Анны Ахматовой // Известия. 1989. 28 сент.

33. Булгаков С. Н. Моя родина: Статьи. Очерки. Письма // Новый мир. 1989. № 10. С. 228—229.

ЧАСТЬ 2

От автора

1. Цит. по: Костиков В. О «феномене Лоханкина» и русской интеллигенции // Огонек. 1988. 3—10 дек. № 49 (3202). С. 7.

2. Оруэлл Д. Подавление литературы // Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет / Пер. с англ.; Сост. В. С. Муравьев; Предисл. А. М. Зверева; Коммент. В. А. Чаликовой. М., 1989. С. 278.

Глава 1. Трагедия Поливанова

1. Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. М., 1988. С. 12.

2. Искандер Ф. Предисловие к роману Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей»// Новый мир. 1988. № 8. С. 6.

3. Каверин В. Трагедия Поливанова // Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов... С. 12—18. (Автором книги сделано примечание, что рукопись воспоминаний хранится в его личном архиве.— *М. Г.*)

Глава 2. Тайна остается тайной

1. Дементьев А. Черный ворон // Собеседник. Июль 1988. № 29. С. 15.

2. Сарнов Б. Заложник вечности. (Случай Мандельштама) // Огонек. 1988. 19—26 нояб. № 47 (3200). С. 30.

3. Ефимов Б. Судьба журналиста. М., 1988. С. 38—39.

4. Ларцев В. Возвращаясь к «незабываемым встречам»... // Ленинский путь. 1988. 10 марта.

5. Ларцев В. Возвращаясь к «незабываемым встречам»...

Глава 3. Тот самый Чикобава

1. Березин Ф. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М., 1975. С. 304.

2. История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия / Сост. Ф. М. Березин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1988. С. 527.

3. Лысенко Т. Д. Теоретические основы яровизации. М., 1936. С. 47.

4. Чикобава А. Когда и как это было // Ежегодник иберейско-кавказского языкознания. XII. Тбилиси. 1985. С. 14—23. Конечно, о многом сейчас уже нельзя узнать дополнительно: документов нет (в ряде случаев — и не было), воспоминаниям же свойствен субъективизм или желание сделать иной, чем у оппонента, акцент на известный факт. Так, например, противоречат друг другу (и причина понятна, поскольку в минувшие эпохи они были антагонистами и врагами) мемуары Чикобавы и Мегрелидзе. Вот хотя бы небольшое доказательство этого. Проф. И. В. Мегрелидзе комментирует отрывок из воспоминаний акад. А. С. Чикобавы:

«Именно здесь (т. е. в «Ежегоднике иберийско-кавказского языкознания». — *М. Г.*) рассказывает А. Чикобава о встречах со Сталиным, но замалчивает известный факт: при первой же встрече, 10 апреля 1950 г. Сталин задал ему вопрос: «Что Вы скажете о „надстроечности" и даже о „классовости" языка?» (Проф. Мегрелидзе не указывает источника информации, сам же он на этой встрече не присутствовал... — *М. Г.*)

А. Чикобава ответил: «Язык надстройка, но не классовое явление». В дискуссионной статье он повторил то же: «Заслугой Марра является постановка проблем о надстроечности языка, но ошибка его в том, что язык он считал классовым явлением» (Правда. 1950. 9 мая.).

А раньше тот же А. Чикобава писал: «Язык в классовом обществе — классовое явление» (см. его учебник «Общее языкознание», III изд., Тбилиси. 1946, с. 32, на груз. яз.).

Впрочем, еще до упомянутой встречи Чикобавы со Сталиным прошел слух: «Сталин сказал, что язык не классовое явление», и Чикобава встал на эту позицию (Мегрелидзе И. В. От большого дерева большие щепки летят... С. 5—6).

Глава 4. Белые одежды лингвистики

1. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. — Киплинг Р. Сказки и др. М.: Дет. лит., 1983. С. 50—51 (Б-ка мировой литературы для детей. Т. 40).
2. Лихачев Д. Мысли о культуре будущего // Известия. 1989. 15 нояб.
3. Яковлев С. Слова и смыслы // Новый мир, 1988. № 11. С. 253-254.
4. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Фонвизин Д. И., Радищев А. Н. Избранное. М., 1984. С. 333.
5. Яковлев С. Слова и смыслы... С. 254.
6. Мещанинов И. И. О положении в лингвистической науке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 6. Ноябрь — декабрь. С. 473—485.
7. Филин Ф. Н. О двух направлениях в языковедении // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 6. Ноябрь — декабрь. С. 486—496.
8. Костомаров В. Г. Путь в науке: Воспоминания о В. В. Виноградове. Запись В. И. Аннушкина // Русская речь. 1989. № 5. С. 98.

Глава 5. Нечто за гранью логики

1. Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6. С. 89.
2. Аджубей А. Те десять лет // С. 99—102.

Глава 6. Не из вторых рук...

1. Русский язык: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979. С. 370.
2. Васинский А. Бука: Случай в Кадоме, или Откуда берется самодеятельный атеизм // Известия. 1989. 28 сент.
3. Хан-Пира Э. И. Воспоминания. Рукопись. Июнь 1988. С. 6. Оригинал хранится в архиве «Лит. газ.».

Глава 7. Начало десталинизации?

1. Супрун А. Е. Ю. А. Карпенко // Бушуй А. М., Колесник В. А. Библиографический указатель по ономастике, славянскому и общему языкознанию. Профессор Ю. А. Карпенко. Самарканд, 1987. С. 5—10.

Послесловие

1. Бурлацкий Ф. После Сталина: Заметки о политической оттепели // Новый мир. 1988. № 10. С. 154.
2. Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 7. С. 85.
3. Огонек. 1989. 9—16 сент. № 37. С. 28.
4. Хрущев Н. С. Воспоминания // Огонек. 1989. 9—16 сент. № 37. С. 28.
5. Нам важно вспомнить, *какой* была та историческая обстановка; ведь не в вакууме, не в башне из слоновой кости жила и развивалась советская наука. В том числе и лингвистика. Надеюсь, что вы уже имели возможность прочитать статью Г. Х. Попова или же таковая вам представится. В любом случае не могу не процитировать нескольких абзацев из ее начала:

«...Помимо общего урока, эпоха Хрущева является для меня своего рода собранием экспериментов. Повышение цен на мясо, повышение пенсий, денежная оплата труда колхозников, программа строительства бесплатного жилья, реакция на Венгрию, отношения с освободившимися странами, внедрение кукурузы, борьба с травопольем, ликвидация министерств, создание совнархозов — да разве все перечислишь! Уникальная энциклопедия гигантского количества интереснейших экспериментов. Только годы революции могут сравниться с этим по богатству опыта.

Но в этой энциклопедии, безусловно, два тома: в белой и черной обложках. Забота о колхозах — и ликвидация личных хозяйств; реабилитация жертв культа личности — и отказ от реабилитации руководителей оппозиции Сталину; возврат в родные места калмыков и ингушей — и отказ в этом немцам и татарам; возвращение из лагерей жертв — и защита от суда их палачей; провозглашение материального стимулирования как основы хозяйствования — и курс на развитие общественных фондов потребления; борьба за мир — и взрыв водородной бомбы на Новой Земле; меры по усилению демократизма — и вывод руководителей партийного аппарата из-под пресса подлинных выборов (плюс такие жуткие примеры, как расстрел мирной демонстрации рабочих в Новочеркасске в 1962 году! — *М. Г.*).

Я все время пытаюсь подвести какой-то баланс, но так и не могу в обобщенных характеристиках преодолеть вывод двух типов.

С одной стороны, Хрущев спас административный социализм от кризиса венгерского типа, который позднее стал бы итогом культа личности. Хрущев заблаговременно открыл клапаны и выпустил пар, спас партийный аппарат от расплаты за преступления Сталина.

Более того, Хрущев, по существу, создал стартовую площадку для перехода административного социализма от модели типа культа личности к модели типа бюрократического социализма.

Хрущев не решился отступить от концепции административного государственного социализма, рожденного в реальностях 1917 года. Он верил в то, что этот тип социализма может перерасти в полный коммунизм. Он считал, в духе большевизма, что партия должна вести страну. Строй свободных людей не может возникнуть как итог их собственных усилий и поисков, а требует внешнего наставника и попечителя, поводыря в лице аппарата, а сам аппарат требует указаний от его руководителей. И сами по себе массы своего счастья не найдут, заблудятся и запутаются, натворят бед и глупостей.

Почему же мы вновь и вновь вспоминаем преобразования Хрущева и его самого?

Да потому, что именно Хрущев начал критику строя, в котором мы жили и который, как нас уверяли и как верили мы, был лучшим из возможных миров.

...Деятельность Хрущева стала эпохой первого штурма Административной Системы, и она далеко не дальний родственник нашей перестройке» (Попов Г. Два цвета времени, или Уроки Хрущева // Огонек. 1989. 14—21 окт. № 42 (3247). С. 14.).

6. Мартынов И. «Я выбираю свободу...» // Собеседник. Сентябрь 1988. № 37. С. 12.

7. Искандер Ф. Предисловие к роману Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» // Новый мир. 1988. № 8. С. 5.

8. Верность идеалам, а не преданность «вождям»... // Книжное обозр. 1988. 28 окт. № 43. С. 15.

9. Интеллектуальный заряд перестройки. Встреча М. С. Горбачева с деятелями культуры и науки ПНР и СССР // Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Польскую Народную Республику. 1988. 11—14 июля: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1988. С. 156. Заслуга М. С. Горбачева состоит в том, что он нашел в себе мужество совершить этот разумный шаг и, видимо, впервые после Ленина публично признать право инакомыслия на существование. По существу же Михаил Сергеевич

ничего нового, разумеется, не открыл, не сообщил. Ср. тысячи примеров высказываний представителей научной и творческой интеллигенции, появившихся наконец и в печати со времен «начала гласности». Приведу одно из них, достаточно типичное. Оно принадлежит члену-корреспонденту АН СССР, ректору МФТИ Н. В. Карлову:

«Каждый должен иметь право на выражение своей точки зрения. И давно пора отказаться от мысли, будто всякий инакомыслящий — враг. Между прочим, одна из задач гласности как раз и состоит в поляризации общественного мнения, поляризации, необходимой для выработки любого правильного, взвешенного решения (Карлов Н. Нет вопросов, которые нельзя задавать: Беседа с П. Гутионтовым // Известия. 1988. 14 апр.).

10. Гранин Д. Свои «чужие» // Известия. 1989. 14 янв.

11. Костомаров В. Г. Путь в науке: Воспоминания о В. В. Виноградове. Запись В. И. Аннушкина // Русская речь. 1989. № 5. С. 98.

12. Кажется, первым органом советской прессы, который вспомнил о Вадиме Делоне после заметок и информаций советских газет, журналов в рубриках «Из зала суда» и тому подобных «публикаций» конца 60-х годов, стал еженедельник «Собеседник». В июньском номере «Собеседника» за 1989 год был опубликован большой очерк Игоря Мартынова «Пять минут свободы», полностью посвященный Вадиму Делоне. Он начинался следующими строками:

«В литературных справочниках и энциклопедиях его имя отсутствует. Сборник стихов и книга воспоминаний о брежневских лагерях, изданные посмертно в Париже, — вот и все его наследие.

Впрочем, все ли?..

...21 августа 1968 года советские танки вошли в Прагу. 22 августа Александр Галич пишет „Петербургский романс“:

И все так же, не проще
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

25 августа, в полдень, на Красную площадь в знак протеста против танков вышли семь человек (несколько человек — лингвисты. — *М. Г.*). Среди них — с лозунгом «За вашу и нашу свободу» — двадцатилетний поэт Вадим Делоне. В последнем слове на суде он сказал: «Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы» (Мартынов И. Пять минут свободы // Собеседник. Июнь 1989. № 25, С. 10).

13. Фризман Л. Письмо в редакцию еженедельника «Собеседник» // Собеседник. Сентябрь 1988. № 40. С. 5.

14. Фролов В. Чтобы это не повторилось // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 405.

15. Демократизация в нашей стране потребовала и новых правовых актов в отношении государственных преступлений: эти изменения произошли только в 1989 году.

16. Перестройка в КГБ. Интервью члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ СССР В. А. Крючкова корреспонденту газеты «Известия» // Известия. 1989. 26 окт.

Любопытным размышлением в связи с темой, которую условно можно назвать «КГБ и общество», поделился с читателями журнала «Наше наследие» известный и популярный в кругах интеллигенции писатель Андрей Битов:

«Мы говорим о продвижении сил перестройки, но мне почему-то кажется, что чиновничья система в новых условиях мутирует гораздо активнее, чем развиваются силы перестройки. Давайте вспомним: во времена хрущевских разоблачений КГБ как бы ушел на второй план, какое-то время его у нас не было видно и слышно, но потом оказалось, что он в эти годы не сидел сложа руки, он развивался, повышал свой уровень, набирал грамотных людей,

подтягивался и в итоге оказался гораздо более образованным ведомством, чем любое другое» (Битов А. Нам не дано предугадать // Наше наследие. 1989. № 2. С. 3).

17. Коркия В. Сорок сороков: Поэма // Зеркала: Альманах. Вып. 1 / Сост. А. П. Лаврин. М., 1989. С. 96.

18. Сахаров А. С мыслью можно бороться только мыслью. Перестройка и права человека // Приложение к журналу «Новое время». Декабрь 1988. С. 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Вместо введения 8

Часть 1. Сталинский конспект

Глава 1. Встреча на даче Сталина 15
Глава 2. Новые Кириллы и Мефодии 21
Глава 3. «Самый обычный гениальный человек» 29
Глава 4. Сал! Бер! Йон! Рош! 38
Глава 5. Мастера и подмастерья 52
Глава 6. Минус тридцать 73
Глава 7. Новые зерна ветвистой пшеницы 93
Глава 8. «В языкознании познавший толк...» 111
Глава 9. Сталин: «...К этому делу я имею прямое отношение» . . 130

Часть 2. Бронзовые кони

От автора 157
Глава 1. Трагедия Поливанова 159
Глава 2. Тайна остается тайной 165
Глава 3. Тот самый Чикобава 173
Глава 4. Белые одежды лингвистики 184
Глава 5. Нечто за гранью логики 199
Глава 6. Не из вторых рук... 207
Глава 7. Начало десталинизации? 213
Послесловие 220
Примечания 231

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В Издательстве
Университета дружбы народов
в 1992 г.

выходит книга:

А. М. Дубровский.
„С. В. Бахрушин и его время".

Эта книга, знакомящая с жизнью и научной деятельностью видного советского историка, типичного представителя интеллигенции «старой школы», сформировавшегося еще до Октября и много лет изучавшего историю феодальной России, освоение русскими Сибири в XVI—XVIII вв., открывает собой серию научно-популярных изданий «Российские историки и их труды», которую Издательство предполагает выпускать в ближайшее время.

Для широкого круга читателей, специалистов-историков.

Михаил Викторович Горбаневский

В начале было слово...

Малоизвестные страницы
истории советской лингвистики

Редактор *В. А. Калашников*
Худож. редактор *Л. А. Прокопова*
Техн. редактор *Ю. В. Михалева*
Корректоры *Т. С. Боровеева, Е. В. Колчина*

ИБ № 706

Сдано в набор 24.10.90. Подписано в печать 13.03.91. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 16,0.
Усл. кр.-отт. 16,375. Уч.-изд. л. 16,84. Тираж 7000 экз. Изд. № 2227.
Заказ 282. Цена 3 р.

Издательство Университета дружбы народов
117923, ГСП-1, Москва, ул. Орджоникидзе, 3

ПП «Чертановская типография» Мосгорпечать.
113525, Москва, Варшавское шоссе, 129а.